РОБЕРТ СОЙЕР

18+

ОППЕНГЕЙМЕР

АЛЬТЕРНАТИВА

Творческая перестройка фантасмагорической реальной биографии в фантасмагорическую альтернативную историю.

Мартин Дж. Шервин

FANZON

Оппенгеймер. Альтернатива
Роберт Джеймс Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Оппенгеймер. Альтернатива
Действующие лица
Примечание автора
Пролог
Глава 1. 1936
Глава 2. Шесть лет спустя: 1942
Глава 3
Глава 4. 1943
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8. 1944
Глава 9. 1945
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16. Через три недели: Август 1945
Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31 1946
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36. 1947
Глава 37
Глава 38. 1948
Глава 39. 1949
Глава 40. Четыре года спустя: 1953
Глава 41
Глава 42
Глава 43

Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48. 1958
Глава 49
Глава 50. 1959
Глава 51. Через четыре года: 1963
Глава 52
Глава 53. Через два года: 1965
Глава 54. Через два года: 1967
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Благодарности
Библиография
Об авторе

Аннотация

Новая книга Роберта Сойера, лауреата множества премий, таких как «Хьюго», «Небьюла» и «Аврора».

Пока Роберт Оппенгеймер и его команда по Манхэттенскому проекту бьются над созданием атомной бомбы, Эдвард Теллер мечтает о еще более разрушительном оружии, основанном на ядерном синтезе – механизме, который питает Солнце.

Исследования Теллера приводят к ужасающему открытию: к 2030 году Солнце выбросит свой внешний слой, уничтожив Землю.

После бомбардировки Японии и конца войны команда Оппенгеймера, а также Альберт Эйнштейн и Вернер фон Браун объединяются – величайшие научные гении прошлого века начинают войну со временем, чтобы спасти наше будущее.

Наполненный тщательными исследованиями и насыщенный реальными персонажами, роман «Оппенгеймер. Альтернатива» – это захватывающее дух приключение в реальной и альтернативной истории.

«Мне понравилось! Я хорошо знаю историю этого периода и, более того, отделен от многих из персонажей романа всего одним-двумя рукопожатиями. Образы Сойера кажутся мне правдивыми. Рад, что стал одним из первых читателей этой книги!» – Ли Смолин, автор бестселлера «The Trouble with Physics»

«Творческая перестройка фантасмагорической реальной биографии в фантасмагорическую альтернативную историю. Поклонники Оппенгеймера будут заинтригованы». – Мартин Дж. Шервин, соавтор удостоенной Пулитцеровской премии биографии «Американский Прометей: триумф и трагедия Дж. Роберта Оппенгеймера»

«Поистине научно-фантастическое произведение альтернативной истории, основанное на решениях – и открытиях – великих физиков, написавших историю 20-го века: Эйнштейна, Ферми, Гёделя и Оппенгеймера. Ярко воплощенные, глубоко человечные персонажи, населяющие этот роман, дают блестящим размышлениям автора человеческие жизнь и кровь. Я прочитал эту книгу залпом и рекомендую вам сделать то же самое. Теперь же я намерен перечитать ее.

Браво!» – С.М. Стирлинг

«Мне чрезвычайно понравилось! Действительно здорово, даже не замечаешь, как листаешь страницы. Я как попал на крючок в начале, так и оставался до конца. Еще одно прекрасное дополнение к знаменитым книгам Сойера!» – Андре Борманис, продюсер сериалов «Орвилл» и «Космос»

«Искусное и увлекательное сплетение нитей истории с подлинными персонажами середины 20-го века для создания увлекательного вымышленного повествования». – Джем Роллс, автор пьесы «Изобретатель всего» о Лео Силарде

«Сойер блестяще и пронзительно изображает борьбу ученых, которые сами все это затеяли и, следовательно, были вынуждены нести неподъемное бремя». – Джеймс Кристи, председатель проекта «Ploughshares», участник Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия, удостоенной Нобелевской премии мира

«Сойер превзошел самого себя! Никто не смог бы взяться за этот проект с таким энтузиазмом и так углубиться в поиск истины, как этот выдающийся писатель. Я не чи-

тал еще столь полного и захватывающего повествования о жизни и деятельности Оппенгеймера». – Джонас Сол

«Лучшая, на мой взгляд, из всех книг Сойера, с блестящими как исторической, так и научно-фантастической частями. Чрезвычайно умная экстраполяция, которая естественным образом проистекает из исследований, проведенных чрезвычайно умными людьми на пути к развитию атомной эры. И после того, как вы закончите читать роман, эти люди останутся в вашей памяти такими, какими они были на самом деле. Достойный претендент на награду!» – Amazing Stories

«Сойер проделал великолепную работу. Каждый персонаж появляется со страницы, полностью включенным в свою эпоху и неразрывно связанным с остальными. Книга насыщена глубокими эмоциями. Этот прекрасный роман наглядно демонстрирует свою актуальность для современности». – Locus

«Впечатляющее использование научных и исторических деталей и характеристика Сойером самого человека приоткрывают завесу над моральными устоями, гениальностью

и несчастьем Оппенгеймера. Поклонники научной фантастики с удовольствием прочтут эту книгу, в которой, наряду с фактами, содержатся взвешенные беллетристические элементы и фантастические допущения». – Publishers Weekly

«Превосходное сочетание точных научных сведений, альтернативной истории и душевной и умственной жизни одного из виднейших людей 20-го века. Настоятельно рекомендуется». – Sci-Fi Bulletin

«Каждый персонаж в этой книге – реальный человек. И это чистая правда. Даже некоторые диалоги реальны. Это одна из самых впечатляющих книг, с которыми я сталкивался. Я не могу себе представить, сколько исследований ушло на то, чтобы придать каждому персонажу правдоподобный голос и индивидуальность (на самом деле, могу, библиография на моем телефоне занимает 30 страниц), но ведь это Роберт Дж. Сойер, так что, возможно, мне не стоит удивляться. В некотором смысле книга напомнила мне пьесу Майкла Фрейна "Копенгаген" с массой острых ощущений, крутыми ракетами и сценарием конца света в придачу». – Сильвен

Невель

«Можете назвать это альтернативной историей или альтернативной астрофизикой (или и тем, и другим). Какой бы термин ни выбрали, это потрясающая книга». – Эрик Флинт

«Роман столь же обширный, как и физика (и физики), под чьим руководством был запущен оригинальный проект ”Орион“». – Джордж Дайсон, автор книги «Проект Орион: Атомные космические корабли 1957—1965»

«Обилие деталей придает роману Сойера обоснованную правдоподобность, необходимую для того, чтобы осуществить беллетризацию событий, размышляя о внутренней жизни персонажей, значении сделанных ими открытий и их философском влиянии. Сойер использует деловой стиль, напоминающий стиль Айзека Азимова или Бена Бовы, что облегчает ориентирование в повествовании. Результатом стал реалистичный и интригующий взгляд на личность Оппенгеймера и его работу». – Booklist

«Бывают писатели, которые, даже если не пишут одну и ту же книгу снова и снова, пишут очень похожие книги. Не таков

Роберт Сойер, который сочетает огромное воображение с обширными исследованиями. Пишет ли Сойер о динозавре Галилее, неандертальцах-атеистах или о самосознающей Всемирной паутине, он оживляет своих персонажей и мир, в котором они живут. Если у книг Сойера и есть что-то общее, помимо их общего совершенства, так это его забота о морали и определении правильных поступков. В данной книге эта озабоченность отражена в дискуссиях по поводу ядерной бомбы и грядущего сохранения конца света в большом секрете от обычных людей. "Альтернатива Оппенгеймера" понравится любителям исторических романов, действие которых разворачивается в недавнем прошлом. Поклонники альтернативной истории, которые готовы некоторое время подождать возникновения вымышленной сюжетной линии, будут вознаграждены за свое терпение. Читатели, интересующиеся наукой, а также взаимоотношениями ученых, также найдут много интересного». – SFRevu

Роберт Сойер
Оппенгеймер. Альтернатива

Посвящается Алише Суйе, сделавшей лучше и эту книгу, и меня

Robert J. Sawyer
THE OPPENHEIMER ALTERNATIVE

Copyright © 2020 by Robert J. Sawyer

Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© Гришин А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Действующие лица

Луис Альварес (1911–1988) — американский физик, нобелевский лауреат 1968 г.

Степан Захарович Апресян (1914–1995) — советский дипломат и шпион; вице-консул в Сан-Франциско.

Кеннет Бейнбридж (1904–1996) — американский физик, участник Манхэттенского проекта, руководитель испытаний «Тринити».

Ханс Бете (1906–2005) — немецкий и американский физик, нобелевский лауреат 1967 г.

Патрик Блэкетт (1897–1974) — британский физик, куратор Роберта Оппенгеймера в кембриджской Кавендишской лаборатории, нобелевский лауреат 1948 г.

Нильс Бор (1885–1962) — датский физик, нобелевский лауреат 1922 г.

Ванневар Буш (1890–1974) — руководитель Управления научных исследований и разработок США.

Джеймс Ф. Бирнс (1882–1972) — государственный секретарь при президенте Гарри С. Трумэне.

Барбара Шевалье (1907–2003) — первая жена

Хокона Шевалье.

Хокон Шевалье (1901–1985) — американский ученый, профессор французской литературы Калифорнийского университета в Беркли, переводчик на Нюрнбергском процессе.

Роберт Кристи (1916–2012) — американский физик (родился в Канаде).

Артур Холли Комптон (1892–1962) — американский физик, нобелевский лауреат 1927 г.

Эдвард Кондон (1902–1974) — американский физик.

Уотсон Дэвис (1896–1967) — редактор в Обществе научных исследований.

Пир де Сильва (1917–1978) — офицер службы безопасности Манхэттенского проекта.

Вальтер Дорнбергер (1895–1980) — генерал-майор, военный руководитель ракетной программы «Фау-2» нацистской Германии.

Хелен Дукас (1896–1982) — секретарша Эйнштейна, проживавшая в его доме.

Фримен Дайсон (1923–2020) — американский физик (родился в Великобритании).

Альберт Эйнштейн (1879–1955) — швейцарский, а затем американский физик (родился в Германии), нобелевский лауреат 1921 г.

Джордж Ч. Элтентон (1905–1991) — британский

инженер-химик (как некоторое время считали, на самом деле физик), сотрудник калифорнийской фирмы «Шелл девелопмент», завербовавший Хокона Шевалье в интересах СССР.

Уорд В. Эванс (1880–1957) — член комиссии по благонадежности Комиссии по атомной энергии (1954).

Энрико Ферми (1901–1954) — итальянский и американский физик, нобелевский лауреат 1938 г. В 1942 г. осуществил в Чикагском университете первую управляемую ядерную реакцию.

Ричард Фейнман (1918–1988) — американский физик, нобелевский лауреат 1965 г.

Ллойд К. Гаррисон (1897–1991) — американский юрист, представлявший интересы Оппенгеймера перед комиссией по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии (1954).

Курт Гёдель (1906–1978) — австрийский и американский математик и логик.

Гордон Грей (1909–1982) — председатель комиссии по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии (1954).

Лесли Р. Гровз (1896–1970) — генерал, руководитель Манхэттенского проекта.

Бурк Хикенлупер (1896–1971) — сенатор США, один из первых председателей Объединенного

комитета по атомной энергии Конгресса США.

Верна Хобсон (1923–2004) — секретарша Роберта Оппенгеймера в Институте перспективных исследований.

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — директор Федерального бюро расследований.

Дитер Хуцель (1912–1994) — немецкий ракетчик, работавший под руководством Вернера фон Брауна.

Льялл Джонсон (1914–2006) — лейтенант, американский контрразведчик, руководивший оперативным надзором за кампусом Университета Калифорнии, Беркли.

Линдон Б. Джонсон (1908–1973) — 36-й президент США (22 ноября 1963 — 20 января 1969 г.)

Джордж Кистяковски (1900–1982) — американский физик (родился в Российской империи), руководитель отдела обычных взрывчатых веществ в Лос-Аламосе.

Энн Уилсон Маркс (1924–2006) — секретарша Роберта Оппенгеймера в Лос-Аламосе.

Герберт Маркс (1907–1960) — адвокат Роберта Оппенгеймера (и муж Энн).

Кеннет Николс (1907–2000) — подполковник (позднее генерал-майор), д-р философии по гражданскому строительству, помощник генерала

Гровза, позднее — главный управляющий Комиссии по атомной энергии.

Дж. Роберт Оппенгеймер (1904–1967) — американский физик, научный руководитель Лос-Аламосской лаборатории Манхэттенского проекта, директор Института перспективных исследований.

Кэтрин «Китти» Оппенгеймер (1910–1972) — немецкий и американский ботаник, жена Роберта Оппенгеймера.

Кэтрин «Тайк» Оппенгеймер (1944–1977) — младший ребенок Роберта и Китти; в более старшем возрасте — «Тони».

Питер Оппенгеймер (р. 1941) — старший ребенок Роберта и Китти.

Уильям С. «Дик» Парсонс (1901–1953) — заместитель директора Лос-Аламосской лаборатории при Оппенгеймере, участвовал в полете «Энолы Гей» как техник по вооружению; после войны получил звание контр-адмирала.

Борис Паш (1900–1995) — подполковник, офицер военной разведки США, один из командиров миссии «Алсос» в Германии.

Исидор Айзек Раби (1898–1988) — американский физик (родился в Австро-Венгерской империи), нобелевский лауреат 1944 г.

Роджер Робб (1907–1985) — судебный поверенный Комиссии по атомной энергии.

К. Артур Роландер, мл. (1920–2017) — заместитель директора по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии, затем вице-президент «Дженерал атомик».

Роберт «Боб» Сербер (1909–1997) — американский физик, близкий сотрудник Роберта Оппенгеймера.

Рита «Пэт» Шерр (1916–1997) — жена физика Рубби Шерра; нянчила дочь Роберта Оппенгеймера.

Роберт Спроул (1891–1975) — президент Калифорнийского университета, Беркли.

Генри Л. Стимсон (1867–1950) — военный министр США во время Первой и Второй мировых войн.

Льюис Л. Штраус (Стросс) (1896–1974) — председатель Комиссии по атомной энергии.

Лео Силард[1] (1898–1964) — немецкий и американский физик (родился в Венгрии).

Джин Тэтлок (1914–1944) — д-р медицины, американская коммунистка, любовница Роберта

---

[1] Примечания: 1

Фамилию этого выдающегося ученого многие годы передавали по-русски ошибочно: Сцилард. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перевод.*)

Оппенгеймера.

Тед Тейлор (1925–2004) — американский физик (родился в Мексике); работал в Лос-Аламосе, позднее возглавил проект «Орион».

Эдвард Теллер (1908–2003) — немецкий и американский физик (родился в Венгрии), известный как «отец водородной бомбы».

Чарльз Тоуби (1880–1953) — сенатор США.

Гарри С. Трумэн (1884–1972) — 33-й президент США — 12 апреля 1945 — 20 января 1953 г.

Гарольд Юри (1893–1981) — американский физикохимик, нобелевский лауреат 1934 г.

Джозеф Вольпе (1914–2002) — юрисконсульт Комиссии по атомной энергии.

Магнус фон Браун (1919–2003) — младший брат Вернера фон Брауна.

Вернер фон Браун (1912–1977) — немецкий и американский конструктор ракетной техники.

Джон фон Нейман (1903–1957) — американский математик и физик (родился в Венгрии).

Генри А. Уоллес (1888–1965) — вице-президент США при Гарри Трумэне.

Примечание автора

Все персонажи романа являются реально существовавшими историческими персонами; все они, за исключением Питера Оппенгеймера, уже покинули этот мир. Манхэттенский проект и проект «Орион» проводились именно так, как рассказывается в книге, а Институт перспективных исследований существует до сих пор.

Все эпиграфы, предшествующие главам, взяты из опубликованных источников; некоторые диалоги действующих лиц текстуально воспроизводятся по опубликованным воспоминаниям, официальным стенограммам, данным тайной прослушки и звукозаписям и тому подобным источникам.

Именно об этом и пишут романы. Рассматриваются драматический момент и предшествующая биография человека, формирующая его как личность и диктующая ему конкретный образ действий. Вот этим вы здесь и занимаетесь. Вы составляете жизнеописание человека.

И. А. Раби; показания на слушаниях комиссии по благонадежности по делу Роберта Оппенгеймера

Пролог

Какие емкие слова, подводящие итоги жизни Дж. Роберта Оппенгеймера, могли прозвучать перед тем, как урна с его прахом ушла на дно океана?

Возможно, это был бы поэтичный рассказ о не по годам развитом ребенке, который в двенадцать лет прочитал лекцию в респектабельном Нью-Йоркском минералогическом клубе? Может быть, внимание стоило уделить его восхождению к славе «отца атомной бомбы» в 1945 году, а затем посетовать на охоту на ведьм эпохи Маккарти, когда его лишили допуска к секретной информации? Можно было даже добавить пару слов о его якобы спокойном закате, когда он руководил тихим, как монастырь, Институтом перспективных исследований в Принстоне.

А потом Китти Оппенгеймер, миниатюрная алкоголичка, для которой Роберт был четвертым из пяти официальных и неофициальных мужем (но и брак с ним оказался для нее самым продолжительным), уже ничего не говорила, поскольку с неба мириадами бомб обрушился ливень. В

тот монохромный февральский день 1967 года она перегнулась через фальшборт катера, вышедшего от стоявшего на краю пляжа бунгало Оппенгеймеров с нею, двадцатидвухлетней дочерью и двумя друзьями на борту в залив Хокснест, и через несколько секунд выпустила урну из рук.

Удивительно, но урна утонула не сразу. Она еще довольно долго поднималась и опускалась, будто ничего не весила, — сами волны произносили легендарному физику последний синусоидальный панегирик. Но в конце концов вода все же просочилась под неплотную крышку вместилища праха, и оно плавно погрузилось под неспокойную поверхность моря.

Глава 1
1936

Я должен кое-что объяснить насчет Оппи: примерно каждые пять лет у него случался личностный кризис; он серьезно менялся. Скажем, когда я знал его в Беркли, он был романтичным, радикально настроенным человеком богемного типа, вдумчивым ученым…

Роберт Р. Уилсон, американский физик

— Ты приносишь мне несчастье, — сказал Хокон Шевалье. — Надеюсь, ты и сам это понимаешь.

Роберт Оппенгеймер посмотрел на друга, сидевшего рядом с ним на розово-зеленом диванчике в углу гостиной, где шумела вечеринка. Сам Оппи думал совсем наоборот. Хок приносил ему лишь удачу; в том числе благодаря ему он поселился в этом необычном доме на Шаста-роуд.

— Да что ты?

— Да, так оно и есть! Когда я где-то бываю без тебя, то всегда оказываюсь *самым* привлека-

тельным.

Оппенгеймер коротко хохотнул. Шевалье, которому только-только исполнилось тридцать пять, на три года старше его, был красив, как киногерой. Овальное лицо с широко расставленными глазами, зачесанные назад светло-русые волосы делали его похожим на аристократов эпохи Людовика XV, и это впечатление усугублялось галантной манерой поведения, соответствовавшей его фамилии[2].

Оппи знал, что сам вовсе не таков — тощий, долговязый, угловатый, с вечно растрепанными жесткими черными волосами, с походкой неуклюжей, как у утки, — один друг сказал, что он как будто все время падает вперед или, иными словами, кувыркается в будущее.

— Видишь вон ту? — продолжал Хок, указав на девушку чуть заметным кивком. — За все время, пока мы находимся здесь, она ни разу не посмотрела на меня, зато на тебя… — Шевалье покачал головой с наигранным негодованием. — Это все из-за твоих глаз, чтоб им!.. Сверкаешь тут своими опалами…

Оппи привык к комплиментам по поводу сво-

---

[2] Примечания: 2

Фамилия Шевалье происходит от французского chevalier — рыцарь, кавалер.

их бледно-голубых глаз; их нередко называли прозрачными или светящимися, но эта метафора оказалась для него новой. Он улыбнулся, повернул голову, чтобы взглянуть на женщину, на которую указывал Хок, и…

И, мой бог, он ведь уже видел это милое лицо — он был твердо уверен в этом. Но где?

— Ого! — вполголоса воскликнул Оппи.

— Вот именно, что ого, — согласился Хок. — И как смотрела на тебя, так и продолжает. Так что придется тебе подойти и познакомиться.

— Я… м-м-м…

— О, ради всего святого… Роберт, иди уже! Ты изучаешь великие тайны вселенной, а девушки по сравнению с ними совсем просты.

Хок преподавал французскую литературу в кампусе Калифорнийского университета в Беркли. Оппи там же преподавал физику. Как правило, представители столь разных специальностей мало общаются между собой — у них просто нет общих интересов, — но Оппи любил французскую поэзию, и они быстро и крепко подружились. У Хока было одно заметное преимущество — среди его слушателей было много студенток (на одной из них он женился), тогда как в тех кругах, где вращался Роберт, женщин было очень мало.

— Действуй, — продолжал подзуживать его Хок. — Сделай что-нибудь такое, о чем стоило бы рассказать Барб, когда я вернусь домой. Попытай удачи.

Удачи… Эйнштейн как-то сказал, что Бог не играет в кости со вселенной, — но, с другой стороны, Бога вряд ли занимают мысли о том, как бы переспать с какой-нибудь барышней.

— Ну ладно, — буркнул Оппи и не спеша распрямился, поднимаясь с дивана. Конечно, он не мог просто подойти и представиться, но тут очень кстати вихрем пронеслась Мэри-Эллен, его квартирная хозяйка, облаченная в одно из своих сшитых из собственноручно расписанных батиков платьев, подметающих пол. Она то и дело устраивала вечеринки, часто посвящая их сбору средств в чью-то пользу. Сегодня деньги собирали для испанских республиканцев — или, может быть, для испанских националистов? Наверно, для хороших людей, но Оппи это было безразлично — он спустился из своей комнаты ради пончиков и выпивки, а не для того, чтобы кого-то поддержать.

— Мэри-Эллен, постойте. Не могли бы вы?..

— О, Роберт! Я очень рада, что вы решились оторваться от книг и присоединиться к нам! Но я

вижу, ваш стакан пуст.

— Нет-нет, спасибо, пока не надо. Но если бы вы… — Он сдержанным жестом указал на пышногрудую молодую женщину, сидевшую у камина.

— Ах! — воскликнула Мэри-Эллен; ее широкое лицо расплылось в улыбке. — Конечно! — И, взяв Оппи за руку, она потащила его через полную народом комнату. — Джин! — позвала она, и незнакомка подняла голову. — Это лучший из моих жильцов; о, Фред, не надо, вы же знаете, что вас я тоже люблю! Его зовут Роберт, он преподает физику. Роберт, Джин учится на врача. — Мэри-Эллен вдруг извлекла, словно ниоткуда, стул в стиле ар-деко и ловко усадила на него Роберта лицом к Джин. — А сейчас я подам вам выпивку!

— Значит, вы будущий врач? — сказал Оппи, улыбнувшись Джин.

— Да. Точнее, психиатр. — Голос Джин был теплым. Вблизи она показалась еще красивее, чем с другой стороны комнаты. — Я преклоняюсь перед Фрейдом, — продолжила она. — Вы знаете его работы?

Как удачно кость выпала! Шесть очков!

— Представьте себе, знаю. И даже знаком с Эрнестом Джонсом.

— Неужели?! — воскликнула Джин.

— Чистая правда. Мы познакомились в Кембридже в 1926 году. В то время Джонс, близкий друг Фрейда, был единственным в мире психоаналитиком, говорящим по-английски, и потому-то и стал главным пророком этого учения в англоязычном мире.

— Расскажите… Боже мой, расскажите мне все, что вы знаете о нем.

Снова бабочкой подлетела Мэри-Эллен, вручила Оппи стакан с бурбоном, подмигнула и помчалась дальше.

— Ну, — начал Оппи, — его кабинет находился на Харли-стрит… — За разговором он продолжал присматриваться к ее классически красивому лицу с прекрасной гладкой кожей, глазами поразительного изумрудного цвета, резко отличавшимися от его опаловых, и маленькой ямочкой на подбородке. Черные волосы девушки были коротко подстрижены. С виду она была лет на десять моложе его.

Они болтали почти час, легко переходя с темы на тему. Его восхищали ее красота, казавшаяся неожиданно знакомой, и живой ум, но притом она оставалась неуловимой. Ее настроение мгновенно менялось, она могла быть очень оживленной и шумной, а в следующий миг —

печальной и хрупкой. И все же он слушал ее внимательно, несмотря на стоявший в комнате шум, сливавшийся из множества разговоров чьей-то не очень талантливой, но одушевленной игры на пианино, и звона стаканов. Раз он даже вскинул руку и прервал ее на полуслове.

— Моя семья, — рассказывала она, — переехала сюда из Массачусетса как раз перед катастрофой и…

— Вы попали в автомобильную аварию?

Она растерянно взглянула на него.

— Нет, я имею в виду катастрофу фондового рынка.

Оппи покачал головой.

— Биржевой крах 1929 года. Начало Великой депрессии.

— Ах, вот вы о чем… Ну да, конечно.

— Неужели вы не знаете? — непритворно удивилась Джин. — Где же вы были? — Ему вдруг захотелось, чтобы она добавила: «всю мою жизнь», но она закончила фразу неожиданным предположением: — Вы, наверное, родились с серебряной ложкой во рту.

— Не то чтобы… Но мой отец благополучно пережил этот период. — И он добавил, как будто это могло объяснить его легкое отношение к

национальному бедствию: — Он тоже занимался инвестированием, но не в фондовую биржу, а по большей части в искусство.

Она снова склонила голову, свет фарфоровой настольной лампы лег под другим углом, и он неожиданно понял, где видел ее лицо. Одной из любимых книг Оппи была «Цветы зла» Бодлера, которую он читал в оригинале. Абрис лица Джин, форма и размер ее носа точь-в-точь походили на графическую иллюстрацию к душераздирающей *Une Martyre*[3] из знаменитого издания 1917 года. Он мысленно напрягся, отбрасывая ассоциацию. Картинка была страшненькая: труп на смятой постели, отрубленная голова, красота, увядающая вместе с цветами в вазах, старый муж, скитающийся где-то в дальних краях…

Вечеринка подошла к концу, и Оппи, расправившийся уже с четырьмя дозами бурбона, настроился договориться с новой знакомой о свидании.

— Итак, мисс… — начал он.

— Тэтлок, — сказала она, и эти два слога ударили его, как пули.

— Вы… вы родственница Джона Тэтлока?

---

[3] Примечания: 3
«Мученица».

— Он мой отец.

— Джон Тэтлок? Медиевист из Беркли?

— Да, а что? Вы знакомы с ним?

«О да», — подумал Оппи. Джон Стронг Перри Тэтлок, специалист по Джеффри Чосеру, безусловный авторитет в ассоциации преподавателей Беркли, громогласно вещавший в столовой факультетского клуба, был ярым антисемитом. Впрочем, для Беркли это было в порядке вещей; когда Роберт попытался устроить туда своего студента Боба Сербера, заведующий кафедрой физики сказал, что одного еврея на его факультете вполне достаточно. Но… *черт возьми*.

— А-а… — протянул Оппи; у него резануло под ложечкой. Он пока не назвал собеседнице своей фамилии. — Что ж, приятно было познакомиться, — скрывая досаду, сказал он, поднялся с изящного стула и вышел на лестницу, ведущую в его холостяцкую комнату.

* * *

Джин посетила и следующую вечеринку, которую устроила Мэри-Эллен, и еще одну, оставаясь все такой же очаровательной и притягательной. В конце концов Оппи набрался смелости и, попытавшись забыть о предубеждениях ее отца,

решился пригласить ее на обед.

— И куда вы предлагаете пойти? — спросила она, и Оппи снова изумился. Значило ли это, что она заранее готова принять его предложение или, напротив, будет решать, достаточно ли фешенебельное заведение он предложит?

— Я… м-м-м… э-э…

— О, не ломайте голову, — улыбнулась она. — Вы любите острое?

— Даже очень.

— В Сан-Франциско есть такое место — кафе «Сочимилко». Может быть, знаете?

Он покачал головой.

— Вот и хорошо! Вдруг это место станет *нашим*? В субботу вечером? Или… может быть, суббота?..

До него не сразу дошло, что она имеет в виду его национальность и еврейские обычаи.

— Нет, суббота меня вполне устроит.

И они пошли туда. Кафе, название которого больше подошло бы для любимого им с детства юго-запада, нежели для Северной Калифорнии, где он теперь жил, оказалось плохонькой забегаловкой. Но это было совершенно неважно; Джин совершенно правильно отметила еще при первом знакомстве, что он не придавал деньгам особого значения. С такой же готовностью

он повел бы ее в самый дорогой ресторан морепродуктов в районе верфей. Зато кабинки там оказались вполне подходящими для душевного разговора, *carne adovada*[4] — в меру пикантным, а текила — крепкой и доброкачественной.

Оказалось, что Джин состоит в Коммунистической партии и пишет в ее газету «Вестерн уоркер»[5]. Когда она заговорила об угнетенных и борьбе за свободу — эти темы сплошь и рядом обсуждали в университетском кампусе, но Оппи никогда не вслушивался в них, воспринимая эти разговоры как какой-то посторонний шум, — он поймал себя на том, что внимательно слушает, кивает и время от времени вставляет: «Да, да, да!»

Поздно ночью Оппи пешком провожал ее домой. Пройдя квартал, она взяла его под руку. А войдя в подъезд небольшого дома, где она жила, они услышали музыку — кто-то из соседей слушал перед открытым окном новую джазовую композицию Бенни Гудмена «Слава любви»[6].

---

[4] Примечания: 4
Carne adovada — тушеное мясо (свинина) в красном чили.

[5] Примечания: 5
The Western Worker — «Западный рабочий».

[6] Примечания: 6
The Glory of Love.

Там они остановились, Оппи привлек ее к себе, наклонился и поцеловал впервые за все время их знакомства, сначала легко и очень осторожно, а потом, когда она ответила, стал целовать ее все более страстно и горячо.

С тех пор их встречи стали регулярными.

Несколько лет назад Оппенгеймер сделал в клубе любителей астрономии Калифорнийского технологического института доклад под названием «Звезды и атомные ядра»; он изучал крупнейшие и мельчайшие объекты, существующие в природе, но до встречи с Джин почти не замечал окружавший его человеческий мир.

И все же он довольно скоро узнал и о том, что ее внутренний свет неизменно омрачает тьма — ее настроение прямо-таки скакало, ей часто снились кошмары, она была химерой — ангелом и демоном в одном лице; сама будущий психиатр, она давно уже постоянно наблюдалась у психиатра. Несмотря ни на что, он крепко полюбил ее, а она, более подвластная чувствам, как высоким, так и низким, которые переполняли ее дух, возможно, любила его еще крепче.

Через несколько месяцев состоялась их помолвка… а потом Джин совершенно неожиданно разорвала ее. «Я пока не готова, — сказала она. —

Слишком рано». Впрочем, они продолжали встречаться, и он однажды набрался смелости и снова предложил ей стать его женой. Она согласилась, но спустя несколько недель снова передумала. Она уверяла, что любит его, но он заслуживает гораздо большего, лучшего. Роберт не смог переубедить ее и, с разбитым сердцем, обратился за утешением к другим женщинам. Одной из них была Китти, миниатюрная соблазнительница, кокетливая лисичка, искусная наездница, способная (по крайней мере, так казалось) укротить любого жеребца. Она изрядно удивила его тем, что вскоре забеременела. И он исполнил долг порядочного человека — женился на ней.

Но в его сердце, в его мыслях всегда царила не Китти, а очаровательная, взбалмошная, противоречивая Джин Тэтлок, родственная душа, которую ему так и не удалось обрести.

Глава 2
Шесть лет спустя: 1942

Вопрос: кто такой оптимист? Ответ: человек, считающий будущее неопределенным.

Лео Силард

Лео Силард, и в сорок четыре года остававшийся пухлым и розовощеким, как ангелочек со старинной картины, заранее знал об этом визите. В Металлургическую лабораторию — такое кодовое название носило одно из отделений Чикагского университета, где изучали расщепляемые химические элементы уран и плутоний, — собирался наведаться генерал Лесли Гровз. Этот человек несколько дней назад не только получил генеральский чин, но и высоко продвинулся по службе, получив должность руководителя… как же, черт возьми, теперь называется проект по созданию сверхмощной бомбы? Ах да — Манхэттенский инженерный округ.

Лео подозревал, что невразумительное кодовое имя скоро появится и у него самого. Его устроило бы, например, «Марсианин номер один». Энрико

Ферми, убежденный в том, что вселенная должна изобиловать разумной жизнью, попросил Лео объяснить отсутствие на Земле высокоразвитых пришельцев, которых за неимением общего термина стал называть «марсианами». Лео язвительно заметил: «О, нас здесь полно, но мы называем себя венграми».

Силард любил выдумывать прозвища для разных людей, но в основном держал их при себе. Свою подругу Трюд — она была на дюжину лет моложе Лео и их отношения были в основном платоническими — он называл *Kind*, что в переводе с немецкого означает «ребенок». Юджина Вигнера, такого же марсианина, как и он сам, обладателя необычно удлиненного черепа, он прозвал Ананасной головой. Он решил, что этого генерала, ворвавшегося в их комнату для семинаров в Экарт-холле, подошла бы кличка Корявый, соответствующая как его фигуре с распирающими мундир буграми ожиревших мышц, так и вздорному характеру. Лео не пришло бы в голову ставить в вину человеку избыточный вес. Он сам благодаря любви к выпечке и жирным соусам сделался, как иногда ласково упрекала его Трюд, более чем полноватым. Но, помилуй бог, мужская одежда должна сидеть по фигуре, а этот буйный

солдафон ходил в кителе по крайней мере на размер меньше, чем нужно.

Генерала и его адъютанта на встречу с пятнадцатью ведущими научными сотрудниками Металлургической лаборатории привел ее директор Артур Холли Комптон, обладатель агрессивно выпирающего подбородка. Научные семинары проводились в просторном роскошном зале со встроенными застекленными книжными шкафами, шикарной мебелью, обтянутой темно-бордовой кожей, и двумя классными досками — одна висела на стене, а другую можно было катать на колесиках. Посередине стоял длинный стол из красного дерева, заваленный бумагами, потрепанными журналами и кофейными чашками.

Из генерала градом сыпались вопросы. Тридцатидвухлетний долговязый и энергичный Луис Альварес поспешно записывал уравнения на большой доске, пытаясь ответить на множество вопросов генерала, но у этого болвана хватило наглости прервать его.

— Секундочку, молодой человек. В третьем уравнении показатель степени равен десяти в минус пятой, а в следующей строке он волшебным образом становится десять в минус шестой.

— Ах да, конечно, — покорно кивнул Альварес, стер ошибку пальцем и записал нужную цифру. — Мел соскользнул.

— И тут возникает вопрос, — сказал Гровз, обращаясь ко всем собравшимся ученым. — Вы, конечно, прикидывали, сколько потребуется делящегося вещества. И насколько точна ваша оценка?

— В пределах одного порядка, — бросил, чуть заметно пожав плечами, Лео. Он скинул туфли и развалился на стуле, положив ноги на свободное сиденье рядом.

— В пределах порядка! — взорвался Гровз. — Это же чушь! Это все равно что заказать свадебный обед на сто гостей, не зная, сколько их будет: всего десяток или тысяча. Ни один инженер не сможет работать с такими грубыми данными.

— Генерал, — начал Лео, рассчитывая, что упоминание вновь полученного звания смягчит грубияна, — поймите…

— Нет! — рявкнул Гровз, прервав его на полуслове. — Это *вы* все должны понять, что занимаетесь не теорией, а практической разработкой. Мне нужно построить реально действующую бомбу. — Он сделал паузу, набрал полную грудь воздуха и продолжил, еще сильнее повысив

голос: — Вы тут считаете инженеров простым техническим персоналом. — Лео благоразумно промолчал. — Так знайте, что у меня нет степени доктора философии. У полковника Николса есть, а у меня — нет. Но позвольте поставить вас в известность, что после поступления в колледж у меня было десять лет планомерного, с соблюдением всех норм и методик, образования — целых десять лет. Мне не нужно было зарабатывать на жизнь или тратить время на преподавание. Я просто учился. Уверяю вас, это не уступит и *двум* докторантурам!

Лео поставил ноги на пол и подался вперед.

— Сэр, — заговорил он свистящим полушепотом. — Я бы никогда не стал для себя претендовать на ваше звание. Но оставьте эти рассуждения о докторских степенях — они есть у всех, находящихся в этой комнате, кроме вас.

— Лео… — предостерегающе бросил Комптон и вздернул тонкие брови: «Не смей!»

— Нет-нет, — возразил Силард, — мы же разбираемся в проблеме компетентности, так ведь? Взять вас, Артур, разве не вы получили в 1927 году Нобелевскую премию по физике? — Лео пронзил взглядом Гровза. — Вы, случайно, не видели несколько лет назад его портрет на обложке

«Тайм»? — Силард указал на худощавого лысоватого мужчину, сидевшего по другую сторону стола. — А этого? Энрико Ферми. Он получил «Нобеля» в 1938 году. А вот рядом со мною, — он указал на усача с головой, похожей на яйцо, — прошу любить и жаловать: Джеймс Франк, нобелевский лауреат 1925 года. Что касается меня, то я сотрудничал с Альбертом Эйнштейном и имею совместные с ним патенты!

Гровз поднялся и заявил, не скрывая злости:

— Я еду в Беркли, но вернусь через несколько дней, — и продолжил, угрожающе тыкая пальцем в сторону доски: — Я очень рассчитываю по возвращении получить *точный* ответ, — и зашагал к выходу, топая по паркету так, что в шкафах зазвенели стекла.

Лео встал, повернулся к коллегам и развел руками.

— Я предупреждал вас, что, если дело перейдет к военным, все будет именно так и никак иначе! Да разве можно работать с такими людьми?

Комптон уже немного успокоился:

— Что ж, Гровз направился в Беркли, а там Оппи просветит его по части теории.

Силард нахмурился. Оппенгеймер… Слишком подобострастный, слишком заинтересованный

в карьерном росте. О, бесспорно, он обладает харизмой, с этим согласны все, кто его знает. Но выступать в роли защитника науки и противостоять Корявому Гровзу?

— Да смилуется над нами Господь, — сказал он, покачав головой.

* * *

Роберт Оппенгеймер смотрел в огромное, во всю стену, окно приемной президента университета, глубоко погрузившись в размышления. Он часто пребывал в подобном состоянии. И обдумывал он, конечно, неподдающуюся проблему разделения изотопов, но…

Изотопы — это одни и те же элементы, но разные — и *то*, и в то же время *не то*. Точно так же, как женщины в его жизни, обе красивые и блистательные, но тоже разные: Китти, которая требовала, чтобы он удовлетворял ее потребности, и Джин, потребности которой он никогда не мог полностью не то что удовлетворить, но и угадать. Такие же, но все же разные: Китти, которая была замужем за другим, когда начала встречаться с Робертом, и которая, как он впоследствии узнал от друзей, хвасталась, что вынудила его жениться на ней «старомодным способом, забе-

ременев», и Джин, все еще остающаяся рядом, все еще пребывающая в его кругу общения, иногда даже оказывающаяся в его объятиях, но решившая не принимать на себя обязательств.

Время шло, а ведь Роберт не был слеп и видел, что происходило вокруг. Его бывшая квартирная хозяйка, этот вихрь энергии по имени Мэри-Эллен, и хрупкая, капризная Джин, ставшая в конце концов доктором медицины, были теперь больше, чем просто приятельницами. Джин всегда тянуло в разные стороны одновременно, и на одном из этих путей стояла Мэри-Эллен — всегда уверенная в себе, в противоположность Джин, которая редко была уверена в себе, зато всегда была доверчивой и такой же закрытой, как сам Оппи.

— Роберт!

Голос принадлежал хозяину приемной, президенту университета Спроулу. Он повернулся.

— Да.

Посетителя он заметил лишь после того, как Спроул — поджарый, как пантера, одетый в серый костюм-тройку, с тонкими очками на носу — указал на шедшего рядом с ним мужчину в военной форме.

— Генерал Лесли Гровз, позвольте представить вам доктора Роберта Оппенгеймера.

Термин «деление», которым описывался процесс расщепления атомного ядра на несколько более легких осколков, был заимствован из биологии, и Оппи внезапно пришли на память микрофотографии делящейся клетки, которые он видел: вытянутый овал, перехваченный посередине так, что получилась восьмерка. Роль перетяжки у Гровза выполнял ремень, а над ним и под ним вздымался обширный живот.

Генерал был почти одного роста с Оппи, с удлиненной головой, отягощенной выпирающими щеками и увенчанной зачесанными назад волосами. Под носом у него красовались короткие щетинистые усики, поседевшие на концах, отчего в середине выделялся темный квадрат, придававший генералу — Оппи был уверен, что чисто случайно, — некоторое сходство с Гитлером. Уголки воротника цвета хаки украшали по две звезды. Оппи протянул руку, и Гровз крепко пожал ее.

— Вы здесь главный теоретик, — сказал генерал почему-то обвиняющим тоном.

Оппи кивнул:

— Официально моя должность называется «координатор быстрого разрыва», но, по сути, вы правы.

— А я знаток винтов и гаек, — ответил Гровз. Его голос походил на громыхание камней в гранильном барабане. — Инженер.

Оппи дружелюбно кивнул.

— Вы ведь руководили строительством Пентагона, да? — Громадный комплекс Министерства обороны в Вирджинии еще достраивался.

Брови генерала поползли на лоб, на него явно произвело впечатление то, что собеседнику известен этот эпизод из его биографии.

— Да, так оно и есть.

Оппи не стал говорить о том, что знает и о другом факте: что Гровз также отвечал за строительство лагерей для интернированных американцев японского происхождения. Военный обвел взглядом огромную комнату, явно чувствуя себя непривычно в роскошной обстановке.

— Я надеялся, что после Пентагона мне позволят самому выбрать следующее место службы — я хотел посмотреть, как идут дела за океаном, — но мне поручили эту штуку.

Оппи знал, что «эта штука» — ни более ни менее как руководство всеми работами по созданию атомной бомбы. В том числе и теми, что ведутся здесь, в Радиационной лаборатории Эрнеста Лоуренса, и в чикагской Металлургической лабо-

ратории Артура Комптона.

Президент Спроул, похоже, сообразил, какой подход годится для этого человека.

— Ланч будет подан через несколько минут.

Гровз улыбнулся на эти слова, и Оппи улыбнулся в ответ.

— Хорошо, что заведовать всем этим поставили инженера. — Спроул переключился на другого посетителя, и Оппи, оставшийся наедине с генералом, включил все свое обаяние. — Мы, ученые, слишком уж склонны витать в облаках.

Глаза генерала, темно-синие, в отличие от бледно-голубых Оппи, остановились на собеседнике.

— Вы не заняты сегодня во второй половине дня? Я хотел бы побеседовать с вами.

Предложение оказалось очень к месту; Китти будет в восторге.

— Ваше желание, генерал, для меня закон.

Глава 3

Энергия, уходящая с поверхности звезды, будет очень сильно уменьшаться в процессе ухода… за счет гравитационного отклонения света, который будет препятствовать уходу излучения во всех направлениях… по мере сжатия звезды. Таким образом звезда постепенно замыкается, изолируясь от далекого наблюдателя (сохраняется лишь ее гравитационное поле).

***Дж. Роберт Оппенгеймер и Хартлэнд Снайдер*[7]**

В кабинет оппи в Леконт-Холле Гровз явился, сопровождаемый лысоватым полковником с очками на носу.

— Николс, — представил его генерал. Оппи уже слышал это имя и сразу понял, что это тот самый Кен Николс из Манхэттенского инженерного округа. Своим названием проект был обязан первому местоположению военной организа-

[7] Примечания: 7

О безграничном гравитационном сжатии. Пер. на русский язык; «Мир», 1979.

ции, занимавшейся секретным строительством и теперь объединившей все усилия американцев по созданию атомной бомбы. Аналогичная программа британцев носила кодовое название «Трубные сплавы», и одному богу известно, за каким словосочетанием прятали свои работы в этом направлении Советы — если они вообще у них велись.

Гровз снял китель, оставшись в отглаженной рубашке с широкими полумесяцами пота под мышками, и, протянув его Николсу, сказал:

— Отнесите в химчистку.

Оппи поспешно затянулся сигаретой. Он знал, что Николс получил в Айовском университете степень доктора философии в области гидротехники. Всем известно, что если аспирантам и приходится быть на побегушках, то с получением докторской степени эти обязанности переходят к кому-то другому. Возможно, сказал он себе, чтобы загладить неприятное впечатление, генерал просто хочет поговорить наедине. Помощник Оппенгеймера, застенчивый, шепелявый Боб Сербер, которого все же удалось устроить в университет, несмотря на предвзятое отношение начальства к его религии, работал на офисной доске. Оппи поспешил воспользоваться воз-

можностью не только для того, чтобы получить желаемое гостем уединение, но и чтобы восстановить кармическое равновесие.

— Послушай, Боб, почему бы тебе не пригласить доктора Николса выпить в преподавательский клуб? А химчисткой пусть займется Бекки.

Оппи искоса взглянул на Николса, надеясь увидеть благодарный кивок, но понял, что тот лишь разозлился из-за того, что Роберт стал свидетелем этого мелочного унижения. Сербер же охотно принял предложение и поспешно отряхивал руки от меловой пыли.

Как только эти двое покинули кабинет, Оппи присел на край стола. В его кабинете с белыми стенами потолок был двускатный, поднимавшийся к середине. Гровз отошел и встал у дальней стены, где потолок был ниже, что придавало ему еще более внушительный вид.

— Сегодня утром я видел Эрнеста Лоуренса, — прогрохотал генерал, — и его хваленый калютрон. Вам известно, сколько урана-235 он выделил из урана-238 на сегодня?

— Нисколько? — предположил Оппи.

— Совершенно верно, нисколько. А несколько дней назад я был в Чикаго. Этот шут Лео Силард и прочие по-прежнему предаются пустым мечта-

ниям, вместо того чтобы перейти к делу. Вокруг полно физиков, но никто из вас, похоже, не понимает, что такое *время*.

Роберт высоко ценил мощный интеллект Силарда, но хорошо понимал, что встреча этих людей неизбежно должна была сопровождаться столкновением.

— Что ж, — сказал он. — В августе тридцать девятого Эйнштейн отправил ФДР[8] письмо, в котором советовал ускорить работы над атомной бомбой. Сейчас октябрь сорок второго. Прошло более трех лет, а работы над бомбой практически не начались. Я бы сказал, генерал, что мы чертовски опаздываем.

— Наконец-то попался хоть один здравомыслящий человек! — воскликнул Гровз. — Ладно, мистер Быстрый разрыв, скажите мне прямо: это возможно? Деление атомов?

Оппи нахмурился.

— Хороший вопрос. И ответ на него… — Он сделал нарочитую паузу для пущего эффекта и закончил твердым: — Да.

Ответ впечатлил Гровза. Он кивнул и задал следующий вопрос:

---

[8] Примечания: 8

ФДР — популярная в США аббревиатура имени президента Франклина Делано Рузвельта.

— Насколько быстро?

— Если предпринять сосредоточенные целенаправленные усилия? За два года.

— Четкий ответ, — сказал Гровз. — Мне нравится. — Он некоторое время рассматривал Роберта. — Что ж, давайте пока что оставим эту тему. Вы состоите в Коммунистической партии?

Оппи был готов к этому вопросу и ответил совершенно равнодушно, щелкнув мизинцем по сигарете, чтобы стряхнуть с нее пепел:

— Нет.

— Когда-нибудь состояли?

— Нет.

— А ваша жена состояла. И ваш брат Фрэнк.

— Чистая правда. Кроме того, вы, если понадобится, без труда сможете узнать, что в последние годы я поддерживал все известные мне левые движения, начиная от профсоюза учителей и кончая испанскими республиканцами. Но я никогда не вступал в Коммунистическую партию и в настоящее время отошел от этих дел. И без них работы невпроворот.

— Совершенно верно, — согласился Гровз. — И в этой работе нет места для коммунистов.

— Генерал, даю вам честное слово: я не коммунист. — Пауза. — Я американец.

— Это вы, — сказал Гровз, — родились и выросли в Америке. Но ведь среди этих умников полным-полно немцев, венгров, итальянцев и еще черт знает кого. А вот американцев, таких, как мы с вами… Нас очень уж мало.

Оппи наклонил голову в сторону и ничего не ответил.

— Хорошо, профессор, что бы вы посоветовали, учитывая то отставание, которое мы должны наверстать?

— Единая лаборатория, — сказал Оппи, выкладывая первую карту. — Собрать всех ученых вместе, на одной территории, — и добавил козырь: — Так будет гораздо легче обеспечить секретность.

Но Гровз удивил его — он *не* удивился.

— Да, я тоже думал об этом. Месяц назад я приказал приобрести в Окридже, Теннесси, 59 тысяч акров земли для уранового проекта. Пожалуй, подходящее место.

— Нет-нет. Там можно устроить разве что филиал — производство по сепарации изотопов. Но мы-то говорим о сердце и мозге разработки бомбы. Это должно быть отдельное учреждение.

Генерал потер подбородок:

— Может быть, вы и правы. А кому же можно

было бы поручить руководство этой организацией?

— Думаю, логичнее всего было поставить главным моего нынешнего босса Эрнеста Лоуренса, — сказал Оппи, втайне порадовавшись тому, что генерал и Лоуренс уже схлестнулись из-за провала работ по выделению урана-235. — Можно также рассмотреть кандидатуры И-Ай Раби из Колумбийского университета или Эдвина Макмиллана. — Насчет этих двоих Оппи твердо знал, что они по уши загружены сверхсекретной работой по радарам, от которой их ни за что не освободят. И просто для пущей убедительности он добавил еще пару имен: — Или, скажем, Вольфганга Панофски из Калтеха или Карла Андерсона.

При упоминании Андерсона Гровз кивнул:

— Нобелевская премия за открытие позитрона.

— Да, — подтвердил Оппи.

— Тут-то и возникает вопрос. Я на днях сказал этим клоунам в Чикаго, что хоть у меня и нет степени доктора философии, но в этой программе я должен руководить толпой людей, у которых она есть. Им я прямо сказал, что меня это не тревожит, поскольку моя подготовка более чем равноценна любой аспирантуре. Но предположим, я решу, что

начальником этой гипотетической лаборатории, запрятанной в каком-нибудь глухом углу, стоит назначить вас? Вам ведь придется сложнее. Ведь многие из тех, кем вам пришлось бы командовать, имеют Нобелевские премии, а у вас ее нет.

Оппи вскинул подбородок:

— Пока нет.

Гровз расхохотался, запрокинув голову:

— Всегда ценил людей, которые верят в себя.

— Генерал, дело тут не в вере. Работа уже выполнена. В тридцать восьмом и тридцать девятом годах я опубликовал в «Физикал ривью» три статьи — каждую с кем-то из аспирантов (все трое — разные). Шведской академии иногда требуется некоторое время, чтобы оценить работу и получить подтверждение, что она достойна Нобелевской премии. К сожалению, нам не повезло: в тот самый день, когда была опубликована последняя и самая важная из трех статей, Гитлер вторгся в Польшу, и началась эта проклятая война.

— Первого сентября 1939 года, — подхватил Гровз.

— Совершенно верно. С тех пор мир не думает ни о чем другом. Однако после окончания войны об этих статьях неизбежно вспомнят и признают

их важность. Так что вопрос не в том, получу ли я Нобелевскую премию, а в том, *когда* я ее получу.

Гровз изобразил на лице почтительное удивление, но тут же покачал головой:

— Ну, как мне кажется, если вы не получили ее до войны, сейчас она вам пользы не принесет. Но, знаете ли, мне любопытно. Какое такое потрясающее открытие вы сделали, опередив весь мир?

— В России есть потрясающий физик по имени Лев Ландау. Он считает, что выяснил причину нагрева Солнца. По его мнению, центр Солнца — это конденсированное нейтронное ядро. То есть в сердце Солнца все электроны сорваны со своих орбит и объединены с протонами, которые таким образом превращаются в нейтроны. Поэтому в глубине Солнца нет ничего, кроме этих нейтронов и тех, что остались от атомных ядер древнего ядра небесного тела — твердая вырожденная материя из плотно упакованных нейтронов. Идея была отличная и чудесно объясняла, каким образом Солнце сохраняет тепло — кинетическая энергия падающего вещества притягивается сверхплотным ядром. Но Боб Сербер — тот самый парень, которого я только что отправил с полковником Николсом, ну, и я в этом поучаствовал, — мы с Бобом поняли, что Ландау

не учел эффект, обусловленный сильным ядерным взаимодействием. Если учесть *этот* фактор, то следовало бы ожидать от Солнца явных признаков наличия такого рода ядра, но их нет.

Все это явно не произвело на Гровза впечатления, но, прежде чем он успел что-то возразить, Оппи вскинул руку:

— Но это лишь *первая* статья из всех, и сама по себе она не так много значила. Но она непосредственно повлекла за собой *вторую* статью, которую я написал с Джорджем Волкоффом. В ней мы обосновали неизбежность *неограниченного* сжатия в конце жизни достаточно тяжелых звезд.

Гровз нахмурился:

— Неограниченного? Как это понимать?

— Хороший вопрос, — сказал, ухмыльнувшись, Оппи. — А ответ на него содержится в *третьей* статье, которую я написал в соавторстве со своим аспирантом Хартлэндом Снайдером. Мы показали, что неограниченное сжатие приведет к нулевому объему и бесконечной плотности и гравитация этого объекта будет настолько сильной, что ничего, *даже свет*, не сможет покинуть его. Это принципиально новый класс астрономических объектов, о существовании которых никто

пока что не высказывал даже предположений. В нескольких километрах от центра, на расстоянии так называемого радиуса Шварцшильда, благодаря явлению относительности даже время застывает, но для наблюдателя, находящегося на поверхности звезды, время будет идти обычным порядком. В этих… если угодно, «черных безднах» нет абсолютно ничего интуитивно понятного, но они, безусловно, должны существовать.

Гровз отклонился назад, опершись о стену. На его лице появилось благоговейное выражение.

— И *это* заслуживает «Нобеля», — негромко произнес он.

Оппи кивнул и самодовольно скрестил руки на груди.

— Это заслуживает «Нобеля».

* * *

— Джим, вам, наверное, будет интересно узнать, что итальянский штурман только что благополучно высадился в Новом Свете.

Эта фраза, естественно, была кодовой — под прозвищем Итальянский штурман подразумевался Энрико Ферми, коллега Силарда, руководивший сегодняшним успешным экспериментом. После нескольких месяцев трудов группа Ферми на

практике осуществила то, что Силард предсказал девять месяцев назад, — управляемую цепную реакцию. В этот день первый в мире атомный реактор проработал двадцать девять минут. (Скорее всего, первый — но что, если нацисты все же сумели обогнать их?)

Силард стоял у стола в кабинете своего начальника Артура Холли Комптона в Чикагском университете. Артур разговаривал по телефону с Джеймсом Конантом, председателем Национального комитета оборонных исследований, организации, курировавшей все секретные военные разработки, ведущиеся в США. Затем он сказал:

— Да, очень дружески. — Похоже, Конант спросил, как к физикам-эмигрантам относятся местные ученые.

Артур некоторое время слушал молча, потом сказал:

— Нет. Думаю, что он… вернулся в порт. — Пауза. — Да, он здесь. Позвольте, сейчас… — Он передал Силарду черную телефонную трубку. Тот, как всегда чуждый формальностей, сказал:

— Привет, Джим. — Из-за венгерского акцента имя собеседника прозвучало как «Жим».

— Поздравляю вас, доктор! — Несмотря на силь-

ный треск статических разрядов, в голосе нельзя было не уловить тепла. — Без вас просто ничего не удалось бы сделать.

Силард потер лоб свободной рукой, сказал то, что от него, несомненно, ожидалось:

— Благодарю вас, — и вернул трубку Артуру.

Лео любил размышлять либо в ванне — он частенько валялся в воде часами, — либо в буквальном смысле на ногах. Извинившись перед Артуром, который продолжал разговор, состоявший из одних недомолвок, он вышел на улицу. Вечерело, было холодно. Прогуливаясь по кампусу, Лео проходил мимо множества студентов — некоторые из них несли в руках учебники, а некоторые держались за руки, и чувствовал угрызения совести. Если бы он ошибся, все эти молодые люди, только-только начавшие жизнь, да и, вполне возможно, все прочие обитатели Чикаго, могли бы погибнуть.

На ходу изо рта Лео вырвались белые облачка пара. Он не знал, куда идет, но ноги сами понесли его через футбольное поле стадиона «Стагг». В начале недели выпал снег, однако он давно растаял, и даже коричневая трава высохла. Под бетонными трибунами, в кирпичных пристройках, размещались различные спортивные соору-

жения. Силард направился к северному концу западной трибуны, поздоровался с охранниками и прошел в зал, где размещался парный корт для сквоша. Это помещение выделили им для экспериментальной установки.

Посреди зала возвышался огромный куб из графитовых блоков. На него со зрительской галереи смотрел невысокий человек с редеющими волосами и продолговатым лицом. Все остальные ученые, несомненно, разошлись, кто в приподнятом настроении, кто в изнеможении, а кто и в том, и в другом состоянии, но Энрико Ферми стоял, облокотившись на перила, и просто смотрел, очевидно погруженный в свои мысли.

Находившееся перед ним чудовище было усыплено; укротители воткнули в тело *el toro* все четырнадцать *picas* — кадмиевых управляющих стержней.

Лео подошел к нему и торжественно протянул руку. Энрико пожал ее. Их имена уже были неразрывно связаны между собой в истории человечества — или только будут связаны, когда с их работы снимут завесу секретности, — благодаря тому письму президенту Рузвельту, черновик которого Лео составил три года назад. Письмо, подписанное Эйнштейном, начиналось так:

Некоторые недавние работы Ферми и Силарда, которые были представлены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии.

— Что ж, у нас получилось, — сказал Ферми со своим резким итальянским акцентом. Но это было лишь начало, и они оба знали это. В письме Эйнштейна далее говорилось:

Это новое явление способно привести также к созданию бомб, и возможно – хотя и менее достоверно, – исключительно мощных бомб нового типа.

— Да, — ответил Лео, — у нас получилось. — Он выпустил руку Энрико и медленно покачал головой, глядя на сооружение, громоздившееся посреди зала. — Это станет черным днем для человечества.

Глава 4
1943

История, несмотря на всю свою скромность, не обойдется без служанки-правды.

Хокон Шевалье

«…В этот солнечный день!»

Китти Оппенгеймер и Барбара Шевалье эффектно завершили песню. Мужья зааплодировали, Оппи зажал сигарету в зубах, чтобы можно было звучно хлопать в ладоши. Китти встала из-за пианино, и обе женщины театрально поклонились.

Оппи встал с дивана, держа в руке пустой бокал из-под мартини, и предложил:

— Еще по одной? — Ответ он знал заранее: двое гостей, с которыми они обедали этим вечером в гостиной, считали его мартини непревзойденным; сам Оппи воспринимал их оценку как доказательство того, что, хотя он и выбрал физику, химик из него тоже вышел бы чертовски хороший.

Китти — невысокая брюнетка — лишь вскинула тонкие брови, давая понять, что можно было

бы обойтись и без этого вопроса, а зеленоглазая блондинка Барб радостно воскликнула:

— Да, конечно!

Оппи собрал бокалы на серебряный поднос и уже шагнул было к двери на кухню, но тут, к его удивлению, с места поднялся Хокон Шевалье (на дюйм выше его шести футов).

— Я тебе помогу.

— Пожертвуешь ради меня обществом двух красоток? — осведомился Оппи. Он весь вечер ощущал между Хоконом и Барб какое-то напряжение; пение помогло несколько разрядить атмосферу, и Оппи рассчитывал, что его реплика еще облегчит настроение. Он дернул головой, указывая Хокону на дверь, и они вошли в просторную кухню, где аппетитно пахло доходившим в духовке молочным поросенком. За ними закрылась тяжелая деревянная дверь.

— Нам будет не хватать тебя, — сказал Хокон, взглянув на Оппи, который ставил на стол поднос с бокалами. Посуду Китти и Барб было легко узнать по ярко-красным следам от губной помады. — Беркли без тебя станет другим.

В морозильнике у Оппи стоял наготове второй комплект конических бокалов на длинных ножках. Он вынул их и своим фирменным движением

погрузил каждый вверх ногами в неглубокий поддон, наполненный соком лайма и медом, как будто вырезал печенье из тонкого теста. При этом он чувствовал на себе взгляд Хокона, наблюдавшего за работой мастера.

— Имеешь хоть какое-то представление о том, куда поедешь? — спросил Хокон.

Оппи поставил бокалы на стол, налил в шейкер джина «Черный медведь» и ловким отработанным движением руки плеснул туда вермута. Он задумался на несколько секунд, что же ответить на это. Сначала ему захотелось сказать: «В места, где воздух суше даже моего мартини», но от этой неплохой остроты пришлось отказаться во имя секретности. Странное понятие, к которому непросто привыкнуть, и вообще, если не доверять Хоку, своему ближайшему другу, то кому же тогда?

— Прости, — сказал он, приветливо улыбнувшись, — у меня печать на губах.

Хокон тоже улыбнулся и кивнул на бутылку водки, стоявшую около раковины.

— Вижу, настоящая русская. Слава богу, мы воюем не с *ними*.

— Ха! — отозвался Оппи, ловко манипулируя шейкером.

— Раз уж заговорили о русских… Роберт, ты знаком с Джорджем Элтентоном?

Элтентон был инженером-химиком и работал в «Шелл девелопмент». Неужели Хокон намекает на коммунистические пристрастия Элтентона? Да нет, не похоже на него; Хок не более красный, чем все остальные.

— Не то чтобы коротко, — ответил Оппи, разливая крепкую смесь по бокалам. — Но он бывал у меня в доме. Он состоит в ФАИХТ — Федерации архитекторов, инженеров, химиков и техников, — и у нас с ним была здесь встреча. Я тогда пытался уговорить молодежь из Радиационной лаборатории вступить в Американскую ассоциацию научных работников.

— Хороший профсоюзный деятель, — сказал Хокон, одобрительно кивнув; Оппи не мог сообразить, кого он имел в виду: Элтентона или его самого.

— Впрочем, дальше этого не пошло, — продолжал Оппи. — Кстати, Лоуренс рвал и метал, узнав об этом. Требовал, чтобы я перечислил ему всех, кто был на этой встрече. Я, конечно, отказался.

— Похвально, — одобрил Хокон. — Как бы там ни было, я рад, что ты знаком с Джорджем. Мы с ним вращаемся в одних и тех же кругах. — Оппи

знал, что друг имеет в виду Коммунистическую партию. — А он имел разговор с одним парнем из советского консульства в Сан-Франциско.

— И что? — спросил Оппи, разрезая оливки.

— Ну, мы же сейчас на одной стороне, и Советы — нет, одной достаточно — так вот, Советы, наверное, как-то пронюхали, чем вы занимаетесь у себя в университете. Ты никогда ничего не рассказывал, но, похоже, чем-то очень важным.

Оппи промолчал.

— И вот Джордж подумал, что, знаешь ли, в духе открытости… раз ты на стороне справедливости… если ты сочтешь это нужным… в общем, любая техническая информация, которая поступала бы к нему, очень незаметно попадала бы к вашим научным коллегам в России.

Настенные часы отстукивали секунды.

— Это же измена, — сказал Оппи, стараясь сохранить ровный тон.

— Конечно, конечно, — ответил Шевалье. — Я просто подумал, что тебе следует знать об этом.

— Я не желаю иметь к этому никакого касательства.

Хокон кивнул и взял один из бокалов.

— Как всегда, великолепно, — сказал он, сделав маленький глоток.

* * *

В мае 1943 года Оппи, Китти и их сын Питер, только-только переваливший устрашающий рубеж двух лет, прибыли в место, которое все именовали по-разному: Пункт Y, Холм, *Mesa*, Гора или, из-за того, что новый поселок окружали тополевые рощи, Лос-Аламос[9]. Оппи неплохо знал эту область на севере штата Нью-Мексико. В 1922 году, восемнадцатилетним мальчишкой, он провел здесь лето, чтобы укрепить здоровье после продолжительной череды болезней, перед запланированным на осень поступлением в Гарвард. Тогда он научился ездить верхом и крепко влюбился в эти суровые, необжитые места.

Еще раз он побывал здесь летом 1928 года с младшим братом Фрэнком. Тогда они сняли уединенную хижину, построенную из расположенных бревен, скрепленных между собой саманной массой; Роберт продолжал снимать ее по сей день. Осматривая домик в первый раз, он почему-то воскликнул: «Хот-дог!» — и с тех пор он так и именовался испанским переводом названия этого блюда: *Perro Caliente*.

---

[9] Примечания: 9
Mesa (*исп.*) — плоскогорье, *álamo* (*исп.*) — тополь.

Так что, занявшись вместе с Лесли Гровзом и еще несколькими чиновниками подбором места для секретной лаборатории по разработке атомной бомбы, Оппи привез их туда, и генерал почти сразу согласился, что это место как нельзя лучше подходит для их целей: здание частной сельской школы-интерната для мальчиков, расположенное на плато Пахарито протяженностью в две мили на высоте 7300 футов[10] над уровнем моря. Гровз завладел этой территорией по праву принудительного отчуждения частной собственности, и Оппи сразу выбрал для своей семьи дом, который прежде занимал хозяин школы, — один из шести выстроившихся вдоль улочки, получившей название Бастьюб-роу[11] (потому что в этих домах имелись ванны). Вскоре начали строить новое жилье — жалкие лачуги (ведь предполагалось, что они будут нужны только до окончания войны), в которых были только душевые.

Генерал Гровз мог бы забронировать один из домиков на Бастьюб-роу для себя, но он не мог подолгу оставаться на Горе — его служебный кабинет находился в вашингтонском Военном до-

---

[10] Примечания: 10
2225 метров.

[11] Примечания: 11
Bathtub (*англ.*) — ванна.

ме[12]. Но он присутствовал там в тот день, когда Оппенгеймер занял свой саманный особнячок и одобрил этот выбор.

— Отлично, — сказал он. — Я и сам с удовольствием поселился бы в нем. — Потом генерал сделал паузу, что ему было вовсе не свойственно, и продолжил: — У меня для вас небольшой подарок к будущему новоселью. — Он вручил Оппенгеймеру маленькую, меньше дюйма, жестяную коробочку.

— Неужели нюхательный табак? — удивился Оппи. — Генерал, я…

— Нет, не табак. — И Гровз издал странный звук, который, как решил Оппи, должен был означать смешок. — Для того чтобы нюхать годится, но… — Он ткнул пальцем в коробочку. — Откройте.

Оппи подцепил кромку ногтем, откинул крышку и увидел маленькую коричневую овальную капсулу, лежащую в гнезде на мягкой подстилке.

— Цианистый калий, — пояснил Гровз. — Вам придется постоянно носить ее с собою до самого конца войны. И, предваряя ваш вопрос: да, у меня тоже есть такая. — Он похлопал себя по карма-

---

[12] Примечания: 12

State, War, and Navy Building — здание государственного управления, войны и Военно-морского флота; ныне — административное здание Эйзенхауэра. Находится по соседству с Белым домом.

ну. — Как и у всех высших руководителей.

— Помилуйте, генерал, вам не кажется, что это несколько мелодраматично?

— А почему, как вы считаете, так много внимания уделяется секретности? Нет никаких сомнений в том, что немцы пытаются сделать атомную бомбу, головой ручаюсь, что тем же занимаются и русские. Но лучшие мозги собраны у *нас*, а им проще всего было бы выкрасть вас или кого-то из важнейших ваших сотрудников. Если им это удастся, вас непременно *будут* пытать и, несомненно, *смогут* заставить вас говорить, если вы не успеете принять вот это. Это стеклянная капсула, еще и залитая резиной. Не глотайте ее — она выйдет целой и невредимой, — а раскусите. Смерть наступит через считаные минуты.

Оппи посмотрел на капсулу. Она была размером всего с горошину, но показалась ему такой же громадной, как яблоки времен его раннего детства.

Глава 5

Тем, кто любил меня и помогал мне,
желаю любви и мужества.

Джин Тэтлок

Гровз и Оппенгеймер быстро поняли, что в своем плане, предполагавшем, что на Горе будут жить всего несколько сотен человек, катастрофически недооценили сложность задачи, за которую они взялись. Довольно скоро Лос-Аламос превратился в городок с населением в несколько тысяч человек, правда, в отличие от других подобных поселений, обнесенный колючей проволокой.

Оппи готов был приписать ученых на военную службу и дать им звания, но мало кто из них согласился на это. Тем не менее они жили фактически на военной базе и вынуждены были подчиняться армейским порядкам. Ровно в семь утра — он заставлял себя говорить «в семь ноль-ноль» — звучала пронзительная сирена, будившая ученых; предполагалось, что в восемь они уже будут старательно заниматься наукой. У Оппи быстро вошло в привычку каждое утро первым приходить в техническую зону и, как

правило, уходить последним, возвращаясь домой при свете луны или сиянии Млечного Пути. Об уличных фонарях не могло быть и речи — нельзя было допустить, чтобы объект, который настолько тщательно сохраняли в секрете, был замечен с самолета.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды летним вечером он, вернувшись на Бастьюб-роу, не обнаружил, что Китти лежит на белом диване, закинув ноги в синих джинсах и носках, не прикрывающих щиколотки, на спинку. В руке она держала стакан, а на овальном столике рядом с переполненной пепельницей стояла бутылка бурбона.

Она не поднялась ему навстречу.

— На этой высоте обед готовится целую вечность, — заявила она. Вода здесь закипала уже при 198 градусах по Фаренгейту[13], тесто не поднималось. — Чтобы вовремя готовить тебе еду, я должна точно знать, когда ты придешь домой.

Роберт положил на стул шляпу-поркпай[14] и

---

[13] Примечания: 13

92,2 °C.

[14] Примечания: 14

Поркпай — шляпа с небольшими полями и невысокой цилиндрической тульей с кромкой, напоминающей защип пирога (*pork pie* (*англ.*) — пирог с начинкой из свинины).

плеснул себе скотча.

— Прости. Очень уж много работы было сегодня.

– *Какой* работы?

— Ты же знаешь, что я не могу тебе рассказать. Нам не полагается говорить о…

— Помилуй бог, но это же *я*.

— Да, — согласился Роберт, пригубив виски. Конечно же, это была она: переменчивая и капризная шалунья, на которой он женился, пребывая в подавленном состоянии после окончательного отказа, полученного от Джин, и в то же время воплощение яростного интеллигентского нонконформизма, посвятившая свою жизнь его карьере. — Ты ведь знаешь, в какой области я работаю, — сказал он. — Так что вполне можешь… догадаться, чем именно я занимаюсь.

Китти закурила сигарету.

— Догадаться… — полным яда голосом повторила она, выпустив большой клуб дыма.

— Так ведь идет война.

— Это я *знаю*! — отрезала Китти. Она родилась в Германии, но переехала в Штаты в возрасте двух лет. Ее мать была двоюродной сестрой фельдмаршала нацистской Германии Вильгельма Кейтеля, начальника Генерального штаба

вермахта. Правда, он порвал все отношения с кузиной еще до того, как США вступили в войну — после того, как Китти вышла замуж за еврея.

— У очень многих женщин мужья сейчас находятся за океаном, — сказал Оппи. — Твой, по крайней мере, постоянно ночует дома.

— Роберт, не разговаривай со мною *так*. Ты же не мог забыть, что я потеряла на войне Джо. — Второй муж Китти, непреклонный коммунист, в свое время уехал в Испанию и погиб, сражаясь за республиканцев.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел…

— …меня обидеть? Нет, конечно, нет, — сказала она тоном, к которому иногда прибегала. Он всякий раз не мог понять, всерьез она говорит или ехидничает.

— Война не может длиться вечно, — сказал Оппи. — А когда она закончится, мы сразу заживем гораздо лучше. К сожалению, я имею право сказать тебе только, что моя работа очень важна.

— Я тоже могу делать что-то важное. Когда я была замужем за Роджером, я получила степень доктора философии по ботанике. — Третий муж, с которым она развелась после того, как забеременела от Оппи. — Я могла бы внести серьезный вклад в этой области.

— Ты *внесешь* большой вклад. Ты моя жена. Ты будешь устраивать приемы, станешь центром всего сообщества, которое мы сейчас строим.

Китти налила себе бурбона и отхлебнула.

— Роберт, ради Христа…

* * *

Вскоре просторное плато заполнилось народом. Сюда ехали тысячи людей: ученые и солдаты, доктора разных наук и обслуживающий персонал, одни в наскоро оборудованных конторах вели бухгалтерию, другие в лабораториях, оснащенных по последнему слову науки, подсчитывали щелчки счетчиков Гейгера, дети рассматривали приезд сюда как захватывающее приключение, взрослые негодовали из-за отсутствия даже минимального комфорта. По извилистым дорогам, вздымая пыль, катались джипы, пешеходы перемещались между полукруглыми ангарами из гофрированной жести и собранными в кучки кубическими постройками.

Зима с холодом и инеем закончилась, уступив место весне, рассыпавшей по степи цветы, отчего она сделалась пестрой, как пуантилистическая картина. Потом пришел май — неужели Оппи и Китти уже целый год живут здесь? — и июнь с

его длинными днями и короткими ночами.

Со временем то, что поначалу воспринималось как возмутительное унижение, стало общепринятой нормой: Оппи перестал обращать внимание на то, что вся приходящая к нему почта уже вскрыта. Однако он удивился, получив письмо, обратным адресом в котором был указан тот самый дом на Шаста-роуд в Беркли, где он прожил несколько лет. Ах, вот в чем дело: письмо пришло от Мэри-Эллен, его бывшей квартирной хозяйки, обожавшей устраивать вечеринки. И благослови ее Господь за сдержанность; она написала всего несколько слов: «Дж. Т. нужно увидеться с вами». Конечно, Пир де Сильва — Оппи считал, что это имя как нельзя лучше подходит для сотрудника службы безопасности — наверняка прочитал текст перед тем, как отправить письмо по назначению, и сверил инициалы со списком всех известных знакомых Оппи. Правда, этим буквам могли соответствовать имена еще нескольких человек, но непосредственно в Беркли жила только Джин Тэтлок.

Джин, разбившая его сердце.

Джин, дважды отказавшаяся выйти за него замуж.

Джин, снившаяся ему каждую ночь, вдруг за-

хотела увидеть его — увидеть воочию. В разгар войны, когда он заперт здесь, на краю света, среди гербовых орлов и живых ястребов, парящих в небе, когда каждый день на счету и необходимо беречь не только часы, но и минуты.

Конечно, он откажется.

Конечно, он останется на посту.

Конечно…

Она хотела увидеться с ним, еще когда он готовился к отъезду, но Китти устроила скандал, и Оппи уехал из Беркли, даже не попрощавшись с Джин.

Но он знал Джин, а она знала его. Они оба безошибочно ощущали грань между одному из них «хочется увидеть» другого или «необходимо увидеть». К тому же письмо прислала Мэри-Эллен от имени Джин — почему? Неужели Джин так подавлена, что не смогла сама написать письмо? Мэри-Эллен точно передала бы намерение Джин: Джин нужно было его увидеть. Мэри-Эллен следовало бы употребить другое слово: Джин *необходимо* встретиться с ним.

Конечно…

Конечно, он поедет.

Что еще ему остается?

* * *

Из соображений безопасности генерал Гровз запретил ведущим специалистам летать самолетами, а купить билет на поезд до Сан-Франциско, где жила Джин, Роберт не мог — это вызвало бы подозрения. А в находящийся поблизости Беркли? Вот это как раз удивления не вызовет; ему ничего не стоит сочинить список важных дел, ради которых нужно посетить Радиационную лабораторию. Да хотя бы посоветоваться с Эрнестом Лоуренсом.

После длительного путешествия по железной дороге из Нью-Мексико (а ведь ему ради видимости пришлось провести пару дней в кампусе) он вечером ускользнул из Леконт-холла и на трамвае, идущем через Оклендский мост, отправился в Сан-Франциско.

Джин встретила его на конечной остановке. В четверть десятого его длинные ноги бегом отмерили разделявшее их расстояние, и она оказалась в его объятиях. Они сели в ее маленький зеленый «Плимут»-купе, проехали по Эмбаркадеро и свернули на Бродвей. Оппи увидел в зеркале заднего вида, что следом за ними повернул коричневый «Форд», настолько заурядный, что мог бы сойти

за платоновский идеал неприметности.

Она не задавала вопросов о том, где он сейчас живет, а он не собирался рассказывать этого по собственной инициативе. Кто-то — вероятно, Хок, а может быть, ее отец — наверняка шепнул ей о том, что его привлекли к секретному военному заданию. Она могла бы попытаться разрушить его брак, но не помешать его работе.

За семь лет их знакомства Джин не так уж сильно изменилась внешне, невзирая на то что теперь она стала практикующим детским психиатром и работала в больнице «Гора Сион». А вот Оппи коротко обстриг свою буйную шевелюру, которая не очень-то соответствовала его новой должности научного руководителя Лос-Аламоса.

В 10:00 они приехали в кафе «Сочимилко» — их любимое место, — посидели там, выпили, а потом, естественно (о других вариантах даже речи не могло идти), отправились к ней домой на Телеграф-хилл. От машины к дверям они шли под ручку, весело смеясь (благодаря выпитому). Джин уронила ключ, и Оппи галантно поднял его.

Они поднялись на верхний этаж, где находилась комната, которую снимала Джин; там помещались лишь книги, кровать и кушетка. Одежды слетели, словно сами собой. Его ладони

приподняли ее тяжелые груди, длинные пальцы нащупали отвердевшие соски. Вскоре она распласталась на ложе, он навалился сверху и слился с нею.

Когда потом они вытянулись бок о бок и ее голова покоилась на его плече, она сказала с тоской в голосе:

— Иногда я ощущаю себя… словно… парализованной.

— Я знаю, — ласково ответил он, гладя ее густые волосы. Его сердце билось с перебоями, как бывало всегда, когда он знал, что должен расстаться с нею, он вспомнил стихотворение, которое она прочитала ему несколько лет назад; сочинила она его еще шестнадцатилетней, но сейчас оно неожиданно пришлось кстати.

…И даже этого не хватит,
Чтоб унять твою ужасную боль,
Изможденный до жути окровавленный Иисус.

— Я люблю тебя, — добавил он; ее щека плотнее прижалась к его плечу, и он почувствовал, что она улыбнулась своей слабой застенчивой улыбкой.

На следующий день он опоздал на свой поезд

в Нью-Мексико, Джин отвезла его в аэропорт, и он купил билет на самолет — нет-нет, не прямо домой, а до Санта-Фе.

По пути в аэропорт он увидел за несколькими машинами позади тот же самый или, может быть, похожий коричневый «Форд». А-а, ладно… генерал Гровз и без того наверняка спустит с него шкуру за нарушение запрета на полеты на самолетах.

Глава 6

Видит Бог, я далеко не самый простой человек на свете, но по сравнению с Оппенгеймером я очень, очень прост.

И. А. Раби

С тех пор как Роберт провел ночь с Джин, прошло шесть недель, наполненных исступленной работой. Все, чем он занимался на Горе, было срочным, и чем усерднее он вникал в дела, тем меньше времени оставалось у него на то, чтобы мысленно возвращаться к ней, к той ночи, к жизни, которая у него могла бы быть, к его жизни, которая могла бы состояться.

И вот теперь он снова вернулся в Беркли отчасти для того, чтобы заняться вопросами безопасности, учитывая определенную расхлябанность в Радиационной лаборатории Эрнеста Лоуренса и привлекшие внимание армейской разведки неосторожные действия его бывшего аспиранта Росси Ломаница, все еще работавшего в Калифорнийском университете. Каждый атом его существа стремился снова проехать по Окленд-скому мосту на запад, чтобы обнять Джин, но…

Но. В последний раз за ним действительно велась слежка, по результатам которой был составлен скандальный отчет. Оппи постоянно носил с собою таблетку, которую ему дал Гровз, но все же до той поездки не осознавал, какой по-настоящему всеобъемлющей будет система безопасности в этом проекте; или, возможно, как сказала бы фрейдистка Джин, он подавлял мысль, которая должна была прийти в голову любому разумному человеку.

И все же — если бы только он мог снова увидеть Джин. Ради нее. Ради него самого. И, конечно же, на благо проекта: выбросить лишнее из головы, очистить разум, зарядить тело энергией, успокоить душу. Армия всегда понимала ценность отпуска; даже генерал Гровз капитулировал перед Оппи, когда он настаивал на том, что ученым, собранным на Горе, необходимо предоставить отдых от трудов по воскресеньям.

Роберт наполнял легкие теплым августовским воздухом, пил его. Газовая диффузия: одна-две молекулы кислорода, когда-то побывавшие в ее теле, с легкостью преодолевали несколько разделявших их миль и сейчас, несомненно, находились в нем.

Предоставленный ему военный водитель ни

за что не повезет его к ней, своей машины у него нет, а трамвай ничего не стоит проследить. А вот шофер такси наверняка обрадуется заработку и еще больше обрадуется чаевым, и очень скоро — через час? — Джин окажется в его объятиях.

Чертова безопасность! Что-то нужно, даже необходимо засекретить, и он никогда не допускал промахов в этих вопросах. Он читал ей только стихи, а не формулы, а ведь у каждой формулы есть своя красота и свой ритм. Они не стали бы касаться ни его работы, физики, ни ее работы, психологии; первой — потому, что теперь это строго запрещено, а второй — потому, что она тоже становилась взрывоопасной, когда дело касалось Джин. Ее сложная, утонченная психика хрупка, как цветок, изготовленный стеклодувом.

И все же *было* хорошо вернуться в Беркли, опять оказаться среди деканов и профессоров, экономистов и знатоков классической филологии, среди молодых пытливых умов. Он сознавал, насколько сильно ему недостает этой молодежи, но одно лишь ее присутствие, ее смех, ее сумбурные разговоры придавали ему душевных сил. В университете было отнюдь не так многолюдно, как несколько месяцев назад, в начале осеннего семестра, но он все равно гудел страстной

музыкой, в которую сливались струны тысяч исследований, сотен специальностей, где не было места мономаниакальной сосредоточенности всех на одном-единственном вопросе.

Роберт прошел через гранитный главный портал Дюрант-холла. Студенты Оппенгеймера славились умением передразнивать его походку и жестикуляцию; он знал, что они делали это не в насмешку, а напротив — из искреннего восхищения своим профессором. Но была одна очень важная область, в которой им больше не следовало подражать ему. Оппенгеймеру перед войной сошла с рук неудачная попытка создать профсоюз, а теперь Ломаниц снова взялся за то же самое. Оппи умолял всех своих бывших студентов отложить политику до окончания военных действий, но горячий и безрассудный Росси был одержим этой идеей.

Оппи намеревался повидать Ломаница. Следуя по коридору, он прошел мимо кабинета лейтенанта Льялла Джонсона, бывшего агента ФБР, который служил сейчас в армейской контрразведке, следил за состоянием дел в кампусе и постоянно находился здесь.

Точнее говоря, он должен был бы пройти мимо, но…

Но дверь была открыта, открыто было и окно — хозяин кабинета пытался бороться с августовским зноем при помощи сквозняка. Да и, наверное, неплохо было бы сначала, так сказать, отметиться…

Итак, он вошел в кабинет и обнаружил Джонсона за разгадыванием кроссворда. Бросив беглый взгляд на лист, Оппи произнес:

— Шесть по вертикали — Рубикон, — и продолжил: — Я хотел бы поговорить с Росси Ломаницем, если вы не возражаете. Он ведь хороший парень и хороший физик. Уверен, что он прислушается к моим доводам.

Джонсон благословил Роберта в его намерении наставить Ломаница на путь истинный. Оппи повернулся было, чтобы уйти, но вдруг подумал, что мороженое обязательно нужно украсить вишенкой, а мартини следует подавать с оливкой. Да, его старания образумить Росси наверняка покажут, что Оппи отрешился от своего красного прошлого. Однако, попав в Беркли, он неожиданно вспомнил о разговоре с Хоконом Шевалье, случившемся за несколько дней до того, как они с Китти уехали в Лос-Аламос. И сейчас, лишь для того, чтобы подчеркнуть, что он всем сердцем предан общему делу, он повернулся к Джонсону

и добавил:

— Кстати, в «Шелл девелопмент» — знаете, в Эмеривилле — есть один химик. Некто Джордж Элтентон. Возможно, к нему стоит приглядеться.

Джонсон, уже совсем было вновь углубившийся в свой кроссворд, резко вскинул голову.

— Да?

— Я не знаю ничего определенного, — сказал Оппи, — но незадолго до отъезда в Пункт Y я краем уха слышал, что он может интересоваться теми работами, которые ведутся в Радиационной лаборатории. Элтентон вроде бы жил в России, так что… — Он предоставил лейтенанту возможность самому закончить мысль.

— Спасибо, профессор, — ответил Джонсон и записал имя авторучкой на клочке крафт-бумаги. Оппи, читая так же вверх ногами, заметил, что Джонсон с первого раза записал фамилию правильно.

— Я не сомневаюсь, что это просто ерунда, но… — Он приподнял шляпу в знак прощания и вышел в коридор, чтобы направиться дальше к Ломаницу. Из-за открытой двери было слышно, как Джонсон набирал номер телефона.

* * *

Ближе к вечеру Оппенгеймер получил от лейтенанта Джонсона приглашение посетить на следующее утро его кабинет. Ночевал Оппи в одиночестве в своем двухэтажном особнячке в испанском стиле, глядевшем на Беркли с вершины Игл-хилла в ожидании того времени, когда хозяин с женой и сыном смогут навсегда вернуться сюда.

Он толком не уснул в эту ночь. Все время ворочался и путался в простынях. Бедняжка Джин была так близко, совсем близко… В окно он видел ярко сверкавший Альтаир. Фотону требовалось шестнадцать лет, чтобы со скоростью света долететь от альфы Орла до Игл-хилла, но Оппи видел звезду. А вот увидеть Джин он не мог.

Утром он принял душ (из труб довольно долго пришлось спускать застоявшуюся за много недель воду), оделся и вернулся в Дюрант-холл. На сей раз дверь кабинета Джонсона оказалась закрыта. Чтобы не привлекать внимания к секретной работе, проводимой в университете, объекты охраняла штатная полиция кампуса, а не военная полиция. В это утро один из них дежурил у двери оперативного агента. Судя по всему,

он ожидал появления Оппи, поскольку приветствовал его коротким: «Профессор», открыл дверь и жестом пригласил войти.

Джонсон был в комнате не один.

— Доктор Оппенгеймер, — приветствовал его подтянутый мужчина немного за сорок с редеющими светло-каштановыми волосами и в очках с круглой тонкой оправой. — Я подполковник Паш.

Роберт уже слышал это имя. Паш командовал контрразведкой Девятого армейского корпуса, контролировавшего эту часть Западного побережья; его штаб находился в Пресидио. Оппи также знал, что его имя — Борис. От рождения он носил имя Борис Федорович Пашковский, хоть и родился в Сан-Франциско. Первую мировую войну он провел в Москве с отцом, священником Русской православной церкви. Когда большевики захватили власть и начались Гражданская война и жестокие гонения на церковь, восемнадцатилетний Борис вступил в белую армию, чтобы сражаться с ними. Оппи слышал, что его ненависть к коммунистам граничила с патологией.

Паш поднялся из-за стола, за которым вчера сидел Джонсон; молодой лейтенант устроился на шатком деревянном стуле возле шкафа с бу-

магами.

— Рад знакомству, — сказал Паш. — Я не отниму у вас много времени.

— Не беспокойтесь, — ответил Оппи, выдержав сокрушительное рукопожатие. — Мое время в вашем распоряжении.

Паш опустился в кресло и жестом предложил Оппи занять второй свободный стул — точно такой же, как и тот, на котором сидел Джонсон. Оппи сел, пристроив шляпу на костлявое колено.

— Мистер Джонсон рассказал мне о вчерашней короткой беседе с вами, — сказал Паш. — И, знаете ли, я сразу встревожился.

Вчерашний разговор Оппенгеймера с бывшим аспирантом не дал того результата, на который он рассчитывал.

— Я хотел объяснить ему, что он ведет себя глупо, и предполагал, что он смутится, если прямо указать ему на это, но, откровенно говоря, он, похоже, не способен смущаться, так что…

— Вы о чем? — нахмурился Паш.

— О Росси Ломанице. Он…

— Он меня не интересует, — перебил Паш и резко взмахнул рукой. — Мистер Джонсон сказал, что вы говорили о том, что нашими делами здесь могли заинтересоваться некоторые… *зарубежные*

державы.

У Оппи вдруг сердце екнуло в груди, а во рту внезапно пересохло.

— О, это ведь только слухи. Я ничего точно не знаю.

— Но вы все же слышали что-то о химике Джордже Ч. Элтентоне?

Оппи не упоминал, да и не знал второго инициала, так что, несомненно, контрразведчики провели какую-то работу.

— Ну, да, вероятно, Элтентон, хм-м… намекал, что может передавать без опасности утечки или скандала любую, э-э, техническую информацию, которую кто-либо мог бы ему предоставить.

— И кому же он намекал?

Оппи вынул сигарету, прикурил. Его пальцы дрожали.

— Участникам этой программы.

— Элтентон непосредственно обращался к кому-то из участников работы?

— Нет, через посредников, — быстро ответил Оппи, пытаясь сместить направленность разговора. — А теперь позвольте сказать откровенно: если бы Верховный главнокомандующий решил проинформировать русских о том, чем мы здесь занимаемся, я всей душой приветствовал бы это

— как-никак они наши союзники и тоже сражаются против нацистов. Но я ни в коей мере не приветствую попытки передавать информацию через черный ход.

Оппи разглядел, что Паш записал в лежавшем перед ним блокноте «всей душой» и сопроводил их восклицательным знаком, а ниже добавил «черный ход» и обвел эти слова жирным кольцом.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о… об этом самом «черном ходе», как вы выразились? Вы, несомненно, понимаете, что такие вещи столь же интересуют меня, как весь проект — вас.

Проклятье! Он смял лишь наполовину выкуренную сигарету в зеленой стеклянной пепельнице и закурил следующую, пытаясь выиграть несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

— Что ж, — сказал он, глядя не на Паша, а в окно за его спиной на пожухшую от солнца траву, на Сатер-роуд и Уиллер-холл, — все разговоры заводились с людьми, которых эти попытки встревожили. Я думаю, что называть еще какие-то имена, кроме одного человека, которого уже упомянул, — Элтентона, — значило бы привлекать к делу людей, которые не принимали

сделанных намеков, а, напротив, решительно отвергали их.

— Да, но…

— Нет, нет. Если и дальше копаться во всем этом, будут затронуты люди, которые не просто ни в коей мере не виновны, но благонадежны на все сто процентов.

— Но к ним все же обращались. Когда? Где? Нам будет полезна любая информация.

— Происходило это месяцев пять, если не шесть или семь, назад. Я слышал о трех случаях, и, кстати, двое из тех, к кому обращались, находятся вместе со мною в Лос-Аламосе, и мы тесно сотрудничаем.

Непреодолимая сила, недвижимая масса…

— Хорошо, профессор. Я понимаю, что вы хотите оградить невинных людей, к которым всего лишь обращались с предложениями. Но вы, несомненно, понимаете, что человек, *делавший* эти самые предложения от имени Элтентона, тоже виновен. Вы можете назвать его имя?

Голос Оппи сорвался до писка.

— Мне кажется, это будет неправильно. Я ведь сказал вам, от кого исходила инициатива. Повторяю: все прочее затронет людей, которых вовсе незачем вмешивать в эту историю.

— Профессор, я все же вынужден настаивать. Этот посредник, пока не обнаружен, серьезно угрожает безопасности. Я просто обязан просить, чтобы вы сказали, кто он.

— М-м-м… он… это человек крайне левых взглядов.

— Это само собой разумеется. Итак?..

Оппи глубоко затянулся, надеясь, что это поможет ему хоть немного успокоиться.

— Прошу прощения, — сказал он, — но я считаю, что это грязный трюк. И что вы пытаетесь привязать к делу человека, который — доллар против окурка! — никакой опасности представлять просто не может.

— При всем уважении, вы не компетентны об этом судить.

Оппи промолчал.

— Профессор?.. — Никогда прежде название собственной должности не звучало для него столь издевательски.

Оппи вздохнул:

— Он преподает в Беркли, но не имеет отношения к нашему проекту. Вот, собственно, все, что я могу сказать.

— И он обращался к троим ученым одновременно?

Трое ученых. Вот же черт… Он *сам* это сказал.

— Нет, нет. — Остается хвататься за соломинку. — Эти разговоры происходили с интервалом в несколько недель, и никто из них при разговорах с кем-то другим не присутствовал.

Паш выразительно поднял указательный палец.

— Послушайте, Роберт, — вы позволите называть вас так? — послушайте, Роберт, без вашей помощи нам придется потратить очень много времени и сил на вычисление этого посредника. И вы, конечно, понимаете, что мы из кожи вон вылезем, но его отыщем — дело-то очень серьезное. Итак, повторяю: вы согласитесь назвать имя этого человека?

— Он и сам считал этот путь ошибочным. И сомневаюсь, что он был согласен с ним. — Оппенгеймер почувствовал, что к нему возвращаются силы. — Даже более того: я знаю это.

— Все же послушайте, профессор…

— Нет, это *вы* послушайте, — перебил Оппи, и слова хлынули потоком. — Вам же известно, что между двумя союзниками, русскими и Соединенными Штатами, очень непростые отношения. И все же, хотя официальная политика нашего правительства направлена на сотрудничество

с Россией, очень много секретной информации, например о радарах и многом другом, к ним не поступает. Но они там сражаются за свою жизнь — ежедневно на Восточном фронте гибнут тысячи их парней, — и, конечно, хоть некоторые сведения о том, чем мы, в Америке, занимаемся, воодушевили бы их. И предложение подразумевало всего лишь… исправление дефектов в работе наших официальных каналов. Несомненно, все это происходит из-за того, что в Госдепе пара каких-то парней блокирует здравые инициативы. Понимаете? Вот в какой форме это представлялось при беседах.

Паш скорчил недоверчивую мину, но промолчал.

Оппи страстно хотел избавиться от нервного повизгивания и говорить нормально.

— Конечно, если бы речь шла о том, чтобы предоставить информацию нацистам, все предстало бы в совсем ином цвете…

— Не в моей картине, — возразил Паш.

— …но я уверен, что даже при таком подходе все, к кому обращались с этим предложением, единодушно решили, что никаких приватных связей с русскими быть не должно. Никто и ни за что не дал бы Элтентону того, чем он интересо-

вался. Это было бы государственной изменой.

— Вне всякого сомнения, — сказал Паш. — Я, конечно, не настаиваю, но…

– *Вы* настаиваете… и этого требует ваш долг. И я тоже очень серьезно отношусь к *моему* долгу. Я несу ответственность за все происходящее в Пункте Y, и могу заверить, что все, что касается секретности, там в стопроцентном порядке. Это доподлинная правда. — Оппи указал на Леконт-холл, где находился кабинет Лоуренса. — А здесь таким порядком похвастаться не могут; поэтому мне пришлось беседовать с Ломаницем. И пусть меня расстреляют, если я не справляюсь со своими обязанностями.

Паш сделал еще одну пометку в блокноте.

— О, сомневаюсь, что дойдет до таких крайностей.

Глава 7

[Оппенгеймер], насколько я его знал, был мягким и мудрым человеком, преданным другом, воплощением благородства, неутомимым исследователем, гуманистом, обладателем вольного духа, правдолюбцем, борцом за справедливость, его глубоко волновала проблема благосостояния населения, эмоционально и интеллектуально он предан идеалам социалистического общества.

Хокон Шевалье

— Спасибо, что зашли, Роберт. присаживайтесь.

— Всегда к вашим услугам, генерал.

У Лесли Гровза был в Лос-Аламосе собственный кабинет, которым он пользовался во время своих частых визитов из Вашингтона. На одной стене там висел портрет президента Рузвельта, другую стену почти полностью занимала карта мира в меркаторской проекции, а на столе стояла фотография, повернутая так, что Оппи хорошо видел жену генерала с сыном, тезкой отца, двадцати

лет от роду, и пятнадцатилетней дочерью.

— Роберт, вы знаете, что я доверяю вам и целиком и полностью полагаюсь на вас.

— Благодарю вас, генерал.

— Мне представляется, что вам известно: далеко не все были согласны с моим выбором, когда я решил назначить вас директором этого научного центра. Вы, конечно, понимаете, что имелись в виду… ваши прежние знакомства.

Оппи знал об этом даже подробнее. В его послужном списке не было ни одной руководящей должности, он даже не был деканом факультета и не заведовал хотя бы кафедрой. И его назначение руководителем Лос-Аламоса не на шутку поразило многих. Один из его коллег по Беркли заявил, что лично он не доверил бы Оппи даже киоск с гамбургерами.

— Да, я слышал об этом.

— Но я с самого начала был уверен в своей правоте, — продолжал Гровз, — и сейчас остаюсь при прежнем мнении. Вы как нельзя лучше годитесь для этой работы. — Он хихикнул. — Только не пересказывайте мои слова полковнику Николсу: он считает меня очень скупым на похвалу, — он сделал небольшую паузу, которая явно должна была подчеркнуть финал фразы,

который Гровз произнес обычным грубоватым тоном, — для подчиненных.

— Благодарю, — сухо ответил Оппи; генерал недвусмысленно обозначил границы.

— Знаете, мы с вами впервые встретились пятнадцать месяцев назад, и смотрите, чего мы достигли. — Он широко развел руки в стороны, определенно подразумевая изменившееся за последний год плато.

— Это великолепно.

— И за все это время, Роберт, я ни разу ничего не приказывал вам. Вы и сами это знаете.

Генерал, сын армейского пресвитерианского капеллана, никогда не курил, и Оппи, уважая его привычки, старался воздерживаться от курения в его присутствии, но сейчас ему все сильнее хотелось курить.

— Это правда.

— Прошу вас, Роберт, не заставляйте меня делать это сейчас. Прошу вас по-человечески. Нам необходимо знать имя того посредника, о котором вы говорили лейтенанту Джонсону и полковнику Пашу. Люди полковника изо всех сил роют землю и составили список вероятных кандидатур. Я дам вам этот список и очень надеюсь, что вы отметите в нем того человека, который

наводил справки от имени Элтентона. — Он повернул лежавший перед ним лист бумаги и подвинул его через стол к сидевшему напротив Оппенгеймеру.

Первым там значился Джозеф Вейнберг, один из лучших студентов, которые когда-либо учились у Оппи, далее следовали еще восемь имен, по одному на строчке. Все коллеги-физики. Оппи поднял глаза от списка:

— Генерал, говоря по совести, я просто не могу этого сделать.

— Роберт, прошу вас как друга.

— Я и отвечаю как друг.

— Что ж, ладно. — Гровз тяжело вздохнул и повторил громче: — Ладно. — Он посмотрел в глаза Оппи. — Доктор Оппенгеймер, приказываю вам назвать это имя.

Оппи закрыл глаза и тоже вздохнул. Хок, как он хорошо знал, читал и перечитывал Гюго в оригинале, по-французски. Нельзя допустить, чтобы в эту нехорошую историю оказался втянут непричастный человек. Хок не может не понять этого.

— Шевалье, — негромко выговорил он.

— Кто? — рявкнул Гровз.

— Хокон Шевалье.

Гровз резко подвинул к себе листок и быстро

схватил авторучку.

— Произнесите по буквам.

Он медленно и четко произнес имя и фамилию, и генерал записал их печатными буквами.

— В первый раз слышу.

— Он не имеет отношения к точным наукам. Он преподает французскую литературу.

— Вот оно как… — протянул Гровз. — Неудивительно, что его не могли найти.

— Кроме того, — добавил Роберт, — он уволился из университета. Честно говоря, мне неизвестно, где он сейчас живет, но я уверен, что он против всего этого.

— Шевалье… — прочитал вслух Гровз. — Значит, он не американец?

— Вообще-то, он родился в Нью-Джерси.

— Отлично.

— Чем же?

— Американский гражданин, — пояснил Гровз. — И, значит, американская юрисдикция.

Желудок Оппи резануло болезненным спазмом. Он поднялся со стула. Генерал взглянул на него снизу вверх с некоторым удивлением, а потом рявкнул:

— Можете идти! — лишний раз повернув нож в ране.

* * *

На следующей неделе Оппи получил письмо, адресованное, как и вся почта обитателей Горы, на п/я 1663, Санта-Фе, Нью-Мексико. Поверх трехцентовой марки стоял нью-йоркский штемпель. Конверт, как всегда, был вскрыт.

Внутри лежали два машинописных листка. Оппи вынул их, развернул, и у него сердце екнуло в груди. Письмо было от Хокона Шевалье и начиналось словами: «Дорогой Опьи». Так, на голландский манер, его называли, когда он, двадцатичетырехлетний, провел семестр в Лейденском университете, а его старый друг старательно осваивал голландское произношение.

Пребываешь ли ты все еще в этом мире? Нет-нет, я знаю, что у тебя все в порядке, чего не могу с уверенностью сказать о себе. Скорее, напротив, у меня серьезные неприятности. Такое впечатление, что из-под меня выбили опору и я одиноко болтаюсь в пространстве без друзей, связей, без надежды, без будущего, с одним лишь прошлым – какое оно есть. Я на грани отчаяния, и в этой обстановке часто ду-

маю о тебе и жалею, что мы не можем встретиться и поговорить.

Первой из неприятностей, гнетущих Хокона, был непрекращающийся разлад с Барб. А что касается второй…

Хок определенно не имеет представления о причинах того, что с ним происходило. Знай он, откуда пошла вонь, тон был бы совсем другим, он, как подобает профессору французской литературы, кричал бы: «*J'accuse…!*»[15] Но по письму он представлялся совершенно растерянным и брошенным. Шевалье писал, что взял творческий отпуск и отправился в Нью-Йорк, рассчитывая поработать переводчиком в Управлении военной информации. Он три месяца проторчал в Большом яблоке, ожидая, когда же закончится проверка для допуска к секретности — вообще-то, совершенно рутинная процедура, — и в конце концов получил отказ, причины которого никто не пожелал ему объяснить толком. За это время, сидя без работы, он истратил значительную часть

---

[15] Примечания: 15

«*J'accuse…!*» — «Я обвиняю» — статья французского писателя Эмиля Золя, в которой он доказывал необоснованность обвинения в государственной измене, которое было предъявлено капитану Альфреду Дрейфусу, и пристрастность суда, приговорившего его к пожизненному заключению.

своих сбережений. Завершалось письмо такими словами:

> *Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо; потому и не пишу больше и подробнее. Хотелось бы услышать от тебя, можешь ли ты в эти дни, когда, похоже, идет деперсонализация человечества, найти время для одного отдельно взятого человека.*

Затем следовала подпись — одно только имя, написанное с характерным наклоном влево, который всегда забавлял Роберта, но сегодня не вызвал обычной улыбки.

Оппи решил, что кислая горечь, стоящая в горле, как раз и есть вкус вины. Дрожащей рукой он отложил страницу, подумав, что наверняка Пир де Сильва, получивший указания от Бориса Паша, с иезуитским *Schadenfreude*[16] отправил адресату это письмо, не вычеркнув ни единого слова.

---

[16] Примечания: 16
Schadenfreude (*нем.*) — злорадство.

Глава 8
1944

Я хотела жить и отдавать, но почему-то не имела физических и душевных сил для этого. Я думаю, что всю свою жизнь была лишь обузой… по крайней мере, я способна избавить воюющий мир от бремени парализованной души.

Джин Тэтлок

— Доктор, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Оппи гордился способностью безошибочно узнавать по голосам всех, с кем был хотя бы мало-мальски знаком, и от этого сочного, даже слегка маслянистого голоса у него кольнуло под ложечкой. Он повернулся на своем вращающемся кресле:

— Конечно, капитан де Сильва.

Пир де Сильва гордился тем, что был единственным в Лос-Аламосе выпускником Вест-Пойнтской военной академии. При этом он пользовался единодушной неприязнью ученых, так как занимался цензурой всей их переписки, а также

конфисковал все личные фотоаппараты. Он был совсем молод, всего лет двадцати пяти, но пытался строить из себя видавшего виды циника на полвека старше и относился к числу тех людей, которые во всем подозревают оскорбление для себя. Однажды он ворвался на совещание руководителей научных групп, чтобы пожаловаться на молодого инженера, который дерзко сел на край его стола. Возможно, Оппи не следовало говорить с ним таким тоном, каким он общался с худшими из своих студентов, тупыми неучами, которые на деле показывали, что такое явление, как глупые вопросы, действительно существует. Он язвительно бросил: «В этой лаборатории кому угодно можно сидеть на любом столе — вашем, моем, *чьем угодно*».

Но сейчас, глядя на де Сильву, Оппи заметил в его поведении нечто необычное. Он как-то странно повернул лицо — красивое, но обычно безжизненное, как у римской статуи, — а руки держал за спиной, вероятно, сцепив, как будто хотел придать своему поведению видимость непринужденности.

— У меня… новости, — сказал он, и Оппи отметил коротенькую паузу там, где должно было стоять прилагательное — хорошие, плохие? — вы-

маранное широким черным маркером цензора.

— И если вы поделитесь ими со мною, — ответил Оппенгеймер со столь же деланой веселостью, — новости будут у нас обоих.

— Это о вашей… — Молодой человек поспешно оборвал начатую фразу и начал сначала: — Это касается мисс Тэтлок.

Сердце Оппи резко заколотилось. Он знал, что служба безопасности осведомлена о его отношениях с Джин, что им известно, кто она такая, что она состояла, а может быть, и сейчас состоит в Коммунистической партии, и, конечно, о том, что семь месяцев назад, уехав без разрешения в Сан-Франциско, он провел с нею ночь. Здесь, на Горе, много играли в покер, но Роберт редко присоединялся к игре, сознавая, что его пристально изучают.

— И?.. — самым легким тоном, на какой был способен, спросил он.

— Я подумал, что вам нужно это знать, — продолжил де Сильва. — Мне очень жаль, но она умерла.

В первый миг Оппи решил, что это какой-то злой розыгрыш, проверка, чтобы увидеть… что увидеть? Спровоцировать его на еще одно нарушение режима секретности? Нет, такого не

может быть. Ему непременно сообщили бы об этом общие знакомые, например Серберы, или даже ее отец Джон, ставший уже почетным профессором.

— Сообщение поступило только что, — сказал де Сильва, разглядев в глазах Роберта подозрение. — Увы, сэр, это правда.

Новость сообщил де Сильва, а это означало, что она была получена в результате слежки. Неужели ее телефон прослушивался? И если это так, то, вероятнее всего, по приказу этого подонка Паша из-за его последнего свидания — последнего в жизни свидания, как теперь оказалось, — с нею в июне? Оппи обмяк в кресле. Джин было всего двадцать девять, и она была вполне здорова физически. Значит, произошло что-то вроде автомобильной аварии или…

Вполне *физически* здорова…

— Она… это был какой-то несчастный случай?

— К несчастью, сэр, она покончила с собою.

Руки и ноги Оппенгеймера будто отнялись, все перед глазами расплылось.

— Расскажите… расскажите мне подробности, — сказал он, доставая из помятой пачки «Честерфилда» сигарету, и зажег ее.

— Судя по всему, она обещала вечером позво-

нить отцу, но так и не сделала этого. Утром он приехал к ней, но ему пришлось лезть в комнату через окно. Он нашел ее тело в ванне.

Роберт выдохнул дым и проводил взглядом поднимавшееся к потолку облачко. В мозгу бурлили мысли — и незавершенные, и уже оформившиеся в слова. В прошлом году он заплатил пятнадцать центов и посмотрел здесь, на базе, новое кино под названием «Касабланка»; он отлично понимал, что в нынешнем безумном мире судьбы двух маленьких людей не стоят и горстки бобов. Но, как ни крути, он бросил ее, переехав в Лос-Аламос; с тех пор они лишь однажды встретились — тогда, тайком, ночью. Неужели его уход — его пренебрежение своим долгом — привел эту взбалмошную, полную противоречий женщину, единственную женщину, которую он по-настоящему любил, к самоубийству?

Сердце ощущалось в груди грубо смятым пакетом из крафт-бумаги и при каждом движении больно царапало внутри. Естественно, он не мог сказать об этом несчастье Китти, но ему было остро необходимо поговорить хоть с *кем-нибудь*.

— Скажите, капитан, умеете ли вы хранить тайны так же хорошо, как и раскрывать их? — Де Сильва открыл было рот, но Оппи вскинул руку

с зажатой в пальцах сигаретой. — Нет, я вовсе не ожидаю от вас ответа. Но позвольте сказать вам кое-что. Мисс Тэтлок… Джин… изумительная девушка. Мы с нею были знакомы много лет, дважды чуть не поженились, но… — Оппи осекся, с изумлением почувствовав, что у него перехватило горло, и это был не обычный приступ кашля, свойственного очень многим курильщикам; можно было подумать, что сама его натура протестует против того, чтобы эти слова прозвучали вслух. — Оба раза она… она отказывалась чуть ли не в самый последний момент.

Вот и все, что он мог сказать, а кое о чем лучше умолчать — о том, что касается ее… или его самого. Она отказывалась, потому что понимала, что все очень сложно. И все же у них было так много общего — вкусы, интересы. И он не мог бы обвинять кого-то другого в неопределенности, в неуверенности в себе — потому что и сам был таким — одновременно и *тем*, и *этим*.

— Соболезную вам, — сказал де Сильва, и Оппи счел возможным поверить в его искренность.

— Она хотела увидеться со мною перед тем, как я переехал сюда, — продолжал Оппи, — но я не смог тогда выкроить время. Лишь три месяца назад я…

— Да, — мягким голосом вставил де Сильва, — я знаю.

— Конечно, вы знаете, — ответил Оппи и светски кивнул. — Я всей душой предан ей. Ну, и вы, конечно, знаете и о том, что и после моей женитьбы на Китти мы с нею состоим… — Он умолк, перевел дыхание и поправился: — Состояли в интимных отношениях.

Какие сдержанные, точно подобранные слова, думал Оппи. Почему нельзя просто *сказать* все громко и ясно? Он любил Джин, любил ее гибкий ум, любил ее страстные убеждения, любил ее благородную артистичную душу, любил…

Он с изумлением почувствовал, что его щеки мокры, и поднял руку, чтобы вытереть слезы. Но на смену им тут же набежали новые, и больше, чем прежде.

— Извините.

— Вам не за что извиняться, — почти ласково сказал де Сильва.

Нет, было за что. Он подвел ее. Он ведь хорошо знал о ее приступах депрессии. Они часто говорили о них, и он не раз отговаривал ее, отводя от края пропасти, даже рассказал ей о том, как однажды летом 1926 года подумывал покончить с собой, когда родители увезли его в Бретань после

катастрофически неудачного в социальном и научном плане, как ему двадцатидвухлетнему казалось, года, проведенного в кембриджской Кавендишской лаборатории. И все же, несмотря на его искренность, несмотря на его поддержку, несмотря на его любовь, Джин *ушла*.

Она познакомила его с поэзией Джона Донна, цитируя стихи по памяти. «Сокруши мое сердце, триединый Господь», говорила она, и теперь он знал, что она на самом деле имела в виду, и Троица, в которую он не верил, погружала его в скорбь, которая, он был уверен, пребудет вовеки.

— Ну, — сказал де Сильва — суровый солдат, непривычный к эмоциональным излияниям, — не буду дальше отвлекать вас от работы. Еще раз, доктор: примите мои соболезнования.

— Благодарю вас, — ответил Оппи.

Де Сильва вышел, деликатно закрыв за собой простую, без всяких табличек, деревянную дверь.

Теперь можно было свободно лить слезы. Он редко обращал внимание на свой хронический кашель, но его сочетание с всхлипыванием и начавшимся насморком оказалось мучительным, а руки никак не могли справиться с серебряной зажигалкой — Оппи никак не удавалось поднести

дрожащей рукой язычок пламени к кончику сигареты. Он развернулся в кресле, чтобы посмотреть в окно, но там все было затянуто темным маревом, как в ливень, хотя небо было безоблачным.

В дверь постучали. Он не желал никого видеть, и поэтому промолчал. Однако дверь все же открылась, и появился Боб Сербер.

— Ты слы… — Оппи повернулся в кресле, и он умолк на полуслове, увидев его лицо с красными, опухшими глазами, немного помолчал (его силуэт расплывался и колебался перед глазами Оппи) и осведомился: — Сделать для тебя что-нибудь? Может быть, выпить принести?

Роберт шумно втянул сопли носом и покачал головой.

— Это просто ужасно, правда?

— Она была такой… — начал Сербер, но ему не удалось подобрать удачное слово для того, чтобы охарактеризовать Джин, и он ограничился прилагательным «милая» — любимым эпитетом, который Оппи применял к самым трудноразрешимым научным проблемам. Роберт кивнул, Сербер постоял еще несколько секунд с вымученной улыбкой и вышел.

Оппи еще некоторое время сидел в кресле — ему казалось, что прошел целый час, но часы на

стене отсчитали лишь пятнадцать минут — и поднялся. Его секретарша Вера, только что возвратившаяся откуда-то, где находилась во время визитов де Сильвы и Сербера, сразу увидела, что он чем-то глубоко удручен, но на ее вопрос о том, что случилось, он просто ответил, что хочет прогуляться.

Он вышел на улицу и сразу же наткнулся на Уильяма (хотя обычно его называли Диком) Парсонса, сорокадвухлетнего начальника отдела боеприпасов, являвшегося его заместителем по руководству Лос-Аламосом.

— Эй, Оппи, — окликнул его Дик, но умолк, разглядев искаженное болью лицо Роберта. Парсонс, добрый малый из военных моряков, консерватор, придерживающийся устоявшихся традиций, постоянно пребывал в контрах с бесшабашным гражданским ученым Джорджем Кистяковски, разрабатывавшим революционный метод взрывной имплозии. Оппи был совершенно не в настроении разбираться в теоретическом конфликте и, жестом остановив Дика, прежде чем тот собрался продолжить, сказал:

— Если дело касается взрывных линз, то прав Кисти, если чего-то другого — вы.

Он пошел дальше и даже при своей неуклюжей

косолапой походке чувствовал, что нетвердо держится на ногах. На замерзшей земле лежал снежок цвета *crème brûlée.* Оппи наконец-то удалось закурить сигарету; облачко, вылетавшее у него изо рта, состояло из равных долей дыма и пара. Покрытый льдом пруд Эшли смотрел в небо, как гигантский глаз, затянутый бельмом.

Он плелся к конюшням, оставшимся от Лос-Аламосской сельской школы. Там можно было нанять лошадь, но Оппи и Китти, завзятые наездники, имели собственных лошадей, которых держали там же. Он заседлал четырнадцатилетнего гнедого Чико. По воскресеньям Оппи, чтобы убить свободное время, любил совершать дальние прогулки по горным дорожкам чуть ли не до восточной окраины Санта-Фе. Но сейчас он не хотел тревожить внешнюю охрану и поехал на Чико вокруг поселка, вдоль ограждавшей его изгороди из колючей проволоки. Выехать на край поселка было не так-то просто, и он сосредоточился на управлении лошадью, играл на Чико, как на музыкальном инструменте, заставляя его ставить ноги по очереди, в строгой последовательности — так можно было безопасно преодолеть и более неровную местность.

Выйдя на дорожку, он сначала пустил Чико

неторопливой рысью, потом кентером и, наконец, галопом, быстрее, быстрее, еще быстрее, проносясь вокруг поселка, как электрон по внешней орбите — нет, нет, как протон, разгоняющийся в циклотроне; с каждым кругом скорость увеличивалась, ветер развевал гриву Чико, она хлестала Оппи по щекам, выбивала слезы у него из глаз и стенания — из груди. Он заставлял коня скакать еще быстрее, и тот повиновался с ощутимым мрачным недовольством, мимо проносились скелеты тополей — как будто возможно было умчаться от боли, умчаться от совести, умчаться от любви.

Глава 9
1945

Я, пожалуй, ведущий теоретик в Америке. Это не значит – лучший. Вигнер наверняка лучше, Оппенгеймер и Теллер вряд ли уступят ему. Но я делаю больше, и говорю больше, и это тоже учитывается.

Ханс Бете, в письме матери

Шли месяцы; Оппи старательно держал эмоции при себе. Он здесь начальник, на него все смотрят. И когда он видел лицо Джин в облаках над холмом, в россыпи песчинок, заброшенных сквозняком на стол, в сновидениях, которые приходили почти каждую ночь, когда он ворочался и метался на постели, то не позволял никому увидеть свою печаль.

Дни складывались в недели, недели сливались в месяцы, его скорбь и, возможно, даже угрызения совести понемногу слабели, но он знал, что они описываются асимптотой и будут понемногу стихать, но никогда не исчезнут полностью. Итак, через пятнадцать месяцев после того, как Джин

не стало, он трудился, и труд, несомненно, был лучшим из доступных ему средств. И сегодня он занимался тем, чем обычно: шел по коридорам лабораторного отдела, обнесенного собственной оградой; сюда не допускался никто из посторонних, даже военная полиция. Здесь всегда стоял негромкий шум: пыхтело какое-то оборудование, подвывали насосы, стрекотали пишущие машинки и гудели голоса с акцентами разных уголков двух континентов.

И один из голосов — глубокий, рокочущий — звучал громче остальных.

— Нет, я *не* ошибаюсь!

Акцент был венгерским, голос принадлежал Эдварду Теллеру и доносился из открытой двери его кабинета, находившегося поблизости.

Сделав еще несколько шагов, Оппи услышал Ханса Бете, говорившего мягким увещевательным тоном:

— Но ведь вы уже ошиблись, когда предсказывали, что в небе может вспыхнуть пожар.

В 1942 году Теллер предположил, что один-единственный взрыв бомбы с реакцией термоядерного синтеза или даже бомбы с реакцией ядерного деления может воспламенить весь водород в океанах и весь азот в атмосфере и уни-

чтожить таким образом весь мир. После этого только-только начатые работы по созданию атомной бомбы чуть не свернули, но Бете доказал, что Теллер не учел эффект от охлаждения за счет радиоактивного излучения, который исключает возможность подобной катастрофы.

— Одна ошибка за три года! — воскликнул Теллер. — *Эти* расчеты верны.

До войны Теллер и Бете сотрудничали в разработке теории распространения ударной волны от снаряда, но Теллер злился на Оппи за то, что тот назначил главой теоретического отдела невозмутимого уроженца Страсбурга, а не его. Бете с готовностью смеялся над собой и другими, в то время как Теллер мрачнел и таил обиды.

Оппи практиковал, как кто-то выразился, «управление методом прогулки»: ходил по помещениям, чтобы видеть всех и все видели его, заглядывал в лаборатории и мастерские, проверяя, как идут дела. Так что ни Бете, ни Теллер не удивились, когда он перешагнул через порог. Теллер съежился в деревянном кресле, а Бете, который и без того был заметно выше ростом, стоял у стола, нависая над венгром.

— Но этого просто не может быть. Эдвард, разве вы не видите…

— Что случилось? — спросил Оппи, прислонившись к дверному косяку. Входя в любое помещение, он первым делом смотрел, что написано на грифельной доске. Теллер начертил у себя таблицу, озаглавленную «Идеи для оружия», в которой были столбцы «Выход» и «Способ доставки». В нижней строчке, рядом с обозначением самой большой мощности заряда, под шапкой «Способ доставки» было написано «Во дворе». Ах вот оно что: устройство такой мощности уничтожило бы всю жизнь на Земле, так что необходимости транспортировать его куда-либо перед использованием просто не было.

Серо-стальные глаза Теллера остановились на Оппи.

— Ханс думает, что я ошибся в расчетах реакции синтеза на Солнце, — сказал он таким ироническим тоном, каким прокомментировал бы какую-то совершенно очевидную глупость, например: «Ханс утверждает, что Земля плоская».

Оппи повернулся к Бете. Как-никак авторитетом по реакциям синтеза на Солнце считался именно Ханс, а не Эдвард. Бете проанализировал возможные реакции превращения водорода в гелий и занимался расчетами синтеза в углеродно-азотно-кислородном цикле, который, по его

мнению, являлся основным источником производимой энергии.

— Но ведь это владения Бете, — осторожно заметил Оппи.

— Плевать! — рявкнул Теллер; его акцент сейчас был таким же заметным, как и его густые черные брови. — Я проверил всё, цифру за цифрой. Мои уравнения абсолютно верны.

Оппи почувствовал прилив раздражения. С самого начала работ Теллер настаивал на том, что они зря сосредоточились на реакции деления как основе боеприпаса. В Беркли почти три года назад, в июле 1942 года, на самом первом собрании группы, которой Оппи дал недвусмысленное название «Светила», Роберт начал свой разговор с учеными с описания разрушений, причиненных самым мощным на тот день взрывом, который произвели люди: катастрофы 1917 года в Галифаксе, когда норвежское судно на выходе из порта врезалось во французский транспорт, груженный взрывчаткой. В результате взрыва, соответствовавшего по мощности 2900 тоннам тринитротолуола, погибли 2000 и получили ранения 9000 человек. Боеприпас, который они намереваются создать, сказал тогда Оппи, должен быть в два, а то и в три раза мощнее, столь

ужасным, чтобы Гитлер тут же сдался, как только разрушительный потенциал нового оружия будет продемонстрирован (если, конечно, нацисты не успеют построить эту адскую штуку раньше).

Но Теллеру это показалось недостаточным. Он встал перед всеми остальными, сидевшими неровным кругом на складных стульях в зале на верхнем этаже Леконт-холла, и заявил: «Бомба на принципе деления, безусловно, возможна. Сделать ее очень даже нетрудно. В этой области есть куда более интересные проблемы».

Оппи вспомнил, как откинулся на спинку стула и, чтобы успокоиться, глубоко вдохнул свежего летнего воздуха, вливавшегося в открытую дверь балкона. Он собрал всех этих людей в Калифорнии, чтобы обменяться мыслями, но его затея вылилась в нечто наподобие выпаса стада нешрёдингерских кошек; чтобы заставить эти всеобъемлющие умы сосредоточиться на чем-то одном, требовалось приложить массу усилий и хитростей. «Например?» — спросил он.

«Об этом писал Энрико Ферми, — ответил Теллер. — Тривиальный боеприпас на принципе деления можно использовать для того, чтобы поджечь дейтерий и создать бомбу, в которой будет осуществляться реакция *синтеза*. Я кое-

что посчитал. — Он ткнул пальцем в бумаги, лежавшие перед ним. — Если с помощью бомбы деления воспламенить двадцать шесть фунтов тяжелого жидкого водорода, взрыв синтеза будет соответствовать *миллионам* тонн ТНТ».

«Миллионам...» — негромко прошепелявил Боб Сербер.

«Совершенно верно, — ответил Теллер. — Забудьте о всякой ерунде вроде повторения Галифакской катастрофы. Это мелочь. Задумайтесь о Тунгусской загадке!»

В 1908 году в почти необитаемой части Центральной Сибири произошел загадочный взрыв, в результате которого лес оказался повален на территории в полмиллиона акров[17]. Первую научную экспедицию русские смогли выслать туда лишь через двадцать лет. Она не обнаружила никакого кратера от взрыва или столкновения и поэтому сделала вывод, что, вероятнее всего, падавший метеорит или комета взорвались, немного не долетев до поверхности земли. Силу воздушного взрыва они оценили в интервале от десяти до тридцати мегатонн — от десяти до тридцати миллионов тонн ТНТ.

---

[17] Примечания: 17

0,5 млн. акров примерно соответствует 2000 кв. км.

«Помилуй бог, — сказал Оппенгеймер. — Да зачем же нужно такое оружие? Оно годится разве что для геноцида».

«Все, кто занимался геноцидом, наши враги», — провозгласил Теллер и обвел комнату взглядом. Евреем был не только он сам, но и Оппенгеймер, и Сербер, и Бете, и еще несколько человек из присутствовавших.

«Бомба реакции атомного деления, — продолжал Теллер, — это ерунда. Ее могут сделать и ваши аспиранты. А вот бомба, в которой используется ядерный синтез, способная вызвать такие же разрушения, как и то, что взорвалось на Тунгуске… Вот *это* задача, достойная *нас*!»

С тех пор Оппи всегда попустительствовал Теллеру, позволял ему разрабатывать теорию бомбы ядерного синтеза, которую венгр называл «супербомбой», тогда как все остальные занимались исключительно более практической проблемой создания бомбы деления. После переезда в Лос-Аламос Оппи также игнорировал многочисленные жалобы на то, что Теллер играет по ночам на рояле: он отказался ехать на Гору без этого — именно этого! — инструмента. Одной из разгневанных соседок Оппи сказал: «Вот если бы он играл плохо, тогда стоило бы жаловаться».

— Вот что, коллеги, — сказал Роберт, посмотрев сначала на Теллера, а потом на Бете. — Давайте не будем шуметь, ладно? И, кстати, у вас, Ханс, есть очень важная работа.

Теллер, естественно, обиделся. Он находил обиды даже там, где их вовсе не было, а уж настоящих никогда не пропускал и сейчас гневно взглянул на Оппенгеймера, но тот давно уже привык к подобным взглядам. Он вышел в коридор и отправился дальше искать пожары, которые требовалось срочно погасить.

Глава 10

Фауст двадцатого века [Оппенгеймер]
продал душу атомной бомбе.

Хокон Шевалье

Еще один утомительный день наконец-то подошел к концу. Оппи, который благодаря косолапости вполне уверенно чувствовал себя на кочковатой дороге, возвращался домой на Бастьюб-роу. Конечно, его нынешнее жилище не шло ни в какое сравнение с домом на Уан-Иглхилл, но сейчас он казался очень просторным и пустым. Маленькая дочка пребывала на попечении друзей; ни Китти, ни их старшего сына Питера уже довольно давно не было в Лос-Аламосе.

Следовало ожидать, думал он, что Китти сбежит. На сей раз она выдержала целых четыре месяца; а ведь в прошлый раз, после рождения сына, она уехала уже через шесть недель. Он тогда задумывался над тем, страдают ли другие женщины… пожалуй, это можно было бы назвать послеродовой меланхолией. Как бы там ни было, тогда, в первый раз, увидев, что Китти буквально

не в себе, Роберт попросил Хокона и Барб Шевалье присмотреть за Питером и увез Китти на их ранчо Перро-Кальенте. Вернуться в Беркли Китти согласилась лишь через два месяца. Если повезет, она и в этот раз восстановит нервы за примерно такое же время. Возможно, она вернется домой завтра или к выходным.

Он каждый день надеялся, что, открыв дверь — здесь, на Горе, никто не запирал их, — увидит в доме всю свою семью, но, увы, сегодняшний вечер ничем не отличался от вчерашнего или позавчерашнего.

Он скучал по запахам еды, готовящейся в кухоньке, которую по настоянию Китти пристроили к дому. По жужжанию инерционных машинок, которые Питер запускал по линолеуму. Он скучал по запаху «Лаки страйк», которые беспрерывно курила Китти, звука, с которым она крошила лед для коктейлей, зрелища ее — стремительных, бодрых, живых, как у миниатюрного дервиша, подхлестываемого джином, — перемещений по дому.

Но сейчас все было тихо и пусто. Когда Оппи шел, его шаги разносились по всем помещениям гулким эхом, а когда сидел, как сейчас, тишина становилась настолько полной, что он слышал

даже, как бьется его сердце.

Сердце. Они называли ядро сердцем атома, но атомное ядро состоит из частиц только двух видов — протонов и нейтронов. А в сердце Оппи по меньшей мере три составляющих. Первая частица воплощала его стремление к лидерству, к руководству. Возможно, думал он, оно возникло в результате кошмарного опыта, который он получил в возрасте четырнадцати лет. Родители отправили его в летний лагерь, а там мальчики сочли его заносчивым и в отместку раздели догола, намазали член и задницу зеленкой и заперли на ночь в кухонном леднике. Тогда он поклялся, что если вновь попадет в любое иерархическое общество, то ни за что не позволит себе оказаться среди низших.

Имелась у него также частица амбиции. Его ум был не зашорен, у него было множество интересов; как отметил генерал Гровз, он мог со знанием дела говорить о чем угодно, кроме спорта, и делать это на нескольких языках. Да, у него еще не было Нобелевской премии (пока не было), но, если его команда справится со своей задачей — если эта чертова штука сработает, — к нему придет слава превыше любой медали.

И, наконец, имелась частица…

Как бы ее назвать?

Сожаления? Вожделения?

И то и другое — и ни то, и ни другое. Джин безвозвратно ушла; пусть «Бхагавад-гита», которую Оппи открыл для себя вскоре после того, как ему перевалило за двадцать, обещала бесконечные циклы реинкарнаций, но он верил в них не более чем в планетарные эпициклы Птолемея. Да, изящное умственное построение, но не более того. Ее больше не было, и этого никак нельзя было изменить.

А Китти? Китти, которую он взял в жены вместо Джин? С которой он вроде бы как ведет семейную жизнь. Китти, женщина, которой он, как положено, должен вслух говорить, что любит ее? Как с нею?

Она вернется. Наверняка вернется. Она *должна* вернуться.

Оппи, сидевший в освещенной лишь луною через окно комнате, тяжело вздохнул. Он курил так много, что ему часто надоедало вынимать и зажигать сигареты одну за другой, и время от времени он пользовался трубкой; из нескольких лежавших набитыми на подставке он выбрал трубку «бильярд» с прямым чубуком и зажег ее деревянной спичкой, долго шипевшей в тишине.

«Ореховый» табак в чашке сиял алым угольком, дым терялся в темноте.

Оппи частенько задумывался о самоубийстве и даже был близок к нему. Это случилось в кембриджской Кавендишской лаборатории; он рассказывал Джин об этом случае. Его сердце — его ядро — пребывало в состоянии фундаментальной нестабильности, и, чтобы вывести его из равновесия, вовсе не требовалось никаких медленных нейтронов. Он был гением, черт побери, и обладал исключительным интеллектом. Но в состоянии стресса он — приходится это признать — совершал непостижимо глупые поступки.

Осенью 1925 года куратором Оппи в Кавендишской лаборатории был Патрик Блэкетт, всего на семь лет старше Оппи, высокий, тощий, рафинированный, с чрезвычайно вытянутой головой и подбородком, выпирающим так сильно, словно предназначался для того, чтобы уравновесить перевешивающие мозги. И Роберт — в этом он мог признаться лишь самому себе, но никак не Джин и уж конечно не Китти — испытывал к нему влечение. Даже в лучшие времена Оппи был более чем неважным экспериментатором, и, когда Блэкетт нависал над ним, он неизменно терялся и обязательно что-нибудь ронял. Звук бьющегося

стекла до сих пор приводил его в смятение.

В конце концов бремя влечения к Блэкетту и обида на его причитания по поводу неумелости Оппи оказались невыносимыми. Он купил у зеленщика яблоко — Оппи покачал головой, вспоминая подробности, — медленно и тщательно нанес на кожуру цианистый калий и оставил яблоко на столе Блэкетта.

Какой смысл Оппи вложил в выбор фрукта, он не мог бы сказать ни тогда, ни сейчас, подразумевал ли он тогда стереотипный подарок от ученика учителю или тщательно завуалированный намек на запретные знания, избранные обладатели которых никогда и ни с кем ими не поделятся; вероятно, тоже и то и другое — и ни то, и ни другое. Он понял, что опоздал с половым созреванием, и оно — оно! — оказалось совсем не тем, чего он ожидал. Очень неприятно было обнаружить, что он не только интеллектуал, но и в равной степени животное, движимое побуждениями, но *этому* побуждению нельзя было позволить развиваться.

И поэтому самой логичной, рациональной и необходимой мерой было бы устранить источник искушения, объект его извращенного влечения.

К счастью, кто-то из студентов заподозрил, что

яблоко может быть отравлено, и предупредил Блэкетта. Отец Оппи умолял кембриджское начальство не возбуждать уголовное дело и добился своего — с условием, что тот пройдет лечение у психиатра. Врач Эрнест Джонс — да, тот самый Эрнест Джонс, о котором он упомянул, когда говорил с Джин в ночь их знакомства, первый в мире англоговорящий специалист по фрейдистскому психоанализу, — поставил ему диагноз *dementia praecox;* где-то в середине прошедшего с тех пор двадцатилетия от этого термина отказались, заменив его названием «шизофрения». Джонс вскоре отказался от пациента, сказав, что «случай безнадежный» и что «дальнейший психоанализ принесет больше вреда, чем пользы», и Оппи осталось самому искать ответы в «Бхагавад-гите» и других мистических восточных текстах.

Несмотря даже на высокие гонорары и роскошную приемную Джонса, Оппи усомнился в правильности поставленного тем диагноза, однако понимал, что с ним *что-то* было и есть не так. Но усилиями воли ему удавалось обуздывать это «что-то», точно так же, как сильное ядерное взаимодействие удерживает от разбегания положительно заряженные протоны. Это самая мощная сила, известная физике; о, конечно, в про-

цессе тщательно управляемой цепной реакции можно расколоть и ядро, но даже крупнейшие научные светила считают, что это слишком трудная задача, и предпочитают объединять меньшие ядра в более крупные — одолеть сильное взаимодействие не так-то просто.

А как насчет силы воли Оппенгеймера? Она справлялась все хуже и хуже. Так много всего на него навалилось: давление с разных сторон и боль, долг и скорбь. Все зависело от этой лаборатории в пустыне, от работы собранных сюда ученых, от него.

Он потягивал трубку и думал о гусиной коже на голом теле, зеленке, разбитых пробирках и отравленных яблоках, о Патрике Блэкетте и Джин Тэтлок.

В конце концов он поплелся в спальню, лег, не раздеваясь, на жесткую кровать и, как саван, обернул вокруг костлявого тела тонкое покрывало.

Глава 11

Это никуда не годится. Мы разгромили нацистские армии, мы оккупировали Берлин и Пенемюнде, но инженеров-ракетчиков получила Америка. Что может быть отвратительнее и непростительнее?

***Иосиф Сталин*[18]**

Сидя за столом в гостиничном номере высоко в Альпах, Вернер фон Браун старательно крутил ручки настройки на деревянном корпусе настольного радиоприемника, пытаясь вновь отыскать нужную станцию. Из-за того, что, как ему показалось, он услышал минуту назад, сердце бешено колотилось, но, прежде чем рассказать остальным, следовало удостовериться. Если он неправ, ошибка подтвердится вальсом, передаваемым на радиоволне, а если он прав, то все радиостанции

---

[18] Примечания: 18

Цит. по: *Tokaty Dr. «Soviet Space Technology», Spaceflight 5 (March 1963): 58–64.* — Наст. имя автора — Г. А. Токаев (Токати), советский ученый в области ракетостроения. В 1947 г. перебежал в Западный Берлин к англичанам, получил политическое убежище, позднее возглавил отдел авиации и космонавтики Лондонского университета. Работая в СССР, однажды сделал доклад в присутствии И. В. Сталина.

должны передавать один и тот же текст. Толстые пальцы медленно вращали бакелитовый конус.

Треск статических разрядов.

И опять.

И потом: «…наш славный фюрер пал смертью храбрых сегодня днем в Берлине, сражаясь до последнего вздоха с проклятыми большевистскими ордами. Адольфу Гитлеру, величайшему лидеру, которого когда-либо знал мир, родившемуся в Австрии двадцатого апреля 1889 года, было всего пятьдесят шесть…»

Вернер обессиленно откинулся на спинку единственного в комнате стула, сосновое сиденье жалобно заскрипело под тяжестью двухсотпятидесятифунтовой[19] туши. Этот широкоплечий мускулистый тридцатитрехлетний мужчина шести футов[20] ростом, с волосами песочного цвета и голубыми глазами, больше походил на игрока в американский футбол, чем на ведущего инженера нацистской ракетной программы, и даже недавняя травма напоминала спортивную — левая рука Вернера, сломанная в двух местах во время автомобильной аварии, была закована в

---

[19] Примечания: 19
113,4 кг.

[20] Примечания: 20
182 см.

тяжелый гипс и наполовину приподнята, как бы в остановленном на полпути движении *Sieg Heil*.

Фон Браун встречался с фюрером четыре раза. Первый раз в 1939 году, а последний — почти два года назад, в июле 1943-го. Как и любой, кому доводилось иметь дело с Гитлером, он чувствовал сверхъестественную харизму этого человека. Вернеру нравилось считать себя аполитичным, однако форму кавалерийского подразделения СС он носил если не с фашистской гордостью, то, по крайней мере, с определенным восхищением ее сексуальной черной кожей и металлической отделкой.

Смерть Гитлера в этом году была неизбежна — или героически, в бою, или, случись она несколько позже, перед расстрельной командой одной из армий противостоявшего ему союза. Многие будут скорбеть о его кончине, а вот фон Браун, талантливый инженер, сразу обратил свой аналитический ум к реальной проблеме. Еще в начале января 1945 года, пять месяцев назад, он понял, что война бесповоротно проиграна, и, собрав свою группу ракетчиков, прямо заявил о близком разгроме Германии. В любом другом коллективе рейха подобное публичное заявление неизбежно повлекло бы за собой концлагерь или

даже казнь, но его ракетчики были практичными людьми, хоть и витали по долгу службы мыслями в облаках.

Более того, еще в марте прошлого года сам Вернер и двое его подчиненных в курортном городке Цинновиц перебрали на вечеринке, и Вернер уже тогда позволил себе заговорить о своей растущей уверенности в том, что Германия движется к сокрушительному поражению. Это само по себе было крайней дерзостью, но он по пьяной лавочке сболтнул и нечто такое, о чем следовало бы накрепко молчать, громко воскликнув *Ist mir scheißegal* — «мне насрать» — по поводу военного применения ракет, и добавил, что его цель — это пилотируемый космический полет. Агенты Гиммлера арестовали всех троих за то, что они поставили мечты о небывалом выше военного производства, и посадили на гауптвахту на неделю с лишним.

И теперь, узнав о смерти фюрера, Вернер не сомневался в том, что авторитарный режим очень скоро обрушится. Большинство нацистов было предано не Германии, а лично Гитлеру, и поэтому многие из тех, кто еще вчера приравнивал пораженческие разговоры к предательству, сейчас думают о том, как бы побыстрее и повыгоднее

сдаться. Фон Браун не собирался сидеть в тюрьме и не допускал мысли о таком будущем для своих сотрудников — слишком уж ценными были их знания. Но кому из триумфаторов достанется это наследство? Какая из стран-победительниц заслуживает такого дара — ключа от дороги в космос?

Он уже говорил на эту тему со своими сотрудниками. Они договорились, что, когда придет время, сдадутся все вместе, как единая организация, и не позволят союзникам выбирать, кого нанимать на работу, а кого казнить. Они также сошлись на том, что терпеть не могут французов (а кто смог бы?), что Советы — животные и что британцы и в мирное время не смогут позволить себе столь грандиозной затеи, как Британская экспериментальная ракетная группа. Оставались американцы. Большинство ракетчиков никогда не встречали янки, и все, что они знали об этой стране, было почерпнуто из фильмов, но все немцы знали, что такое настоящий ужас, и были уверены, что любое будущее наверняка не может быть хуже.

У американцев не было Прометеев — ни одного блестящего ученого или инженера, получившего огонь от богов; рейх сокрушила в порошок, словно кость в ступке аптекаря, обычная простая

незамысловатая военная сила. Зато у немцев имелся Прометей, и это он — герр профессор доктор Вернер Магнус Максимилиан Фрейхерр фон Браун: его ракеты «Фау-2» летали так быстро, что звуки их взрывов слышали в Лондоне раньше, чем рев двигателей; это поистине божественный огонь! И это могущество — способность создавать самые совершенные ракеты, которые когда-либо видел мир, — спасет их всех.

Вернер встал (стул в спальне снова скрипнул, теперь от облегчения) и направился вниз, в пивную расположенной на германо-австрийской границе лыжной базы «Хаус Ингебург», где скрывался вместе со ста семьюдесятью своими сотрудниками. Несколько недель назад они спрятали свои четырнадцать тонн бумаг и чертежей в заброшенной шахте в горах Гарца, опасаясь, что эсэсовцы уничтожат их, чтобы документация не попала в руки врага. Затем они покинули ракетную базу в Пенемюнде, которую беспрепятственно бомбила авиация союзников. Здесь, в разреженном воздухе Альп, близ извилистой дороги, ведущей к месту, которое в настоящее время носит название «перевал Адольфа Гитлера», но, несомненно, скоро вернется к своему довоенному названию — Оберйох, они ждали своего часа.

Как только он вошел в пропахший дымом и шницелями пивной зал, Винер Гузель, инженер-электрик, на несколько лет моложе фон Брауна, кинулся к нему и схватил за здоровую руку.

– *Mein Gott…* — пробормотал он, уставившись на фон Брауна широко раскрытыми глазами, и, смертельно побледнев, указал на радио. Оно не работало, но, вероятно, его выключили только что. — *Mein Gott…*

— Нельзя терять время, — сказал Вернер. — Где Дорнбергер?

Гузель указал на одну из кабинок, и Вернер направился туда. Фон Браун являлся (в определенной мере) гражданским руководителем ракетной программы, но главным лицом в ней был генерал-майор Вальтер Дорнбергер, который лично привлек к работам Вернера, несмотря на ряд неодобрительных отзывов о нем. Фон Браун ловкой дипломатией убедил Дорнбергера разместить новое предприятие по разработке и созданию ракет в Пенемюнде — месте, связанном с историей рода фон Браунов. Однако у них случались и конфликты — в основном из-за стремления Вернера к *die schöne Wissenschaft* — высокой науке, тогда как генерал был целиком и полностью сосредоточен на производстве оружия.

Дорнбергер (его редкие тщательно зачесанные волосы защищали от взглядов лысину ничуть не успешнее, чем немецкая пехота — Берлин от стремительно наступавших русских войск) сидел, повесив голову и не отрывая остановившегося взгляда от деревянной, выкрашенной в зеленый цвет столешницы.

— Генерал… — тихо сказал Вернер.

Пожилой человек, ветеран обеих мировых войн, уже второй раз становящийся свидетелем разгрома *Fatherland*, медленно поднял голову и так же медленно, с трудом сфокусировал взгляд.

— Что?

— Пора. У нас нет выбора.

Вернер ожидал возмущенных протестов, но Дорнбергер, похоже, совершенно пал духом; совершенно выжатый, он казался олицетворением поражения.

— Нет, — сказал генерал. — Это же неправда, верно? — Он дернулся было встать, вероятно, почувствовал, что у него нет сил даже на это, и жестом предложил фон Брауну сесть напротив. Вернер опустился на стул и положил руку в тяжелом гипсе на стол — чисто-белое на зеленом, точно такое же сочетание цветов, какое все они в последние недели видели на весенних Альпах.

— Насколько я знаю, вы получали донесения разведки… — мягким тоном начал Вернер.

Дорнбергер молча кивнул.

— И, — так же, без нажима, продолжил фон Браун, — там ведь может быть что-то полезное для нас, да?

Дорнбергер с видимым усилием попытался сосредоточиться.

— Да, — сказал он после паузы. — Американская часть разместилась у подножия этой самой горы.

— С какой ее стороны?

— Австрийской.

Вернер кивнул:

— Значит, завтра?

— Ja, — полушепотом сказал генерал и снова уткнулся взглядом в крашеную доску стола. — *Morgen.*

Вернер поднялся со стула. В противоположном конце зала Дитер Хузель придвинул табурет к пианино и заиграл *Deutschland lied*[21]. Остальные присутствующие собрались вокруг; там же был, как заметил Вернер, и его младший брат Магнус. Он подошел к группе. Магнус попросил Хузеля начать сначала и запел поставленным альтом

---

[21] Примечания: 21

«Песнь о Германии», больше известная по словам «Германия превыше всего».

мальчика из церковного хора: «*Deutschland, Deutschland über alles, Über alles in der Welt…*».

Германия, думал Вернер, никогда больше не станет превыше всего, зато он или кто-то другой вскоре поднимется на одной из его ракет действительно выше всех в мире.

Он не присоединился к хору, хотя знал, что у него, как и у всех остальных, никогда больше не будет возможности спеть этот гимн.

* * *

Случается, что самые простые вещи производят поразительно сильное впечатление. Когда группа спустилась с горы, ее ожидала специально приготовленная бывшими противниками прекрасная трапеза. Вернер фон Браун с наслаждением съел все до последнего кусочка, но, очистив тарелку, поймал себя на том, что снова тянется за хлебом — ломтем, белизна которого могла соперничать с горными снегами. «Боже мой!» — он не пробовал белого хлеба целых четыре года. Он намазал ломтик сливочным маслом и откусил кусочек. После тяжелых лишений военного времени это было божественно; даже ему теперь пришлось признать, что нет более великого изобретения, чем нарезанный хлеб, по крайней мере, хлеб

столь идеального оттенка, текстуры и мягкости, корочка которого приятно пружинит на зубах, а мякиш практически тает на языке.

Вместе с ним за столом пили пиво, вино и кофе и курили сигары еще две дюжины ведущих сотрудников. Но все взгляды были устремлены на его брата Магнуса.

— И что же дальше? — спросил Вернер.

Магнус поднес кружку с пивом ко рту, отхлебнул, вытер усы и продолжил:

— Я привязал к рулю велосипеда белый платок; спасибо тебе, Дитер! До подножья горы оказалось *очень* далеко, но я смог ехать почти все время. Ты, дорогой братец, со своей рукой, ни за что не справился бы. В общем, добрался я в городок, а там ни одного вражеского солдата. Когда они нужны, их не отыщешь! Я поехал искать. Множество премиленьких девушек; что ни говори, а насчет благотворности горного воздуха говорят правду. Тут вам и фермеры, и какой-то мальчишка допытывался, где я взял велосипед. Ну и, наконец, вижу: вот он, идет по улице. — Магнус указал на одного из троих американцев, сидевших за тем же столом.

Тот, похоже, немного понимал по-немецки.

— Да, это был я, — сказал он.

— Ja, это был он. Рядовой из сорок четвертой американской пехотной дивизии. Я подъехал ближе, поднял руки и крикнул по-английски: «Меня зовут Магнус фон Браун!»

Солдат, явно поняв, до какого момента дошел в своем повествовании немец, подхватил:

— Мой брат изобрел «Фау-2»! Мы хотим сдаться!

Тут и Магнус, и солдат рассмеялись, и Вернер, сидевший, положив загипсованную руку на покрытый скатертью стол, покачал головой. Он даже не смел надеяться, что все пройдет так просто.

— Ну, и?..

— Ну и оказалось, — продолжил Магнус, — что солдат, конечно, не знает ни моего имени, ни даже твоего, братец, зато *слышал* о «Фау-2».

Подошла официантка-баварка с полными кружками пива. Вернер допил то, что у него оставалось, и взял новую кружку.

— Мой друг, — продолжил Магнус, указав на солдата, — не силен в немецком, а я в английском. Так что пришлось…

— Ты еще скажи, что убеждал: «Мы пришли с миром», — съехидничал Дитер Хузель, до войны от корки до корки читавший каждый номер

«Удивительных историй», которые выписывал Вернер.

Магнус рассмеялся:

— Не совсем так, но, по сути, верно. Солдат повел меня в лагерь (велосипед я вел с собой), а там уже меня представили полковнику. У полковника оказался такой сильный акцент — а может быть, у меня, это ведь от точки зрения зависит, — что объясняться было совсем не просто…

— А мы все сидели тут и срали кирпичами от волнения! — снова перебил его Дитер.

— Ну, я спешил, как только мог, — ответил Магнус, — насколько позволяла вежливость. — Он поднял кружку с пивом. — Честно сознаюсь, мне пришлось выпить с полковником, и лишь после этого он отвез меня обратно на гору.

Полковник — рыжий веснушчатый человек средних лет, вероятно, ирландского происхождения — сидел во главе длинного стола.

— У нас есть список, — сказал он по-английски (Магнус, как мог, переводил его слова). — Мы называем его Черным списком. Там перечислены все ведущие немецкие ученые и инженеры, с которыми наши специалисты хотели бы пообщаться. — Он приветливо кивнул Вернеру. — Конечно, ваше имя стоит там одним из первых.

Магнус продолжал:

— Полковник сказал мне, что у них нет возможностей содержать такое количество военнопленных, к тому же ясно, что мы сдались по собственной воле и не собираемся убегать. Так почему бы не позволить нам устроиться вот тут, пока не придет время уходить?

«Вот тут» представляло собой роскошный особняк времен Баварского герцогства посреди торгового городка Ройтте, захваченного американской пехотой.

Вернер отсалютовал полковнику кружкой:

– *Danke schön*[22].

Полковник слегка нахмурился, явно вспоминая подходящие для ответа немецкие слова, а потом пожал плечами, явно решив, что подобрал не совсем то, что нужно, хотя и так сойдет.

– *Guten Tag*[23].

Вернер улыбнулся. Вполне сойдет.

Полковник снова перешел на английский; Магнус продолжал переводить:

— Он говорит: «Конечно, у меня были сомнения. Имя фон Браун мне знакомо, но я ожидал увидеть

---

[22] Примечания: 22
Большое спасибо.

[23] Примечания: 23
Добрый день.

этакого полудохлого седовласого яйцеголового типчика, а не… — он согнул руку в локте, демонстрируя молодость и спортивное телосложение Вернера, — Малыша Эбнера[24]».

Как только Магнус закончил переводить эту фразу коллегам, все расхохотались — они гордились Вернером и считали, что он настоящий *Wunderkind* и *Übermensch*[25].

— Конечно, — продолжил полковник, — дальше вами будут заниматься другие, они как раз едут сюда. Не знаю, какой прием вы встретите у них, но пока…

Когда Магнус закончил перевод, Вернер кивнул и потянулся за еще одним куском хлеба. По крайней мере, пока у него не было причин опасаться за свое будущее.

---

[24] Примечания: 24

Малыш Эбнер — персонаж популярных в США на протяжении тридцати лет комиксов, простодушный деревенский силач-красавец.

[25] Примечания: 25

Вундеркинд и сверхчеловек.

Глава 12

Для меня Гитлер был олицетворением зла и главным оправданием создания атомной бомбы. Теперь, когда нацистов, против которых предполагалось использовать бомбу, не стало, возникли сомнения. Эти сомнения, хоть и не находят отражения в официальных отчетах, широко обсуждаются в частных беседах.

Эмилио Сегре, нобелевский лауреат в области физики

Кровь Христова.

Возможно, для еврея это странная мысль, думал Оппи, но, с другой стороны, он ведь еврей только формально. Зато он владеет несколькими языками и, хотя для многих из тех, кто приехал сюда вместе с ним, название гор на востоке оставалось лишь красивым словосочетанием, сам он, упоминая Сангре-де-Кристо, неизменно вспоминал о буквальном переводе этих слов.

Знал он и о дебатах по поводу происхождения названия этой части Скалистых гор. Да, возможно, дело лишь в красноватом оттенке, который

вершины часто приобретают на рассвете или на закате, но Оппи больше нравилась легенда, в которой слова *Sangre de Cristo* произнес, умирая, католический священник, смертельно раненный апачами где-то в этих местах.

Германия в основном населена христианами — черт возьми, теперь, после многих лет убийств, которые творили там нацисты, практически только христианами, и поэтому Оппи частенько представлял себе, что, когда атомная бомба наконец будет сброшена на один из ее городов, многие из тех, кто не погибнет сразу, будут уходить из жизни, бормоча что-то вроде молитвы. В его сознании сразу всплыл фрагмент немецкого текста: *«Blut von Christus»*[26].

Но этому уже не суждено случиться, огненный шар реакции атомного деления не вспыхнет над фатерландом. 30 апреля 1945 года Гитлер и его любовница покончили с собой.

Оппи знал, что его сила заключается в умении устанавливать связи, а вот без образа мертвой Джин, лежащей в ванне, который снова завладел его сознанием, он вполне мог бы обойтись. Чтобы изгнать его из мыслей, он наклонил голову, и по-

---

[26] Примечания: 26
Кровь Христова (*нем.*).

ля его шляпы на мгновение заслонили зубчатые горы. Однако от других мыслей было не так-то легко избавиться.

Они не справились.

Он не справился.

Как накануне вечером сказал молодой Ричард Фейнман: «Черт возьми, Оппи, Гитлер был воплощением зла. В этом и был весь *смысл* этой кошмарной затеи. Вы же говорили нам — да все нам говорили, — что наша работа здесь — это ключ к разгрому нацистов».

Но в конце концов самые обычные войска пешком дошли до Берлина, и может быть, лениво думал Оппи, зная об участи, постигшей Муссолини, труп которого люди, настрадавшиеся при его режиме, повесили за ноги, закидали камнями и заплевали, *Der Führer* и решил одной пулей сделать то, для чего предназначалось стоящее многие миллионы долларов устройство, которое они делали здесь — прекратить войну в Европе.

Фейнман не ошибался, и, конечно, не он один из участников Манхэттенского проекта сомневался в том, что работы следует продолжать. Лео Силард в Чикаго говорил всем и каждому, что необходимости продолжать разработку бомбы уже нет. Пусть генерал Гровз ненавидел этого вен-

гра с несуразной головой, похожей на грушу, но Оппи любил — и, что куда важнее, уважал Лео.

Но если они будут продолжать свою работу, то целью станет Япония, а не Германия. Проучившись несколько лет в Геттингене у Макса Борна, Оппи хорошо знал Германию и владел немецким языком, а вот о Японии знал только, что там почти нет христиан, и с ее языком знаком не был. Если бомбу сбросят на Токио или Киото, никто не станет, умирая, взывать к крови Христовой. Но внезапно, в одночасье, планы убийства немцев — что было бы для американцев в некотором смысле альтруистическим предприятием, поскольку они не имели прямого отношения к европейскому театру военных действий, — перенацелились на убийство японцев, а такие действия лишь с очень большой натяжкой можно приравнять к мести за Перл-Харбор. Вряд ли это можно признать достойным выпускника Нью-Йоркской школы этической культуры. Вот уж поистине «Деяния прежде веры»!

Да, на Тихом океане шла жестокая война, и там каждый день гибли американские парни, да, ее нужно было завершить как можно скорее. Но ведь не имеется даже никаких подозрений на то, что джапы могут вести собственную программу

по созданию атомной бомбы, а значит, нет причин опережать их своей разработкой.

Оппи еще раз задержал взгляд на горах Сангре-де-Кристо, повернул коня и шагом направился обратно к Пункту Y. Кодовое обозначение, наугад выбранное из алфавита, неожиданно оказалось подходящим — дорога здесь разветвлялась, и сейчас они ехали по новому пути. Только-только показавшееся солнце рисовало на земле его длинную черную тень, протянувшуюся, казалось, через все плоскогорье.

* * *

В том же месяце, несколько позже, Оппенгеймер уехал в Вирджинию на первое заседание Временного комитета, созданного военным министром Генри Стимсоном. Эта группа экспертов под столь удачным никому ничего не говорящим названием должна была оказывать поддержку Гарри С. Трумэну (который, будучи вице-президентом, благополучно ничего не знал о Манхэттенском проекте, а месяц назад, сменив на президентском посту умершего ФДР, был вынужден разбираться и с ним) по вопросам первого применения ядерного оружия.

Лео Силард из Чикагской металлургической

лаборатории пронюхал о том, что Оппи едет на Восток, хотя, конечно, не знал зачем; тем не менее он настоял на встрече. Роберт согласился; в военном министерстве ему был выделен маленький кабинет с выкрашенными в желтушный цвет стенами, которым он пользовался, когда приезжал в столицу. Он предложил Силарду сесть на поезд и приехать в Вашингтон; тот так и сделал. Один из охранявших здание военных полицейских проводил его к Оппенгеймеру.

Силард любил ходить в плаще нараспашку, что вызывало ассоциации со старомодными накидками; вообще, он отличался театральностью поведения, которую некоторые находили неуместной, но Роберту она скорее нравилась. Лео начал разговор, еще не успев повесить плащ.

— Я вам писал. Разве вы не получили мое письмо?

Оппи получил это отпечатанное на машинке послание еще в Лос-Аламосе. Силард писал, что «если гонка в производстве атомных бомб станет неизбежной, то вряд ли можно будет ожидать благоприятных перспектив для этой страны», и завершал свои рассуждения словами: «Сомневаюсь, что демонстрация своей силы путем использования атомных бомб против Японии

будет разумным поступком».

Оппи кивнул:

— Я получил его.

— И ничего не ответили?

Оппи не видел никакого смысла в подписании каких-либо бумаг, определяющих его позицию, за исключением тех случаев, когда ему приходилось делать это в официальных докладах для вышестоящих: Гровза, Ванневара Буша, Стимсона или самого президента.

— У меня совершенно нет времени на переписку.

Силард хмыкнул, уселся на жесткий деревянный стул перед столом Роберта и помахал ладонью перед лицом, пытаясь разогнать густой табачный дым.

— Юри, Бартки и я два дня назад встретились с неким Джимми Бирнсом. Эйнштейн написал письмо и…

Оппи вскинул голову:

— Сам Эйнштейн?

— Ну ладно, ладно… Письмо написал *я*, а Альберт его *подписал*. Этой подписи хватило для того, чтобы нас записали на прием к новому президенту, этому Трумэну. Но когда мы пришли туда, нам подсунули… какую-то деревенщину! — Оппи

слышал, что Бирнса со дня на день назначат государственным секретарем, но сообщать об этом Силарду было ни к чему. — Тем не менее, — продолжал Лео, — я пытался заставить его понять аморальность использования бомбы против японских городов. — Он покачал головой. — Но этот тип и сам не имеет морали. Он сказал, что если мы сейчас используем бомбу, то после войны будет легче давить на русских. Я возразил, что неразумно таким образом дразнить советского медведя. Но он предпочел слушать Гровза — Гровза! — который сказал ему, что русским для создания собственной бомбы потребуется двадцать лет.

— О, они управятся гораздо раньше, — отозвался Оппи, пытаясь выдыхать дым в сторону от Силарда.

— Ну конечно же! Но этот болван Гровз уверил его, что в России нет урана. Прежде всего — почему он в этом так уверен? Кто вообще может что-то сказать наверняка о такой огромной стране? И, во-вторых, уран *есть* в Чехословакии! Нет, возразил я, если мы будем давить на Советы, они сделают бомбу уже в этом десятилетии.

— И что ответил на это Бирнс?

— У него хватило наглости заявить мне, что

я должен думать о Венгрии, что я должен заботиться о том, чтобы она не осталась навечно под русской оккупацией. Венгрия? Роберт, я думаю обо всем мире! О послевоенном развитии, в котором решится, будем ли мы жить или… или все умрем.

Оппи долго смотрел на него, а потом сказал без всякого выражения:

— Атомная бомба — чушь.

Черные волосы Силарда были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб. Сейчас густые брови взлетели чуть ли не до кромки волос.

— Как вас понимать?

— Ну, скажем так: это оружие, не имеющее военного значения. Оно может произвести сильный взрыв — очень сильный взрыв, — но для войны оно не годится.

— Как вы можете говорить такие вещи?

Оппи помахал в воздухе свободной рукой, подыскивая сравнение.

— Это примерно так же, как было с военными газами во время Великой войны: однажды люди увидели, как… насколько это оружие безнравственно, и поставили его вне закона. Но теоретическую разработку никто не запрещает, только практическое применение. Вы, конечно,

понимаете, что, как только мы применим бомбу против Японии, русские поймут, что к чему.

— Наверняка поймут, и даже слишком хорошо.

Оппенгеймер не любил сарказма.

— А как теперь понимать вас?

— Они почувствуют угрозу, неужели не ясно? Конечно, мы не можем сохранить в секрете наличие у нас такой бомбы и так или иначе должны будем сообщить русским. Это разозлит их, но ни в коей мере не подвинет нам навстречу. А уж сам факт, что мы готовы использовать такую бомбу против людей… Попомните мои слова: это спровоцирует гонку атомных вооружений.

— Ну, вы, наверное, знаете, что я приехал сюда на заседание комитета.

— Конечно. Вы, Ферми, Комптон и Лоуренс как его научная часть. И, кстати, там нет ни меня, ни кого-либо еще из тех, кто прямо…

— Лео, мы не марионетки.

— Нет, что вы. Я вовсе не имел…

— Но мы *ученые*. Не политики и тем более не политиканы. Мы не претендуем на исключительные способности решать военные или политические проблемы.

— Нет же, у нас как раз есть такие исключительные способности! Мы высокообразованные

люди, мы *мыслители*! И, думаю, очень мало кто во всем мире, день за днем, уже несколько лет, размышлял только об атомной бомбе.

— О *технических* вопросах…

— Отнюдь не все мы сидим, не отрывая носов от уравнений. Вы и сами это знаете. Бор, ваш покорный слуга, да и многие другие глубоко обдумывали этические и политические следствия, которые повлечет за собой… высвобождение созданного нами чудовища.

Оппи приподнял над столом руки ладонями вниз.

— Я хочу только одного — как можно скорее увидеть завершение войны на Тихом океане.

— Как я написал в письме, войну можно закончить сегодня, завтра — как только бомба будет готова, — продемонстрировав ее в действии. *Показать* ее японцам. Пригласить их высокопоставленных представителей в отдаленный район, чтобы они собственными глазами увидели, на что эта бомба способна.

— А если она не сработает?

— Урановая бомба пушечного типа не может не сработать, и вы сами отлично знаете это. Физические…

— Да, теория неопровержима. Но все же есть

шанс технической…

— Шанс! — Лео в негодовании воздел руки. — Бах! Роберт, вы ведь ждете шанса загнать шар в лузу. Вы стали таким же, как *они*. — Силард скорчил гримасу, с какой обычно говорил о Гровзе и его присных. — Вы хотите устроить свой собственный Большой взрыв. Вы хотите уничтожить этой бомбой город, чтобы весь мир узнал о вашем достижении.

Эти слова больно жгли. Два года назад Энрико Ферми, тоже работающий в металлургической лаборатории, приехав в Лос-Аламос, сказал: «Мой бог, у меня складывается впечатление, что вы тут и впрямь хотите сделать бомбу!»

— Лео, все не так.

— Не так? А в таком случае как?

— Бомба быстро и окончательно завершит войну. Если мы не пустим ее в действие, союзникам придется высаживаться в Японии, что приведет к огромным потерям с обеих сторон. — Этот довод Оппи почти ежедневно слышал от Гровза и других начальников со дня падения Берлина. Кроме того, было известно, что японцы продолжают сражаться в каждой затерянной в джунглях дыре с безумным упорством, до последнего человека.

— Как же узок ваш горизонт, Роберт… Слишком

узок. Японцы уже побеждены. Вам это известно; это *всем* известно. Но если бомбу используют, это столкнет камень, который намотает на себя столько ядовитых трав, что мы все погибнем.

— Никто не будет вкладывать два миллиарда долларов в создание штуки, которая *не* предназначена для использования.

— Два миллиарда? А вот я думаю, что цена этой работе, по текущему курсу, тридцать сребреников.

Оппи прижал ладони к столу, набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Посидев так несколько секунд и почувствовав, что он снова способен говорить ровным тоном, он поднялся, давая тем самым понять, что беседа окончена.

— Передайте коллегам в Чикаго мои наилучшие пожелания.

Глава 13

Китти была редкостной интриганкой. Если Китти чего-нибудь хотелось, она всегда получала желаемое. Помню, как однажды ей взбрело в голову получить степень доктора философии и как она бесстыдно заигрывала с бедным маленьким деканом биологического факультета. Диссертацию она так и не защитила. Это был всего лишь один из ее капризов. Она была насквозь фальшивой. Фальшивыми были все ее политические убеждения, все свои мысли она у кого-то позаимствовала. Если откровенно, то она одна из немногих по-настоящему дурных людей, которых я знала в своей жизни.

Джеки Оппенгеймер, невестка Роберта

Оппи шел по поселку, сдвинув на лоб шляпу, чтобы защитить глаза от яростного июньского солнца Нью-Мексико. Генерал Гровз приказал поставить на Горе новый большой транспарант: «Чей сын погибнет в последнюю минуту вой-

ны?» — спрашивала надпись над изображением распростертого на поле боя убитого американского солдата, а внизу еще более крупными буквами сообщалось: «Каждая минута на счету!»

Оппи старался взглянуть в глаза всем, кто попадался на пути, будь то ученые, солдаты, обслуга, члены семей работающих здесь людей, и кивал или улыбался. Это было очень важно для поддержания на ходу огромной машины, которой он управлял. Когда работа здесь только начиналась, все ему отвечали более или менее приветливо, но теперь поведением людей управляли по большей части расшатанные нервы, крайняя усталость и дурное настроение. Возбуждение первых дней оказалось нестойким и постепенно сходило на нет по мере того, как недели растягивались в месяцы и годы. Оппи провел здесь двадцать семь месяцев; многие другие тоже по два года с лишним.

Китти опять уехала. Нет, она не бросила его, об этом и мысли не могло быть, она покинула Гору — уже десять недель тому назад, объявив, что ей просто *необходимо* уехать. И она отправилась в Пенсильванию, в родительский дом возле Бетлехема, взяв с собой сына Питера, которому вскоре должно было исполниться четыре. А вот

их дочь, свою тезку Кэтрин, которой было всего лишь четыре месяца, не взяла. Оппи не понравилось, что ребенку дали имя в честь матери. Он всегда говорил, что у него самого первый инициал не значит ровным счетом ничего; ему дали имя Джулиус в честь отца, а это грубое нарушение еврейских традиций, запрещающих давать ребенку имя кого-то из еще живых близких. Но Китти попросила его, и, как это было на протяжении их брака с очень многими вещами, он попросту не смог отказать ей. Правда, он сразу начал называть младенца придуманным им именем Тайк, и жена вскоре подхватила его. И, конечно же, Роберт — директор, босс, человек, все письма и телефонные разговоры которого перлюстрируют и прослушивают, не мог доставить работникам службы безопасности удовольствия слушать или читать, как он умоляет Китти вернуться.

Разговор с нею он помнил до единого слова.

— Гровз ни за что не позволит тебе уехать надолго, — сказал он Китти, когда та ошарашила его, заявив о своем намерении. К тому времени генерал позволял гражданским выезжать из поселка даже не каждый уик-энд или изредка брать отпуск на неделю, а уж о более продолжительных сроках и разговора быть не могло. — Ты успеешь

доехать разве что до Питсбурга, и тебе уже нужно будет возвращаться.

Китти сидела, развалившись на диване, скрестив ноги, растрепанная.

— Дик сказал, что я могу оставаться там, сколько захочу.

Дик. Помилуй бог, даже он сам никогда не называл генерала по имени. Оппи подумал было, что такая фамильярность могла бы служить намеком на способ, каким его жена получила разрешение на неограниченный отпуск, но ведь Гровз и на самом деле был в жизни строгим, морально стойким пуританином. Возможно, он просто решил, что, если здесь какое-то время не будет несдержанной — и сумасбродной — Китти, многим здесь станет легче жить, или счел, что отсутствие одного, пусть даже бывшего, коммуниста укрепит безопасность.

— Он отпустил тебя? — повторил Оппи, пытаясь разобраться в происходящем

— Ну да.

— К твоей матери?

— К обоим моим родителям.

— К твоей матери, двоюродной сестре фельдмаршала Вильгельма Кейтеля?

– *Я* не имею дела с людьми, с которыми не сле-

дует поддерживать отношения.

Вот она и Джин приплела к разговору, даже не называя ее имени. Уже пятнадцать месяцев, как та мертва, но все же постоянно присутствует в этом доме на Бастьюб-роу, который никогда в глаза не видела, каждую ночь навещает его сны и портит каждый его разговор с Китти.

— Когда ждать тебя назад? — спросил Оппи.

— Когда у меня в душе наступит покой, — ответила она, глядя в темноту за окном. — Или в мире. Не знаю, что случится раньше.

Пока что не случилось ни того, ни другого. Он запер дверь своего кабинета и вышел в июньскую ночь. Низко над горизонтом сияла Венера, богиня любви.

У Оппенгеймера не хватило бы ни времени, ни сил руководить огромной лабораторией и одновременно ухаживать за младенцем. Выход предложил местный педиатр. И во время вечернего обхода Горы по пути домой из лаборатории секции «Т», проходя мимо квартала быстровозводимых домов «Сандт», он вдруг поразился очевидной, хотя и неуместной на первый взгляд необходимости присутствия здесь человека с такой специальностью. Каждый месяц в Лос-Аламосе появлялось около десятка новорожденных,

что изрядно раздражало генерала Гровза; он даже просил Оппи что-нибудь сделать, чтобы прекратить это безобразие. Роберт ответил, что в его обязанности как научного руководителя, возможно, и входит быстрый разрыв, а вот со слиянием — хоть быстрым, хоть неторопливым, — если оно касается людей, он ничего поделать не может и вообще к контролю над рождаемостью никак не причастен.

И у каждого из этих детей были оба родителя. Педиатр уговорил присмотреть за Тайк до возвращения Китти двадцатичетырехлетнюю жену физика Рубби Шерра Пэт, и малышка переехала в дом Шерров. У Пэт и Рубби уже была четырехлетняя дочь, и Пэт снова ждала ребенка. Прошлой зимой они потеряли маленького сына, и педиатр решил, что наличие еще одного младенца, за которым нужно ухаживать, поднимет ей настроение. Оппи скептически относился к этому предположению: атомы, конечно, взаимозаменяемы, а дети, бесспорно, нет, но такое положение вещей соответствовало его интересам, и поэтому он решил оставить все как есть.

Оппенгеймер взял за правило заглядывать к Шеррам дважды в неделю. Дома тоже нельзя было считать взаимозаменяемыми, невзирая

даже на то, что все постройки в этой части базы были поспешно собраны по одному проекту. Пэт изо всех сил старалась придать своему дому индивидуальность; для этого предназначались и красно-желтые коврики, купленные у индейцев пуэбло в Санта-Фе, и букетик лилий марипоза в стеклянной вазе на маленьком деревянном столике, и несколько гравюр Одюбона[27] в рамках. Ее супруг Рубби почти все свободное время посвящал наблюдению за птицами.

— О, смотрите, кто пришел! — воскликнула одетая в свободную желтую блузку и мешковатые слаксы Пэт, открыв дверь на его стук. Своим тоном она явно намекала, что он очень давно не навещал дочку.

Оппи указал в сторону кухни:

— Вкусно пахнет.

— Оставайтесь, поешьте, — предложила Пэт. — На вас смотреть страшно: кожа да кости.

Пэт, конечно, не первая обратила внимание на его состояние. Оппи, по общему признанию, превратился в скелет и весил всего сто пятнадцать фунтов. Гровз недавно назвал его доходягой (Роберт и не подозревал, что в словаре генерала

---

[27] Примечания: 27

Джон Джеймс Одюбон — американский натуралист, орнитолог и художник-анималист, автор труда «Птицы Америки».

имеется такое слово из какого-то низкопробного жаргона), а Боб Сербер на прошлой неделе, говоря о нем, прошепелявил: «Иштошшенный». Даже секретарша отругала его за то, что он живет на табаке и джине. Уже несколько месяцев рядом нет Китти, полтора года с тех пор, как Джин покончила с собой, а тут еще война на Тихом океане, которую только предстоит выиграть, — и все это бремя лежит на его плечах. Не далее как сегодня военный фельдъегерь доставил ему протокол последнего заседания Временного комитета, в котором он участвовал. Там было записано: «Необходимо как можно скорее использовать бомбу против Японии».

И именно Лос-Аламос — за который он отвечал! — все тормозил. «Как можно скорее» означало: как только подчиненные Оппи закончат свою работу. Так что времени не было ни на что, кроме работы, которую нужно было выполнить.

— Не сомневаюсь, что вы готовите замечательно, — сказал он, — но я вынужден отказаться. Нужно возвращаться в кабинет.

Оппенгеймер председательствовал на заседаниях специально созданного Комитета по целям, составлявшего список японских городов, пригодных для бомбардировок. Гровз присутствовал

только на первом заседании (на прочих вместо него был его заместитель, бригадный генерал Томас Фаррелл), но до Оппи дошли достоверные слухи, что Гровз пришел в ярость из-за того, что военный министр Генри Стимсон наложил категорическое вето на предложенный в качестве приоритетной цели город Киото. Стимсон с женой еще в 1926 году посетили древнюю и прекрасную бывшую столицу Японии, и теперь он решил, что Киото слишком важен для японцев с духовной точки зрения и поэтому уничтожение этого города недопустимо. А вот Оппи было безразлично, какие города уничтожать — для него все они были просто названиями на карте. Зато он очень не хотел оказаться причиной задержки.

Пэт предложила ему присесть; он согласился и тяжело вздохнул, опустившись на диван.

— Может быть, хотя бы кофе?

— Нет, спасибо, я не хочу.

— По вашему виду не скажешь. Оппи, ну, сами подумайте: что будет со всем этим хозяйством, если вы свалитесь?

Роберт пожал плечами. В таком случае его начальник Гровз и утвержденный преемник Дик Парсонс приложат все усилия, чтобы довести дело до конца, но ведь они не обладают и десятой

долей необходимых знаний. Весь этот механизм сложился отнюдь не в лабораториях Секции «Т», а в голове Оппи.

— Не беспокойтесь, я в полном порядке, — сказал он.

Она с сомнением посмотрела на него, но села на стул напротив и отхлебнула из большой чашки, стоявшей на столике рядом с вазой.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказал Оппи (эти слова он повторял каждый раз, когда бывал здесь), — за все, что вы делаете для нас.

Пэт приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, закрыла, а потом, видимо, решив, что она действительно хочет задать этот вопрос, спросила:

— Извините… Вы имеете представление, когда можно ждать возвращения миссис Оппенгеймер?

— Скоро, — ответил он и добавил, пожав плечами: — Полагаю.

Она поерзала на стуле. На ее лице было выражение, которое Оппи видел у большинства жителей Лос-Аламоса: есть работа, которую необходимо выполнить любой ценой, а личные чувства следует отбросить; в нынешней обстановке даже гражданские должны сражаться. Он посмотрел в окно, выходящее на восток. От здания протя-

нулась длинная тень, а в окне соседнего дома отразился сверкающий шар, похожий на второе солнце. Он не мог обсуждать свою работу даже со своей женой, тем более с Пэт, но почему бы не поболтать несколько минут?

— Вы слышали сегодня Трумэна по радио? — спросил он. — Честно говоря, я совершенно не верю, что он сможет продолжить политику ФДР. Он же просто…

— Оппи! — В этих двух слогах звучало столько неодобрения, что он повернулся к хозяйке, удивленно вскинув брови. — Неужели вы не хотите взглянуть на свою дочь? Она так быстро растет!

Он открывал уже четвертую за день пачку «Честерфилда».

— Да, — сказал он, изумившись вопросу. — Конечно.

Пэт встала и через несколько секунд вернулась, держа на руках крошечную девочку, которая явно должна была с минуты на минуту уснуть. Ребенок был завернут в полотенце с броским чернильным штампом *USED*. Из-за этих четырех букв Оппи в свое время пришлось изрядно понервничать, убеждая разъяренных жен сотрудников в том, что это всего лишь аббревиатура организации, к

которой формально приписан их поселок[28].

Пэт вручила ему дитя, смотревшее карими материнскими глазами, и Оппи, сев поудобнее, взял девочку. Она не испугалась и не заплакала, но крутила головой, оглядываясь на Пэт. На том же столике, рядом с кофейной чашкой и букетом, стояли небольшие часы.

Оппи, не сводя глаз с циферблата, держал дочь на руках и каждые пять секунд чуть заметно покачивал ее, напрягая колено. Как только секундная стрелка описала круг, он вернул ребенка Пэт. Та чуть заметно покачала головой, но взяла Тайк и легонько погладила жидкие младенческие волосы.

— Похоже, она вам симпатична, — осторожно заметил Оппи.

— Я всех детей люблю, — ответила Пэт, — ну а эта крошка — просто ангел. И, знаете, если ухаживаешь за ребенком, даже если он не твой, он все равно становится в какой-то степени родным.

— А вы не хотите удочерить ее?

Пэт от неожиданности открыла рот; рука, гладившая ребенка по головке, остановилась и

---

[28] Примечания: 28

Английское слово used означает «использованный». Аббревиатура *USED* относится к Военно-строительному управлению США (*United States Engineer Department*).

возобновила свое умиротворяющее движение лишь после того, как Тайк протестующе всхлипнула.

— Что скажете?

— Помилуй бог, конечно, нет!

— Но вы к ней так хорошо относитесь…

— Роберт, Иисус с вами! У нее есть двое замечательных родителей. Как вы можете говорить о таком?

Замечательные родители… Одна просто отсутствует, а второй… Оппи снова уставился в окно и сделал длинную затяжку.

— Потому что я не способен любить ее.

Пэт встала, отнесла ребенка в соседнюю комнату и уложила в колыбель — спать (и, наверно, чтобы девочка не слышала отцовских слов). Вернувшись, она села на то же место.

— Роберт. — Он повернулся к ней, и она продолжила: — Это… Знаете, я, пожалуй, могу вас понять. У вас *столько* дел, столько обязанностей — на вас же все держится. И вы должны заботиться обо всех нас, а не только о своей дочери. Но… послушайте, я знаю, доктор Барнетт считает, что так будет лучше всего… но я уверена, что если вы сможете выкраивать чуть побольше времени, чтобы быть с Кэтрин, то обязательно привяже-

тесь к ней.

Она не понимает, она *не в состоянии* понять. Хилый, болезненный Оппи никогда не дружил с другими детьми, у него не было возможности узнать, как нужно относиться *к* ребенку. И кроме того, едва успеешь привязаться к кому-нибудь, как этот кто-то…

Он покачал головой, чтобы отбросить эти мысли:

— Я не из тех людей, которые способны привязаться.

— Ох, Роберт, Роберт… — Она действительно не на шутку расстроилась. — Вы хотя бы обсуждали это с миссис Оппенгеймер?

— Нет. Я решил, что лучше будет сначала выяснить ваше настроение. Каждый ребенок заслуживает того, что вы и Рабби в состоянии дать им даже среди всего этого безумия: любящей семьи. У нас это не получится.

— К сожалению… — Она прикоснулась к своему уже заметно выступающему животу. — Скоро в этом доме совсем уже не останется места и… — Она замолчала, и Оппи почувствовал, что она приняла решение и не будет искать никаких оправданий. Его предположение подтвердилось, когда она покачала головой и произнесла послед-

нее слово: — Нет.

— Ну что ж… — Оппи, ощущая себя совершенно измотанным, поднялся с дивана. — Мне нужно идти работать.

Глава 14

Daran habe ich gar nicht gedacht![29]

Альберт Эйнштейн

Эдвард Теллер был убежден, что его уравнения солнечного синтеза верны и что тот же процесс, который он обнаружил на Солнце, можно использовать для создания предлагаемой им супербомбы. Он все еще отказывался верить Хансу Бете, который продолжал настаивать, что Теллер ошибается в своей трактовке механизма слияния атомов тяжелее лития в Солнце. Оппенгеймер до войны вел исследования ядер нейтронных звезд и тоже с полным основанием считался экспертом по физике звезд, но и ему самоуверенный венгр тоже не верил.

Раздраженный Оппи в конце концов уговорил Теллера оставить ему копию уравнений солнечного синтеза и отправил их с фельдъегерем единственному человеку, с которым даже вспыльчивый Эдвард не решился бы спорить: гению, который после смерти Фрейда шесть лет

---

[29] Примечания: 29
Я о таком и не думал! (*нем.*)

назад остался единственным из живых ученых, обладавшим безусловным авторитетом во всем мире, Великому старейшине физиков Альберту Эйнштейну.

Теллер сказал Оппи, что Эйнштейн наверняка по достоинству оценит его гениальность.

— Если уж *Лео* смог найти у Эйнштейна пробелы, то у *меня* это тем более получится, — заявил он, скрестив руки на широкой груди. (Теллер был очень давно знаком с Силардом, таким же, как он, «марсианином».)

Оппи лишь пожал плечами; за много лет все они не раз слышали хвастливый рассказ Силарда о том, как ему дважды удалось удивить Эйнштейна. Первый раз это случилось в 1922 году, он подошел к Эйнштейну после семинара и сказал, что понял, как объяснить возможности включения случайного движения теплового равновесия в рамки феноменологической теории без использования ограничивающей атомной модели. «Это невозможно! — воскликнул Эйнштейн. — Этого просто не может быть». Однако, выслушав Силарда, знаменитый профессор согласился с его правотой. Когда Силард представил научному руководителю наскоро написанную статью на эту тему, тот сначала был недоволен,

так как она не соответствовала первоначальному плану научной работы, но уже на следующий день утвердил ее как диссертацию на соискание степени доктора философии в области физики.

Еще более примечательным оказался визит, который они вместе с Юджином Вигнером (которого физики шепотом называли между собой «Старик Ананасная голова») нанесли Эйнштейну, уже обитавшему в двухэтажном коттедже на Лонг-Айленде, в июле 1939 года. Они поделились с ним своей твердой уверенностью в том, что уран, подвергнутый надлежащей бомбардировке нейтронами, должен расщепиться, высвободив мощную энергию, которую можно было бы использовать в разрушительной бомбе. «Daran habe ich gar nicht gedacht!» — сказал Эйнштейн (по словам Лео) — я о таком и не думал.

Оппи давно уже раздражало настойчивое стремление Теллера к разработке реакции синтеза; он был твердо уверен, что Эдвард будет работать *неправильно*. Он и так тратил на этого человека непозволительно много времени, позволяя Эдварду еженедельно приходить к нему в кабинет для личных бесед. Встреча один на один с научным руководителем являлась почти таким же показателем статуса, как и должность

руководителя подразделения, доставшаяся Бете, чего Теллер никак не желал простить ни ему, ни Оппенгеймеру.

И вот случилось так, что солдат из военной службы безопасности принес письмо от Эйнштейна как раз во время одной из таких бесед. Теллер сидел, Оппи стоял у открытого окна. В качестве адресата рукой Эйнштейна был указан Оппенгеймер, но тот предпочитал, чтобы неприятные новости люди узнавали сами, и поэтому сразу передал Теллеру конверт, который уже был аккуратно вскрыт Пиром де Сильвой.

Глаза Теллера двинулись по тексту (не слева направо, а сверху вниз, охватывая весь лист целиком). А потом, к изумлению Оппи, обычное кислое выражение лица Теллера сменилось широкой улыбкой.

— Я же говорил! — хрипло воскликнул он и сунул листок Оппи. — Я же говорил!

Оппи взял письмо, написанное по-немецки. Эйнштейн всегда растягивал слова по горизонтали, как будто они притягивались вправо к какой-то невидимой массе. В письме говорилось не только о том, что расчеты Теллера безупречны — такое, должен был признать Оппи, он редко мог сказать лично о себе, — но и сообщалось, что

Эйнштейн, подойдя к своей книжной полке и просмотрев последние номера журнала «Физикал ривью», заметил принципиальный недочет в выкладках главной работы Ханса Бете. Бете исходил из того, что температура в ядре Солнца составляет около двадцати миллионов градусов по Цельсию. В таком случае там действительно мог бы происходить гораздо более эффективный синтез углерода, азота и кислорода по циклу, который предполагал Бете. Но старое Солнце (здесь Эйнштейн в скобках иронически пояснил, что имеет в виду нашу звезду, а не своего двоюродного деда) было не таким массивным, как считает Бете, и поэтому, вероятно, имело температуру ядра «всего лишь» пятнадцать миллионов градусов, что могло поддерживать только неэффективный протон-протонный синтез. Эйнштейн сказал, что Теллер в своей модели ориентировался на более верное значение солнечной массы и поэтому его теория точнее.

Оппи поднял глаза от письма. Теллер выжидательно смотрел на него, высоко подняв брови.

— Все, как я говорил, верно?

— Да, — ответил Оппи и улыбнулся со всей возможной любезностью. — Что ж, полагаю, вас можно поздравить.

* * *

Через несколько минут Оппи вошел в лабораторию Бете.

— Ханс, я решил, что лучше будет предупредить вас заранее, пока вы еще не встретились с Теллером. Эйнштейн прислал ответ на его модель реакции синтеза.

Бете развел руками:

— Не тревожьтесь, кровопролития здесь, на Горе, не случится. Я буду великодушен к побежденному.

Оппи чиркнул спичкой, поднес огонек к трубке, пару раз пыхнул дымом и сказал:

— Не хочется вас расстраивать, но… наш любимый доктор Эйнштейн… принял сторону… нашего друга Эдварда.

— Что? Быть того не может!

Оппи взял письмо с собой. Конечно, существовал некоторый риск того, что Бете может в ярости порвать его, но теперь, после того, как был упомянут Теллер, эта вероятность становилась пренебрежимо малой.

— Читайте сами, — сказал он, протягивая собеседнику листок.

Голубые глаза Бете побежали по строчкам;

высокий гладкий лоб под ежиком жестких волос нахмурился.

– *Nein*, — сказал он, — *Herr Einstein ist ein*...[30]

— Ханс, я все же не советовал бы сразу заявлять, что он *Dummkopf*[31].

— Но это просто невозможно!

— Не принимайте так близко к сердцу. Нам всем случается ошибаться в вычислениях.

— В вычислениях можете ошибаться *вы*, — отрезал Бете. — Теллер может допускать грубые ошибки. А я — не могу.

— Но Эйнштейн утверждает, что вы добавили Солнцу пять лишних миллионов градусов, — сказал Оппи, чуть заметно пожав плечами. — Вероятно, вы ошиблись в оценке его температуры.

— Оценки?! — возмущенно повторил Бете. — Это была не оценка! Моя теория основана на конкретном, реальном солнечном спектре. И температуру я вывел из спектров.

Оппи нахмурился:

— Вы анализировали спектры сами или поручили кому-нибудь из своих...

— Конечно, сам. Лично. В Корнелле.

---

[30] Примечания: 30
Нет, герр Эйнштейн не...

[31] Примечания: 31
Болван.

— Что ж, когда война закончится, вы сможете проверить…

— Я проверю немедленно! — заявил Бете. — Попрошу кого-нибудь из коллег прислать сюда фотопластинки.

— Это не так важно…

— Вы ведь знаете, каким бывает злорадство Теллера? Нет, это не просто важно, а необходимо. Если, как утверждает Эйнштейн, температура на Солнце слишком низка для синтеза углеродно-азотно-кислородного цикла, то откуда же взялись обнаруженные мною углеродные линии?

— Ну, если допустить, что они существуют…

— Оппи, они существуют! — Морщина на лбу Бете углубилась и стала поразительно похожей на дугу транспортира. — Но если Солнце всегда было таким холодным — всего пятнадцать миллионов градусов, — значит…

— Тогда в его спектрах должны быть в лучшем случае лишь следовые количества углерода, оставшегося от протозвездной туманности, — предположил Оппи. Он задумчиво затянулся трубкой. — И оно никогда не могло бы производить собственный углерод.

— Совершенно верно! — поддержал его Бете.

— Так, значит, вы уверены, что видели уг-

лородные линии… — Оппенгеймер покачал головой. — Невозможно…

– *Eppur si muove*, — провозгласил Бете, для пущего впечатления перейдя на итальянский язык.

Оппи хмыкнул. «И все-таки она вертится». Слова, которые якобы произнес Галилей после вынужденного отречения от его теории, утверждавшей, что Земля вращается вокруг Солнца. «Факты есть факты», как любит говорить Бете.

— Ладно, Ханс. Но когда получите из Корнелла ваши спектры, сначала покажите их мне, а не Эдварду. Я предпочел бы, чтобы весь этот конфликт прекратился. Ну а если вы сунете ему доказательства под нос, мы окажемся прямо в центре одного из его супервзрывов.

* * *

И вдруг раздался звонкий, радостный голос:

— Милый, я дома! — Дверь дома на Бастьюб-роу распахнулась, и в дом вошла Китти с чемоданом.

Чертовски прозаично. Чертовски обыденно. Как будто она всего лишь сбегала в магазин на углу за хлебом. Но ведь магазина на углу не было — во всем поселке имелось лишь два магазина, где торговали всем на свете, — а Китти отсутствовала почти три месяца. Оппенгеймер

кое-что знал о ее семье — ее двоюродный дядя, немецкий фельдмаршал Вильгельм Кейтель, подписал в Берлине акт о безоговорочной капитуляции Германии, — а вот от нее самой не было ни слова.

Оппи затушил сигарету и поднялся с дивана в гостиной, чтобы направиться к входной двери, но его движение опередил несущийся навстречу Питер. Сын, отметивший четвертый день рождения вдали от отца, прибавил в росте, пожалуй, столько же, сколько его отец потерял в обхвате; на прошлой неделе ему снова пришлось проделать новое отверстие в поясном ремне. Роберт хотел поднять мальчика — взял обеими руками под мышки и потянул вверх, — но у него просто не хватило сил. Питер обхватил его ноги, и он взъерошил сыну волосы.

Китти, одетая в бежевую блузку и зеленые брюки, выглядела отдохнувшей и вполне упитанной, что порадовало Оппи. Он надеялся, что первый вопрос жены будет о Тайк, но, конечно же, этого не случилось. Она подошла поближе, поцеловала мужа и сказала:

— Как ты насчет того, чтобы выпить?

Понимала ли она, думал он, что не годится на роль матери, когда забеременела в первый

раз? Он имел в виду первый раз от *него*, хотя она рассказала ему и о своей действительно первой беременности, которая случилась, когда она была замужем за мужем номер один, музыкантом Фрэнком Рамсейером. Здешний начальник службы безопасности, Пир де Сильва, посмеялся бы над наивностью, с которой Рамсейер пытался сохранить свои мрачные секреты: он вел свой дневник зеркальным письмом, по примеру Леонардо да Винчи — писал буквы наоборот, справа налево. Китти наткнулась на него (в самом буквальном смысле; спьяну ведь ничего не стоит перепутать тумбочки), взяла зеркало и — кстати, о падении в зазеркалье! — обнаружила, кем на самом деле был ее муж: наркоманом и гомосексуалистом. И от беременности, и от брака удалось избавиться в кратчайшие сроки.

Во втором и третьем замужествах детей не было. Зато Китти намеренно забеременела в самом начале романа с Оппи. Тогда она желала заполучить его и поэтому хотела ребенка; родился мальчик, Питер. Но теория не всегда соответствует действительности; гипотезы опровергаются отнюдь не реже, чем подтверждаются.

«Я не из тех людей, которые привязываются». Как нейтроны в атомном ядре; о да, они держатся

там целой стайкой, если их не тревожат, но ни один из них не имеет заряда, ни положительного, ни отрицательного, которые могли бы их сблизить, не имеют никакой связи, ничего обязывающего. Просто таинственная мощная сила, химическое взаимодействие, в прямом и переносном смысле, которое работает исключительно в тех случаях, когда объекты находятся в состоянии непосредственной сближенности.

Оппи отправился приготовить жене коктейль, который она просила, да заодно и себе тоже; кубики льда, почти полностью погруженные в воду, позвякивали в бокалах.

— Добро пожаловать… — сказал он, спохватился перед тем, как продолжить: «домой», поскольку вряд ли можно было считать это здание и этот поселок домом, и продолжил после еле заметной паузы: — Обратно.

Глава 15

Уверен, что, когда наступит конец света – в последнюю миллисекунду существования Земли, – последний из оставшихся людей увидит то же самое, что и мы сейчас видели.

Джордж Кистяковски

16 июля 1945 года, в 5:59 утра в отороченное серовато-розовой полоской на востоке и кромешно-черное на западе предутреннее небо взвилась ракета минутной готовности.

— Боже, как же тяжко на сердце от всех этих делишек… — пробормотал Оппи, обращаясь, конечно же, не к окружающим, а к самому себе, а затем, склонив голову набок, добавил, что таких «делишек» вообще-то никогда еще не бывало. Одной рукой он опирался на грубо отесанную дубовую балку. В тонких, почти прозрачных пальцах другой руки он держал четырехлистный клевер, который Китти подарила ему перед отъездом на испытательный полигон, которому он лично присвоил кодовое название «Трини-

ти»[32]. Хотя его жена была квалифицированным ботаником, она все равно считала, что в растении-мутанте есть доля удачи.

Через тридцать секунд в бетонном бункере в десяти тысячах ярдов к югу от — неологизм, слова, соединенные вместе, как протоны в ядре, — «нулевой отметки» на пульте перед Оппи вспыхнули четыре кроваво-красных огонька. Справа от него возле рубильника, перекинув который можно прервать процесс, стоял молодой физик из Гарварда. Дело шло своим ходом, тикал электрический таймер, так что войти в историю в качестве человека, который привел в действие первую атомную бомбу, не должен был никто, а вот остановить испытание один человек все еще мог.

В Лос-Аламосе разработали две разные конструкции бомб. В первой, где использовался уран, применили простую пушечную схему, считавшуюся настолько надежной, что, как однажды сказал Оппенгеймеру Лео Силард, для нее вообще не требовалось никаких испытаний. Но, несмотря на все ухищрения, добиться эффективности в процессе выделения урана-235 из урана-238

---

[32] Примечания: 32
Trinity (*англ.*) — Троица.

никак не получалось. Этого изотопа было все еще так мало, что пришлось разработать вторую систему, в которой вместо урана использовался плутоний; его можно было производить в сравнительно больших количествах. Эта конструкция была гораздо сложнее по устройству, и именно ее сейчас собирались испытать. Боб Сербер окрестил этот тип сферической бомбы «Толстяком» в честь персонажа, которого играл в «Мальтийском соколе» Сидни Гринстрит. В нем использовалась принципиально иная, имплозивная схема детонации, усовершенствованная (по крайней мере, так казалось еще два дня назад) Джорджем Кистяковски. Но испытание макета «Толстяка» с начинкой из обычной взрывчатки, состоявшееся утром в субботу в каньоне Пахарито, оказалось неудачным.

В настоящем «Толстяке», который должен был взорваться сегодня, плутониевое ядро было отлито в виде сферы размером с мяч для софтбола. Его окружала оболочка из тридцати двух отлитых по строгой форме зарядов обычной мощной взрывчатки, которые назвали «линзами», поскольку, взрываясь, они должны были фокусировать силу взрывов на центральной сфере. При одновременном срабатывании всех линз сферическая

ударная волна, направленная внутрь, должна была стиснуть ядро до размеров теннисного мяча, создав тем самым критическую массу плутония. Но у линз, находившихся в той бомбе, что испытывалась в субботу, по-видимому, развился астигматизм.

Лесли Гровз, военный руководитель Манхэттенского проекта, и Ванневар Буш, возглавлявший Управление научных исследований и разработок и, следовательно, гражданский руководитель программы, прибыли точно по расписанию в субботу в полдень, и оба пришли в ярость, узнав о неудаче.

Оппи пытался сохранять хладнокровие перед ними — точнее, перед всеми, — но в конце концов нагрузка оказалась непосильной. Столько работы проделано, столько времени потрачено, успех так близок — но вместо сияющего цветка у него в кулаке крапива. Он сломался в разговоре с Кистяковски, и его слезы оказались единственной влагой, оросившей за последние недели этот засушливый район, по заслугам носивший устрашающее имя *La Jornada del Muerto* — Дорога мертвеца.

Кисти утверждал, что неудача, вероятнее всего, произошла из-за использования некачественных

линз — лучшие отливки, не имевшие значительных пузырьков и трещин, оставили для окончательного испытания, — и предложил пари, сумму, равную месячной зарплате Оппи, против десяти долларов, что сегодня все пройдет нормально.

Вчера поздно вечером Оппи, к которому настолько вернулось самообладание, что он ударился в философию, прочел Ванневару Бушу, на длинном лице которого поблескивали очки без оправы, и приглашенному консультанту, низкорослому, подтянутому И. А. Раби, который в прошлом году получил Нобелевскую премию по физике, отрывок из собственного перевода «Бхагавад-гиты»:

> *Во сне, в растерянности, в глубинах позора*
>
> *Мужа обороняют благие деяния, свершенные им прежде.*

Но ровно в двадцать два часа разразился ливень со шквалами, как будто само небо разрыдалось.

Именно в это время Трумэн, Черчилль и Сталин должны были прибыть в Потсдам, городок близ Берлина, на первую после капитуляции нацистов встречу глав государств-союзников. Трумэну

настоятельно требовалось успешное испытание, чтобы советский премьер узнал — лично от Верховного главнокомандующего, а не получил украденное через черный ход, как когда-то сказал Оппенгеймер, — что у американцев теперь есть атомная бомба, предстоящее применение которой против японцев сразу прекратит войну на Тихом океане. Испытание произойдет *сейчас* — но дождь прибьет радиоактивные частицы к земле и не даст им рассеяться.

Гровз во всеуслышание распекал метеоролога, который, вообще-то, несколько дней назад прямо предупредил генерала о приближающейся буре. Теперь тот уверенно заявлял, что к рассвету гроза прекратится.

— Ну так надейтесь, чтобы так и случилось, а не то я прикажу вас повесить! — прорычал Гровз. После чего заставил беднягу представить ему прогноз в письменном виде.

Затем, около трех часов ночи, Гровз позвонил губернатору Нью-Мексико; слуга поднял шестидесятишестилетнего старика с постели. Оппи слышал только слова генерала, обращенные к губернатору, который впервые узнал о предстоящем испытании, что он должен быть готов «ввести на рассвете военное положение, если

ущерб окажется больше, чем мы ожидаем».

Оппенгеймер и все остальные вышли наружу; в бункере остался лишь один человек, дежурящий около рубильника экстренной отмены. Гровз, Теллер, Фейнман и Ферми — тот самый Итальянский штурман, в прошлом году переехавший в Лос-Аламос из Чикаго, — рассыпались среди целой толпы народа по трем наблюдательным пунктам. Генерал решительно приказал ведущим ученым рассредоточиться, чтобы, если что-то пойдет *не так*, по крайней мере хоть некоторые из них могли уцелеть.

В 5:29:50 — оставалось всего десять секунд — прозвучал заключительный сигнал гонга, восточного музыкального инструмента, извещающего о скором триумфе Америки. Оппи достал из кармана сварочный светофильтр затемненностью в 10 DIN. «*Пять!*» — произнес мужской голос из репродуктора трансляции. «Четыре!» У Оппи перехватило дыхание — «Три!» — зато сердце так заколотилось, что, кажется, сотрясало все тело. «Два!» Он поднял черное, с янтарным отливом, стекло, в котором его голубые глаза отражались зелеными — «Один!» — такими же зелеными, понял он, какими были глаза Джин Тэтлок.

Свет! Яростный. Чистый. Слепящий.

Жестокая, невыносимая даже в первое мгновение яркость продолжала усиливаться. Безмолвный свет, святой свет — в нем пока нет ни звука, но есть сила, какой никто на Земле никогда прежде не испытывал. Впервые люди делали то, что ранее удавалось только самим звездам, преобразующим материю непосредственно в энергию, и формула Эйнштейна $E=mc^2$ превратилась из простой формулы из учебника в разрушительное оружие.

Купол ослепительного света рос и рос; Оппи прикинул, что его диаметр равен миле, потом двум, а потом уже и трем. И цвет, сначала чисто-белый, сделался желтым, потом сменился какофоническим месивом цветных разводов, но затем стал актинично пурпурным и походил на сияющий синяк на небосводе.

И затем свет начал подниматься — Бог свидетель, именно так оно и было! — полусфера поднималась на гигантском стебле все выше и выше, ад встречался с раем. Оппи не ожидал такого, да и никто не ожидал. Для всего мира это выглядело как раскаленный зонтик, огненный гриб высотой в несколько миль.

И, наконец, оглушительный треск, это до них донесся звук взрыва. Руки взлетели к ушам; глаза,

приспособившиеся было к яркости за светозащитным стеклом, непроизвольно сощурились от мощного звука. Оппи точно знал расстояние до точки взрыва и прикинул, через какое время услышит его: прошло ровно двадцать пять секунд с нулевой отсечки времени, но ему показалось, что цветовая феерия продолжалась много минут.

А следом пришла обжигающая воздушная волна от взрыва. Роберт каким-то чудом умудрился удержаться на ногах, а вот стоявшего рядом с ним более крупного и массивного Кисти вихрь повалил на землю; правда, он сразу же смог подняться и вернуться к своему боссу.

— Вы должны мне десять долларов! — проорал он и хлопнул Оппи по спине. Широкая улыбка темной щелью прорезала темный овал, которым представлялась сейчас его голова с чуть прикрытым остатками волос лысеющим черепом.

Оппи вынул бумажник и обнаружил, что там пусто.

— Вам придется подождать! — крикнул он в ответ.

К ним, преодолевая ветер, пробился кто-то еще. Это оказался Кен Бейнбридж, директор испытательного полигона с тонкими плотно сжатыми губами, из-за чего его рот ассоциировался со

змеей.

— Теперь мы все настоящие сукины дети! — проорал он, перекрикивая рокот.

Да, подумал Оппи. *Иначе нас и не назовешь.* Мы изменили мир, выиграли войну и поставили веху во времени: огромное прошлое было лишь прологом; все, что будет после этого мгновения, принадлежит новой эпохе, новому периоду, новой эре. Предыдущие эпохи именовались в честь все более совершенной животной жизни, возникавшей в палеозое, мезозое, кайнозое. А вот для новой эпохи отличительной чертой станет не ничем не сдерживаемая биология, а управляемое опустошение.

Толпа вокруг ликовала. Он знал, что каждый хочет поговорить с ним, пожать руку, поздравить, поделиться своими мыслями. Но ему был необходим момент покоя, поскольку перед ним оружие, способное положить конец любой войне, продолжало штурмовать само небо. Оппи отступил в сторону, двигаясь боком, не сводя глаз, больше не нуждавшихся в защитном стекле, с огромного выпуклого феномена.

Отныне…

Поистине дьявольская штука! Оппи все еще видел сохранившееся в сетчатке остаточное

изображение, но в его сознании под светящимся облаком лежал призрачный город с центром на нулевой отметке, который перестает существовать, превращается в ничто.

Отныне я…

Начальное образование, которое Роберт получил в Школе этической культуры Феликса Адлера — абстрактное стало конкретным, философское направление воплотилось в реальность из камня и известкового раствора, — возвысило его мышление, а индуистский мистицизм даровал прозрения, которые разделял мало кто из его западных современников.

Отныне я есмь Смерть…

Оппенгеймер изучал санскрит под руководством великого Артура Райдера, чтобы читать «Бхагавад-гиту» в оригинале, и думал на этом языке так же легко, как на английском… или французском, или немецком, или голландском. Он подозревал, что может с равным успехом формулировать свои мысли на любом из этих языков: немецкий, с его сложными существительными, подходил для характеристики объединения физических сил, тогда как английский с неограниченным запасом прилагательных был приспособлен для описания взаимоизменений.

Но хинди — язык «Гиты» — относился к глубинным связям, и его слова, ужасные, зловещие слова, вспыхнули в его сознании при виде того, как вздымающийся водоворот продолжал заволакивать небо.

Отныне я есмь Смерть, разрушитель миров.

Глава 16
Через три недели: Август 1945

Я совершенно не надеюсь оправдаться перед совестью. То, над чем мы работаем, настолько ужасно, что наши души не спасут никакие протесты или политические игры.

Эдвард Теллер

Оппенгеймер, сидя в своем кабинете, нетерпеливо ждал звонка. Помилуй бог, бомбу на Хиросиму должны были сбросить еще вчера. Почему же Мэнли не звонит? Оппи отправил своего ассистента в Вашингтон именно для того, чтобы тот дал ему знать, как только туда поступит донесение от бомбардировщика B-29, название которому, по-видимому, в последнюю минуту дали имя «Энола Гей».

Когда телефон наконец-то зазвонил, Оппи, рванувшись за трубкой, умудрился свалить со стола переполненную пепельницу.

— Сэр, вас вызывают по междугородней, — сообщил ему телефонист. — Доктор Мэнли.

— Да, да! — воскликнул Оппи. — Соединяйте.

В трубке несколько раз щелкнуло.

— Оппи…

— Джон, проклятье! Как вы думаете, за каким чертом я послал вас в Вашингтон?

— Простите, босс, ничего не мог поделать. Гровз не разрешал что-либо сообщать, пока Трумэн не сделает заявления. Оно должно вот-вот начаться, и…

Оппи, не прикрывая микрофон ладонью, громко крикнул Бобу Серберу:

— Радио! Президент выступает!

На невысоком книжном шкафу стоял дешевенький радиоприемник в бакелитовом корпусе. Сербер повернул ручку, аппарат начал нагреваться. Радио принимало только радиостанцию Санта-Фе и KRS, собственный радиопередатчик Горы. Оппи велел Серберу настроиться на Санта-Фе.

— Ну?! — спросил он в трубку. — И?

— Сработало, — ответил Мэнли.

Оппи откинулся на спинку кресла. *Чертова штука сработала!* Сербер смотрел на него, ожидая определенной реакции. Оппи поднял кулак с оттопыренным большим пальцем, и лицо Сербера расплылось в широкой улыбке; Оппи счел такое проявление чувств неуместным в данных

обстоятельствах, но тут же почувствовал, что и его самого тянет улыбнуться.

Мэнли продолжал:

— Дик Парсонс прислал сообщение с «Энолы Гей»: «Результаты однозначны. Успешно во всех отношениях. Видимые эффекты больше, чем при испытаниях в Нью-Мексико».

— Вот оно! — крикнул Сербер, указывая на радиоприемник.

Телефонный разговор обходился недешево, но Оппи было плевать на это.

— Джон, не кладите трубку, — сказал он, а сам опустил свою телефонную трубку на стол и повернул ее к затянутому материей динамику радио.

«…в прямом эфире с Атлантического океана президент Гарри С. Трумэн, возвращающийся в Соединенные Штаты с Потсдамской конференции».

А затем раздался голос Трумэна с характерным миссурийским акцентом, постепенно, по мере разогрева ламп радиоприемника, делавшийся громче: «Некоторое время назад американский самолет сбросил одну бомбу на Хиросиму и сделал этот город совершенно бесполезным для врага. Эта бомба обладает мощностью больше двадцати тысяч тонн ТНТ. Японцы развязали войну, напав

с воздуха на Перл-Харбор. Они получили многократное возмездие».

Оппи совершенно не к месту подумал не о бомбе с урановой начинкой, разработанной его командой, а о немецкой V-2[33], где буква V означала *Vergeltungswaffe* — «Оружие возмездия». Он встал и принялся расхаживать перед радиоприемником.

«И это еще не все, — продолжил Трумэн. — Появление этой бомбы добавило новые, революционные, разрушительные возможности к растущей мощи наших вооруженных сил. Бомбы нынешнего типа уже находятся в производстве, и скоро появятся новые, еще более мощные модели».

Более мощные модели?.. Оппи почувствовал, что все его тело обмякло и сила притяжения почти неодолимо повлекла его к полу. Неужели Трумэну доложили о проекте супербомбы Теллера? Неужели с ними теперь *покончено*? Он посмотрел на Сербера; тот пожал плечами; судя по всему, эта фраза удивила его точно так же, как и начальника.

А потом наконец президент дал чудовищу имя,

---

[33] Примечания: 33
«Фау-2», ракета.

использовав термин, впервые введенный, как узнал Оппи от Лео Силарда, Гербертом Г. Уэллсом еще в 1913 году, но до этого момента не известный почти никому из американцев. «Это атомная бомба. Это обуздание главной силы вселенной. Силу, из которой Солнце черпает свою мощь, мы обратили против тех, кто принес войну на Дальний Восток».

Ну, подумал Оппи, это не совсем верно; водородная бомба Теллера действительно основана на термоядерном синтезе, а вот в «Малыше» с «урановой пушкой», использованном в Хиросиме, и «Толстяке» с плутониевым имплозивным зарядом, который сейчас уже находится на аэродроме Тиниан южнее Японии, осуществляется реакция деления, то есть действует сила распада, а не синтеза. Тем не менее в любом случае используемые химические элементы преобразовываются в другие; Силард, узнав об испытании «Тринити», язвительно заметил: «Первым добившимся успеха алхимиком, несомненно, был Бог, но я иногда задаюсь вопросом: не был ли вторым сам дьявол?»

Трумэн продолжил, и в его голосе, обычно звучащем как-то неуверенно, прорвались чуть ли не истерические нотки: «Теперь мы готовы быстрее

и полнее уничтожить все производственные предприятия, которые имеются у японцев в любом городе. Мы уничтожим их порты, их фабрики и их коммуникации. Поймите меня правильно: мы полностью лишим Японию любой возможности вести войну».

Нет, нет, думал Оппи. Целью взрыва было показать миру, что воевать теперь стало совсем неразумно — что *любой* конфликт может разрастись до Армагеддона и поэтому от *всего* оружия следует отказаться. Продолжать разрушения, это…

Но *именно* это Трумэн и провозгласил: «Именно для того, чтобы уберечь японский народ от полного уничтожения, в Потсдаме двадцать шестого июля был выдвинут ультиматум. Их лидеры незамедлительно отвергли этот ультиматум. Если они сейчас не примут наши условия, то пусть ожидают разрушительных ударов с воздуха, подобных которым никогда еще не видели на земле».

Но ведь предъявленные условия, конечно, примут! У них просто не осталось другого разумного пути. Возможно, вторую бомбу стоило бы отвезти подальше в Тихий океан и взорвать там, пригласив журналистов из всех стран наблюдать за

происходящим с безопасного расстояния. Определенно, нет никакой необходимости сбрасывать ее на Кокуру или Ниигату.

Трумэн продолжал: «Мы вложили более двух миллиардов долларов в величайшую научную авантюру в истории — и выиграли. Но самое большое чудо — это не размах предприятия, его секретность или стоимость, а именно то, что умы ученых удалось заставить работать. Сомневаюсь, чтобы где-то еще в мире можно было найти подобное сочетание. То, что мы сделали, является величайшим в истории достижением организованной науки».

Оппи сразу вспомнил своего друга И. А. Раби, награжденного в прошлом году Нобелевской премией по физике, который не принял его предложение стать здесь заместителем директора, заявив, что не желает, чтобы кульминацией трех столетий развития физики стало оружие несравненной разрушительной силы. Оппи ответил на это, что Гитлер не оставил ему иного выбора… но Гитлер уже три месяца как мертв. И при определенном везении и следовании здравому смыслу в несколько ближайших месяцев сама концепция международных войн тоже канет в историю.

* * *

Проходя улицами горы, Оппи поравнялся с джипом. «Первый пошел!» — радостно кричал сидевший в нем молодой человек. Да, так оно и было. И, судя по всему, этот первый будет не последним. Да, на Тиниан доставили две бомбы, и теперь, после того как взорвали «Малыша», надо довести дело до конца.

Оппи знал, куда идет. Сейчас было не время для их обычных еженедельных бесед (к тому же они всегда проходили в его собственном кабинете), но все равно: он должен был увидеться именно с этим человеком. Некоторые из тех, кто попадался ему на пути, останавливались, чтобы пожать ему руку, хлопнуть по спине или показать большой палец. Но Оппи мог думать лишь о том же, о чем думал еще до того, как на Хиросиму сбросили бомбу: *о несчастных маленьких людях*.

Наконец он добрался до кабинета Эдварда Теллера. Дверь была открыта, так что Оппи просто стоял в дверном проеме, пока Теллер в конце концов не поднял взгляд от своего стола. Перед ним ничего не было — ни бумаги, на которой можно было бы писать, ни открытого журнала. Он просто смотрел, смотрел вниз, на обшарпан-

ную деревянную поверхность, погруженный в свои мысли.

— Эдвард, — сказал Оппи, когда их глаза встретились, — как вы себя чувствуете?

Теллер тяжело поднялся, упираясь в стол прижатыми к нему ладонями. Но он подошел не к Оппенгеймеру, как следовало бы ожидать, а к окну, из которого открывался вид на плато, выжженное августовским зноем.

— Я всегда рассказывал моим первокурсникам о волнах, — вдруг сказал он; его басистый голос звучал сейчас непривычно тихо. — Одна волна идет *таким* образом, образуя максимум, высший уровень возбуждения и удовлетворенности, но есть и другая, идущая *по-иному*, с минимумов, где концентрируются печаль и… — он сделал паузу, и Оппи подумал, что сейчас прозвучит слово «сожаление», но Эдвард завершил фразу иначе: — Предчувствие того, что может произойти в ближайшие годы. — Лишь после этого он повернулся к Оппенгеймеру. — И когда две такие волны встречаются, интерференция оказывается негативной: они взаимно гасятся, оставляя лишь… — он еще немного помолчал, выбирая слово, нашел его: — Покой.

Оппи наконец-то вошел в комнату, а Теллер

продолжал:

— Знаете, на полигон, где проходило испытание «Тринити», я взял лосьон для загара. Многие смеялись, а вот по-моему, это вполне уместно. Я никогда не забуду это зрелище, этот огненный шар. И вообще, сколько народу видело это испытание? Сотня, пожалуй. И, конечно, все защищали глаза сварочными светофильтрами или очками. А вот вчера этот свет узрели десятки тысяч людей. И без предупреждения, Оппи, без предупреждения. Есть разница? — Его брови взлетели высоко на лоб в философской задумчивости. — Мы выжили, чтобы поведать о былом.

— Эдвард, но ведь на этом — всё. В этой мировой войне больше не будет жертв.

— Япония уже сдалась? — осведомился Теллер с намеком на надежду в голосе.

— Насколько я знаю, еще нет. Но должна. — Голос Оппи вдруг сорвался. — Должна.

— Мы должны были предупредить их.

— Трумэн предупреждал. Потсдамская декларация…

— Нет, я не об этом. Кто может это понять? Вы, я, другие физики. Ну а фермер, лавочник, школьник? Лео был прав: нам следовало продемонстрировать действие бомбы. Может быть,

в Токийском заливе, но не в городе, не над домами. — Голос Теллера немного окреп. — Зря вы запретили распространить здесь эту петицию.

В конце июня Силард прислал Теллеру экземпляр еще одной петиции, призывавшей президента воздержаться от использования бомбы против Японии. Под ней поставили подписи очень многие сотрудники чикагской Металлургической лаборатории. Конечно, после разговора в Вашингтоне Силард понимал, что Оппи вряд ли одобрит подобное, и поэтому пошел на хитрость, попросив Теллера собрать подписи здесь, на Горе. Но Теллер обратился к Оппи за разрешением, а тот наотрез отказал; это был один из немногочисленных случаев за все время его участия в Манхэттенском проекте, когда он вышел из себя. Что, спросил он, может знать Силард или любой другой физик о японской психологии? Что кто-нибудь из них знает о том, как прекращать войны? Он даже весьма нелицеприятно отозвался о самом Силарде (вообще-то, такое поведение было типично для Гровза, но отнюдь не для него самого), назвав его вредителем-обструкционистом и интеллектуально нечестным лицемером: ведь, как ни крути, именно Лео взялся убеждать — и убедил! — предыдущего президента начать

разработку бомбы.

— Возможно, — ответил Оппи. Он, определенно, жалел о той вспышке месячной давности. А вот о том, что запретил распространение петиции?.. Он пожал плечами. — Не знаю.

Теллер снова уставился в окно. Вероятно, он принял этот ответ к сведению.

Совсем недавно Оппенгеймеру звонил Гровз. «Знаете, — сказал он, — я считаю, что назначение вас директором Лос-Аламоса было одним из самых мудрых поступков в моей жизни».

«Ну а у меня есть сомнения на этот счет, генерал Гровз», — ответил на это Оппи.

«Сами знаете, что к этим сомнениям я никогда не прислушивался», — сказал необычно взбудораженный Гровз.

Так ведь действительно это был день всеобщего радостного возбуждения: радостные возгласы, громкие хлопки по спине, льющееся шампанское (или имитирующий его шипучий имбирный эль), занятия в школе отменены, и дети свободно бегают по Горе, из репродукторов радиотрансляции орут Вера Линн и сестры Эндрюс. Оппи сообщил по системе громкой связи, что ближе к вечеру в кинотеатре состоится праздник для всех, кто сможет туда втиснуться.

Но этот день также как нельзя лучше располагал к размышлениям. Например, о том, как почти два года назад, 30 декабря 1943 года, у них в Лос-Аламосе побывал Нильс Бор, знаменитый датский физик, лауреат Нобелевской премии 1922 года, человек, который впервые представил атом как плотное ядро, вокруг которого вращаются далеко отстоящие электроны. Он первым делом спросил Оппи: «Она достаточно большая?», имея в виду: смогут ли напугать атомной бомбой человечество настолько, чтобы оно навсегда отказалось от войн? Оппи заверил его, что так оно и будет, и вчерашние результаты, похоже, подтвердили его слова.

— Эдвард, — сказал Оппи, — я думаю, что это *конец*.

Теллер снова повернулся к нему.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ваша супербомба… Она… чересчур мощна. Я не желаю иметь к ней никакого отношения.

— Роберт, мне кажется, сегодня неподходящий день…

— А чем же он хуже любого другого? Наоборот, Эдвард, другого, более подходящего дня не будет. Вы знаете это не хуже меня. Мы можем *остановиться*.

— Но вы же создали уникальную лабораторию. Что станется с Лос-Аламосом?

— Здесь опять будут жить индейцы.

Теллер опять уставился в окно. Солнце, спускаясь по небосклону, постепенно краснело.

— Есть такая венгерская пословица: «Szegény *egér az, ki csak egy lyukra bízza magát*».

Оппи нахмурился. Одна из причин, по которой Лео называл своих соплеменников марсианами, заключалась в том, что венгерский язык не имеет ничего общего с языками соседних народов. Так что для него сейчас прозвучал бессмысленный набор звуков.

— И?..

— Дословно переводится: глупа та мышь, которая для спасения жизни полагается только на одну норку. Кто знает, мой друг, что еще приготовило для нас будущее? Ни вы, ни я не знаем. Так что всегда безопаснее иметь выбор. Чем больше вариантов, тем лучше.

— Безопаснее? Я в этом не уверен.

— В таком случае: предпочтительнее, — сказал Теллер и вновь повернулся к Оппи. — Роберт, спасибо, что зашли ко мне. Но даже если вы и впрямь завершили свою работу, то моя только начинается.

Глава 17

Ученые не в ответе за факты, существующие в природе. Их работа состоит в том, чтобы находить эти факты. С этим занятием не связано никакого греха, у него нет моральной оценки. Если кто-то и должен считать себя грешником, так это Бог. Ведь это он поместил туда все эти факты.

Перси Бриджмен, профессор физики в Гарварде, один из учителей Оппенгеймера

В предобморочном состоянии, с отчаянно бьющимся сердцем и неодолимым головокружением, Оппи брел по утоптанной до каменной твердости земле Бастьюб-роу по направлению к находящемуся в конце улицы выстроенному из камня и бревен коттеджу, который уже два с половиной года служил ему домом.

Камень и бревна — прочные материалы. Коттедж, как ему сказали, был выстроен в 1929 году, и вряд ли стоило сомневаться в том, что он простоит до 2029 года, а то и дольше. А вот японцы

строят дома по большей части из тонких дощечек и даже бумаги; те дома, которые не сдуло ко всем чертям взрывной волной, должны были сгореть дотла в пламени, охватившем весь город.

Но здесь, на Горе, жизнь шла своим чередом. Садик, который устроила Китти, пришедший в упадок за время ее отсутствия, снова был в прекрасном состоянии.

Когда Оппи вошел в дом, Китти как раз выходила из кухоньки. Обычно он заставал ее лежавшей на кушетке; она редко давала себе труд встать ему навстречу. Ну а раз сейчас она оказалась на ногах, он шагнул к ней навстречу и, взяв обеими руками за талию, притянул к себе. После секундного колебания она тоже обняла его.

— Они… они бросили вторую бомбу, — сказал Оппи, продолжая обнимать жену. — В Кокуре, судя по всему, была сильная облачность, и значит, они… — У него перехватило горло; он хотел сказать «ударили по Нагасаки», но не было даже смысла произносить название города — для Китти это был всего лишь ничего не значащий набор звуков на неизвестном языке.

— Сожалею, — мягко сказала она. Китти была намного ниже ростом, чем Оппи, и произнесла это слово ему в середину груди.

— Почему они не сдались? — спросил Оппи. — Почему они не сдались после первого взрыва?

— Трумэн сказал, что капитуляция должна быть безусловной, — ответила Китти, продолжая обнимать его. — Шарлотта Сербер считает, что все дело в этом. — Она высвободилась из объятий Оппи и, взяв его за руку, повела к кушетке, стоявшей перед кирпичным камином. — Она считает, что джапы хотят сберечь своего императора. Якобы он для них живое божество. И что для них безусловная капитуляция то же самое, что для нас — отречение от Иисуса.

Оппи слышал эту болтовню, но не понимал ее смысла и поэтому просто пропустил все эти слова мимо ушей.

— Я же говорил… Боже, я ведь говорил *всем*, что одной бомбы будет достаточно. Да, ее нужно было использовать, но лишь *однажды*. Согласен, взрыв в пустыне не произвел бы нужного впечатления — нас обвинили бы в том, что мы зарыли в землю несколько составов тринитротолуола и не поверили бы, что у нас есть принципиально новая бомба. Поэтому ее действительно нужно было сбросить на *реальную* цель. Нет, мы не могли заранее объявить, *какую* цель выбрали, потому что они сразу свезли бы туда военнопленных

— наших мальчишек, которые попали к ним в руки, — и приложили бы все силы, чтобы сбить B-29 еще на дальних подступах. — Он помотал головой. — Но одной *оказалось* недостаточно.

— Но почему они… *почему* мы… ждали только три дня? — спросила Китти. — Ведь наверняка линии связи, идущие в Хиросиму, тоже разрушены. За это время сообщение только успело дойти до Токио, и там, конечно, не успели ничего предпринять…

— Гровз сказал, что к концу недели ожидался тайфун. И это значило, что… нет, не *никогда*, но, понимаешь ли, через неделю или еще позже. — Он снова помотал головой и проговорил так тихо, что Китти пришлось попросить его повторить: — Бедные, бедные люди…

* * *

В кабинет Ханса Бете вошел Пир де Сильва. Его форма была безукоризненно чистой и отглаженной, но на лбу блестели капли пота после прогулки по августовской жаре.

— Мистер Бэттл…[34]

Бете сдержал улыбку. До тех дней, когда бомбы

---

[34] Примечания: 34
Battle (*англ.*) — сражение.

обрушились на Японию, было запрещено употреблять за пределами плато такие титулы, как «доктор» и «профессор», а к тем ученым, которые уже тогда могли быть известны широкой публике, обращались под вымышленными именами, начинающимися с тех же букв, что и их настоящие. Внутри периметра из колючей проволоки мало кто соблюдал это правило — за, конечно, исключением де Сильвы и ему подобных, — а уж теперь, когда весь мир знал, чего они здесь достигли, придерживаться его казалось совсем глупым.

— Слушаю вас, капитан.

— Вам пришла бандероль. — Де Сильва держал в руке картонную коробку, где мог бы лежать, скажем, том энциклопедии. — Но я не отдам ее вам, пока не узнаю, что там написано.

Ханс ткнул логарифмической линейкой: коробка была вскрыта.

— Но ведь вы уже посмотрели туда.

— Естественно. — Ни намека на угрызения совести. — Но…

— Но что? Там написано по-немецки? Многие ваши сослуживцы свободно владеют этим языком.

— Нет. Это похоже на шифр.

Ханс кивнул. Ничего так не раздражало де Сильву, как зашифрованные сообщения в переписке ученых; он заставил Дика Фейнмана отказаться от озорной привычки обмениваться шифрованными любовными письмами со своей умершей к настоящему времени женой Арлин, лечившейся от туберкулеза в Альбукерке. Де Сильва наклонил коробку, и оттуда показались края пяти тонких стеклянных пластинок, переложенных бумажными салфетками. Он аккуратно выложил их на стол; в отличие от многих других ученых, хозяин этого кабинета поддерживал на столе и во всей комнате идеальный порядок.

— Видите эти полоски?..

У Бете на мгновение защемило сердце.

— Ну конечно, капитан. Это действительно шифр, но отнюдь не вражеский. Это шифр самой природы.

Де Сильва нахмурился:

— И что же он означает?

— Он означает, — ответил Ханс и улыбнулся, разглядывая фотопластинки, — что я прав и что нашему раздражительному мистеру Тилдену придется съесть свою шляпу.

* * *

Когда работа в Лос-Аламосе только начиналась, генерал Гровз попытался внедрить свою концепцию разделения труда: каждый человек знал только то, что ему необходимо для выполнения своей работы. Но с самого начала Оппи настаивал на еженедельном коллоквиуме, на котором ведущие ученые могли бы непринужденно обсуждать технические вопросы. Стратегия оказалась успешной: сплошь и рядом специалист в одной области высказывал мнение, оказывавшееся полезным для разработчиков других направлений.

Организация коллоквиумов, которые проводились по вторникам вечером в зале местного театра, была возложена на Эдварда Теллера. Он выполнял эту обязанность с удовольствием, потому что благодаря ей получил возможность вплетать в любую обсуждаемую тему разговор о своих термоядерных мечтах, а Оппи радовался тому, что и Теллер делал что-то по-настоящему полезное.

Теперь, когда взрывы сброшенных на Японию бомб доказали работоспособность и урановой пушки, и плутониево-имплозивной схемы, важных технических вопросов, заслуживающих

обсуждения, осталось не так много, и коллоквиумы стали посещать меньше. Большинство ученых, стремившихся получить работу на 1945/46 учебный год, уже покинули Гору. Тем не менее, отметил Оппи, в этот вечер в театре собрались лучшие умы, в том числе Энрико Ферми, Ханс Бете, Дик Фейнман, Боб Сербер и Луис Альварес.

Теллер, естественно, заговорил первым:

— Сегодня мы поговорим о…

— Позвольте мне высказать дикое предположение, — опередил его Фейнман, сидевший во втором ряду. — Неужели о синтезе?

Добродушные Бете и Сербер рассмеялись, и даже Теллер улыбнулся:

— Совершенно верно. Но, думаю, многие порадуются тому, что я не намерен обсуждать вопросы, связанные с супербомбой. Я предлагаю поговорить о солнышке.

— И чтобы Гровз был Отцом, а Оппи — Святым Духом? — съехидничал Фейнман, притворившись, будто из-за страшного акцента Теллера ему послышалось «о сыночке».

— Не о сыне, тем более Божьем, — ответил Теллер, продолжая улыбаться, — а о Солнце, которое светит нам с неба.

— Как и Святая Троица, — продолжал острить

Фейнман. Он для вящего впечатления воздел руки, имитируя благоговение, тем самым заставив снова рассмеяться часть присутствующих ученых.

— Я занимался изучением солнечных спектров, — продолжил Теллер, перехватив покрепче бразды правления. — Как-никак Солнце — это всего лишь огромный реактор для атомного синтеза. Этому вопросу уделил немало внимания и наш друг Ханс, присутствующий здесь.

— Эта работа весьма осветила мой кругозор, — сказал Бете, который всегда был необычайно доволен собой, если ему удавалось пошутить по-английски. Его статья 1939 года «Производство энергии в звездах» единодушно считалась одной из лучших публикаций по этой теме.

— Да, — продолжал Теллер. — Но результаты Ханса, изучавшего солнечные спектры до войны, отличаются от тех, которые зафиксированы на недавних пластинках, полученных из обсерваторий Маунт-Вильсон и Мак-Мата-Халберта, с которыми работал я. Заодно я проверил кое-какие из старых пластинок, сделанных еще до публикации Ханса. Взгляните.

Готовясь к сегодняшнему коллоквиуму, Теллер с разрешения Оппенгеймера заказал в фотола-

боратории базы слайд, демонстрирующий три различных набора солнечных спектров. Сейчас он вставил его в проектор «Кодак» и включил. Все уставились на полотно экрана, свисающего с потолка, где появились три горизонтальные полосы в оттенках серого, прерываемые вертикальными линиями различной степени затемнения. Даже с первого взгляда было очевидно, что верхняя и нижняя части почти одинаковы, а вот та, что посередине, казалась сложнее. Около верхней имелась подпись «1929», средней — «1938», а на нижней — нынешняя дата, «1945».

Присутствующие сразу заговорили.

— Вы нас разыгрываете, — сказал Ферми. — Средняя линия не имеет отношения к нашему Солнцу, это звезда класса F.

— Представьте себе, это наше Солнце, — заверил его Бете, сидевший в третьем ряду. — Совершенно бесспорно, эту спектрограмму я делал лично.

— В таком случае как соотнести ее с теми, что были сделаны до и после? — требовательно спросил Ферми. — У вас сильные линии поглощения углерода, а на верхнем и нижнем снимке их практически нет.

— Интригует, не правда ли? — ответил Теллер. — Естественно, мы ведь лишь двадцать лет

назад узнали, из чего состоят звезды. — Сесилия Пейн-Гапошкина определила, что звезды почти полностью состоят из водорода и гелия; до этого предполагалось, что Солнце (хотя оно, естественно, намного горячее) по составу сходно с Землей, поскольку они, предположительно, родились из одного и того же сгущающегося облака материи. — Причем из этих двадцати лет нужно вычесть последние шесть: с тех пор как в Европе началась война, почти никаких данных не добавлялось. — Он посмотрел на коллег. — В любом случае очевидно, что, если мы хотим когда-нибудь воспроизвести термоядерный синтез здесь, на Земле, мы должны правильно понимать, как это происходит в природе. Недавно я разработал набор уравнений, которые, как мне кажется, точно описывают этот процесс, но они не учитывают спектры Ханса или, как я теперь определил, проконсультировавшись с рядом экспертов, больше того — *любые* спектрограммы Солнца, сделанные в период с января по апрель 1938 года. По отношению к периодам до и после этого интервала мои протон-протонные уравнения работали, но в этот отрезок времени с Солнцем случилось что-то, заставившее его временно нагреться настолько, чтобы там заработал термоядерный синтез по

циклу C-N-O.

— Если бы Солнце нагрелось настолько, мы не могли бы этого не заметить, — сказал Оппи, сидевший в первом ряду, и, повернувшись на стуле, обвел взглядом сидевших позади. — Изменение сказалось бы на земном климате.

— Представьте себе, оно сказалось, — ответил Теллер. — Мой друг Джонни фон Нейман из Института перспективных исследований в последнее время очень увлекся прогнозированием погоды и внимательно изучал метеорологические данные прошлых лет. Он говорит, что тот период действительно оказался теплее нормы в статистически значимой степени, хотя воздействие ощущалось больше в Южном полушарии, чем здесь.

— Это естественно, — вставил Альварес, — ведь во время нашей зимы к Солнцу обращено Южное полушарие.

Теллер кивнул:

— Совершенно верно. Еще та зима была исключительной по части северных сияний. Так что мы имеем дело с интересной аномалией. Солнце несколько месяцев лихорадило, у него была повышенная температура. Теперь вопрос: почему это случилось?

Оппи имел немалое преимущество перед всеми остальными: он уже видел две спектрограммы, а также обдумывал проблему с того самого дня, когда пришло письмо от Эйнштейна. Тем не менее только сейчас, когда он увидел все три спектрограммы сразу, в его мозгу что-то щелкнуло.

— Значит, — сказал он, — проблема не в расчетах Теллера.

— Совершенно верно, — самодовольно отозвался Теллер.

— Но и не в спектрограммах Бете, — продолжал Оппи. Все внимание сразу переключилось на него. — Проблема, — сказал он, — в самом Солнце. И мне кажется, я знаю, в чем она состоит.

Тишина воцарилась такая, что стало слышно жужжание вентиляторов под потолком и шипение диапроектора.

— Что ты имеешь в виду? — прервал затянувшуюся паузу Боб Сербер.

Оппи показал на экран:

— Посмотри сюда, Боб. Мы с тобой вместе писали статью, в которой опровергали гипотезу Льва Ландау, заявившего, что Солнце обладает нейтронным ядром.

— Эту гипотезу высказывал не только Ландау, — сказал Бете. — Первым с этим предположением

выступил Фриц Цвикки.

Оппи лишь отмахнулся — он терпеть не мог Цвикки — и продолжал говорить, глядя на Сербера:

— И мы доказали, что такое ядро могло бы составлять не больше одной десятой солнечной массы. В большей пропорции оно…

— …Будет нештабильно, — прошепелявил Сербер, и Оппи увидел, что в глазах его старого друга вспыхнул огонек понимания.

— Точно. Нестабильность, которая потребовала бы разрешения — разрешения, которое, вероятно, повысило бы температуру Солнца на короткий период.

— Период, в ходе которого я сделал свои спектрограммы и выявил углеродно-неоново-кислородный синтез в качестве главного источника солнечной энергии.

— Верно, — сказал Оппи и несколько раз пыхнул трубкой. — Но эта нестабильность должна погаситься путем…

— …выброса части массы из ядра, — подхватил Теллер. — Вырожденная материя не может сохраняться, если ее слишком мало, и поэтому она вырывается наружу.

— Но Солнце большое, — сказал Оппи. — И

какое бы ни было его нейтронное ядро, когда-то, давным-давно, оно было маленьким, может быть, даже меньше одной тысячной солнечной массы по теории Ландау, но, безусловно, с учетом того, что оно оказалось нестабильным, где-то между этой самой тысячной Ландау и нашей с Бобом одной десятой. Но пусть даже на него приходится десятая часть солнечной массы; если бы это была вырожденная материя, то ядро было бы крошечным — всего несколько километров в поперечнике в центре Солнца, диаметр которого составляет один и четыре десятых миллиона километров.

— Нейтронное ядро обычно образуется при имплозивном воздействии, — сказал Теллер. — Таком же, как у Кистяковски — на плутониевое ядро в «Толстяке»…

— Но за *имплозией* следует мощная *эксплозия*, — сказал Сербер, — а этого не случилось.

— Не случилось? — повторил Оппи. — А я думаю, что как раз *случилось*. Боб, тебе это известно, но кто-то из остальных может не знать. Моя выпускная диссертация в Геттингенском университете называлась *Zur Quantentheorie kontinuierlicher Spektren* — «О квантовой теории непрерывных спектров» — и была в основном

посвящена проницаемости поверхностей звезд для их внутреннего излучения. Видимая поверхность Солнца — это его фотосфера, а то, что находится под нею, от нас скрыто. Но если допустить, что временное повышение температуры, позволяющее осуществляться углеродно-неоново-кислородному синтезу, вызвано выделением энергии при взрыве, и посчитать…

Пока он говорил это, Ханс Бете, авторитетнейший во всем мире эксперт по реакциям ядерного синтеза на Солнце, уже быстро манипулировал с логарифмической линейкой.

— Но если посчитать, — сказал Бете уверенным твердым тоном, как бывало всегда, когда дело касалось физики, — исходя из вероятных размеров нейтронного ядра по теориям Цвикки, Ландау, Оппенгеймера с Бобом, а также величины повышения температуры, которое я обнаружил, и учесть ту непроницаемость, которую исследовал Оппи, мы получим значение, показывающее, когда выбрасываемое наружу взрывом выродившееся ранее вещество сможет завершить прохождение через основную часть солнечного тела и ударить изнутри по фотосфере.

— И?.. — спросил Сербер.

— Плюс или минус? — сказал Бете. — При-

бавить или вычесть? Я бы сказал, лет через девяносто или около того — с того момента, когда началась кратковременная аномалия солнечной температуры, то есть с 1938 года. Скажем, через восемьдесят два года или около того.

— То есть в 2028 году, — сказал Сербер.

— Да, где-то так, — согласился Бете. — 2027, 2028, 2029.

— И насколько сильным будет этот удар? — спросил Сербер.

Бете вновь взялся за логарифмическую линейку. Оппи вынул из кармана свою. Теллер взял мел и принялся писать на большой доске, висевшей на сцене сбоку, рядом с экраном, а остальные считали на бумаге карандашами и авторучками.

— Сильным, — заявил Бете с воодушевлением отличника, завершающего ответ на экзамене.

— Чертовски сильным, — подтвердил Оппи несколько секунд спустя.

Сербер непристойно выругался и спросил:

— У кого-нибудь еще получилась шестая степень?

— Да, шестая, — отозвался Ферми.

Оппи почувствовал, что у него сдавило грудь. Но его собственная логарифмическая линейка подтверждала результаты, полученные колле-

гами.

— Поскольку поверхность Солнца — его фотосфера, его видимый диск — непроницаема для того, что происходит внутри, весь этот слой, всю фотосферу, вывернет изнутри наружу и отбросит.

— Отбросит… — повторил Альварес, как будто пытался убедиться, что правильно расслышал сказанное.

— Вот именно, — сказал Оппи. — Фотосфера имеет эффективную температуру 5,8 тысячи градусов по Кельвину, но ее выброс унесет с собой окружающую корону, температура которой составляет уже миллион по Кельвину. Естественно, выброшенная оболочка будет остывать по мере расширения, но останется достаточно горячей, чтобы расплавить поверхность любого каменистого тела до расстояния… — Он переместил движок, а затем передвинул стеклянный бегунок с кроваво-красной волосяной линией и получил ответ: — …примерно одна и две десятых астрономической единицы.

— По определению, — зловеще произнес Альварес, — астрономическая единица — это расстояние от Солнца до Земли.

— И значит… — проговорил Ферми.

— …И значит, — подхватил Оппи, — Земля будет уничтожена сверхгорячим солнечным выбросом, и наша Луна, конечно, тоже. И обе внутренние планеты.

— Меркурий и Венера, — подсказал Теллер.

— А как насчет Марса? — осведомился Бете.

— Сколько до него? — спросил Альварес. — Одна и четыре?

— Скорее, полторы, — ответил Оппи. — Да, он должен остаться практически невредимым, хотя, думаю, там можно будет наблюдать роскошный фейерверк, когда разреженная плазма достигнет орбиты.

— Поверхности Меркурия, Венеры, Земли и Луны будут разрушены, — сказал Теллер дрожащим от потрясения голосом и снова повернулся лицом к своим коллегам. Уничтожение, о котором они говорили, превышало своим масштабом даже то, что он мог себе представить.

— Вы правы, — сказал Оппенгеймер. — Океаны испарятся, и все это случится году примерно в 2028-м. Вскоре Солнце успокоится и вернется к ровному свечению, как и прежде, но населенная поверхность Земли превратится в шлак.

— На Венере может быть жизнь, — сказал Бете. — Не могу представить себе там ничего ра-

зумного, но тем не менее потерять другую… как это называется? Другую экосистему. Мы должны послать туда корабли, попытаться собрать образцы.

— Ханс, ради бога, — сказал Альварес. — Мы потеряем *свою* экосистему.

Бете кивнул и повернулся к Роберту.

— Но все мы исходили в основном из данных, приведенных в ваших работах. Оппи, вы уверены в них? Ваши вычисления…

— …не всегда точны, — признал Оппи. — Прошу вас проверить меня. Я буду очень рад, если… но…

Он глубоко затянулся трубкой, и фразу за него закончил Фейнман:

— Но если вы не ошибаетесь, то человеческой расе осталось жить менее ста лет, а потом…

— А потом, — сказал Оппи, ощущая, как сердце отчаянно колотится в груди, — разрушителем миров станет само Солнце.

Глава 18

Противник начал использование нового оружия небывалой мощности. Эта смертоносная бомба причинила непоправимый ущерб нашей земле и унесла тысячи невинных жизней. Если мы продолжим борьбу, это не только приведет к полному уничтожению японской нации, но и даст старт искоренению всего человечества.

Император Хирохито

Японцы объявили о капитуляции две недели назад, 15 августа 1945 года, но до официальной церемонии, которая должна была состояться на борту американского линкора «Миссури», оставалось еще несколько дней. В конце концов японцы добились главного, о чем говорили еще год назад, летом 1944 года, когда впервые начали прощупывать почву для возможной капитуляции: их божественный император Хирохито сохранит за собой Хризантемовый трон. Иного решения вообще не могло быть: послевоенному миру требовалось авторитетное собственное

правительство на Японских островах. Но Трумэн продолжал настаивать на безоговорочной капитуляции и не делал уступок Хирохито до тех пор, пока американцы не сбросили две атомные бомбы, то есть пока не установился новый мировой порядок.

Эдвард Теллер, к немалому удивлению Оппи, пригласил его прогуляться. Стоял жаркий день конца августа; Роберту такая погода нравилась, а вот полноватый Теллер был создан для более прохладного климата. Глазам Оппи хватало для защиты от яркого света полей шляпы, тогда как на Теллере были солнцезащитные очки такого же темно-зеленого цвета, что и материал, получивший название «тринитит» — стекло из расплавленного песка, покрывавшее поверхность кратера от взрыва на испытаниях «Тринити».

Они шли медленнее, чем обычно передвигался Оппи. Дело было не в том, что венгр был намного меньше ростом, а в том, что у Эдварда после несчастного случая, случившегося с ним в двадцатилетнем возрасте, вместо одной ноги был протез. Оппи всегда сочувствовал ему еще и по той причине, что его родная мать родилась с сильно недоразвитой и деформированной кистью правой руки и всю жизнь пользовалась

механическим протезом.

Некоторое время они плелись по утрамбованной дороге, удаляясь от лабораторного корпуса. Теллер вытер пот со лба рукавом голубой рубашки и широким взмахом руки обвел всю Гору.

— У нас тут собрана величайшая коллекция, позволю себе употребить это слово, гениев, какую только видело человечество. Оппи, как вы называли нас?

Неуправляемые коты, подумал Роберт. Но вслух сказал:

— Светила.

Голос Теллера звучал глухо, как рокот товарного поезда, проезжающего вдали среди ночи.

— Замечательно! Светила! Кто мог бы лучше нас решить такую проблему?

Оппи покачал головой.

— Решить? Вот-вот наступит конец света. Все это не что иное, как деление на нуль; решать просто нечего.

— Вы ведь родились здесь, в Штатах, да?

Оппенгеймер нахмурился на этот *non sequitur*[35], перешагнул через выбоину в дороге и сказал:

---

[35] Примечания: 35

Здесь: высказывание, не имеющее логической связи с предыдущей темой.

— Да, в Нью-Йорке.

— Поэтому вы в некотором роде отклонение от нормы. Взгляните на наших коллег. Я, как и многие другие физики, родом из Будапешта. Бете — из Страсбурга. Ферми? Из Рима. Сегре — из Тиволи. Пайерлс — из Берлина, и Фукс, полагаю, тоже родился где-то в Германии.

— Да, — ответил Оппи. — И что из того?

— Мы все беженцы, иммигранты: когда условия на родине стали невыносимыми, мы ее *покинули*.

— Покинули? — повторил Оппи. — Вы что, не слышали, о чем мы говорили? Нам некуда деваться. Земля погибнет.

— Но останется Марс. И луны Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Вы читали, что Койпер в прошлом году спектроскопически установил наличие атмосферы на Титане?

— Мы не можем попасть на собственную Луну, что уж говорить о спутниках Сатурна, — ответил Оппи.

— У нас остается почти целый век. А ведь в Германии уже научились строить ракеты «Фау-2».

— И что из того?

— Развитие этой технологии, несомненно, даст нам средство передвижения, способное преодо-

леть земное тяготение.

— Военные ракеты, приспособленные для космических полетов? Рискованная затея, чтобы не сказать хуже.

— Ну а что вы скажете на это? Сразу после «Тринити» Стэн Улам сказал, что, чем возить бомбы на ракетах, лучше было бы приспособить эти самые бомбы, чтобы толкать ракеты.

— Космический корабль, приводимый в движение атомными взрывами?

— Вот именно. Но так или иначе люди *попадут* на Марс или луны Юпитера или Сатурна раньше, чем Солнце взорвется.

— А там замерзнут, задохнутся — или то и другое случится вместе.

— Возможно, — ответил Эдвард. — Вигнер в разговоре на эту тему был более оптимистичен. Но в любом случае это второстепенный вопрос. Побег в отдаленные области Солнечной системы — это, скажем так, «бомба на реакции деления», простой ответ. А в нашем случае, возможно, потребуется нечто наподобие бомбы на реакции синтеза, прорыв, куда более значительный, чем полет на ракете к Марсу или Сатурну, — если угодно, «суперспасение».

— И в какой же форме оно может выразиться?

— Кто же может это знать? Кто мог предсказать, до того, как мы собрались здесь и взялись за работу, что идея Неддермейера об имплозии ляжет в основу конструкции плутониевой бомбы? — Теллер нахмурил кустистые брови. — Уж конечно, не *вы*, Роберт.

Чтобы уклониться от ответа, Оппи остановился и стал зажигать трубку. Теллер отмахнулся от дыма.

— Все эти светила, которых вы здесь собрали, скоро разойдутся по институтам и предприятиям. Вы же слышали, что говорил Трумэн: самое большое чудо — то, что усилиями умов ученых удалось воплотить идеи на практике. И что вряд ли подобное сочетание условий удастся обеспечить где бы то ни было в мире. Он назвал все это — вы ведь, конечно, помните — «величайшим в истории достижением организованной науки».

— Бомбу, — горько отозвался Оппи, глядя на ящерку, перебежавшую им путь.

— Да, да, бомбу — на сей раз. Но как говорят волшебники: «А теперь смотрите следующее чудо…»

Оппи выпустил изо рта облачко дыма:

— Мы не волшебники.

— Думаете? Мы уже умеем превращать один элемент в другой.

— Эдвард…

— И кто сейчас скажет, что еще может у нас получиться — если, конечно, мы останемся вместе. Но у нас с каждым днем становится все меньше людей. Начался исход.

— «Так говорит Господь: отпусти народ мой», — процитировал Оппи. — Им пора вернуться к обычной жизни, к нормальному быту, карьере.

— Никто не станет с этим спорить. Но моему сыну скоро три, и мы с Мичи намерены завести еще одного ребенка. А у вас, Роберт, уже двое детей. *Мы,* скорее всего, не доживем до очищения фотосферным огнем, которое вы предсказали, и, наверно, *они* тоже не доживут, а вот наши внуки вполне могут. — Он покачал головой. — Я люблю своего сына; я наверняка буду любить и внуков, если Провидение позволит мне их увидеть. И я хочу для них лучшей участи, чем… — Он умолк, не закончив фразу.

— Чем что?

— Чем их двоюродные дедушки, прабабушки-тетушки и бесчисленное множество других людей получили от рук Гитлера. — Теллер чуть заметно пожал плечами. — Полагаю, в Европе у вас давно уже не осталось близкой родни, может быть, еще с ваших детских лет. И тем не менее вы

должны *хоть как-то* чувствовать, что все это не должно закончиться так.

— Солнце — это реактор термоядерного синтеза, — сказал Оппи. — Чем же это всесожжение будет отличаться от того, которое причинит ваша сверхмощная бомба?

— Моя бомба будет служить *предотвращению* войны, ее никогда не станут применять в бою. Но вот чтобы нас всех сдуло напрочь из-за мимолетного каприза Солнца… Мы — и наши дети! — заслуживаем лучшего. Ваша дочурка Тайк заслуживает лучшего. — Оппи случалось видеть, как Теллер возится со своим сыном Полом, как он поет ему, как играет с ним в ладушки. Черт возьми, он ведь даже видел, как Теллер играл в ладушки с Тайк и как его угрюмое лицо светилось улыбкой. Эдвард часто носил в карманах конфеты специально для того, чтобы угощать ребятишек, которые попадались ему по пути из дома в лабораторию.

Роберт сказал Пэт Шерр, что он не из тех людей, которые привязываются. Питер был зачат случайно, когда у них с Китти случился роман. Оппи вспомнил лето 1940 года, когда он позвонил тогдашнему мужу Китти, врачу, за которого она вышла замуж менее двух лет назад, и объяс-

нил ситуацию. «Полагаю, вы хотели бы, чтобы я оформил развод», — сказал доктор без намека на недоброжелательность. «Да, пожалуйста, — ответил Оппи и добавил: — И спасибо вам». Все так академично, так цивилизованно, очень современно.

Может быть, Теллер чувствует глубже, чем Оппи? Но его довод ошибочен или, по крайней мере, думал Оппи, недостаточно убедителен для того, чтоб поколебать его мнение. Вид обречен, цивилизация сгорит бесследно… Такой масштаб он был в состоянии охватить разумом. Но его родные дети? Их гипотетическое потомство, которое появится лет через двадцать и продолжится дальше? Я вас умоляю…

И все же даже если брать всю картину целиком — почему это должно его волновать?

— Нацисты, — медленно произнес он, — подарили миру лагеря смерти. Мы — атомное оружие. Хороших парней не бывает. — Он указал на ярко-голубое небо; они с Теллером отлично знали, что звезды находятся на своих местах, хоть и невидимы сейчас из-за солнечного сияния. — Может быть, это и есть ответ на вопрос Энрико.

Теллер нахмурился:

— На какой вопрос?

— Отсутствие жизни в других мирах. Тот факт, что у нас никогда не бывали представители внеземных цивилизаций.

— Ах, проблема марсиан… Она *и впрямь* обескураживает.

Они медленно шли дальше; Оппи попыхивал трубкой.

— Возможно. А возможно, и нет.

— Вы сомневаетесь в существовании более развитых цивилизаций?

— Более развитых? Пожалуй, нет. Соответствующих нам по развитию? Да, они, вероятно, возникают время от времени, но могут и не выживать.

Уголки рта Теллера на лице с глазами, спрятанными за зелеными линзами, уныло опустились.

— Ах, вы считаете, что все они в конце концов высвобождают силу атома и вскоре приходят к самоуничтожению.

Оппи непроизвольно вздернул брови: такая версия не приходила ему в голову.

— Нет, я предполагаю, что они *были* уничтожены.

— Каким же образом?

— Герлинг утверждает, что Земле и, следовательно, Солнцу 3,2 миллиарда лет, верно? А

обнаруженная нами солнечная аномалия привязана к 1938 году, когда Отто Ган и Лиза Мейтнер открыли расщепление ядра.

— И?..

— Так ведь получается замечательное совпадение, не правда ли: наше Солнце уничтожит нашу планету практически в тот же момент, в космическом масштабе, когда мы открыли атомную энергию. Возможно, когда обитатели планеты начинают постигать истинную природу атома и содержащейся в нем энергии, они становятся настолько опасными, что им уже нельзя позволить свободно обретаться во вселенной.

— Позволить? — повторил Теллер с такой интонацией, будто это слово смутило его.

— И в таких случаях вселенная предпочитает истребить цивилизацию.

Они подошли к Бастьюб-роу.

— Бросили бы вы, Оппи, читать всю эту восточную мистику.

Оппенгеймер улыбнулся:

— Может быть.

— В любом случае мы *должны* дать бой, — сказал Теллер. — Если вселенная вздумает разделаться с нами, мы обязаны одолеть ее. А для этого нужно задействовать для начала ту самую

коллекцию мозгов, которая у нас тут собрана. И вы можете возглавить нашу работу.

— Простите, Эдвард, но не могу. Я один раз уже попытался спасти мир, и…

— Оппи, не отказывайтесь. — Теллер опять обвел Гору взмахом руки. — Все это не должно закончиться вот так.

— Для меня это уже закончилось. Может быть, пришло время отпустить человечество, а может, и нет, но меня определенно пора отпустить. — Он умолк было, но решил, что такая новость очень скоро станет всеобщим достоянием. — Сегодня утром я отправил Гровзу заявление об отставке.

* * *

Перед скромным домиком под названием Фуллер-Лодж громоздилась приземистая платформа, напоминающая аллигатора, греющегося на осеннем солнце. Позади нее безвольно свисали с шестов в неподвижном воздухе флаги всех сорока восьми штатов. Гровз, в темно-коричневой повседневной генеральской форме, в пилотке, стоял на трибуне перед огромной толпой, собравшейся, чтобы попрощаться с Оппенгеймером. Впереди несколько сотен человек сидели на складных стульях, за их спинами стояли все остальные, а

позади возвышались скалистые, поросшие соснами горы Сангре-де-Кристо.

— А вот еще одна награда, — проревел Гровз в три микрофона, поднимая мясистую руку, — помимо Премии «Е» от армии и флота[36] за выдающиеся достижения, — он улыбнулся Оппи, — благодарственная грамота от мистера Паттерсона, военного министра.

Гровз принялся зачитывать текст. Оппи слушал его со стеклянными глазами. Он не стал заранее сочинять благодарственную речь и сейчас собирал в уме тезисы. Он верил, что, когда потребуется, нужные слова придут и, возможно, они все еще придут, но прошлой ночью он плохо спал, и во сне его преследовали лица японских детей, которые никогда не повзрослеют. Был — черт возьми, *действительно* был — смысл бомбить Хиросиму, но Нагасаки — это… это? Он долго подбирал термин, не нашел ни в одном из шести знакомых ему языков и поэтому придумал неологизм: *сверхубийство*.

— Роберт! — вырвал его из задумчивости голос Гровза.

---

[36] Примечания: 36

Army-Navy «E» Award — премия за выдающиеся производственные достижения от армии и флота. Вручалась гражданским организациям США за производство продукции военного назначения.

Возможно, генерал окликнул его уже во второй раз. Оппенгеймер поднялся со стула. Он намеревался уверенно взойти на сцену, но поймал себя на том, что волочит ноги и кромка его слишком длинных серых брюк касается земли. Преодолев три ступеньки, он взял у Гровза красиво оформленное в виде свитка послание и позволил генералу крепко пожать ему руку. Когда рука освободилась, он поднял ее, и аплодисменты стихли. Гровз отошел в сторону.

— С признательностью и благодарностью, — сказал Оппи, наклоняясь к микрофонам, — я от лица всех мужчин и женщин, чьими трудами и сердцами был достигнут успех, — он жестом указал на собравшихся перед трибуной, — принимаю это послание для Лос-Аламосской лаборатории. Мы надеемся, — продолжил он, — что в предстоящие годы сможем, глядя на этот свиток, гордиться всем тем, что он собой воплощает.

Он обвел взглядом толпу. Здесь была добрая тысяча ученых, все еще остававшихся на Горе, а также сотни мужчин и женщин в форме и примерно столько же работавших здесь по хозяйству местных жителей, в основном смешанных индейских и мексиканских кровей. На сцене рядом с Гровзом стояли Кен Николсон, Дик Парсонс,

президент Калифорнийского университета Роберт Спроул и другие.

— Сегодня, — продолжал Оппи, — эта гордость должна сдерживаться глубоким беспокойством. Если атомные бомбы будут добавлены в качестве нового оружия в арсеналы воюющего мира или в арсеналы наций, готовящихся к войне, то наступит время, когда человечество будет… — Он сделал паузу, размышляя, не хватил ли он через край, но не слишком ли рано пришло ему в голову это слово. Но нет. — Будет проклинать имена Лос-Аламоса и Хиросимы.

По толпе пробежало волнение; конечно же, подумал он, никто не ожидал услышать от него такое. Но сейчас ему представилась уникальная возможность, поскольку прессе впервые было позволено освещать мероприятие на Горе, а начальство, прибывшее вместе с Гровзом из Вашингтона, сидело в первом ряду. Оппи знал, что недавно лишился изрядного количества друзей среди своих коллег из-за того, что поддержал законопроект Мэя — Джонсона, который две недели назад военное министерство представило конгрессу. Если он будет принят, то гражданские власти США фактически лишатся контроля над атомной энергией, он окажется в руках военных.

Но он, Дж. Роберт Оппенгеймер, которого уже рекламировали как «отца атомной бомбы», видит проблему гораздо шире, и сейчас у него есть идеальный шанс сформулировать свое видение. Не исключено, что внутренняя часть Солнечной системы не переживет предстоящее столетие, но человечеству совершенно незачем самому прекращать свое существование с помощью атомного оружия — по крайней мере, если оно может этому помешать.

— Народы этого мира должны объединиться, иначе они погибнут. Эти слова написала война, опустошившая так много земель. Атомная бомба сделала их понятными всем людям.

Все молчали; слышен был только шелест листьев тополей, да изредка вскрикивал в вышине одиноко парящий коршун.

— Подобные слова звучали много раз. Их говорили другие люди в другие времена, о других войнах, о другом оружии. Им не удалось настоять на своем. И сейчас некоторые, введенные в заблуждение ложным пониманием истории, считают, что их опять ждет неудача. — Он поднял голову, так что свет солнца осветил его глаза, прикрытые до тех пор тенью широких полей шляпы. — Мы не должны поддаваться пессимиз-

му. Наша работа направлена… направлена на объединение мира перед лицом общей опасности, мы привержены закону и человечности.

Он сошел с трибуны под гром единодушной овации. Сидевшие в первых рядах встали, наконец-то закрыв от его взгляда Сангре-де-Кристо, Кровь Христову.

Глава 19

Я никогда не видел человека в столь нервном состоянии, в каком пребывал Оппенгеймер. Казалось, он чувствовал неотвратимость уничтожения всей человеческой расы.

Генри Э. Уоллес

— Итак, это званый обед! — заявил Лео Силард. Оппи, случайно услышав эту реплику, посмотрел на невысокого венгра, не поняв, что тот имел в виду: обилие блюд, расставленных на столах этого зала в Вашингтоне, или список звездных гостей. Помимо Силарда и Оппи здесь присутствовали нобелевские лауреаты Энрико Ферми и Гарольд Юри, а также Эд Кондон, полдюжины сенаторов Соединенных Штатов и бывший вице-президент Генри А. Уоллес. Дирижировал всем происходившим Уотсон Дэвис из информационного агентства «Сайенс сервис».

Обед был устроен для того, чтобы ввести в курс дела нескольких сенаторов, и, хотя Чарльз Тоби, республиканец из Нью-Хэмпшира, открыл его словами: «Похоже, у нас беспартийный вопрос»,

вскоре разгорелись жаркие дебаты — но в основном среди ученых, а не политиков. Ферми присоединился к Оппи в поддержке законопроекта Мэя — Джонсона, тогда как Юри, Кондон и, яростнее всех, Силард были против.

Поданные блюда — салат «Уолдорф», мэнский лобстер и изумительный бифштекс — были съедены с большим аппетитом, и Оппи вскоре стало ясно, что выигрывает сторона Лео. Усугубляло положение и то, что они по-настоящему не разговаривали после беседы на повышенных тонах, что состоялась между ними здесь же, в Вашингтоне, в мае. Послевкусие от той встречи и вдобавок тот факт, что Оппенгеймер запретил распространение на Горе его петиции, призывающей к демонстрации бомбы вместо ее боевого применения, о чем Силард точно знал, придавали его пылким речам еще большую убедительность, чем обычно. Оппи пытался, по обыкновению, отвечать уклончиво, сглаживая острые углы, но сенаторы, которым, вероятно, подобные маневры надоели в их повседневной жизни, явно прониклись симпатией к экспансивному венгру.

Когда обед завершился, Оппи подошел к Силарду, который, стоя у окна, любовался ночным освещением столицы.

— Нам надо поговорить.

— Роберт, мы *уже* говорили.

— Кое-что… осталось недоговоренным. В каком отеле вы остановились?

— Я всегда останавливаюсь в «Уордмэн-парке».

— Я провожу вас.

— В таком случае я возьму Юри в качестве арбитра! — бросил Силард.

Юри был химиком, но катализатором научного творчества ученых являлся именно Силард, его огромный творческий потенциал вызвал у других столь же глубокие озарения.

— Нет, Лео, с глазу на глаз.

Силард надолго задумался, а потом кивнул:

— Я возьму плащ.

* * *

Оппенгеймера более чем устраивала возможность говорить вполголоса, пока они с Лео шли по Вудли-роуд; можно было не сомневаться, что если кто-то и услышит обрывки их разговора, который они вели на немецком, то не поймет смысла. А вот в отеле оказалось, что бар переполнен, и поэтому они решили подняться в номер Силарда. Оппи отметил, что обстановка там гораздо вычурнее, чем у него в «Статлере»;

пристрастие венгра к декадентским стилям было широко известно. Через открытую дверь ванной он увидел, что ванна наполнена горячей водой; об этом Лео, должно быть, распорядился заранее.

Возле окна стояло массивное мягкое кресло, а перед письменным столом — деревянное, украшенное элегантной резьбой. Лео сел в мягкое, Оппи досталось второе. Занавески были раздвинуты, через открытое окно в комнату вливался прохладный октябрьский воздух.

— Лично я умыл руки, — сказал Оппи, — а вот вам следует кое-что узнать.

— Неужели? — отозвался Силард.

— Да. Это… — Оппи сделал паузу, подбирая слово, — пожалуй… забавно. И трудно укладывается в слова. Очень уж дерзко. В общем, миру скоро придет конец.

— Это совершенно бесспорно, — согласился Силард, — если мы дадим военным возможность распоряжаться атомной энергией.

— Нет, нет, это никак не связано ни с военными, ни с бомбой. Дело в Солнце. Мы в Лос-Аламосе обнаружили, что в недрах Солнца, содержащих вырожденную нейтронную массу, идет взрывная активность. Через восемьдесят-девяносто лет вещество прорвется сквозь поверхность и

вытолкнет наружу фотосферу и корону. Общая потеря солнечной массы будет незначительной, но перегретая плазма захлестнет внутреннюю часть Солнечной системы и уничтожит все вплоть до земной орбиты.

— Полагаю, что это ошибка.

— Очень хотелось бы на это надеяться. Однако позвольте представить вам обоснования.

Пока Оппи излагал то, что ему было известно, Силард сидел совершенно неподвижно. Когда Роберт пересказывал уравнения, глаза венгра чуть заметно округлялись и зрачки сдвигались вправо и влево; так он зрительно представлял себе математические формулы.

— Вы уверены? — спросил он в конце концов.

— Мои расчеты подтвердил Бете. И Ферми. И еще Теллер.

— Боже мой, — сказал Лео. — Это… Боже мой… — Его румяные обычно щеки утратили привычный оттенок. — Вы читали моего друга Герберта Уэллса?

— Конечно.

— На последних страницах «Машины времени» путешественник отправляется из 802 701 года от Рождества Христова на миллионы лет в будущее, чтобы увидеть конец нашего мира. Именно там

он и должен быть — в невообразимо дальней дали! А не в столь близком будущем, которое я сам имел бы шанс увидеть, если бы правильно питался и занимался физическими упражнениями!

— Да, — сказал Оппи. — Мне очень хочется, чтобы это оказалось ошибкой.

— Раз — и все! — Лео щелкнул пальцами. — Вот так!

— Вот так, — мягко подтвердил Оппи. — Но Теллер считает, что физики, собравшись вместе, в состоянии найти решение.

Тон Лео немного смягчился:

— Это, как вы любите выражаться, очаровательная проблема.

— Не очаровательная, — возразил Оппи, — а горькая. Пепел тщеты.

— Но, — сказал Лео, — мы, скорее всего, не доживем до космической катастрофы, если позволим контролировать вопросы, связанные с атомной энергией, военным, от чего я не устаю предостерегать.

— Я знаю, что закон Мэя — Джонсона — дрянь…

— То же самое вы говорили об атомной бомбе.

— …и буду очень рад, если они выдумают что-нибудь получше, но продолжаю считать, что

политикой должны заниматься политики.

— На этот счет мы с вами никогда не договоримся, — сказал Лео. — А вот то, о чем вы говорите — спасение мира! — задача для интеллектуалов, для ученых. Не для политиканов и не для солдафонов. Все знали, что наш Манхэттенский проект продлится самое большее несколько лет. Либо мы успеем раньше, либо Гитлер и Гейзенберг, но это была гонка, которой предстояло завершиться к 1944 или 1945 году. Никто не ожидает, что мы продолжим совместную работу в 1946 году, не говоря уже о 1950-х годах.

Оппи посасывал пустую трубку, которой он из уважения к Лео дал погаснуть, перед тем как войти в номер.

— Мы *не* будем работать вместе. Я ушел в отставку.

— Но это наверняка игра. Ваши способности незаменимы. Человечество…

— …встретит свою участь всей толпой, состоящей из парализованных душ. Мне нет до них дела.

– *Какое-то* дело вам все же есть, — сказал Силард. — Иначе вы не стали бы утруждать себя этим разговором.

Оппи нахмурился, в очередной раз повторяя

про себя все те же слова: «Отныне я есмь Смерть, разрушитель миров». В «Бхагавад-гите» Вишну, один из элементов Тримурти — индуистского триединого божества, — наряду с Брахмой и Шивой старался вдохновить царевича Арджуну выполнить свой долг. Для пущего впечатления он принял многорукий облик и провозгласил: «Отныне я есмь Смерть, разрушитель миров». Вишну преуспел, и Арджуна исполнил то, для чего был предназначен, родившись воином.

У него заныло под ложечкой. Он, воспитанник Школы этической культуры, *не* был рожден воином, и это была *не* его битва.

— Я рассказал вам все это, так как знаю ваше… вашу *страстность*. Я сделал то, что мог, во имя короля и отечества. О, я буду продолжать заниматься атомной тематикой — Прометей обязан возглавить пожарную команду, — но не более того. Что касается выброса солнечной фотосферы… Теллер думает, что что-то можно сделать; возможно, он прав, но это не по моей части.

Лео посмотрел в окно на город, под крышами которого спали многие тысячи людей.

— Да, Теллер. Мой соплеменник-марсианин и старый друг. Я могу работать с ним. Но…

— Что? — подбодрил его Оппи.

— Манхэттенский проект начался, когда мир погряз в войне. Нам не оставалось ничего, кроме как забраться в постель к армии и правительству. Черт возьми. Роберт, ведь это *я* уговорил Эйнштейна написать Рузвельту. Но сейчас-то войны *нет*, и мы не нужны военщине.

— Если вы возьметесь за это, вам непременно понадобятся ресурсы, — ответил Оппи. — Деньги, люди. Вашингтон сможет стать вашим союзником.

— Прячетесь за метонимией, Оппи? Да, нам наверняка потребуются друзья в высоких сферах, а вот Пентагон определенно не нужен, и в первую очередь его строитель.

— Генерал Гровз…

— Агрессивный профан! И вы, Роберт, это *знаете*.

— Он высокого мнения о вас.

— Ему деваться некуда. Я… ах да, вы предпочитаете сарказму метонимию. В таком случае спросите себя: без кого нельзя будет обойтись, если мы все-таки возьмемся за эту работу — без него или без меня?

— То есть без ястреба или без голубя?

Силард скрестил руки на мощной груди:

— Ответьте на мой вопрос.

Оппи покачал головой:

— Я всего лишь говорю, что для каких-то дел военные подходят лучше всего. Ну а планы спасения мира вы обдумываете не первый год, так что вам и карты в руки. Тут я не силен.

Лео родился в 1898 году и в конце 1920-х и начале 1930-х годов активно пытался создать «Бунд»[37], общество интеллектуалов, которые могли бы сформировать будущую цивилизацию. Он действительно дружил с Гербертом Г. Уэллсом, таким же мечтателем-утопистом, высказавшим подобную идею в одном из своих романов, и даже некоторое время выполнял обязанности агента Уэллса по публикации зарубежных переводов его произведений.

Силард пожал округлыми плечами.

— Вам известно, что я подумываю о том, чтобы переключиться на молекулярную биологию? Смерть как элемент жизни, грубо говоря. Но теперь… — Он помолчал. — Кто еще знает?

— Несколько человек из Лос-Аламоса. Я напишу вам список.

---

[37] Примечания: 37

Не путать с «Бундом» — социал-демократической организацией «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», прекратившей свое существование в 1921 г. Общее здесь лишь название: *Bund* (*идиш*) — союз.

— Гровза среди них нет?

— Нет.

— Отлично, отлично… А за пределами вашей группы из Нью-Мексико?

— Пока нет. Пока что я решился обратиться только к вам, — добавил Оппи, недвусмысленно демонстрируя собеседнику оливковую ветвь мира.

Лео оценил этот жест.

— Польщен, — сказал он, наклонив голову, и всем телом повернулся к Оппенгеймеру. — Но есть и другие люди, которых следует незамедлительно поставить в известность.

— Кого вы имеете в виду?

— Прежде всего, конечно, Эйнштейна.

— Его лишили допуска к работе по атомной бомбе, — сказал Оппи. — Из-за его левых взглядов.

Лео насмешливо вскинул брови.

— Его отстранили, а вас одобрили… Как бы там ни было, я хорошо знаю Альберта. Отсюда я поеду в Принстон — здесь недалеко — и сам введу его в курс дела. — Он с досадой покачал головой. — Это лучший человек на свете; правительству должно быть стыдно, что его во время войны оставили не у дел.

— Вы правы, — сказал Оппи, повернувшись

к черной ночи за окном. — Клянусь, иногда эта страна из кожи вон лезет, стараясь очернить своих самых верных слуг.

Глава 20

Чтобы я никогда больше не видел этого сукина сына в своем кабинете!

Гарри С. Трумэн

Оппенгеймер совершенно не интересовался политикой до того, как в его жизни появилась Джин, и не голосовал, пока ему не исполнилось тридцать два года. Первый раз участвуя в выборах, он отдал свой голос за переизбрание в 1936 году Франклина Рузвельта, чья политика «Нового курса» совпала с его недавно пробудившимися социалистическими взглядами. Он голосовал за Рузвельта еще дважды: в 1940 году и в 1944 году в знак согласия с его поддержкой зарождающейся Организации Объединенных Наций.

И вот наконец Оппи оказался в Белом доме, получив согласие президента на личную встречу. Но обитателем Овального кабинета был уже не Рузвельт, человек, с которым Оппи хотел бы встретиться, несмотря на некоторые растущие опасения в годы войны, а Гарри Трумэн, который, по мнению Оппи, ужасно все испортил в Потсдаме, не сумев привести Россию к соглашению о

международном контроле над атомной энергией; хуже того, Трумэн совершенно напрасно продлил войну на Тихом океане, настаивая на безоговорочной капитуляции, вместо того чтобы просто позволить японцам сохранить своего проклятого императора.

Конечно, встреча с президентом — это честь независимо от того, кто занимает эту должность. Но точно так же, как некоторые бесконечности меньше других — нечетных чисел в два раза меньше, чем целых, и все же и те и другие существуют в неиссякаемом изобилии, — так и почести бывают разных рангов. Подавленное настроение Оппи усугублялось тем, что по коридору Белого дома его сопровождал не Генри Стимсон, принципиальный джентльмен, занимавший пост военного министра до тех пор, пока ему совсем недавно не исполнилось семьдесят восемь, а его преемник Боб Паттерсон, всего месяц назад вступивший в должность, которая называлась так же, хотя страна больше не находилась в состоянии войны.

Миновав приемную, где находился президентский секретарь, Оппенгеймер и Паттерсон вошли в Овальный кабинет через дверь, находящуюся на северной оконечности его длинной оси,

и оказались перед пустым столом. Оппи пару раз видел в журналах черно-белые фотографии этого помещения. Оно оказалось меньше, чем он представлял себе, но действительно было эллиптическим в плане; эксцентриситет, как он прикинул на глаз, составлял примерно шесть десятых. Посередине голубовато-серого ковра была вытканa президентская печать.

Открылась вторая дверь, и в комнату вошел Трумэн — на три дюйма меньше ростом, чем Оппи, круглолицый, с голубыми глазами, прячущимися за толстыми линзами очков, и скорее серыми, нежели каштановыми волосами.

— Доктор Оппенгеймер, — сказал он, странно растягивая букву «о» в фамилии, — рад личному знакомству с вами.

— Большое спасибо, мистер президент, что нашли время принять меня, — ответил Оппи, пожимая протянутую руку. Он прилетел на самолете; за время, прошедшее после атомной бомбардировки Японии, он уже третий раз бывал в Вашингтоне и все три раза добирался туда по воздуху. Запрет на авиапутешествия сняли, не сказав ему ни слова; еще до его отставки, девять дней назад, правительство решило, что его персона уже не представляет собой исключительной

ценности и, если он погибнет в катастрофе, особой беды не случится.

ФДР, хотя и не мог подняться на ноги, был колоссальной личностью, а этот Трумэн — всего лишь заурядный миссуриец, являвший собою устраивавшую всех компромиссную фигуру в качестве напарника Рузвельту на его четвертый президентский срок. Южные демократы не согласились с кандидатурой вызывающе либерального Генри Уоллеса, который был вице-президентом до января текущего года, и таким образом бразды правления достались этому человеку. Более того — Оппи мельком подумал об этом в бункере, откуда руководил испытанием «Тринити», — именно он держит в руках рычаги управления атомом, единственный в мире, по крайней мере, на какое-то время, человек, имеющий возможность распоряжаться оружием ядерного распада.

Наверное, все же стоило не самому идти на эту встречу, а препоручить ее Силарду; с другой стороны, Лео уже пытался встретиться с Трумэном, но потерпел неудачу, и ему пришлось беседовать с Джимми Бирнсом. Он убедил Оппи взять эту задачу на себя, пустив в ход один аргумент: возможно, руководитель лаборатории, сделавшийся в последние дни всемирной знаменитостью,

преуспеет там, где не справился Силард.

— Доктор, — сказал Трумэн, — не хотите ли вы и министр Паттерсон присесть? — По обе стороны ковра стояли короткие банкетки. Президент сел с западной стороны кабинета, Оппи и Паттерсон — с противоположной.

— Примите поздравления и все такое прочее, — сказал Трумэн. — Ну а теперь к делу, согласны? Вы ведь по вопросу о контроле над ядерным оружием, верно? Прежде всего нужно определить национальные проблемы, а потом международные, верно?

В голове Оппи сразу возникла добрая дюжина ответов, но среди них не было ни одного корректного. Ради всего святого, прежде всего нужно думать о том, как обеспечить международный контроль, а не ломать попусту копья насчет того, военное или гражданское ведомство будет заниматься атомными вопросами внутри страны; это мог понять любой дурак — за исключением, очевидно, вот этого. Он посмотрел на Паттерсона, но министр старательно держал на своем вытянутом лице безразличную мину.

— На самом деле, господин президент, — медленно произнес Оппи, — пожалуй, лучше было бы сначала определить международную проблему.

— Что ж, если разобраться, то никакой международной проблемы нет, — ответил Трумэн. — Бомба есть только у нас и больше ни у кого. Вы знаете, когда у русских будет своя собственная атомная бомба?

— Как я уже сказал в палате представителей неделю назад, нет, сэр, не знаю.

— Ну а я знаю, — резко бросил Трумэн. — Никогда!

— Уверяю вас, мистер президент, законы физики одинаковы что здесь, что в Москве. Советам потребуется не так уж много времени, чтобы овладеть этой технологией.

— Так же думали и эти чертовы наци. Вы видели отчеты миссии «Алсос»[38], работавшей в Германии? Немцы сдались, подняли ручки. Глубина оказалась для них непреодолимой. Нет, дело обстоит именно так, как я говорил после того, как мы уничтожили Хиросиму. Такого не мог достичь никто, кроме вашей команды, и ни одна страна, кроме Америки.

— Вы… — Оппи удалось поймать оскорбитель-

---

[38] Примечания: 38

Миссия «Алсос» — операция американских спецслужб в рамках Манхэттенского проекта во время Второй мировой войны в 1942–1945 годах, целью которой был оперативный сбор информации о тайном немецком ядерном проекте.

ный эпитет, прежде чем тот сорвался с его языка, и заменить его на вежливое: — Слишком добры, сэр.

Они поговорили еще минут двадцать, в основном о законопроекте Мэя — Джонсона, который довел Лео Силарда и других чуть ли не до апоплексического удара. В этом акте вопросы исследования атома рассматривались как государственная тайна, а не как научное знание, которое должно принадлежать всему миру. Ученым же в случае даже сравнительно безобидных нарушений секретности грозили штрафами в 100 000 долларов и десятилетним тюремным заключением.

Оппи это не беспокоило. Принятие любого внутреннего законодательства — это лишь первый шаг; его всегда можно скорректировать постфактум. Нет, он пришел сюда с более важной целью. Было крайне важно понять, что представляет собой этот Трумэн, и определить, следует ли сообщать ему об опасениях по поводу предстоящей солнечной катастрофы.

— Что случилось, доктор? — спросил Трумэн. — У вас такой вид, будто вы проглотили муху.

Оппи посмотрел на стол и увидел табличку с надписью: «Здесь кончаются разногласия!». Он повернулся к Трумэну и сказал:

– *Salus populi suprema lex esto.* — Это был девиз штата Миссури: «Да будет высшим законом благосостояние народа», и он ожидал, что Трумэн сразу узнает его, но президент лишь нахмурился. Тогда Оппи решился предпринять последнюю, решающую проверку.

— Мистер президент, — сказал он, — мне кажется, будто у меня руки в крови.

Трумэн запустил пальцы в нагрудный карман, вынул белоснежный шелковый носовой платок и кинул его Оппи:

— Ну, так оботрите их, сынок.

Ученый и президент посмотрели в глаза друг другу, а потом Трумэн встал.

— Полагаю, мы закончили.

Да, подумал Оппи, тоже поднимаясь, *мы определенно закончили.*

Глава 21

Силард – прекрасный, разумный человек, как правило, не склонный к иллюзиям. Хотя, пожалуй, он, как многие люди такого типа, склонен переоценивать значение благоразумия в человеческих делах.

Альберт Эйнштейн

— Альберт, дружище!

— Мой дорогой Лео! Очень рад тебя видеть! — Эйнштейн, одетый в мешковатый свитер в клетку, буквально потащил Силарда в маленькую гостиную скромного домика на Мерсер-стрит в Принстоне, университетском городке в штате Нью-Джерси.

— Ну, — мрачно сказал Эйнштейн по-немецки после того, как уселся, — и кашу мы заварили! — За каждым словом следовал клуб дыма из трубки.

Лео неотвязно думал о том же самом. Не напиши он то письмо ФДР и не подпишись под ним Эйнштейн, не было бы Манхэттенского проекта. Война в Европе закончилась бы сама собой, да и Тихоокеанская война к этому времени уже

завершилась бы на несколько дней или недель, а может быть (только может быть!), позже, чем это случилось, но с тем же самым победителем. Возможно, таким образом *были* спасены жизни американцев, но как подсчитать человеческие жизни независимо от национальности? В Хиросиме и Нагасаки наверняка погибло куда больше народу, чем случилось бы при любом вторжении, и, что еще важнее, был выпущен на свободу злобный джинн, что навсегда изменило мир.

Лео выбрал самое роскошное из оставшихся кресел.

— Если бы знать наперед… — ответил он, осторожно усаживаясь, и покачал головой. — Я, естественно, думал, что немцы займутся тем же самым. И не могу понять, почему Гейзенберг добился столь малого.

— Вы хорошо его знали? — спросил Эйнштейн.

— Нет. Мы с Вигнером однажды съездили в Гамбург на его лекцию и потом немного побеседовали, но этим знакомство и ограничилось. Но он был руководителем диссертации Теллера; Эдвард немало рассказывал мне.

— Я несколько раз встречался с ним, — сказал Эйнштейн. — В 1924 году мы очень мило гуляли в Геттингене, потом я видел его в Берлине в два-

дцать шестом и, конечно, еще на Сольвеевской конференции в двадцать седьмом. — Эйнштейн выскреб пепел из трубки и принялся снова набивать ее. — Мы с ним были не согласны почти во всем, но с тех пор он, возможно, пришел в разум. Неопределенность! Чепуха.

Лео хорошо знал о том, что его друг в корне не приемлет копенгагенскую интерпретацию квантовой механики; к сожалению, в последнее время — Эйнштейну было уже шестьдесят шесть — стало ясно, что молодое поколение убегает вперед.

— Время покажет, Альберт.

— Это точно. Слышал анекдот обо мне? «Эйнштейн едет в железнодорожном вагоне. Он подзывает кондуктора и спрашивает: “Скажите, Нью-Йорк останавливается в этом поезде?” — Эйнштейн хохотнул. — Но о Гейзенберге придумали еще лучше. «Старина Вернер мчится по дороге. Полицейский кричит ему в мегафон: “Ваша скорость сто двадцать!” На что Гейзенберг кричит в ответ: “Огромное спасибо — теперь я не знаю, где нахожусь!”»

Лео кивнул. Ему нравился анекдот, в котором пассажиром Гейзенберга был Эрвин Шредингер. Полицейский останавливает их, подходит, чтобы

заглянуть в багажник машины, и кричит: «Эй, ребята, вы знаете, что у вас здесь дохлая кошка?» На что Шредингер кричит в ответ: «Теперь знаем, придурок!»

Шутки. Только и оставалось, что шутить, потому что всех этих смертей, всех этих разрушений было слишком много, чтобы сосредоточиваться на них — по крайней мере, в течение дня. Чего бы только Силард не отдал за возможность спокойно спать по ночам!

— Интересно, что сказал бы Гейзенберг, если бы услышал какую-нибудь из этих шуток на свой счет? — продолжал Эйнштейн. — Он никогда не славился чувством юмора, зато он прекрасный физик. Я три раза представлял его на Нобелевскую премию, и с третьего он все-таки ее получил.

Лео опять кивнул:

— Очень благородно с твоей стороны.

— О, он заслужил ее, вне всякого сомнения. А что касается реакции деления… Гейзенберг в этом вопросе не менее компетентен, чем любой из американских физиков. Если бы он захотел… — Эйнштейн умолк и запыхтел трубкой.

— То что? — спросил Лео.

— Я думаю, что он обвел их вокруг пальца, — ответил Эйнштейн и вздернул кустистые седые

брови. — Что могли Гитлер и его монстры понимать в физике? Десятичный знак не в той позиции, плюс вместо минуса… Гейзенберг вполне мог имитировать успех, но при этом делать все так, чтобы эти злодеи гарантированно не овладели такой мощью.

Лео нахмурился и повторил Эйнштейну ту самую фразу, которую тот сказал ему в самом начале:

– *Daran habe ich gar nicht gedacht!*[39]

— Это всего лишь гипотеза, — ответил Альберт и философски пожал плечами. — Но не исключено, что когда-нибудь появятся факты, чтобы подтвердить или опровергнуть ее. — Он взял с маленького столика графин, плеснул в бокал бренди и предложил Лео. Тот жестом отказался, и Эйнштейн с довольным видом забрал бокал себе. — По крайней мере, сейчас мир в безопасности.

Силард наклонился вперед.

— Сейчас, — повторил он. — Но ненадолго.

— Лео, мой мальчик, ты всегда был паникером!

— Вовсе нет. Но на днях я виделся с Оппенгей-

---

[39] Примечания: 39
Я даже не думал об этом! (*нем.*)

мером.

— А, — воскликнул Эйнштейн, — главная мировая знаменитость!

— Он сказал, что посылал тебе для консультации несколько уравнений.

— Да, совершенно верно. Не знаю точно, в чем там было дело, но я всегда готов помочь решить пари.

— Эти уравнения вызвали переполох в Лос-Аламосе, — продолжал Лео. — Ты же знаешь, что до войны Оппи увлекался физикой звезд, и не только он, но и Ханс Бете. Теллер тоже вместе с ними жарит мозги в пустыне — и он занимался звездами, пока несколько лет назад не переключился полностью на ядерный синтез.

— Милый Эдвард! Надеюсь, теперь, когда война кончилась, я снова увижу его и Мици.

У Лео не было портфеля — даже сейчас, когда прошло столько времени после побега из Германии в 1933 году (тогда он чуть не опоздал), он ограничивал свои пожитки тем, что могло поместиться в паре чемоданов. Но при нем был пакет для стирки, взятый из принстонского отеля, а в пакете лежала небольшая пачка бумаг, которую он сейчас достал.

— Это дал мне Оппенгеймер. Он, Теллер, Бе-

те и еще несколько человек дважды и трижды проверили расчеты. Я тоже. Взгляни. А вот спектрограммы, о которых идет речь, за 1929, 1938 годы и за начало этого года. — Он помолчал. — Тебе понадобится некоторое время, чтобы разобраться. Если позволишь, я бы принял ванну, пока ты будешь изучать материалы?

* * *

Лео выждал до тех пор, пока Эйнштейн не позвал его по фамилии. Тогда он вылез из ванны, стоявшей на фигурных лапах, проверил перед зеркалом в резной раме, гладко ли зачесаны его волосы, облачился в белый махровый халат (не такой мягкий, какие ему нравились) и вернулся в гостиную.

Обычно невозмутимый Эйнштейн был явно взволнован. Он стоял у тяжелой бархатной портьеры, задернутой от послеполуденного солнца, и нервно пожимал переплетенные пальцы. Трубка лежала в ониксовой пепельнице.

— Печально, — сказал он, как будто одно слово могло передать всю глубину его чувств и мыслей. — Печально.

Лео опустился в то же кресло, что и прежде:

— Значит, ты согласен с выводами?

Эйнштейн печально кивнул:

— Похоже, что если Гейзенберг действительно сумел уклониться от помощи Гитлеру, то его маневры оказались бессмысленными. Через сто лет будет безразлично, кто выиграл эту проклятую войну.

— Ну, во-первых, мы все же остались живы, и этот вариант я предпочитаю другому, — сказал Лео. — Но ты прав: представители последнего поколения человечества могут жить на свете уже сейчас.

Выразительные карие глаза Эйнштейна окружала красная кайма.

— С младшим сыном я не разговариваю. Ты знаешь, что он живет в психиатрической клинике? Эдвард. Я не видел его уже больше десяти лет.

— Сочувствую, — мягко сказал Лео, у которого детей не было.

— Мне… — Слеза скатилась в одну из глубоких морщин на щеке Эйнштейна и потекла вниз. — Я должен загладить свою вину. — Его округлые, сутулые плечи легонько вздрагивали. — Я настроился так и умереть, не решив этот вопрос, но каким-то образом знал, что *его* жизнь может оборваться… — Он повернулся к Лео. — Тебе следует жениться на Труде. Видит бог, я не ханжа, но, по

крайней мере, к концу света следует подходить с самым мирным и счастливым настроем, на какой способен человек, не так ли?

— Я не собираюсь оспаривать твоих утилитарных склонностей, старина, но, даже если мир обречен, то человечество, возможно, и нет.

— То есть?

— Я говорил, что долго беседовал с Оппенгеймером. Он совершенно удручен — не этим, а тем, что *уже* случилось. Он вымотан и истощен, этакая спичка, сотрясаемая изнурительным кашлем. Но, по его словам, Теллер уверен, что можно найти способ спасти хотя бы часть человечества. И Вигнер разделяет мнение Теллера. Ну, я, будучи утопистом, пожалуй, верю не только в воздушные замки, но и в эту возможность.

— Ты, Вигнер *и* Теллер? — сказал Эйнштейн. Он высморкался, потер глаза и задумчиво уставился в окно. Постояв так, он вскинул перед собою ладонями одна к другой испещренные старческой пигментацией руки. — Нет, у меня не хватит дерзости спорить с тремя марсианами.

Лео чуть заметно улыбнулся.

— Ладно, — сказал Эйнштейн. — Проникнуться фатализмом никогда не поздно. — Он расправил свитер на животе. — Послушаем, что скажет чет-

вертый марсианин? Джонни фон Нейман сейчас как раз здесь, в Принстоне, и занимается чем-то таким, что вполне может пригодиться.

Глава 22

Ich bin Feuer und Flamme dafür[40].

Альберт Эйнштейн об Институте перспективных исследований

Силард и Эйнштейн вышли из белого, обшитого вагонкой дома осенним полднем. Воздух был холодным и терпким, как только что снятый с дерева макинтош. Обычно Лео ходил бодро и энергично, но сейчас он замедлил шаг из почтения к возрасту своего друга. Они шли по обсаженной деревьями Мерсер-стрит, направляясь к Институту перспективных исследований. Этот институт, основанный братом и сестрой Луисом Бамбергером и Кэрри Фулд, пожертвовавших пять миллионов долларов из капиталов, заработанных на розничной торговле, собрал немало лучших в мире специалистов по физике и математике, а также некоторое количество таких же светил в гуманитарных областях.

Был день Хэллоуина. В прошлом году в Чикаго Лео видел тыквенные фонарики, на которых бы-

---

[40] Примечания: 40

Я весь горю из-за этого (*нем.*).

ли вырезаны карикатуры на Гитлера или лица с раскосыми глазами — самое страшное, что тогда могли вообразить американцы. Однако теперь на тыквах опять появились гоблинские рожи и благодушные улыбки… или, возможно, победоносные ухмылки.

— Вы еще увидите, какие здесь обширные владения, — сказал Эйнштейн (они продолжали беседовать по-немецки). — Сейчас институту принадлежит более двухсот сорока гектаров, но наша гордость и радость — это институтские леса. Осина, клен, бук, дуб, береза: какое дерево ни назови, у нас все есть. Там есть прекрасный ручей, а весной — прекрасные полевые цветы. Я знаю, Лео, что вы любите гулять. Лес успокаивает душу, а соловьи и другие певчие птицы составят вам отличную компанию.

— Звучит чрезвычайно заманчиво.

— Я ничего не приукрашиваю. Правда, скоро у нас выпадет снег. Я сам этим не увлекаюсь, но мне говорили, что здесь и лыжные прогулки замечательные. У нас имеется собственная неплохая библиотека, которая растет с каждым годом, к тому же совсем рядом находится Принстон, — он, естественно, явно имел в виду университет, а не город, — а там библиотека просто замеча-

тельная.

— А жилье здесь есть?

— Есть. И даже роскошное. Я предпочитаю жить в своем доме и с удовольствием хожу пешком в институт — ежедневно проходить милю туда и милю обратно очень полезно для здоровья, — но многие устроились в кампусе. Ну а директору, как подобает, предоставлен шикарный особняк Олден-мэнор.

— Кто еще здесь обретается?

– *La crème de la crème*[41], — ответил Эйнштейн по-французски и опять перешел на немецкий. — Курт Гёдель, Освальд Веблен и Герман Вейль были здесь с самого начала. Ну, конечно, Вольфганг Паули — как же его не вспомнить? — Эйнштейн хохотнул. — Ну и еще много народу. Уверяю вас, Лео, ведущий центр физики находится сейчас не в Геттингене и даже не в Беркли, а здесь.

Они подошли к главным воротам. Охранник махнул рукой Эйнштейну, и великий человек ответил ему широкой улыбкой и приветливо кивнул.

— И что, даже необязательно преподавать? — спросил Лео.

---

[41] Примечания: 41
Сливки общества.

— Нет. Ни студентов, ни бесконечных кафедральных и факультетских собраний. Лишь общество наилучших умов и масса времени для раздумий.

Развернувшееся впереди длинное трехэтажное здание из красновато-коричневого кирпича, увенчанное башней с часами, явно произвело впечатление на Силарда.

— Это Фулд-холл, — сказал Эйнштейн. — Построен в 1939 году.

— Несомненно, индивидуальный проект! — заявил Лео. — Я знаю, вы никогда не видели Лос-Аламоса; я сам старался избегать его, как самой смерти, — но там попытались обойтись прежними домами, в которых раньше помещалась школа для мальчиков, и вдобавок налепили жестяных сборных домиков и тому подобного оскорбления вкуса и комфорта, которые можно было очень быстро привезти и собрать посреди пустыни. В таком месте просто невозможно здраво мыслить! Я предупреждал, что все, кто туда попадет, сойдут с ума. Так и получилось! — Он вспомнил, что сказал ему Ферми после одного из визитов Итальянского штурмана в Лос-Аламос: «У меня такое впечатление, что эти люди на самом деле хотят создать бомбу!»

Эйнштейн печально кивнул.

— Но вот это!.. — продолжал Лео. — В таком месте можно с удовольствием работать десятки лет.

— Понятия не имею, сколько лет мне осталось, — ответил Эйнштейн, — но я намерен провести их здесь. Если окажется, что рай существует, он, несомненно, будет располагаться ступенью ниже. — Они вошли в мраморный вестибюль Фулд-холла. — И, кстати, насчет ступеней: любимый проект Джонни загнали в подвал. — Эйнштейн первым спустился по лестнице, крепко держась за деревянные перила.

Они вошли в большую, но почти пустую комнату, освещенную только голыми лампочками, подвешенными к бетонному потолку, и Силард впервые с довоенных времен увидел своего старого друга; тот сидел, сгорбившись, за письменным столом. Фон Нейман был на шесть лет моложе Лео, ему исполнился только сорок один год, но Лео подумал, что к нему самому годы отнеслись добрее, чем к его соотечественнику. Волосы Джонни отступили со лба к макушке, а щеки запали, зато резко выдавались скулы.

— Янчи! — окликнул его Лео, используя венгерское уменьшительное имя.

Фон Нейман поднял голову.

— Силард! — Он поднялся с места, подошел — звук шагов гулко разносился по пустому помещению — и, энергично встряхивая, пожал руку Лео. — Какой приятный сюрприз! — сказал он по-венгерски и фамильярно ткнул Лео в живот. — Вижу, даже в военное время для вас имелись и пироги, и булки!

— Мозгу требуется энергия, — на том же языке ответил Лео.

— Что привело вас сюда? — продолжил фон Нейман, перейдя на немецкий, чтобы дать возможность и Эйнштейну включиться в разговор. — Неужели вас наконец-то выгнали из Чикаго?

— Нет, нет, нет. Я приехал, чтобы проконсультироваться с Эйнштейном. А он сказал, что вы работаете над чем-то интересным и полезным.

— Совершенно верно, — ответил фон Нейман. — Я думаю над кое-чем поважнее бомбы — о вычислителях.

— Ах, старина Янчи! — рассмеялся Силард. — Вас, как всегда, интересуют дамы.

— Увы, речь идет не о женщинах, а о машинах. И мы намерены построить здесь самую лучшую из них.

— Знаете, — вмешался Эйнштейн, перейдя почему-то на английский, — я сначала был против. Как, впрочем, и директор Фрэнк Эйделотт, что с его стороны очень странно: ведь эта штука должна будет *много прибавлять*![42] — Он испытующе взглянул на Лео. — Не очень? Ну ладно.

Силард, который громко смеялся только на фильмах Чарли Чаплина, выдавил слабую улыбку, и Эйнштейн опять переключился на немецкий:

— Этот институт призван стать убежищем, прибежищем чистой мысли, не имеющей отношения к практическому применению — больше нам, дорогой Лео, не придется патентовать холодильники! Сотрудники института занимаются только теоретической работой, никаких экспериментов. Но Джонни долго старался убедить нас, что мы очень сильно нуждаемся в его замечательном электронном чудовище, которое многократно ускорит расчеты, и только в этом месяце получил финансирование. Что касается меня, то я уже стар; спешка давно меня не интересует.

— Вычислитель сможет справляться с задачами, совершенно непосильными для человека

---

[42] Примечания: 42

Эйнштейн попытался построить каламбур на созвучиях add a lot — много прибавлять — и фамилии директора института — Aydelotte.

с логарифмической линейкой, — сказал фон Нейман. — Среди наших конкретных планов — *идеально* точное прогнозирование погоды. А впоследствии, возможно, даже управление погодой.

— Все только и говорят что о погоде, — сказал Лео, — но никто пока не решался делать с нею что-нибудь — до вас, Янчи.

Фон Нейман одновременно с Лео, в 1920-х годах, жил в Берлине. Знакомые часто называли его Повесой Джонни за пристрастие к шумным вечеринкам. В ИПИ он работал с 1933 года; сюда он попал почти сразу же после того, как сбежал от стремительно росших при Гитлере в Германии антисемитских настроений (сначала он попытался формально принять католицизм, но очень быстро убедился в том, что это нисколько не помогает). В 1943 году он на некоторое время уехал в Лос-Аламос, чтобы помогать Оппенгеймеру, но в основном его работа в военное время была связана с ЭНИАКом, первой в мире электронно-вычислительной машиной, находившейся в университете Пенсильвании.

— В ходе первой попытки мы очень много узнали, — сказал фон Нейман. — Но в вычислителе, который скоро займет всю эту комнату, будет

использована новая… — он нетерпеливо помахал рукой, подыскивая слово, — *архитектура*. Уверен, что он станет образцом для всех будущих вычислительных машин.

— Неужели? — отозвался Лео.

Фон Нейман кивнул:

— Я сконструировал вычислительные элементы, используемые в ЭНИАКе, и точно знаю, что по сравнению с тем, что мы делаем сейчас, они архаичны, как динозавры. — Он вскинул голову с таким видом, будто эти самые динозавры как раз находились перед ним. — Совершенно новый подход.

— Ну, новые подходы — это как раз то, что нам сейчас нужно, — ответил Силард.

— Для чего? — спросил фон Нейман.

— Янчи, извините, мне нужно перекинуться несколькими словами с Эйнштейном. — Лео приобнял старшего товарища за плечи и вывел в коридор. Там он почти взбежал по лестнице, вышел из дома, опять оказался под лучами октябрьского солнышка и остановился, дожидаясь отставшего Эйнштейна. — Это *оно,* — решительно сказал он, указав жестом на окружавший их парк.

— Что — оно? — спросил Альберт.

— Место для штаб-квартиры работ по спасению человечества, конечно. Что может быть лучше? Давайте-ка постараемся собрать *сюда* лучшие умы из Лос-Аламоса и Чикаго, прежде чем их растащат по преподавательским кафедрам. Альберт, старина, вы же пользуетесь влиянием, верно?

Брови Эйнштейна поползли вверх — два белых облачка стремились присоединиться к другим, безмятежно плывущим по небу. Он медленно кивнул.

— У них действительно есть обычай прислушиваться к моему мнению, несмотря на сомнения по поводу компьютера Джонни.

— Замечательно! Нам нужно поговорить с вашим директором, этим Эдд-э-лот-ом. — Лео исказил фамилию, подстроив ее под эйнштейновский каламбур, и собеседник улыбнулся, довольный тем, что его шутку все же оценили и даже обыграли еще раз.

— Между прочим, Фрэнк говорил мне, что подумывает об отставке — на будущий год ему исполнится шестьдесят пять. Он пока еще не сообщал о своем намерении, но собирается сделать это уже на будущей неделе.

— Ага! И этому чудесному месту потребуется новый директор, — воодушевленно подхватил

Лео. — И я знаю подходящего человека!

Глава 23

Увидев фотографии из Хиросимы, [Оппенгеймер], похоже, пришел к твердому убеждению, что уникальная, не имеющая себе равных лаборатория, которую он создал, не имеет больше права на существование.

Эдвард Теллер

Эдвард Теллер провел менее шести месяцев в Чикагском университете, где работал вместе с Энрико Ферми, и в марте 1943 года переехал в Лос-Аламос. Но, хотя время его пребывания в Городе на ветрах оказалось столь недолгим, он произвел там яркое впечатление, и университет очень хотел заполучить его обратно — особенно сейчас, после того, как миру рассказали о Манхэттенском проекте.

Не далее как на текущей неделе Норрис Брэдбери, сменивший Оппи на посту директора Лос-Аламоса, предложил Теллеру должность руководителя теоретического отдела вместо Ханса Бете, который тоже покинул Гору. Теллер считал, что этого слишком мало, да и слишком

поздно; этот пост должен был достаться ему два с половиной года назад. Тем не менее это дало ему сильную позицию на переговорах сегодня, во время его ответного визита в Чикагский университет. Он был уверен, что ему предложат должность штатного профессора.

— Такого места вы еще не видели! — воскликнул по-венгерски его старый друг Лео Силард, когда они прогуливались по кампусу Чикаго. Он имел в виду идиллический Институт перспективных исследований в Нью-Джерси.

— Янчи рассказывал мне о нем, — ответил Теллер (тоже на родном языке).

— Ба! Слова ничего не стоят. Вы должны съездить туда вместе со мною и убедиться лично. Что касается предстоящей работы, нам ни в коем случае не стоит оставаться здесь, в Чикаго. — Он указал на группу зданий, в которых размещался факультет искусств. — Нам нельзя оставаться в каком-либо традиционном университете с сотней всяческих неуместно разнообразных кафедр и бесконечной бюрократией.

— Янчи сказал, что в том институте есть историки.

— Совершенно верно, есть. И люди, занимающиеся прочими гуманитарными науками. Вы

знаете, что такое палеография? Мне пришлось заглянуть в энциклопедию. Но *большинство* там составляют физики и математики — и Янчи строит самую большую в мире вычислительную машину, которая будет помогать в расчетах.

— И какую же роль вы видите там для меня?

— Эде! — Силард использовал родную, венгерскую форму имени Теллера, а не латинизированную, как обычно. — Эде, мальчик мой, естественно, это важнейший вопрос! Я думаю, что вы станете там новым директором!

Ноябрьский ветер трепал одежду и кусал за щеки.

— Я?! — отозвался Теллер, не скрывая удивления.

— А кто же еще? Нынешний руководитель уходит в отставку. Теоретический отдел в Лос-Аламосе достался не вам. А сейчас перед вами шанс возглавить нечто даже более важное — организовать работу лучших умов мира по спасению планеты.

Теллер сдвинул густые брови:

— Вообще-то я собирался продолжить работу над супербомбой или здесь вместе с Ферми, или в Лос-Аламосе.

— Нет, нет, нет! — возразил Лео. — Только ду-

ракам может прийти в голову драться в горящем доме. Закончилась не только эта война, но и *все* войны. Каким безумием было бы ссориться из-за границ и ресурсов, которые в скором времени сгорят дотла.

— Это *будет* важная работа, — медленно, словно смакуя, проговорил Теллер.

Лео помолчал, дожидаясь, пока встречная кучка студентов пройдет мимо. Теллер услышал, как кто-то из них воскликнул: «Мой бог, это же Эдвард Теллер!»

— Это будет *важнейшая* работа, — ответил Лео, когда они вновь оказались вне пределов слышимости для посторонних. — *Самая важная* работа, какую только можно представить.

— Но почему я? Мне кажется, что самой подходящей кандидатурой был бы Оппенгеймер. В Лос-Аламосе он показал себя прекрасным организатором.

— Оппенгеймер! Он запретил распространение там моей петиции — вы сами сказали мне об этом. Я слышал, будто он сказал Трумэну, что у него руки в крови — и так оно и есть! Но вы, дорогой Эде, вы же не работали над этой ужасной бомбой, вы не ограничивали себя ближней перспективой.

— Я знаю людей, — сказал Теллер, — которые возражали и продолжают возражать против любых работ по термоядерным бомбам. — И тут он, видимо, понял, куда клонит Силард. Его голос сделался резким. — И вы тоже хотите отвлечь меня от этой работы!

Лео улыбнулся:

— О, можно сказать и так. Конечно же, я не намерен повторять прежнюю ошибку. Если бы вы не отвезли меня к Эйнштейну и если бы я не убедил его подписать письмо Рузвельту, сегодня в мире не было бы атомных бомб; я переоценил как знания, так и целеустремленность и немцев, и Советов. Честно сознаюсь: я почти уверен в том, что, если американскими усилиями по созданию супербомбы не будет командовать человек вашего калибра, такое оружие вовсе не появится.

Калибр. Командовать. Теллер нахмурился. Как только разговор заходил о бомбах, в языке начинали преобладать термины, связанные с оружием; даже Лео — скорее ягненок, нежели лев, несмотря на свое имя, — поддался этому настрою. Но, возможно, его старый друг прав. Ни Германия, ни Япония больше не имели возможности проводить подобные исследования, а у Советов кто мог бы соперничать с американцами? Возможно,

Курчатов. Капица? И впрямь маловероятно. И все же…

— Но ведь это административная работа. — Именно таким презрительным тоном любой исследователь в любом уголке мира говорил бы о подобной должности.

— Эде, как раз административных обязанностей там будет очень мало. Эйнштейн объяснял мне, что идеальным администратором для этого института был бы очень спокойный человек, который не будет лишний раз тревожить людей, погруженных в размышления, а это значит, что и у *вас* будет достаточно времени для *ваших* собственных размышлений. Но, конечно, шеф-повар должен привнести в гуляш дополнительную приправу: стиль, который побудит других присоединиться к нашим усилиям. Я реалистично отношусь к своей репутации: я кусачий овод. Да, да, те, кто меня знает, очень высокого мнения обо мне, но ведь мало кто меня знает. А вот вы, Эде, когда-нибудь поедете в Стокгольм, помяните мое слово; вам, Брунауэру и Эммету полагается именно эта награда за предложенный перед войной метод БЭТ. Это великое достижение.

Они подошли к развилке. Лео выбрал левую дорожку, и Теллер, естественно, пошел с ним.

Он никогда не говорил никому, кроме Мичи, о надежде когда-нибудь получить Нобелевскую премию за эту работу, но БЭТ действительно очень высоко оценивали в научном мире, хотя, как часто говорил себе Теллер, по справедливости этот метод должен называться ТБЭ; его роль тут была, пожалуй, даже существеннее, чем в открытии эффекта Теллера — Яна.

— Но если вы будете вести исследования этой бомбы на принципе синтеза, — продолжал Силард, — то с какой целью?

— Естественно, ради мира. Это настолько ужасное оружие, что не может быть даже и речи о его применении.

— Вот именно! Целью Оппенгеймера было *применение* его бомбы. Что он говорил, когда запретил вам распространить мою петицию? Нет, нет, не надо, не отвечайте, я помню, что вы мне тогда написали. Он говорил, что решение нужно оставить политикам, что ученым не пристало лезть в эти вопросы и что самые серьезные проблемы следует доверить правительственным мудрецам.

Теллер кивнул, живо припомнив тот разговор: Оппи, со своим обычным обаянием, заявил, что, по его мнению, ученым не подобает использо-

вать тот престиж, которым они могут обладать, в качестве платформы для политических заявлений. Он в ярких выражениях говорил о глубокой озабоченности, тщательности и мудрости, с которыми такие вопросы решаются в Вашингтоне. «Наша судьба, — сказал он, — вверена лучшим, самым добросовестным людям нашей нации, располагающим информацией, которой нет у нас».

— Да, — согласился Эдвард. — Простите, Лео, но он говорил очень убедительно.

— Это он умеет. Но говорил ли он вам, что состоит в Научном отделе Временного комитета по атомной энергии?

У Теллера оборвалось сердце.

— Что?

— А говорил он вам, что шестнадцатого июня — прямо перед тем, как вы в Лос-Аламосе показали ему мою петицию! — он написал от имени этого отдела доклад, который пошел прямо к президенту Трумэну, где рекомендовалось сбросить бомбу на Японию без предупреждения?

Теллер почувствовал едкий комок в горле:

— В первый раз слышу.

— Но это правда. Ферми, тоже состоящий в Научном отделе вместе с Комптоном и Лоуренсом, показал мне копию этого доклада и подтвердил,

что его автор — Оппенгеймер.

Впереди оказалась деревянная скамейка; краска с нее почти полностью облезла от непогоды. Силард опустился на нее, жестом предложил Теллеру присоединиться к нему, извлек из внутреннего кармана пачку сложенных листов, расправил ее, вынул последний и вручил Теллеру.

— Взгляните на подчеркнутый абзац.

Теллер тоже расстегнул пару верхних пуговиц на плаще и достал очки из внутреннего кармана куртки, которую носил вместо пиджака. Водрузив их на нос, он пробежал выделенные строки: «Мы не можем предложить никакой технической демонстрации, которая могла бы положить конец войне; мы не видим приемлемых альтернатив прямому военному применению».

— Проклятье… — пробормотал Теллер и перечитал текст, словно не поверил собственным глазам. — Он…

— Лгал вам, — просто сказал Силард. — Или, деликатно выражаясь, намеренно вводил вас в заблуждение.

— Но зачем? — спросил Теллер.

На круглом лице Силарда было прямо-таки написано, что он считает вопрос наивным.

— Оппенгеймер — креатура Гровза, и Гровз с самого начала хотел применить бомбу. Естественно, Оппенгеймер разыгрывал его сценарий.

Теллер склонил голову набок:

— Пусть так. В том, что он был заодно с ними, нет никаких сомнений, но в день бомбардировки Хиросимы он пришел ко мне и мы долго беседовали. Он был разбит вдребезги; я никогда не видел такого человека… так *страдавшего*. А Мици слышала от Китти, что после Нагасаки ему стало еще хуже.

— Угрызения совести *после* бомбардировки никак не могут послужить утешением японцам, — ответил Лео.

— Согласен, но… — И тут его осенило. — Дело не в Оппенгеймере, — пророкотал он, жестом обвинителя наставив палец на Силарда. — Дело в генерале Гровзе! Если институтом в конце концов станет управлять Оппи, то, несомненно, Гровз будет руководить им, дергая за ниточки, точно так же, как это было в Лос-Аламосе. Черт возьми, если бы Оппи добился своего, нам бы всем присвоили звания и заставили ходить в форме! Но я лишь мимолетно знаком с Гровзом; он не имеет надо мной никакой власти.

Лео улыбнулся, как мальчик, пойманный за

невинной шалостью:

— Я признаю, что это плюс. Но вы недооцениваете себя, мой друг. У вас есть связи, которые нам понадобятся. Гровз, несомненно, приложил бы все усилия, чтобы ограничить круг участников американцами; вы же сами видели, как он обращался с британцами, работавшими в «Трубных сплавах»! Но нам понадобятся лучшие умы и отсюда, из Северной Америки, и из Европы, включая…

— Гейзенберга, — подхватил Теллер. — Мой научный руководитель.

— Совершенно верно. Откровенно говоря, думая о кандидатуре директора, я прежде всего вспомнил о Нильсе Боре, но Гейзенберг после их резкой размолвки во время войны ни за что не согласился бы работать под его началом. Вы другое дело. Вам он поверит, как и большинство европейцев. Ну, и конечно, вам поверит ваш приятель-марсианин фон Нейман, который уже работает в ИПИ.

— Лео, все это очень заманчиво, но…

— Но что? Вас призывает сама судьба! Кроме того, я вник в детали. Работа директора ИПИ хорошо оплачивается — 20 000 долларов в год; жить вы будете в Олден-Мэноре, особняке в восемна-

дцать комнат, укомплектованном прислугой. Еще и щедрая пенсия предусмотрена. И, конечно, моральный выигрыш в том, что вы сможете сосредоточить свою работу на цели спасения мира. Вспомните, что сами написали мне летом: «Я не питаю надежды очистить совесть; то, над чем мы работаем, настолько ужасно, что ничто не может спасти наши души». Подумайте, старина, вдруг такая возможность все же выпадет?

Самые заумные проблемы физики казались Теллеру прекрасными и безмятежными, но такое… такое… У него голова пошла кругом.

— Мне нужно будет посоветоваться с Мици.

— После того как вы три года просидели в пустыне? Вы лучше меня знаете, что она только обрадуется, если удастся сменить убогую жизнь на роскошную. — Лео протянул собеседнику ладонь с короткими толстыми пальцами. — Ну что, договорились?

Глава 24

Предположим, что Германия создала две бомбы до того, как они появились у нас. И предположим, что Германия сбросила одну бомбу, скажем, на Рочестер, а другую – на Буффало, а затем, когда бомбы закончились, она проиграла войну. Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что в этом случае мы квалифицировали бы атомную бомбардировку городов как военное преступление и что мы приговорили бы в Нюрнберге немцев, виновных в этом преступлении, к смертной казни и повесили бы их?

Лео Силард

Обращаясь к генерал-лейтенанту Лесли Ричарду Гровзу-мл., родственники и близкие друзья называли его Дик — в отличие от отца. Обычно Дик не имел склонности к метафорическому мышлению, но, когда он в этот суровый день выходил из машины, которая привезла его сюда с вокзала, ему в голову пришла подходящая аналогия. Дело было не только в том, что в Лос-Аламос,

который находится хотя и в южных широтах, но все же на высоте 1,4 мили над уровнем моря и где почти наверняка на Рождество выпадет снег, пришла ноябрьская прохлада. Совершенно независимо от погоды все это место казалось остывшим. И в поселке, и в оставшихся там людях больше не горел огонь. Дику вспомнилось, как он в 1939 году возил сына и дочь на Всемирную выставку в Нью-Йорке — воплощенные суета и веселье, — а затем, проходя мимо территории выставки через несколько месяцев после ее окончания, увидел разлагающуюся оболочку, заброшенные футуристические постройки, силуэтами вырисовывавшиеся на фоне заходящего солнца.

Он вошел в кабинет, которым пользовался во время своих посещений Горы. Мгновением позже в открытой двери материализовался Пир де Сильва, кабинет которого находился рядом. Что ж, подумал Дик, грош цена была бы ему как начальнику службы безопасности, если бы он *не* знал о прибытии генерала.

— Сэр, — сказал де Сильва, — спасибо, что приехали. Как я уже говорил вам по телефону, у меня такое впечатление, будто заваривается что-то серьезное.

Дик опустился во вращающееся кресло:

— Я вас слушаю.

— Согласно вашему приказу, я по-прежнему держу под наблюдением всех, кто идет в штатном расписании под литерой «С». — Генерал кивнул. Теперь, когда ведущие ученые и инженеры начали разъезжаться из Чикаго, Окриджа и Лос-Аламоса по разным местам, меры предосторожности следовало сделать особенно жесткими. Советы были бы рады заполучить кого-нибудь из главных специалистов Манхэттенского проекта, особенно если учесть, что США опередили их в Европе, захватив многих лучших нацистских ученых, включая Вернера Гейзенберга, которого отыскал лично Борис Паш в рамках последней миссии «Алсос». Эдвард Теллер или Ханс Бете стали бы бесценной добычей для Кремля независимо от того, соблазнят ли их деньгами или принудят под дулом пистолета.

Де Сильва продолжал:

— В среду, семнадцатого октября, Оппенгеймер имел приватную беседу с Лео Силардом в гостиничном номере последнего в Вашингтоне. В понедельник, двадцать второго октября, Силард встретился с Эйнштейном в Институте перспективных исследований. Еще через четыре дня

там же состоялась встреча Эйнштейна, Силарда и Эдварда Теллера.

Дик знал, что некоторые принстонские профессора с завистью называют это учреждение Институтом повышенных зарплат, а другие — Институтом прекрасного питания, что, несомненно, должно привлекать бездельника Силарда.

— Они подбирают наилучшие места для себя.

— Согласен, сэр. Но это еще не все. Никто из этих парней не проявлял особенной осторожности во время войны, хотя все они знали, что их телефоны прослушиваются. Но теперь многие из них — включая даже Фейнмана — так стараются ничего не говорить, что не может быть сомнений: они что-то скрывают.

— Например?

— Не знаю, генерал, кроме разве что того, что это имеет какое-то отношение к Солнцу. — Гровз откинулся на спинку кресла, а де Сильва продолжал: — В августе сюда прислали из Корнелла несколько фотопластинок с солнечными спектрами для мистера Бэттла, то есть доктора Бете. Я лично отнес их ему; он, как мне показалось, был очень доволен. Конечно, он полагал, что я не могу разобраться ни в них, ни в том, что он о них говорил.

— Гамартия умников, — буркнул Гровз.

— Сэр?..

— Святые небеса! Сынок, чему же вас учат в Вест-Пойнте? Гамартия, роковая ошибка. Высокомерие. Они, спесивые индюки, исходят из того, что никто из тех, кто не имеет строчки букв после имени, не способен понять их мыслей.

— Так точно, сэр. В общем, доктор Бете сказал, что покажет их доктору Теллеру. И сразу после этого чуть ли не все книги и журналы, которые они заказывали сюда, имели отношение к физике Солнца, ядерному синтезу в звездах и тому подобному.

— И что же вы предполагаете?

— Мне кажется, это имеет какое-то отношение к супербомбе, сэр. Оппенгеймер возражает против этой работы, а Теллер решительно настроен построить бомбу. Если они выяснили что-то фундаментальное о том, как на Солнце происходит термоядерный синтез, возможно, это и есть прорыв, необходимый для того, чтобы водородная бомба получилась.

— Если бы они совершили прорыв, то доложили бы об этом мне, — сказал Гровз.

— По идее, так и должно быть, сэр, но, похоже, у них командует Силард, и… как бы это сказать…

хочет забрать атомные вопросы из рук военных. Возможно, он рассчитывает, что теперь, когда война закончилась, в Институте перспективных исследований можно было бы собрать известных атомных физиков для гражданских исследований. В конце концов, у них там уже есть Эйнштейн.

— С-силард, — прошипел Гровз и помотал головой. — Ладно, копайте дальше и держите меня в курсе дела. Роберт уже приехал?

Оппенгеймер должен был посетить Гору впервые после своей отставки и выступить перед Ассоциацией лос-аламосских ученых; такая группа возникла здесь вскоре после взрывов в Хиросиме и Нагасаки.

— Так точно, сэр.

— Ладно, не буду приставать к нему до выступления — а трепать языком Роберт умеет как никто другой! — но как только он закончит болтовню, я докопаюсь до сути дела.

* * *

Ясная ночь в Лос-Аламосе, когда небо усеяно бесчисленными звездами, — это чудо. Сегодняшняя ночь была не такой; над головами висел непроницаемый темный полог, в котором можно

было смутно угадать чуть более светлую область, где, вероятно, находилась Луна; это наводило на мысль о проявлении квантовых эффектов в макромасштабе.

Дождь прекратился, зато ветер сделался пронизывающим. Дик и Роберт шли, застегнув пальто, сгорбившись и подавшись вперед. Генерал провожал физика в его гостевую квартиру после выступления. В одной руке Оппенгеймер держал сигарету, кончик которой вспыхивал на ветру, как новая звезда, а другую руку он попеременно то засовывал в карман пальто, то вскидывал, чтобы ухватить шляпу за поля и не дать ей улететь.

Дик никогда не был склонен к светским беседам, но тем не менее спросил о детях Оппенгеймера. Питеру сейчас было четыре с половиной, а Тони — так ее стали называть родители вместо первоначального «Тайк» — чуть меньше одиннадцати месяцев.

— С нетерпением ждут Рождества, — сказал Роберт.

Пару лет назад Дик с удивлением узнал, что Оппенгеймеры отмечали этот праздник: с елкой, подарками и жареной индейкой. Он никогда раньше не слышал, чтобы евреи придерживались американского обычая. На сей раз он просто

кивнул.

— Я пришлю подарки вашим детям. Думаю, на Игл-хилл — верно?

— Вероятно. Я сообщу вам.

— Все еще разбираете приглашения?

— Они идут непрерывно, — признался Роберт. — Но Беркли кажется мне предпочтительнее всего.

— Вот как, — заметил Гровз совершенно равнодушным тоном. — Я слышал, что некоторые шишки собираются в каком-то милом местечке в Нью-Джерси, как его?..

— Институт перспективных исследований, — подсказал Оппенгеймер.

— Точно, точно. Вы, Роберт, всегда в курсе событий. А скажите-ка, там происходит что-нибудь интересное?

— Думаю, что постоянно.

— Я слышал, что вы там недавно побывали.

— Вы тоже много чего знаете.

— Да так, обрывочные сведения. Например, мне известно, что Теллер увлечен идеей синтеза, ну а вы все вдруг заинтересовались *солнечным* синтезом.

Они дошли до развилки дорожки, плохо различаемой в темноте. Гровз шел впереди, Оппен-

геймер следовал за ним. Он ничего не ответил на эти слова.

— Роберт, неужели у вас намечается какой-то прорыв? Я определенно имею право знать об этом.

— Я сказал Трумэну, что мои руки испачканы кровью, — отозвался Оппенгеймер. — И до сих пор… нет-нет, не возражайте, я знаю, что вы видите все это иначе. Но есть надежда, что мне все же удастся умыть руки, и она связана с этим — если «*это*» и вправду существует.

— Значит, что-то действительно происходит, — утвердительно сказал Гровз.

Оппенгеймер указал на один из недавно построенных двухэтажных домов, ровным рядом уходивших в темноту.

— Кажется, мне сюда.

Гровз остановил Роберта, положив руку ему на предплечье, сделал короткий шаг вперед и повернулся, чтобы смотреть физику в лицо.

— Роберт, ни вы, ни я не любим вспоминать тот единственный случай, когда мне пришлось отдать вам приказ. — Оппенгеймер напрягся; воспоминание о том, как ему пришлось выдать Хокона Шевалье, действительно причиняло ему боль. — Не вынуждайте меня сделать это еще

раз.

— При всем уважении к вам, генерал, вы не *сможете* сделать это. Если помните, я вышел в отставку.

«В таком случае зачем же ты приехал на Гору?» — подумал Гровз и сказал, покачав головой:

— Ладно. Но, знаете ли, есть и такие люди, которые *смогут* приказать вам говорить.

Оппенгеймер тоже покачал головой.

— Откровенно говоря, я не могу представить себе, кто мог бы обладать такой властью. — Он протянул руку. — Доброй ночи, генерал.

Гровз вздохнул и ответил на рукопожатие.

— И вам доброй ночи, Роберт.

В голосе Оппенгеймера слышалась бесконечная усталость.

— Я намерен спать, — он выдохнул дым, сразу же растворившийся в темноте, — так, будто завтрашнего дня вовсе не будет.

* * *

После выступления в Ассоциации лос-аламосских ученых Оппи вернулся в Беркли, на Уан-Игл-хилл. До него дошли слухи о том, что Хокон Шевалье вернулся в прежние места, и он подумывал о том, что надо бы связаться со ста-

рым другом, но оказалось, что эту возможность он упустил. Среди сотен других конвертов, сваленных у него на столе, дожидалось и письмо от Хока. Хоть на нем и не было обратного адреса, Оппи сразу узнал почерк и решил распечатать этот конверт первым. Он приготовил себе бокал мартини, закурил «Честерфилд», перешел в гостиную с полом красного дерева и потолком в двенадцать футов высотой, опиравшимся на красивые балки, устроился в любимом кресле около каменного камина и начал читать. После обычного «Дорогой Опьи» Хок сообщал:

> *Я уезжаю в Нюрнберг! Похоже, мои способности и знания наконец кому-то понадобились. Как я уже писал тебе, во время первого заседания Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско меня наняли переводчиком для французской делегации. Должно быть, я хорошо ворковал с ними, потому что теперь наше военное министерство предложило мне быть ведущим переводчиком с французского на английский на Международном военном трибунале по военным преступлениям в Германии. Слушания начнутся*

20 ноября и могут продлиться много месяцев.

Мы собираемся использовать новый метод, я называю его «синхронным переводом», так что мы не слишком замедлим процесс. Это дело, конечно, не такое сложное, как создание твоих бомб, но все равно чертовски трудное. Меня также пригласили в группу составителей глоссария юридических терминов, который будет распространяться среди свидетелей и прочих.

Я собираюсь вести дневник, куда буду записывать, что происходит на суде. В моей собственной жизни никогда не случается ничего особенного, а вот из этого процесса могла бы получиться хорошая книга – все любят словесные баталии и перекрестные допросы, верно? Как бы там ни было, в свое время наши пути снова пересекутся, дорогой друг! Всего наилучшего Китти, детям и, конечно же, тебе, mon cher Опьи. À la prochaine!

Оппи сидел, держа в руках исписанный лист, и никак не мог отложить его в сторону. Когда-

нибудь у них обязательно случится тяжелый разговор, и его ожидание сравнится разве что с терзаниями Дамокла. Оставалось радоваться тому, что это случится не завтра и не в ближайшие дни.

Глава 25

[Институт перспективных исследований] в Принстоне – сумасшедший дом; его погрязшие в солипсизме светила раздельно и беспомощно сияют поодиночке. Эйнштейн – полное ку-ку. Мне решительно нечего там делать.

Дж. Роберт Оппенгеймер, письмо брату, 1935 г.

Хотя Оппенгеймеры действительно поставили в своем доме на Уан-Игл-хилл рождественскую елку, сам день Рождества ничем не выделялся среди других: подарки вручали на протяжении восьми вечеров Хануки. Восприимчивому и застенчивому Питеру, которому было ближе к пяти, чем к четырем, особенно понравился ярко-красный трехколесный велосипед, который он назвал Берки — так он произносил название города, в который они наконец вернулись. Маленькая Тони, которой только что исполнился год, не выпускала из рук белого плюшевого кролика, которому Китти дала имя Хоппи. А Хокон Шевалье, который несколько лет назад проводил рождественские

праздники с семьей Оппи, действительно уехал в Европу. Так что в Калифорнии на Рождество их ничего не держало. Оппи на неделе отвез семью в Нью-Йорк и 25 декабря уехал оттуда один, против чего ни Китти, ни дети не возражали.

Оппи отправился в гости к Исидору Айзеку Раби, нобелевскому лауреату по физике прошлого года. Раби (даже жена и сестра никогда не называли его по имени) был глубоко привержен к обычаям иудаизма, в то время как Оппи их отвергал; каждое действие имело равное по силе, но противоположно направленное противодействие. Его дом не украшали рождественские безделушки; Рождество знаменовалось лишь тем, что в этот вторник обычно шумное уличное движение на Манхэттене оказалось необычно приглушенным.

Раби, ставший знаменитым и богатым благодаря Нобелевской премии, жил с женой и детьми в шикарной квартире на Риверсайд-драйв, над величественным Гудзоном. Высотный дом — целых десять этажей — находился недалеко от Колумбийского университета, где он снова стал преподавать, отойдя от работ по радиолокационной тематике, которыми он занимался большую часть военных лет в Массачусетском

технологическом институте. На этой же самой Риверсайд-драйв Оппи жил с родителями в детстве и юности, а неподалеку и все же безмерно далеко лежал бедный иммигрантский Нижний Ист-Сайд, где вырос Раби. Они познакомились в Лейпциге в 1929 году, шестнадцать лет назад.

Оппи и Раби расположились в кабинете хозяина и попыхивали трубками. На столе Раби лежал первый номер чикагского «Бюллетеня ученых-атомщиков», вышедший в начале месяца. Свой экземпляр Роберт прочитал, пока летел из Калифорнии. Оппи также обратил внимание, что на книжной полке лежит нобелевская медаль Раби — без рамки или какого-то красивого футляра. Он был знаком со многими лауреатами, но медаль видел впервые. Он не решился проявить интерес к ней в присутствии Раби, но, когда хозяин, извинившись, вышел в туалет, Оппи воспользовался случаем. Медаль имела в диаметре чуть больше двух с половиной дюймов и по ощущению веса на руке была золотой. На лицевой стороне был изображен профиль бородатого Альфреда Нобеля с галстуком-бабочкой, изобретателя динамита.

Оппи пожалел, что изображение профильное, а не анфас: он хотел бы заглянуть в глаза этому человеку. Нобель получил подарок, который до-

стается мало кому на свете: он при жизни узнал, как его воспримет история. В 1888 году, когда ему было пятьдесят семь — за шесть лет до его настоящей смерти, — французская газета, перепутав его с только что умершим братом Людвигом, опубликовала некролог Альфреду под заголовком Le marchand de la mort est mort — «Торговец смертью мертв». Труды всей жизни, начавшиеся для Альфреда как увлекательные поиски в области химии, сделались в итоге производством вооружений.

Итак, получив это досрочное знание, Альфред решил изменить свое будущее — и будущее всего мира. Не имея ни жены, ни детей, он пересмотрел свое завещание и оставил девяносто четыре процента состояния для финансирования ежегодных премий по физике, химии, литературе, физиологии или медицине и, что следует отметить особо, «тому, кто внесет весомый вклад в сплочение народов, уничтожение рабства, снижение численности существующих армий и содействие мирной договоренности».

Оппи потер медаль большим и указательным пальцами; атом-другой золота мигрировал к нему, несколько молекул веществ его тела обосновались на диске. Скоро, с надеждой подумал

он, уже скоро.

Царевич Арджуна усомнился в своем долге, Альфред Нобель изменил свою судьбу. Но хотя первый узрел неземные видения, а второй был предшественником Оппи в роли создателя самой мощной искусственной взрывчатки в истории, ни тому, ни другому не довелось заглянуть в самое пекло ада, как сделал Оппи. И пусть Нобель видел свой собственный преждевременный некролог, зато Оппи недавно получил предварительное извещение о кончине всего мира, хотя…

— Можете не кусать, — услышал он голос Раби. — Могу гарантировать, что она золотая. Мне сказали — двадцать три карата.

Оппи повернулся, чувствуя, что его щеки вспыхнули:

— Извините.

— Вовсе не за что, — ответил Раби, который был на добрую голову ниже ростом, чем Оппи. — Маргарет хотела нацепить ее и пройти похвастаться. В старом районе — ни в коем случае. В этом? Да тут у многих мамаш серьги стоят дороже.

Оппи тоскливо улыбнулся и положил медаль на место.

Сорокасемилетний Раби походил бы на Силарда, но был не столь толст и не имел во взгляде

шаловливой язвительности, отличавшей последнего. Он сел в кресло и жестом указал Оппенгеймеру на другое.

— На чем мы остановились?

— На международном контроле, — ответил Оппи. — Два месяца назад я побывал у Трумэна. Он непоколебимо уверен, что Советы никогда не смогут обзавестись собственным атомным оружием, но…

Рабби кивнул.

— Но они, конечно, смогут. С этим понятно. Значит, это должны быть Объединенные Нации?

Разговор был непростым и изрядно утомлял, но все равно Роберт испытывал дрожь восторга, которую, как он надеялся, он скрыл лучше, чем смущение несколько мгновений назад. Персональный визит к президенту, обед с государственными деятелями и промышленными магнатами; пьянящие разговоры вроде нынешнего о том, как навести порядок в мире — если бы те мальчишки, которые бросили его с раскрашенными гениталиями в холодильник, если бы Патрик Блэкетт, который счастливо не съел приготовленное Робертом яблоко и успел с тех пор переехать из Кембриджа в Манчестер, если бы *Джин* могла видеть его сейчас…

Все, кроме Джин, его видят. Его портреты печатают в газетах по всему миру, его имя ежедневно повторяют сотни тысяч языков. Он знал, что деньги и слава достанутся тому, кто преуспеет в создании атомной бомбы. Вот почему он добивался этой должности: чтобы удовлетворить аппетиты Китти и, следует признать, свои собственные. Но когда Гитлер в страхе перед советскими войсками, находившимися всего в двух кварталах от рейхсканцелярии, прострелил себе череп из «вальтера», Оппи почувствовал, что награды ускользают от него, и даже парады победы, которые проводили союзники, не разубеждали его в этой истине.

Вчера, в Рождественский сочельник, сравнялось двадцать недель с того дня, как их «Малыш» уничтожил Хиросиму; сто сорок беспокойных ночей, сто сорок утр и вечеров со статьями в утренних газетах и сообщениями в вечерних радиопередачах. Удивительно, насколько быстро регулярное появление собственного имени в новостях может превратить человека в ярого приверженца четвертой власти. До него даже доходили слухи о том, что он станет человеком года журнала «Тайм» вслед за Айком, который удостоился этой чести в прошлом году, и Джор-

джем, который заслужил ее годом ранее.

Айк.

Джордж.

Эта фамильярность не была наигранной, нет-нет, ни в коей мере. Именно так он обращался в разговорах к генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру и начальнику штаба сухопутных войск Джорджу Маршаллу.

А сейчас он сидел в кабинете нобелевского лауреата и набрасывал проект нового мирового порядка, в отличие от безумных замыслов Гитлера, направленный на всеобщее процветание. В прошлом месяце была создана Ассоциация ученых-атомщиков, и Оппи уже работал над своим эссе для запланированной ассоциацией книги «Один мир или ничего». И он сам, и Раби, и Силард, и Вигнер, и Бор, и Бете, и многие другие быстро сошлись на том, что единственный путь, который позволил бы избежать безумной гонки вооружений, — передать контроль над атомными вопросами в руки международного органа, и зарождающаяся Организация Объединенных Наций, которой всего два месяца от роду, представлялась им всем наиболее подходящей инстанцией.

— Да, — сказал Оппи, заново раскурив труб-

ку. — ООН представляется самым подходящим выбором. Первое заседание Генеральной Ассамблеи откроется через… шестнадцать дней?

— Для продвижения этой идеи необходимо подобрать подходящего человека, — ответил Раби. — Я слышал, что Дин Ачесон склонен предложить Дэвиду Лилиенталю возглавить консультативный комитет при президенте.

Оппи кивнул:

— С Лилиенталем я незнаком, а вот с Дином разговаривал еще в сентябре. Я сказал ему, что большинство из нас, участников Манхэттенского проекта, решительно не расположены продолжать работу над оружием, что мы против диктата над нашими мыслями и чувствами.

– *Большинство*, — повторил Раби, скорее, подчеркивая это слово, нежели сомневаясь в нем.

— Ну, конечно, остается Теллер и…

– *Теллер!* — Раби произнес эту фамилию так, будто плюнул. — Я никогда не понимал его позиции.

— Я тоже, — ответил Оппи. Он услышал отдаленное дребезжание дверного звонка и, вопросительно вскинув брови, взглянул на Раби.

— Хелен откроет, — сказал хозяин и затянулся трубкой. Однако табак, по-видимому, догорел.

Раби встал и направился к письменному столу, чтобы набить ее из изящной шкатулки, где держал табак. На обратном пути он остановился у большого окна, и Роберт увидел, что его залило янтарным светом. — Оппи, идите сюда! Посмотрите.

Роберт встал, подошел к хозяину и остановился рядом с ним. Солнце садилось, и льдины, плывшие по Гудзону, были сейчас не белыми, а розовыми, как фламинго, и канареечно-желтыми. Конечно, для Раби Солнце было всего лишь небесным художником, раскрашивающим пейзаж; он пока что не знал о приближающемся солнечном кризисе. А вот для Оппи эта хроматическая трансформация была злой шуткой, космическим издевательством.

Представительное лицо Раби приобрело тот же оттенок, что и профиль Альфреда Нобеля на медали; он с восторгом любовался широкой рекой.

— Например, можно было бы денатурировать весь имеющийся в мире уран, — сказал Оппи.

Раби указал на открывшееся перед ними зрелище и с некоторым раздражением бросил:

— Вы денатурировали очаровательное мгновение. Кроме того, даже если бы удалось загрязнить все имеющиеся в мире запасы урана, чтобы он

стал непригодным для реакции деления, его наверняка можно будет… э-э… так сказать, ренатурировать и…

В дверь постучали, и еще через пару секунд она приоткрылась, и в комнату просунулась черноволосая голова Хелен, жены Раби.

— Мальчики, вы ни за что не угадаете, кто к нам пришел, — с этими словами она отступила в сторону, и Оппи почувствовал, что у него отвисла челюсть.

— Гидроксил, гидроксил, гидроксил! — воскликнул полный седовласый мужчина со смеющимися глазами.

— И вам три о-аш! — мгновенно отреагировал Раби и продолжил по-немецки: — *Mein Gott, was hat Sie hierher gebracht?*[43]

— Меня привез поезд из Принстона, — на том же языке ответил Эйнштейн. — И я хочу успеть на последний обратный. — Он вошел в кабинет, и Хелен, одарив всех присутствовавших улыбкой, удалилась и закрыла за собой дверь. — Майя, — так звали сестру Эйнштейна, которая жила вместе с ним с 1939 года, — ждет меня в магазинчике по соседству. Слава богу, что есть на свете

---

[43] Примечания: 43
Мой Бог, что привело вас сюда? (*нем.*)

мы, евреи! Сегодня никто больше не работает!

Морщинистые щеки великого физика все еще покрывал румянец — день был очень холодный. Пальто он снял в прихожей и остался в свитере цвета клюквы и бежевых брюках.

— Вы позволите мне присесть? Нам есть о чем поговорить!

Оппи с первого взгляда подметил, что в доме Раби поддерживается порядок, но и он, как, пожалуй, любой ученый, книги и бумаги сваливал на неиспользуемые стулья. И сейчас хозяин поспешно переложил стопку с последнего из имевшихся в кабинете стульев на пол и сел туда сам, предложив Эйнштейну самое удобное кресло, в котором до того сидел.

— Я узнал, что вы направились сюда, — сказал Эйнштейн, глядя на Роберта. — Ваш дом наверняка прослушивается; этим наверняка занимается ФБР, а может быть, и Советы. Мой, конечно, тоже. Но осмелюсь предположить, Раби пока что не привлек особого внимания этого *schmuck*[44] Гувера. Так что, надеюсь, мы сможем поговорить здесь откровенно.

— О чем? — спросил Раби.

---

[44] Примечания: 44
Тупица, зануда (*идиш*).

Эйнштейн взглянул на Оппи, потом на Раби, а потом опять на Оппи:

— Вы еще не рассказали ему? О судьбе мира!

— Мы обсуждали решение про… — начал Раби.

— Нет, — перебил его Оппенгеймер. — Об этом мы не говорили.

Теперь уже Раби растерянно смотрел на своих собеседников.

— Что вы имеете в виду?

— Это открыли вы, по крайней мере, так мне сказал Силард, — сказал Эйнштейн. — И рассказали ему.

Оппи растерялся. Он всецело доверял Раби — ничуть не меньше, чем своему родному горячо любимому брату. Но на протяжении почти двух месяцев, прошедших с тех пор, как генерал Гровз пытался заставить его раскрыть, что так взволновало ученых, он по большей части старательно вытеснял эти мысли из своего сознания, запирая их рядом с другими, в равной степени запретными вопросами, среди которых были и ужасные фотографии, которые Сербер и Моррисон привезли из своей поездки в Хиросиму и Нагасаки. Он посмотрел в окно: солнце уже село. С глаз долой, из сердца вон.

— Ладно, — сказал он. — Рабби, вы же присут-

ствовали на испытании «Тринити». Вы знакомы с Уильямом Лоуренсом?

— Вы имеете в виду научного обозревателя из «Нью-Йорк таймс»?

— Именно его. Он пробыл у нас довольно долго — собирал сенсационную информацию под строгой клятвой хранить ее в секрете, пока мы не разрешим ее обнародовать. Как бы то ни было, он объяснил мне кое-что, о чем мы, ученые, похоже, никогда не думаем: не хорони главную мысль за многословными предисловиями. Проще говоря, сразу переходи к сути. Итак… — Оппи глубоко вздохнул. — Итак, дело в том, что на Солнце нарастает внутренняя нестабильность, которая лет через восемьдесят приведет к выбросу в космос солнечной фотосферы. *Herr Doktor* Эйнштейн согласен с этим выводом. Мир обречен.

– *Das ist wahr,* — сказал Эйнштейн и, покачав головой, отчего его седая шевелюра всколыхнулась белым облаком, повторил: — Это правда.

Раби приоткрыл рот, отчего его квадратное лицо на мгновение вытянулось. Он снял очки, вынул из кармана носовой платок и принялся тщательно протирать стекла — сугубо обыденное действие, позволяющее сногсшибательной новости улечься в мозгу.

— И Земля после этого не восстановится? — спросил он.

— Атмосферу сдует, — ответил Оппи. — Океаны? Очевидно, испарятся.

— И, полагаю, наземные обитатели не смогут выжить даже в, скажем, защитных бункерах или подземных городах?

— Исключено, — ответил Оппи.

Раби молча уставился в окно. Там было так темно, что вместо Гудзона с таким же успехом внизу мог течь и Стикс. Оппи и Эйнштейн уже знали на собственном опыте, какие чувства может испытывать человек, узнавший эту ужасную новость, и понимали, что коллегу сейчас лучше не торопить. Через некоторое время Раби снова повернулся к ним, но румянец сошел с его щек, взгляд сделался рассеянным, уголки рта опустились.

— Что ж… — протянул он и, еще немного помолчав, начал неторопливо задавать множество технических вопросов, на которые отвечал в основном Оппи; Эйнштейн лишь изредка вставлял замечания. Часовые стрелки двигались, и на смену потрясению пришла мрачная обреченность. С научной точки зрения проблема была, как выразился бы Шерлок Холмс, делом на три трубки,

задачей из трех частей — то есть в данном случае по три трубки на каждого — как-никак младший из присутствовавших нобелевских лауреатов знал по этой теме столько же, сколько и старший, и почти столько же, сколько сам Оппи.

— Ладно, — сказал Раби. (Его лицо постепенно вновь розовело.) — Но, во имя всего святого, что же нам делать?

— Лично я не собираюсь делать ничего, — равнодушно ответил Оппи. — Во-первых, я не верю, что можно сделать хоть что-нибудь. И, во-вторых, потому, что я вижу, как эта проблема завладевает умами. Лучший пример — Силард. Солнечная опасность перерастает в одержимость, заставляющую людей игнорировать животрепещущие насущные проблемы. Если мы не сдержим гонку ядерных вооружений, то совершенно незачем волноваться из-за того, что случится через сто лет, потому что к тому времени на Земле уже никого не останется.

— Но кто-то ведь должен направлять усилия, координировать их… — сказал Раби.

— Силард изо всех сил продвигает на это место Теллера, — сказал Эйнштейн.

— Теллер! — воскликнул Раби. — Да вы шутите!

— Конечно, никто в Институте перспективных исследований — именно там, по мнению Силарда, следует сосредоточить усилия — не захочет работать с Теллером, — ответил ему Эйнштейн, — его даже не стали бы рассматривать в этом качестве.

Оппи однажды побывал в ИПИ. Это случилось десять лет назад, до войны, до взрыва бомбы — в более простые времена. Тогда это идиллическое местечко казалось нереальным, роскошным убежищем от реальности. Но сейчас? Буквально в прошлом месяце Нобелевскую премию по физике за 1945 год присудили Вольфгангу Паули; хотя за эти годы на работу в Институт приняли уже нескольких нобелевских лауреатов, но сотрудник института получил премию впервые.

— Нет, Теллер не годится. Я говорил с людьми; нам все равно нужен новый директор, поскольку нынешний уходит в отставку, и все сходятся на одной кандидатуре.

— Ну да, — сказал Оппи. — Конечно же. Рабби, вы годитесь, как никто другой. Вы же знаете, что я рассчитывал, что вы согласитесь стать моим заместителем в Лос-Аламосе, ну а с этим красивым жетоном, — он указал на нобелевскую медаль, лежавшую на полке, — ваш авторитет станет

еще выше, хотя он и прежде был неоспоримым. К тому же…

– *Nein*, — перебил его Эйнштейн. — *Nein, nein*. Я тоже очень уважаю Раби, но речь идет не о нем, а о вас, Роберт.

— Я не хочу этим заниматься.

— Но вы лучше всех подходите для этой работы.

— Сомневаюсь, что с этим многие согласятся.

— С этим многие не соглашались, когда вы начинали работу в Лос-Аламосе, — возразил Эйнштейн. — Но теперь? Ни у кого не может быть сомнений в том, что вы лучший администратор научной деятельности в мире.

Услышать такую похвалу от Эйнштейна! Оппи с трудом сдержался, чтобы не расплыться в широкой улыбке.

— Не преувеличивайте. Все заслуги принадлежат работавшим там людям. С таким коллективом просто нельзя было не добиться успеха.

— Роберт, — сказал Раби, — вы никогда не отличались чрезмерной скромностью. Доктор Эйнштейн прав. Именно вы и никто другой нужны на этом месте. Вы, наверное, помните, что сказал о вашей прошлой работе Трумэн: «Величайшее в истории достижение организованного

труда». И организатором были *вы*.

— Ну же, Роберт, — сказал Эйнштейн. — Вот-вот начнется новый год. Пора принимать решение: так решитесь же на *это*.

Они еще долго сидели втроем. Оппи встал и посмотрел в окно. Ночь на Манхэттене ничуть не походила на ночи на Горе военного времени. Ярко сияли уличные фонари и лампы в окнах; если бы сквозь тучи проглянули звезды, их просто никто не увидел бы за этим ярким светом.

Он думал о Теллере, о его странном интересе к немыслимо мощным взрывам, о том дне, когда он вошел в кабинет Теллера, о дне, когда началось все это солнечное безумие. На доске была расписана таблица идей Теллера по созданию нового оружия, в последней строке которой, в графе «способ доставки» было указано: «Во дворе». Человек, одержимый идеей разрушения в планетарном масштабе, вряд ли смог бы руководить комплексом мер по предотвращению подобных событий.

И еще Оппи думал о Троице, столь связанной с сегодняшним праздником, мимолетно — о христианской версии Бога Отца, Сына и Святого Духа и, конечно же, об индуистской Троице — Тримурти: Брахме-творце, Вишну-хранителе и Шиве-разрушителе. И еще о троих, находив-

шихся в этой комнате; пусть их нельзя было назвать святой троицей физиков, но уподобить троим рождественским волхвам — уж точно. И больше всего он думал об испытании «Тринити» — троица, о том, как Солнце впервые упало на поверхность Земли. Он вспомнил пришедшие тогда ему на память слова, которые четырехрукий Вишну использовал, чтобы убедить сомневающегося царевича Арджуну исполнить свой долг, свою обязанность, взять на себя роль, для которой он был рожден.

Отныне…

Отныне я…

Отныне я есмь…

Оппи легонько встряхнул головой и опять посмотрел в окно; по краям, вдоль рамы, бежал орнамент морозных узоров.

Нет, не *я*. Не один.

И не *смерть*. На сей раз нет.

У него за спиной, невидимые в данный момент для зрения, но не для сознания, сидели величайший из физиков со времен Исаака Ньютона и близкий доверенный друг Оппи, к которому он не единожды обращался за советами.

Его сердце забилось сильнее. Он повернулся — к ним, к себе, к будущему. Что ж, ладно. Хорошо.

Он произнес твердо, убежденно и — да, черт возьми, да; он снова собирался быть в центре внимания — с воодушевлением:

— Отныне мы еси жизнь, спасители мира.

Глава 26

Миссис Оппенгеймер произвела на меня впечатление сильной женщины с сильными убеждениями. Настоящий коммунист должен быть очень сильной личностью.

Джон Лонсдейл, начальник службы безопасности Манхэттенского проекта

— Нет. черт возьми, нет! Хватит! Я не поеду.

Китти Оппенгеймер стояла, как в раме картины, в дверном проеме главной спальни их манхэттенских гостиничных апартаментов. Пока Оппи был в гостях у Раби (где неожиданно увидел-ся и с Эйнштейном), Китти с детьми предавалась нью-йоркским рождественским развлечениям. Ну а сегодня детьми занималась мать Китти, приехавшая на поезде из Пенсильвании. Она повела их смотреть динозавров в Музей естественной истории. Сейчас Китти широко расставила ноги для устойчивости, но ее все равно пошатывало. Оппи надеялся, что теперь, когда они находились на 7000 футов ниже, чем в Лос-Аламосе, спиртное

будет не так сильно действовать на его жену. О, она вполне могла бы справиться с пристрастием к выпивке — она могла справиться с чем угодно! — но им обоим было легче жить, если она постоянно пребывала в легком подпитии.

В отличие от многих других Китти хорошо переносила климат Лос-Аламоса; они же как-никак не раз проводили отпуск в Перро-Кальенте, неподалеку оттуда. Но Олден-Мэнор в ИПИ был бы заметным шагом вперед по сравнению с Бастьюброу и даже их виллой с красной черепичной крышей здесь, на Игл-хилл в Беркли.

— Проклятье, я ведь тоже ученый, в конце концов! — яростно выкрикнула Китти.

Оппи заставил себя сдержать резкий ответ. Да, Китти действительно окончила институт и даже прикоснулась к науке в качестве лабораторного ассистента профессора биологии, но ведь она даже не была доктором философии. Естественно, за годы, проведенные на Горе, она утратила даже теоретическую возможность получить эту степень. Но ведь ее наука…

— Ботаник, — сказал Роберт.

— Да, черт возьми, я ботаник! Это такая же наука, как и физика, — и даже серьезнее, если подумать, сколько там неразгаданных тайн. Как

началась жизнь — ты же помнишь, что растения появились раньше животных. Как кодируется генетическая информация и как она передается из поколения в поколение. Совершенно неизвестно, каким образом растения преобразуют солнечный свет в пищу. Ох, хотела бы я, чтобы ботанику можно было свести к десятку частиц и нескольким законам.

— Ладно, — сказал Оппи. — Я тебя понимаю. Но в ИПИ нет ни одного отдела, который занимался бы естественной историей.

— Мне плевать. Я мучилась в Лос-Аламосе, понятия не имея о том, что там происходило. И если мы переедем в этот твой хваленый институт — очередной распроклятый переезд! — я *требую*, чтобы ты держал меня в курсе дела. Чтобы ты рассказывал мне *все* и *я* играла во всем этом активную роль. Помилуй бог, там, на Горе, ты назначил Шарлотту Сербер руководительницей группы.

Так оно и было. Шарлотта оказалась там единственной женщиной на нерядовой должности — она заведовала местной библиотекой. У нее не было профессионального образования, и на это место вполне можно было бы назначить Китти, но он хотел, чтобы Китти играла куда более важ-

ную (для него) роль — жены директора.

— Я торчала на этой проклятой Горе три года! — продолжала Китти. Оппи мысленно возразил, что не три года, а тридцать один месяц. Потом он подумал о том, что, родив Тони, она сразу уехала на три месяца и, следовательно, ее срок пребывания там был ближе к двум годам, чем к трем. Но он промолчал. У них больше не будет детей, они договорились об этом, и в отличие от времени до свадьбы они теперь старательно предохранялись, так что можно было надеяться, что у нее уже не будет столь тяжкого приступа депрессии.

Он снова вспомнил фильм «Касабланка». В том зале обитатели Горы смотрели кино, устраивали самодеятельные спектакли и проводили научные коллоквиумы. Они сидели рядом и, доев слегка подгоревший попкорн, теперь взялись за руки. Она была частью его работы, она была тем, что поддерживало его движение. И в отличие от Рика и Ильзы она *могла* последовать за ним туда, куда он направлялся, — и *могла* быть сопричастна к тому, что он делал.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Я расскажу тебе все, целиком и полностью.

Ее черные глаза широко раскрылись, как будто она не рассчитывала, что ей удастся выиграть эту

схватку без боя.

— Ну что ж, — сказала она и, подойдя к кушетке, уселась и скрестила руки на груди, — валяй.

Оппи кивнул:

— Подожди еще минуточку. Мне тоже надо бы выпить.

Через три мартини она знала о его делах все. Он курил и расхаживал по комнате, а она так и сидела на диване, позволяя ему время от времени наполнять бокалы.

— И вот *этому* ты намерен посвятить еще несколько лет жизни? — спросила она. — Фактически обслуживанию каких-то дураков?

Оппи в конце концов все же сел на кушетку, но поодаль от жены.

— Не знаю. Даже не представляю. Но ведь проблема очаровательная, правда? Если бы для нее было простое решение…

Он остановился, поняв, что рассуждает почти так же, как Эдвард Теллер на первой встрече «светил» летом 1942 года: «Бомба реакции атомного деления — это ерунда. Ее могут сделать и ваши аспиранты. А вот бомба, в которой используется ядерный синтез… Вот это задача, достойная *нас*!»

Но нет. Создание бомбы синтеза не было достойной задачей тогда и не являлось ею теперь. А

вот *это* — это! — было. Раби несколько лет назад сказал, что не желает, чтобы кульминацией трехвекового развития физической науки оказалась бомба. А вот перехитрить Солнце, перехитрить природу, перехитрить самого Бога — еще как достойно! Он чуть заметно пожал плечами.

— Я возьмусь за это.

— Но зачем?

— «О Арджуна, исполняй свой долг невозмутимо. Самопожертвование, совершаемое из чувства долга теми, кто не желает никакой награды, имеет природу добродетели».

— Опять твоя поганая «Гита»? Роберт, мы говорим о твоем — о *нашем* — будущем.

Он поднял голову:

— Да. Именно так. А еще о будущем нашего сына и нашей дочери и их детей.

Китти, кажется, поняла его, и, когда заговорила после паузы, голос ее звучал спокойнее:

— Верно. И… И может быть, я…

Она ничего не добавила, но Оппи угадал по лицу, что она хотела сказать: может быть, я действительно в долгу перед ними. Она не могла дать Питеру и Тони любви или даже привязанности — как, честно говоря, и он сам, — но могла *помочь* им обрести будущее.

— Ладно, — сказала она еще немного погодя, — я в игре.

Оппи изумился тому, как хорошо ему стало после этих слов.

— Отлично. А я обещаю, что бы будешь полноправной участницей.

Китти отхлебнула из бокала и уставилась из окна отеля на пестрые контрасты Манхэттена. Но когда она вновь повернулась к Оппи, ее взгляд поразил его; она, несомненно, вспомнила тот же давний вечер и тот же фильм, о котором он сегодня подумал.

— Луи, — процитировала она фразу оттуда, — по-моему, это начало прекрасной дружбы.

Глава 27

Черт возьми, это же Мекка для интеллектуалов, и мы каждый день читали в «Нью-Йорк таймс», что Оппенгеймер – величайший из интеллектуалов во всем мире. Конечно, мы хотели, чтобы он пришел к нам – тогда.

Анонимный сотрудник ИПИ

В 1939–1940-м академическом году И. А. Раби поработал в институте перспективных исследований, так что он знал его гораздо лучше, чем Оппенгеймер. По просьбе Эйнштейна он приехал в Принстон, чтобы помочь Оппи сориентироваться, хотя и не собирался бросать свою работу в Колумбийском университете, находившемся в полутора часах езды отсюда.

Поначалу Фрэнк Эйделотт намеревался оставаться на посту директора института до 30 июня 1946 года — эта волшебная дата давала ему право на полную пенсию. Но его убедили уйти в отставку раньше, гарантировав, что размер пенсии не урежут; Эйнштейн обосновал это тем, что нельзя допустить, чтобы такая достойная замена, как

Оппенгеймер, ускользнула от них из-за проволочек. Тем не менее директорский кабинет должен был оставаться за Эйделоттом до 31 января. Оппенгеймер же до тех пор занимал кабинет под номером 118 и не имел секретаря, поэтому его дверь широко распахнулась без предупреждения, если не считать небрежного стука.

— Генерал! — воскликнул Оппи, и на его лице расцвела приветливая улыбка. — Что вы здесь делаете?

Они с Раби стояли возле единственного окна маленькой комнаты и, глядя на заснеженную землю, беседовали, покуривая трубки.

— О, от Вашингтона сюда не так уж далеко, — ответил Гровз и, подавшись корпусом вперед, как будто протискивался сквозь толпу, шагнул в комнату. Его, как обычно, сопровождал Кен Николс. Оба были в гражданском. — Я узнал, что вы здесь. — Генерал перевел взгляд на второго из присутствовавших в кабинете. — Доктор Рабби… — Он произнес фамилию с удвоенным «б», как будто это было обращение к иудейскому священнику. Они встречались лишь несколько раз, когда их довольно редкие (особенно у ученого) поездки в Лос-Аламос совпадали по времени. Самая продолжительная встреча состоялась пять

с половиной месяцев назад, во время испытания «Тринити». — Вы, кажется, знакомы с моим помощником полковником Николсом?

Раби кивнул:

— Доброе утро, полковник. Доброе утро, генерал.

Оппенгеймер отметил его настороженный тон. Раби определенно считал, что у генерала имеются какие-то серьезные мотивы, иначе зачем ему понадобилось ехать к Оппи. Эти двое недолюбливали друг друга; ведь именно Раби и Боб Бачер убедили Оппенгеймера, что намерение Гровза превратить Лос-Аламос в военную лабораторию и присвоить ученым воинские звания и должности никуда не годится, потому что отпугнет очень многих толковых людей.

— Доктор Раби, — сказал генерал, — я рассчитываю на ваше благоразумие. Вы по-прежнему связаны той же подпиской о неразглашении, которую давали, приступая к работам по радиолокации, относящейся также к посещению пункта Y. — Гровз, продрогший от пребывания на открытом воздухе, потер руки. — Давайте присядем. — В комнате имелось три стула: два простых деревянных и кожаное вращающееся кресло. На него-то Гровз и уселся, развернув его

так, чтобы сидеть лицом к присутствовавшим. Тем ничего не оставалось, как сесть на стулья. Николс остался стоять рядом с Гровзом, сохраняя совершенно бесстрастное выражение лица.

— Не сомневаюсь, что вы помните, — сказал Гровз, обращаясь к Роберту, — как Ричард Фейнман в Лос-Аламосе развлекался, вскрывая сейфы или выбираясь незаметно за охранный периметр, а потом пугал охрану у ворот, когда возвращался в поселок, хотя вроде бы даже не выходил оттуда. Выглядело все это так, будто мы совершенно некомпетентны в вопросах безопасности, не так ли? Вот только это не так: мы знали и знаем это дело. Если позволите, джентльмены, оно поставлено у нас на научный уровень. Не буду утверждать, будто знаю все, что происходит, но теперь у нас с полковником Николсом появилось довольно четкое представление об этом.

— Вы прослушиваете мою квартиру? — спросил Раби, покраснев от негодования. — Я знаю, что в эти гнусные штуки играет ФБР, но, если это сделали вы, генерал, видит бог, я пойду прямо к президенту и…

— Не волнуйтесь, доктор. Нет, мы этого не делаем. У нас нет для этого оснований. Да, вы в молодости некоторое время увлекались соци-

алистическими идеями, но у вас, в отличие от присутствующего здесь вашего друга, хватило благоразумия отрешиться от коммунистических бредней уже пару десятков лет назад. — Он перевел взгляд на Оппенгеймера. — Вы же, напротив, привлекали к себе много внимания. Вам известно, что Дж. Эдгар Гувер пятнадцатого ноября отправил президенту и государственному секретарю сводку из вашего досье? Слава богу, я был начеку, и прослушивание ваших апартаментов в отеле ведет мое управление, а не гуверовское. Так что содержание сделанных там записей известно только мне, полковнику Николсу и паре парней из штата МИО, которые занимались переводом текста на бумагу. Ну а Гувер ничего не знает о… — Гровз сделал паузу; он, конечно же, понимал, что Оппенгеймер и Раби напряженно гадают, много ли он смог разузнать, — о предстоящем выбросе солнечной фотосферы и последующей гибели нашей планеты.

Оппи выдохнул огромный клуб дыма. Христос… он же там, в гостиничном номере, рассказал Китти *все*. И, конечно, Гровз понял все, даже технические подробности. Ведь его хвастливое заявление в перепалке с Силардом три года назад, что его подготовка не уступит и *двум* докторанту-

рам, имела под собой определенные основания.

— Генерал, — сказал Раби, — я называл причины в 1943 году и до сих пор остаюсь при том же убеждении — это не *может* быть военным исследованием.

— Успокойтесь. Я вовсе не намерен напяливать на вас мундиры, тем более что война закончилась. Но вам непременно понадоблюсь я и все те ресурсы, к которым я имею доступ. К примеру… Доктор Раби, вам это было знать совершенно незачем, но все же: вы слышали что-нибудь о миссии «Алсос»?

— Нет, — раздраженно бросил Раби.

Гровз откинулся на спинку кресла. Оппи, почувствовавший, что больше не может сидеть на месте, поднялся и снова встал у окна. От стекла, обрамленного морозным орнаментом, веяло холодком.

— Было три группы, — сказал Гровз, — и они следовали сразу же за наступавшими войсками союзников. Первая работала в Италии, вторая — во Франции, а третья — собственно в Германии. Главной задачей всей миссии было установить, насколько далеко нацистская Германия продвинулась в создании собственной атомной бомбы.

— Ах… — сказал Раби.

— Вам известно, что означает слово «Алсос»?

Гровз смотрел на Раби, но на вопрос ответил Оппи:

— Роща по-древнегречески.

Генерал повернулся к нему:

— Совершенно верно. Название придумал не я, а ребята из G-2[45]; мне оно не нравилось, хоть я и связан непосредственно со всей этой затеей[46]. Я руководил всей операцией, а непосредственно командовал ею ваш приятель Борис Паш.

Паш. Прошло уже более двух лет с тех пор, как подполковник пытался выведать у него, кто же выступал в роли посредника для Джорджа Элтентона. Роберту было известно, что третья группа миссии «Алсос» прибыла в Германию в конце февраля минувшего года, но он был слишком занят завершением работ по созданию бомбы и не интересовался добычей миссии. А уж о том, что заокеанскими поисками заправляет Паш, он и понятия не имел.

Гровз сделал знак Николсу. Тот запустил руку

---

[45] Примечания: 45

G-2 — управление военной разведки Сухопутных вооруженных сил США.

[46] Примечания: 46

Английское слово grove (роща) созвучно с фамилией генерала — *Groves*.

во внутренний карман пиджака и вынул сложенный лист бумаги бежевого оттенка. Оппи узнал почерк генерала с характерными длинными надстрочными и подстрочными частями букв. Николс передал лист Гровзу.

— Не знаю, принято ли у евреев составлять списки того, что они хотели бы получить в подарок к Рождеству, — сказал генерал. — Лично я думаю, что нет. Ну, вот это список того, что вы могли бы захотеть получить. Скажем так: я взял на себя смелость составить его за вас, Роберт. — Гровз протянул руку; Оппи шагнул вперед и взял листок. На нем были записаны десять фамилий, по одной на строчку:

Багге
Дибнер
Герлах
Ган
Хартек
Гейзенберг
Коршинг
фон Лауэ
фон Вайцзекер
Вирц

Немецкие физики. С двоими из них он был лич-

но знаком еще по времени учебы в Геттингене: с Вернером Гейзенбергом, получившим в 1932 году Нобелевскую премию за создание квантовой механики, и Отто Ганом, награжденным Нобелевской премией по химии в 1944 году за открытие деления тяжелых атомных ядер.

— И что это значит? — спросил Оппи, передавая лист сидевшему на своем месте Раби, чтобы тот тоже мог взглянуть.

— Они у нас, — ответил Гровз. — Все эти люди. О, в данный момент они находятся в Англии, в местечке под названием Фарм-холл, но пребывают под моей юрисдикцией и останутся под нею еще пять дней. Третьего января их нужно будет репатриировать в ходе программы послевоенного восстановления Германии. Если только…

— Что? — спросил Раби.

— Если только вы не захотите получить кого-нибудь из них в свое распоряжение. — Он посмотрел на одного ученого, на другого. — Джентльмены, времени для обсуждений нет. Окошко закрывается. Если они вернутся в Германию, то окажутся навсегда потерянными для нас. — Он скрестил руки на могучей груди. — *Вот* почему вам необходимо правительство, армия, *я*, в конце концов. Решайте, брать или не брать

прикуп. Пока они остаются арестованными, я могу приказать отправить их, куда захочу — куда *вы* захотите.

— Боже мой, — пробормотал Оппенгеймер и повернулся к Раби. Тот во все глаза уставился на генерала.

— Вы это серьезно?

— Он всегда серьезен, — сказал Оппи, прежде чем Гровз успел открыть рот.

— Невероятно… — сказал Раби. — Я имел в виду: конечно, нам очень пригодился бы Гейзенберг. И — святые небеса! — иметь возможность работать с Отто Ганом!..

— И Карлом фон Вайцзекером, — добавил Оппи. Гровз вопросительно взглянул на него. — Он специалист как раз по внутризвездному синтезу. До войны он сотрудничал по этой теме с Хансом Бете. Если мы рассчитываем предотвратить выброс фотосферы или хотя бы точно установить, когда он случится, он нам очень понадобится.

— Сделано, сделано, сделано, — произнес Гровз с довольной миной. Взяв лист у Раби, он повернулся с креслом к стоявшему рядом столу, достал из кармана авторучку, снял колпачок и поставил жирные галочки около трех фамилий. — Кого-нибудь еще?

— Из этого списка — пожалуй, нет, — сказал Оппи и взглянул на Раби. Тот кивнул.

— Откуда-нибудь еще. Конечно, кроме России или Китая.

— Джордж Волкофф, — ответил Оппи. Его собственный интерес к астрофизике пробудился после лекции по теме «Источник звездной энергии», которую Волкофф прочитал в Беркли в 1937 году.

— Он в Монреальской лаборатории, — подсказал Николс.

— Я *знаю*, — огрызнулся Гровз. — Поручи РКАФ[47] доставить его сюда.

— И еще, — сказал Оппи, — хорошо бы снова попытаться привлечь Субрахманьяна Чандрасекара.

— Кого? — спросил Николс, быстро делавший пометки в маленьком блокноте.

— Физик, родом из Индии, — пояснил Оппи. — С 1937 года работает в Чикаго. Все зовут его коротко — Чандра. Кроме, конечно, студентов и аспирантов: право на такое обращение имеют только обладатели ученой степени. Просто запишите по буквам: ч-а-н-д-р-а.

---

[47] Примечания: 47

R.C.A.F.; *Royal Canadian Air Force* — Королевские военно-воздушные силы Канады.

— Он работал с вами в Металлургической лаборатории? — спросил Николс, взглянув на Раби.

Но ответил ему Гровз:

— Нет. Роберт хотел взять его в Лос-Аламос, но он отказался работать и там, и там.

— Чандра атеист, — пояснил Оппи, — но воспитан в традициях индуизма. Он счел нашу цель… неприемлемой. Но сейчас-то дело обстоит по-другому. — Он увидел, что Гровз нахмурился, услышав слово «атеист». — Он действительно один из нас: Субрахманьян в переводе с санскрита означает «светило».

— И еще он главный во всем мире специалист по звездной физике, — добавил Раби. — Предел Оппенгеймера — Волкоффа прекрасно дополняет предел Чандрасекара: первый дает максимально возможный размер нейтронной звезды; второй — максимальный для белого карлика.

— Ладно, — сказал генерал, — вы его получите.

Оппи посмотрел на Николса, на Раби, на Гровза:

— Что касается людей из Чикаго…

— Ферми, — сказал Гровз и кивнул, отчего его двойной подбородок слился в один внушительный зоб. — Никаких проблем. Если нам не удастся выкрутить руки Чикагскому университету и

забрать его оттуда вместе с зарплатой… У меня есть открытый бюджет в Инженерном округе. Кто-нибудь еще оттуда?

— Еще Вигнер, — сказал Раби и кивнул Николсу, чтобы тот записал и это имя.

— И еще… — начал Роберт.

Гровз взглянул на него:

— Кто?

— Силард.

— Побойтесь бога, Роберт.

— Он уже во всем этом участвует, — сказал Оппи. — Черт возьми, ведь именно по его инициативе мы решили устроить базу именно здесь, в Принстоне. К тому же у него совершенно уникальное междисциплинарное мышление. И он, как никто другой, горит желанием спасти мир.

— И он самая жуткая и болезненная заноза в заднице, — сказал Гровз.

— И все же…

— И все же нет, Роберт. Силарда не будет. Никак, никогда, ни при каких обстоятельствах.

Глава 28

Физик стал военным активом такой ценности, что, только имея гарантии мира, общество позволит ему спокойно добывать научные знания, которые вдохновляют, возвышают и развлекают его собратьев.

И. А. Раби

— Меня прокатили, — сказал Эдвард Теллер и добавил с горечью в голосе, которой крайне редко позволял прорваться: — *Опять*.

Мици Теллер села рядом с мужем на потертый диванчик, стоявший в их доме в Лос-Аламосе. Они никогда не присматривались к жилью на Бастьюб-роу, хотя недавно, глядя на то, как много народа покидает Гору, Мици предложила зарегистрироваться для переезда в одну из освобождающихся квартир руководства. Но Эдвард мог бы служить воплощением инертности; он просто не хотел перемещаться.

— И кто же? — спросила она.

Он передал ей желтый бланк телеграммы, который только что принес ему Пир де Сильва.

ПРАВЛЕНИЕ ЕДИНОГЛАСНО ВЫБРАЛО МОИМ
ПРЕЕМНИКОМ ОППЕНГЕЙМЕРА ТЧК ПРИНОШУ
ИЗВИНЕНИЯ НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ТЧК УВЕРЕН НЕУДАЧА НЕ ВЫБЬЕТ ВАС ИЗ СЕДЛА НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ НА НОВЫЙ ГОД. ЭЙДЕЛОТТ.

— Не сомневаюсь, что тебя в любом случае возьмут в группу, — сказала Мици. Она положила телеграмму на кофейный столик и погладила мужа по густым темным волосам.

— Опять получить в начальники Оппенгеймера? — Эдвард покачал головой. — Сначала он отодвинул на задворки исследования в области синтеза, потом назначил руководителем отдела Бете, а не меня. Нет, я не желаю снова работать у него.

— В таком случае можно остаться здесь. Я уже привыкла.

Теллер расхохотался, сотрясаясь всем телом.

— Ты страшная врушка, любимая. — Он показал в сторону кухоньки. — Трубы замерзли и — черт

возьми! — мой рояль уже *en route*[48] в Принстон.

— Мы можем вернуть его. Уверена, что в сложившихся обстоятельствах ИПИ оплатит и обратную перевозку.

— Вероятно. Но даже если они и сжалятся над нами, то здесь с деньгами будет туго. Норрис Брэдбери говорит, что у вояк предусмотрено только шесть месяцев финансирования Лос-Аламоса. И совершенно недвусмысленно дал понять, что все работы впредь будут направлены на примитивное совершенствование плутониевой бомбы деления, а супербомбой заниматься не будут.

— Но разве Малликен не говорил, что будет рад, если ты вернешься в Чикаго?

— Ха! Наши трубы с тем же успехом могут замерзнуть и там! — Он покачал головой. — Но, конечно, я могу вернуться к преподаванию. Я слышал, что Ферми намерен разрываться между Чикаго и новой принстонской группой, так что, конечно, тот, кто будет работать только в Чикаго, останется в определенном выигрыше.

— Ну что ж, — сказала Мици, — наверное, это и есть решение проблемы.

Теллер пожал плечами:

---

[48] Примечания: 48
Отправлен (*фр.*).

— Возможно. Но вообще-то мне необходима собственная лаборатория, которая будет заниматься только супербомбой. Одному богу известно, удастся ли Оппенгеймеру и его банде спасти мир от ярости Солнца, а я, по крайней мере, могу спасти эту страну от человеческой глупости. Никто не осмелится напасть на страну, имеющую супербомбу.

В кухне внезапно раздался грохот. Эдвард и Мици взлетели с дивана и кинулись туда. Их сын Пол, неполных трех лет от роду, сидел перед кучей деревянных кирпичиков. Его недоделанная постройка обрушилась. Эдвард хорошо понимал чувства ребенка. Но Пол был спокойным, добродушным мальчиком и уже принялся складывать кирпичики заново.

— Вот и еще одна причина для возвращения на восток, — сказала Мици. — Здесь почти не осталось товарищей для Пола, хотя…

— Ничего, у него есть я. — Эдвард присел на корточки. — Залезай, малыш!

Пол радостно вскарабкался на широкую отцовскую спину, и они поскакали вокруг гостиной.

Мици улыбнулась:

— Я думаю, что к концу лета у него будет еще больше общения.

Эдвард завершил второй круг по гостиной, отнес мальчика обратно в кухню, к его кубикам, и взъерошил его волосы, когда тот сполз на пол.

— О чем это ты?

— Я, это…

Эдвард вскинул брови:

— Что — это?

Она укоризненно покачала головой:

— Милый, разве можно гению быть таким недогадливым? — и продолжила, улыбаясь: — Я беременна. Так что нам, вероятно, все же нужно будет переехать в дом побольше на Бастьюб-роу.

Эдвард просиял, шагнул к жене и заключил ее в объятия.

* * *

— Но, ради всего святого, — сказал Роберт Оппенгеймер, — как, черт возьми, мы преподнесем эти новости миру?

Совещание в его временном кабинете в ИПИ шло уже третий час. Уважая Гровза, который терпеть не мог табачного дыма, Оппи распахнул окно и, подняв руку, сбил сосульки с небольшого кирпичного карниза; они падали и вонзались в снег, как ракеты на излете. И сейчас он стоял на холодном сквозняке и выдыхал наружу ореховые

облака, которые по большей части просто вдувало обратно. И. А. Раби, не столь зависимый от никотина, сидел на своем месте и просто терпел.

Гровз все так же сидел во вращающемся кресле, а вот полковник Николс либо получил от своего командира команду «вольно», либо просто устал стоять без движения и в конце концов присел на край стола из красного дерева.

Генерал потер седеющие виски, как будто пытался усмирить головную боль.

— Преподнесем новость, говорите? Новости нет, и мы *ни в коем случае* не станем нарушать режим секретности.

Раби искренне возмутился:

— Вы, наверное, шутите! Да разве можно говорить о секретности, когда весь этот распроклятый мир вот-вот сгорит?

– *Если* это все же произойдет, то заблаговременное предупреждение никому не поможет, — ответил Гровз. — Но ведь смысл всей затеи в том, чтобы *предупредить* катастрофу, а бессмысленная паника будет только мешать нам.

— Согласен, — сказал Раби, — но публика все же имеет право знать.

— Права не по моей части, — ответил Гровз. — У нас принято доводить информацию «в части ка-

сающейся», то есть необходимой для дела, а Джон Кью Паблик[49] тут ничем помочь не может, следовательно, его ничего не касается. — Он поднял широкую ладонь. — Да, да, вы, ученые, целиком и полностью за открытость. Но задумайтесь вот о чем: *захочет* ли публика вообще знать об этом? В ее ли интересах будет осведомленность?

Гровз перевел взгляд на Оппи:

— Мне известно, что вы, Роберт, в 1929 году остались в неведении насчет краха Уолл-стрит, и считаю, что это было прекрасно. А вот я очень хорошо его помню. Была массовая истерика, люди бросались из окон, на улицах происходили волнения. Конечно, сейчас, когда все это осталось в прошлом, реакция кажется чрезмерной — но тогда? Отчаянную реакцию на газетные заголовки можно предсказать заранее. — Выражение его лица сделалось еще более суровым, чем обычно. — А ведь только что закончилась мировая война. Материальный ущерб не поддается исчислению. Чтобы восстановить все, что было разрушено в Европе, потребуются десятилетия.

— И в Японии, — добавил Оппи.

— Да, и в Японии, — согласился Гровз, у кото-

[49] Примечания: 49

John Q. Public — среднестатистический американец; самый обычный, ничем не примечательный человек.

рого хватило выдержки, чтобы не выказывать раздражения после этой реплики. — Вы считаете, что, если мы скажем людям, что мир, скорее всего, обречен на гибель и ничего поделать нельзя, это спокойно примут к сведению? Нет, они будут с полным основанием задаваться вопросом, зачем мы об этом говорим.

— До того, как наступит конец, — сказал Оппи, — *если он наступит*, людям все равно будут нужны жилье, рабочие места и все, что требуется для обеспечения жизнедеятельности.

— Совершенно верно, — кивнул Гровз. — Насущные житейские заботы — и нам остро необходимо, чтобы люди целиком и полностью сосредоточились на них.

– *Если* они способны сосредоточиться на чем-нибудь, — сказал Раби. — Евреи по всему миру оплакивают наших погибших сородичей, и у каждого представителя любой веры, хоть в Европе, хоть в России, да и в Японии или Китае, наверняка погиб кто-то из близких.

— Безусловно, — ответил Гровз таким тоном, будто Раби сообщил ему важную новость. — Подсчеты еще идут, но уже сейчас можно предположить, что погибло более пятидесяти миллионов человек. Неужели вы хотите объявить всему

миру, что это всего лишь капля в море? Что, если мы не справимся со своей задачей, в одночасье умрут миллиарды?

Трубка Оппи догорела.

— Все мы умрем, — коротко сказал он, набивая ее заново.

— Да, конечно, — ответил Гровз, — но не все сразу. Роберт, я знаю, что вы терзаетесь из-за того, что мы сделали в Японии. Я — нет; моя совесть чиста. Шла война, и наши действия помогли спасти много жизней американцев. Точка. И в Японии многие выжили — гораздо больше, чем погибло. В том будущем, которое вы предвидите, при солнечном извержении за сколько времени все погибнут? За секунды, минуты? Самое большее, за день? Рассказать людям, которые все еще хоронят своих мертвецов или, что, может быть, еще хуже, живут с ложной надеждой, что кто-то из пропавших на войне все же может вернуться живым, — рассказать им, что мы все умрем и не останется никого, кто оплакал бы нас? Разве это не будет неоправданной жестокостью?

— Но это случится не раньше конца 2020-х годов, — сказал Оппи. — До события столько времени, что оно не повлияет на людское поведение.

— Да ну? — вскинулся Гровз. — Вы знаете это наверняка?

— Конечно, нет. Но ведь это все равно что узнать о наступлении ледникового периода через сотню лет. Или что, наоборот, полярные льды растают и мир столкнется с затоплением прибрежных областей и безумными ураганами. Что с этим можно поделать? Ничего. Остается продолжать свою обычную унылую грызню.

— Вы несколько лет прожили в пригороде Сан-Франциско, — возразил Гровз, — города, который в ближайшие сто, плюс минус сколько-то лет наверняка будет разрушен — в который раз! — землетрясением. Далеко не все способны игнорировать грядущую опасность так же равнодушно, как и вы.

Исидор Раби привстал со стула и повернул его так, чтобы лучше видеть Оппи.

— Генерал, возможно, прав. Когда-то Ферми рассказывал на публичных лекциях о возможности цепной ядерной реакции. Мы с Силардом считали, что эту идею нужно держать в тайне. Когда я сказал об этом Энрико, он только посмеялся. Он считал, что вероятность осуществления этого процесса очень мала — так зачем же скрывать гипотезу? Когда я спросил его, что он считает малой

вероятностью, он ответил: «Десять процентов». Я на это сказал ему, что, когда речь идет о жизни и смерти, десять процентов *отнюдь не* малая вероятность. Если у меня воспаление легких и врач говорит, что вероятность моей смерти десять процентов, я буду очень рад.

— Попали в яблочко! — сказал Гровз. — Это же ящик Пандоры. Стоит информации вырваться наружу, как вернуть ее в состояние тайны уже невозможно. Так что нам потребуются очень серьезные, очень весомые обоснования — а не только прекраснодушные высокоморальные разговоры, — чтобы позволить вытряхнуть кошку из ящика.

Упоминание кошки и ящика, естественно, навело Оппи на мысли о Шредингере. Но если рассказать человечеству о том, что намеревается устроить Солнце, ни один из возможных исходов не станет истиной: человечество все равно останется в суперпозиции, возможно, живое, возможно, мертвое, в зависимости от того, какой результат получат или не получат к нужному времени здешние ученые.

Генерал продолжал:

— Ваш хваленый Силард хотел предупредить японцев, помните? Ограничиться демонстрацией

действия бомбы. У нас было множество веских причин поступить совсем не так, но, пожалуй, главной явилась невозможность предсказать, как они отреагируют на демонстрацию. Сложат ли они оружие, как думал Силард, или, напротив, ожесточатся, решив, что если они все равно обречены, то лучше будет уйти в сиянии славы, забрав с собой как можно больше врагов? Или же, увидев демонстрацию бомбы, придут к выводу, что у нас не хватит духу применить ее против людей, и поэтому будут сражаться еще упорнее? — Он пренебрежительно махнул рукой. — Но ведь это была мелочь по сравнению с тем, о чем мы говорим. Объявить двум и трем десятым миллиарда людей, что планета обречена — получится крупнейший психологический эксперимент в истории.

— Пророки, вещавшие о скором конце света, появлялись не однажды, — сказал Оппи, — а цивилизация все… все держится.

— Совершенно верно, — согласился Гровз и кивнул. — Но ведь все они были просто сумасшедшими, — он покачал пальцем, указывая на Оппенгеймера и Раби, — а не известнейшими учеными мира, — он ткнул пальцем себе в грудь, — и не правительством Соединенных

Штатов. — Гровз опустил палец и обвел взглядом обоих физиков. — Вы можете предсказать последствия? Вы, доктор Раби? Вы, доктор Оппенгеймер?

Он сделал паузу, предоставив собеседникам возможность ответить. Оба молчали, и генерал продолжил:

— Допустим, вы скажете, что негативной реакции можно ждать только от десяти процентов населения — воспользуемся тем же самым числом, которое вы назвали, вспоминая о разговоре с Ферми по поводу вероятности осуществления цепной реакции. Пусть так, но каким у вас будет доверительный интервал? Если ваша оценка верна с точностью до порядка, что считал бы нормальным ваш пустобрех Силард, то паника охватит в лучшем случае двадцать три миллиона человек, а в худшем это будут *все* без исключения. Роберт, я знаю, насколько упорно вы боретесь за международный контроль над атомной энергией. Может быть, вам удастся добиться своего, может быть, нет. Но, джентльмены, сейчас мы благодаря Роберту и мне вошли в новую эру — атомную эру. И недалек уже тот день, когда *один* паникер сможет вызвать такую эскалацию, которая уничтожит нас всех столь же верно, как

ваш солнечный взрыв. Я со своей стороны совершенно не хочу давать никому из обладающих такой властью лишнего шанса свихнуться.

— Совершенно правильный подход, — сказал Раби, взглянув на Оппенгеймера. — И не забывайте: мы совершенно не представляем себе, какую часть человечества удастся спасти, если это вообще будет возможно. Если решением будет эвакуация людей с планеты, то удастся вывезти лишь тысячи, а не миллионы и не миллиарды. Как только мы объявим о том, кто улетит, чтобы выжить, и кто останется умирать, начнутся массовые волнения.

Гровз резко кивнул:

— Совершенно верно. Помните, что творилось семь лет назад. Радиопостановка Орсона Уэллса. Как она называлась?..

— «Война миров», — подсказал полковник Николс.

— Да, точно. Помните, какая началась паника?

Оппи умудрился узнать об истории с радиопостановкой только задним числом, но теперь ему было известно, что названный в ней пункт первой высадки марсиан находился всего в четырех милях к юго-востоку отсюда, в Гроверс-Милл; Эйнштейн с большим удовольствием указал ему

это место во время их совместной прогулки.

— Слова о том, что вот-вот наступит конец света, прозвучавшие в одной-единственной радиопостановке часовой продолжительности, передававшейся по одной программе, вызвали панику по всей стране, — продолжал Гровз. — А теперь представьте себе, что будет твориться, если о том же самом будут неделями и месяцами вещать по всем волнам.

— Но эта участь будет единой для всего мира, — сказал Оппи, — и мы могли бы воспользоваться помощью всего мира или, по крайней мере, всего *научного* мира.

Гровз поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее:

— Я предоставляю вам лучших ученых Германии. Но даже если бы я считал, что, скажем, в России или Китае может найтись кто-то полезный — а в этом я сомневаюсь, — проблема не в этом. Дело не в компетентности, а, как я уже сказал, в секретности. И не только ради предотвращения паники. Ради того, чтобы сделать дело. Роберт, вы думаете, мы смогли бы получить Лос-Аламос в качестве базы для работы, если бы конгресс знал, чем мы занимаемся? Борьба за казенный пирог — за то, чтобы его краюха оказалась в *этом* или в *том* округе независимо

от того, соответствует ли это место *нашим* потребностям, — растянулась бы на месяцы, если не на годы. — Он перевел взгляд на Раби. — А вы, доктор Раби, упомянули Энрико Ферми. Неужели вы хоть на секунду подумали, что ему позволили бы построить свой первый атомный реактор под трибуной стадиона Стэгг-Филд — в Чикагском университете, черт возьми! — если бы за работой велся бы хоть какой-то общественный надзор? Черт возьми, он не сказал об этом даже президенту университета! Если бы что-то пошло не так, он мог бы отравить или взорвать весь город.

— Да, но…

— Нет, Роберт, никаких «но». Разве вы рассказали миру о том, как Эдвард Теллер в 1942 году, на первом собрании ваших светил, сказал, что взрыв атомной бомбы может поджечь всю атмосферу? Или осведомили мир о том, как Ферми перед испытанием «Тринити» принимал ставки: случится это или нет? Уничтожим мы только Нью-Мексико или всю планету? Губернатор Нью-Мексико узнал об испытании перед самым взрывом, и то потому, что я лично сказал ему о нем, а вице-президент понятия не имел о нашей работе до тех пор, пока не сменил ФДР.

— Я встречался с Трумэном, — сказал Оппи. —

Он не… не одаренный человек.

— Что ж, вы определенно не являетесь авторитетом для него, — сказал Гровз, — как раз после этой вашей встречи. Вы, может быть, не догадываетесь, а я знаю точно. Насколько мне известно, вы сказали, что у вас руки в крови. Так вот, на случай, если до вас это еще не дошло: вы не добились того результата, на который рассчитывали.

Оппи совсем замерз у открытого окна. Он с силой потянул скрипучую раму вниз и вернулся на свой долго пустовавший стул. Раби повернулся вместе со своим стулом, чтобы опять сидеть лицом к генералу. Гровз вскинул брови; Оппи заподозрил его в мысли о том, что это почти то же самое, что поставить ученых по стойке «смирно».

— На разработку атомной бомбы мы потратили два миллиарда долларов, — сказал Гровз. — *Два миллиарда*. А вы, доктор Раби, и ваши сотрудники в МТИ потратили полтора миллиарда на радиолокацию, и эта работа практически столь же секретна. Такое финансирование стало возможным лишь потому, что проекты *не* проходили через палату представителей или сенат. Я могу двигать горами до тех пор, пока остаюсь вне поля зрения комитетов конгресса, сенатских дебатов

и, самое главное, изменчивой публики. Скажи избирателям, что тратишь даже не миллиарды, а миллионы на *что угодно*, и они начнут рыдать, что эти деньги следовало употребить на искоренение нищеты, или строительство новых автострад, или на симфонические оркестры или на бог знает что, пришедшее им в головы.

Гровз поднялся со своего мягкого трона, заставив Оппенгеймера и Раби смотреть на него снизу вверх.

— Послушайте меня внимательно, джентльмены: я уже открывал Роберту беспрепятственный доступ к самым тугим денежным мешкам мира и могу это сделать снова — но лишь в том случае, если вся работа будет идти за плотно закрытыми дверями. Согласны?

Оппенгеймер взглянул на Раби. Тот нахмурился.

— Да, черт возьми, — сказал Оппи. — Согласен.

— Ладно, — сказал Раби, глядя снизу вверх на Гровза. — Ладно. — Оппи видел, как взгляд его друга поднимался все выше над головой генерала. — Да смилуется Господь над нашими душами.

Глава 29

Прямым результатом работы Оппенгеймера является наше теперешнее знание о том, что черные дыры играли и продолжают играть решающую роль в эволюции вселенной. После этого открытия он прожил двадцать семь лет, и за это время никогда не говорил о нем и никогда не возвращался к работе над ним. Несколько раз я спрашивал его, почему он забросил это направление. Он никогда не отвечал на мой вопрос, но всегда переводил разговор на какую-нибудь другую тему.

Фримен Дайсон

У Оппенгеймера был опыт общения со вздорными детьми: Питеру сравнялось пять с половиной лет, а Тони — тринадцать месяцев. Но, помилуй бог, Лесли Гровзу было пятьдесят, а Лео Силарду в феврале должно было исполниться сорок девять. Оппи в свои сорок два года был намного моложе их обоих и совершенно не желал выступать в роли родителя и служить посредником между

генералом и гением, солдатом и ученым, милитаристом и «марсианином». К тому же, невзирая на то, что почти все его общение с Силардом представляло собой сплошной конфликт, он был уверен, что Лео с его проницательностью и изобретательностью необходим им почти так же, как и Гровз.

Теллер однажды сказал Оппи, что по-венгерски слово *szilárd* означает «твердый, крепкий», да и Гровз в соответствии со своей фамилией был несгибаем, как связка древесных стволов. Эти двое не выносили друг дуга, как протоны, так и норовящие разорвать ядро на части, и — Принцип Паули! — похоже, не могли находиться одновременно в одном и том же месте.

Если бы Гровз любил выпить, а Силард был пообщительнее, можно было бы пригласить обоих в Олден-Мэнор, напоить и попытаться подружить их на почве, скажем, любви к сдобным десертам. В конце концов, как однажды Оппи сказал жене, если бы он искренне верил, что способен помочь России и Соединенным Штатам с общим населением в 238 миллионов человек прийти к единому мнению о контроле над вооружениями, то, несомненно, взялся бы и за посредническую миссию ради заключения мира всего лишь между двумя

вздорными мужчинами.

Но всякие мысли о тщательно срежиссированном акте сближения испарились, когда Гровз, Оппи и Николс в конце концов покинули временный кабинет Оппи — и, конечно же, почти сразу же они встретились в коридоре первого этажа Фулд-холла не с кем иным, как Лео Силардом в расстегнутой зимней куртке, из-под которой виднелся костюм-тройка.

— Благий боже… — пробормотал Гровз.

— Не совсем, — отозвался Силард, не замедлив шаг.

Исидор Раби уехал в Нью-Йорк уже час назад, а Гровз и Оппенгеймер остались утрясать финансовые вопросы.

— Лео, что вы тут делаете? — спросил Оппи.

Силард ткнул толстым пальцем в другой конец коридора, где находился кабинет фон Неймана.

— Приехал к Янчи. У меня появились кое-какие идеи насчет его вычислительной машины.

В этот момент дверь с номером 113 открылась, и в коридор вышел секретарь фон Неймана.

— О, доктор Силард! Вас ждали немного позже. Профессор в подвале. Вы знаете дорогу?

— Да, благодарю вас. — Лео шагнул в сторону, но все же не удержался от шпильки, обвернулся

и посмотрел в лицо генералу Гровзу, который теперь тоже надел свою зимнюю куртку. — Итак, — сказал он, оглядев генерала с головы до ног, — вы добились всего, к чему стремились.

— Мы добились мира, — просто ответил генерал.

— Временного.

— Никто не может желать большего.

— Вы так думаете? При наличии всемирного правительства мир может стать вечным.

Оппи настороженно рассматривал обоих собеседников, вернее, противников — мангусту и кобру, — каждый из которых мог убить другого.

— Вы мечтатель, — презрительно бросил Гровз.

— Я предпочитаю мои мечты ядерным кошмарам. Вы, вояки…

— Лео… — укоризненно вставил Оппи.

— …видите все крайне упрощенно. Если бы вы и вам подобные смогли…

— Хватит! — рявкнул Гровз так, будто командовал перед строем. Силард умолк и уставился на генерала. — Это мы, «вояки», принесли миру мир. И это вы, *мистер* Силард, и вам подобные только и занимались тем, что ставили палки в колеса всем нашим действиям во время войны.

— Палки в колеса?! — Силард так возмутился, что стал брызгать слюной. — Неужели вам нужно напоминать, что именно *я* первым понял суть цепной реакции? Что именно *я* уговорил Эйнштейна написать Рузвельту и…

— И есть еще кое-что! — сказал Гровз, и по его голосу было заметно, что он уже кипит от ярости. — Существует такая вещь, как порядок подчиненности. Может быть — *может быть*, — тогда, в 1939 году, такое еще было допустимо, вы не знали ничего лучшего, но после того, как был создан и заработал Манхэттенский инженерный округ, вам нечего было даже *пытаться* попасть на прием к Верховному главнокомандующему.

Оппенгеймер заметил, что в дальнем конце коридора показалась пара людей — кажется, Гедель и Вейль, — но они тут же скрылись за дверью приемной Эйделотта.

— Генерал Гровз, Лео, — сказал он, — прошу вас…

— Я не солдат, — огрызнулся Силард. — Я гражданин.

— Уже полных два года!

Силард явно пытался говорить ровным тоном.

— Я не знал, что существуют градации гражданства. В любом случае я…

— Кто? — ехидно осведомился Гровз. — Профессор? Где ваши студенты? Ученый? Где ваши опубликованные труды?

— Я приписан к Чикагскому университету и…

— И даже в башне из слоновой кости имеется порядок подчиненности. Вы подчинены Артуру Комптону, а Комптон подчинен *мне*. Будь у вас хоть унция…

— Люди в погонах вроде вас никогда не поймут ученых. Мы, в отличие от вас, никогда не подлизываемся…

— Подлизываемся?! Мы *заслужили* свое положение в иерархии!

— Как вы заслужили генеральское звание?

Лицо Гровза налилось кровью.

— Я никогда не стремился к этой работе. Я хотел быть за океаном, участвовать в боевых действиях, а не убивать время, выпасая своенравных козлов!

Оппи взглянул на Николса, надеясь на поддержку, но полковник просто стоял по стойке вольно, уставившись на совершенно пустой кусок стены коридора.

— Есть некоторые нюансы! — сказал Силард. — Вы теперь всемирно известный атомный генерал — благодаря *мне*. Без меня не было бы атомной

бомбы.

— И теперь вы не имеете к этим работам *никакого* отношения. После вашей выходки с петицией…

— Которую *вы* засекретили, так что я не смог отослать ее в журнал «Сайенс»…

— Чистая правда! Я это запретил!

— Да, потому что это могло бы, цитирую, «нанести ущерб престижу государственной деятельности» — вряд ли конгресс, принимая закон о шпионаже, имел в виду это!

— Причина совсем не в этом. Видит бог, как же я ненавижу настырных евреев вроде вас!

– *Meine lieben Herren!*[50]

Это был единственный голос, к которому они оба должны были прислушаться. Гровз, резко повернувшись, проговорил, заикаясь, как будто стрелял:

— П-п-п-профессор Эйнштейн, я…

Со своей стороны, Лео немедленно изобразил облегчение.

– *Albert, so schön, dich zu sehen!*[51]

— Это мой дом, — резким тоном сказал Эйн-

---

[50] Примечания: 50
Мои дорогие господа! (*нем.*)

[51] Примечания: 51
Альберт, я так рад тебя видеть!

штейн по-английски. — Мое святилище. — Его кабинет находился всего в нескольких шагах по коридору от места скандала. Он вышел оттуда, одетый в зеленый кардиган; с еще сильнее взлохмаченными, чем обычно, волосами. — Лео, я пошел навстречу твоей просьбе перенести это безумие сюда, но это было сделано с согласия давно уже существующего учреждения. Да будет мир — и воцарится тишина! — Он посмотрел на Гровза, потом на Силарда. — Не знаю, удастся ли кому-нибудь из вас спасти мир, но я могу и спасу это убежище разума.

— Конечно, — сказал Гровз. — Профессор Эйнштейн, сэр, надеюсь, вы не подумали, что я имел в виду и вас, когда…

Пристальный, всегда исполненный сочувствия взгляд остановился на Гровзе, и, к изумлению Оппи, генерал осекся на полуслове и с сокрушенным видом уставился в натертый пол. Эйнштейн повернулся к Силарду.

— А ты, Лео, что тут делаешь?

— Я просто шел вниз поговорить с фон Нейманом.

Эйнштейн указал правой рукой на ближайшую лестницу:

— Иди.

Лео кивнул и удалился, шаркая ногами по паркету.

— А вы? — спросил Эйнштейн у генерала.

— Мы занимались организационными вопросами, — ответил вместо него Оппи, — а сейчас идем в Олден-Мэнор. Пора перекусить.

— Ну и марш отсюда! — приказал Эйнштейн. — Убирайтесь! Все! Здесь место для размышлений, а не для ругани.

* * *

В Олден-Мэноре имелись еще три спальни, и, поскольку обсуждение затянулось, генерал Гровз и полковник Николс остались ночевать. Когда военные ушли спать, Оппи и Китти ушли к себе и проговорили еще почти до двух часов ночи.

— Гровз совсем спятил? — спросила Китти, приподнявшись на локтях. — Он что, действительно ожидает, что ты снова будешь руководить засекреченной работой, чтоб ей пусто было?

Оппи уставился в темный прямоугольник потолка:

— Мы долго крутили и вертели, но — да. Именно так оно и будет. Лучше тайна, чем паника, которая непременно начнется, если мы преждевременно объявим о том, что спасти удастся

лишь малую часть человечества.

— Иисус… — пробормотала Китти.

— Я знаю, что это нелегко, — продолжал Оппи, — для всех нас. Ну а для меня особенно.

— Почему?

— Нужно стараться помешать другим докопаться до солнечной нестабильности, а для этого придется тщательно следить за тем, чтобы основополагающие исследования, которые привели к ее открытию, не попадали в поле зрения научного мира.

— Их можно засекретить?

— Нет, нет, уже поздно. Они уже опубликованы… мною.

Китти вопросительно хмыкнула, и Роберт объяснил:

— В тридцать восьмом и тридцать девятом годах я опубликовал три статьи с Сербером, Волкоффом и Снайдером. Любой желающий может прочитать их в «Физикал ривью». И любой сколько-нибудь квалифицированный физик, внимательно ознакомившийся с этими материалами и понимающий, что в них говорится, а также имеющий доступ к солнечным спектрам, снятым в период, когда Ханс Бете считал, что в Солнце стабильно идет термоядерный синтез

C-N-O, установит связь между тем и этим.

— Но эти статьи… Роберт, ведь это же ступенька прямо к Нобелевской премии.

Першение у него в горле вдруг сделалось гораздо сильнее, чем обычно.

— Я знаю, — сказал он мягким тоном.

Голос в темноте:

— Но, черт возьми, ты же заслужил ее.

— Да, — еще мягче ответил Оппи. — Да, но…

— Но что? Помилуй бог, ты же не можешь скрыть от мира эти открытия. Ты же сам сказал: они уже опубликованы.

— Увы. И поэтому мы должны… — Он тяжело вздохнул, выжав из груди весь воздух, выкинув вместе с ним и свою самую заветную мечту. — Мы постараемся дезавуировать их.

— А это что еще за чертовщина?

— По крайней мере, название сохранится: «предел Оппенгеймера — Волкоффа». Он определяет максимум массы нейтронного ядра. По нашим с Джорджем расчетам, он соответствует 0,7 массы Солнца, а это значит, что Солнце действительно может иметь нечто вроде скрытого нейтронного ядра, которое постулировал Лев Ландау. Но мы также вычислили в связи с этим и нижний предел для стабильного нейтронного ядра, и он

составил 0,1 массы Солнца. Так что мы попросим нескольких уважаемых людей опубликовать в журналах статьи, где будет предполагаться большее значение сильного ядерного взаимодействия в сердце звезд, так что верхний предел, предел Оппенгеймера — Волкоффа, будет казаться выше — 1,4 или 1,5 или даже более того. Это, в свою очередь, выведет минимальную стабильную массу за пределы солнечного диапазона. Это гарантирует, что фанатичные аспиранты не смогут случайно докопаться до того, что произойдет в очень скором времени.

— А как же ты? Твоя Нобелевская премия? Медаль? Слава? Деньги, наконец?

Роберт закрыл глаза и процитировал из «Гиты»:

Побеждай врагов с оружием в руках…

Всецело овладей науками

И разнообразными искусствами…

Тебе все это посильно, но только лишь сила кармы

Способна предотвратить то, чему не суждено случиться,

И заставить сбыться то, чему суждено.

Китти повернулась на бок, отвернувшись от Роберта, и медленно вздохнула с таким звуком, будто что-то шептала. В ту ночь она больше не сказала ни слова.

Глава 30

Мы познали грех гордыни. Мы гордились тем, что полагали, будто знаем, что хорошо для человека. Это не является естественным занятием ученого.

Дж. Роберт Оппенгеймер

— Черт вас возьми, Оппенгеймер, я же сказал: нет!

Оппи был обескуражен. За все годы знакомства с Гровзом ему крайне редко доводилось слышать, чтобы генерал поминал нечистую силу, а такого, чтобы он назвал его просто по фамилии, без «доктора» или «профессора», и вовсе не бывало.

Он постарался говорить как можно более умиротворяющим тоном:

— Нам позарез необходим человек, способный витать в облаках, а Силарду в этом нет равных. Мы же ставим себе цель решить эту проблему, а для этого потребуются свежие идеи и новые подходы, которые он способен рожать, как никто другой. Допустим… допустим, я смогу устроить так, чтобы вы с ним почти не встречались?

— Каким образом? — сварливо поинтересовал-

ся Гровз.

В этот момент в комнату вошел повар с очередной порцией кофе. Китти гуляла с детьми, а полковник Николс по поручению генерала отправился в Принстон.

— Ну, скажем, я выделю Лео его собственную группу в институте, но не в Фулд-холле? Соберем туда белых ворон вроде него и оставим перебрасываться идеями друг с другом. Если у них ничего не получится, что ж. — Он улыбнулся Гровзу, который как-то раз попенял Оппи, что тот совершенно не разбирается в спорте. — Нет пользы, но ведь нет и вреда.

Оппи заметил, что верхняя губа генерала под усами дрогнула в улыбке — собеседник уловил и оценил спортивную метафору. Но всплеск хорошего настроения оказался совсем кратким.

— Силард попросту опасен.

— Я знаю, что вы так считаете, — ответил Оппи.

Они сидели в гостиной Олден-Мэнора с выкрашенными в белый цвет, как и в большинстве помещений особняка, стенами и скрипучим полом из дубовых досок. Над мраморным камином висел закатный пейзаж кисти Ван Гога, входивший ранее в отцовскую коллекцию. Перед тем

как перейти в ИПИ, дом служил резиденцией губернатора Нью-Джерси. Ну а Фрэнк Эйделотт, хоть все еще продолжал формально выполнять свои директорские обязанности, уже переехал отсюда вместе с женой в апартаменты в Принстоне, рядом с квакерской церковью, к которой принадлежал.

— Насколько мне известно, — продолжал Оппи, — вы около года назад просили Конанта, чтобы тот взял Силарда на работу в Гарвард, и тем самым его вывели бы из Манхэттенского проекта.

Гровз свел брови вместе с видом человека, который почувствовал, что его доверие грубо обмануто. А ведь Оппи слышал, что генерал предлагал даже сохранить за Силардом правительственную зарплату, лишь бы Гарвард согласился взять его.

— В таком случае вы должны знать, — ответил Гровз, — что доктор Конант рассмеялся мне в лицо и сказал, что я ни за какие деньги не уговорю его взять на себя головную боль по имени Силард и что на это не согласится никакой другой университет.

— Ну а я *хочу* взять его, — сказал Оппи. — Сюда, в Институт перспективных исследований, где

будет уместна и его склонность к перипатетическим размышлениям. Откровенно говоря, сюда, для этой почвы — я говорю и в прямом, и в переносном смысле, — он подходит куда лучше, чем вы или я. К тому же он доподлинно знает, чем мы тут занимаемся, а вы совершенно прямо дали понять, что будете настаивать на секретности этой работы. Ну а с этой точки зрения держать его здесь, на глазах, будет куда безопаснее, чем отправить куда-нибудь далеко.

Гровз погрозил собеседнику пальцем:

— Но государственная казна не выделит на его содержание ни единого пенни.

— Нет, нет. Все расходы на содержание этой группы пойдут из моего директорского фонда.

— И как вы собираетесь назвать эту группу? — спросил Гровз. — Приют лунатиков? Или прямо: Сумасшедший дом?

Оппи чуть заметно улыбнулся:

— Мне понравилось кодовое название, которое выдумали британцы: «Трубные сплавы». Как вам такое название: «Скрепляющий цемент»? — Он закрыл глаза и процитировал две строки из «Анатомии мира», которую Джон Донн, любимый поэт Джин, посвятил безвременно умершей молодой женщине:

Цемент, что добродетели скреплял,

Распался в прах и силу потерял.

Он находил образы стихотворения 335-летней давности странно злободневными для эпохи эйнштейновской теории относительности, но не стал говорить на эту тему с Гровзом.

Увы, столь краток век, что не дерзнем гадать:

Верны часы иль ложно их движенье.

А далее следовало:

И, как и жизнь, ужался рост людской,

Кто в пядь был ростом – в дюйм теперь всего.

И, бесспорно, мольбы Донна касались работы, которую он запланировал для себя:

Достойней было б с солнцем в бой вступить иль с человеком…

— Скрепляющий цемент… — повторил Гровз, словно пробуя слова на вкус, и тут же по доброму армейскому обычаю свел их в аббревиатуру: — СЦ. — Он кивнул. — Отлично. Пойдет. Кого еще вы хотите включить в этот СЦ?

— Курта Геделя, если он пожелает. Его часто

называют *Herr Warum* — мистер Почему — из-за неиссякаемого любопытства. Они с Эйнштейном близкие друзья, несмотря на разницу в возрасте. Эйнштейн даже директора ни во что не ставит, как вы сами видели, но если Гедель войдет в СЦ, то, уверен, и нашего главного гения, — Оппи коротко улыбнулся, — притянет туда.

Гровз хмыкнул в знак согласия:

— Кто еще?

— Может быть, Дик Фейнман? Поистине оригинальный мыслитель. Вигнер как-то сказал о нем: «Это второй Дирак, только на этот раз — живой человек».

— Согласен. Только бы не подпускать этого разгильдяя к серьезным делам. И, значит, вы хотите, чтобы Силард командовал там парадом?

— Нет, — ответил Роберт. — Он не годится в администраторы. Нам нужен очень осмотрительный человек, способный держать в голове всякие подробности и обладающий еще рядом подобных качеств.

— В таком случае это, конечно, не Фейнман, — сказал Гровз. — А кто? Гедель?

— Я предлагал ему, но он не желает обременять себя руководством. Но у меня есть кандидатура на примете.

— И кто же это?

— Китти.

— Миссис Оппенгеймер? — Гровз покачал головой. — Роберт, я…

— Она обладает прекрасной научной эрудицией, говорит на немецком так же, как и на английском, что, безусловно, облегчит общение с некоторыми из тех, кого вы пришлете нам из Европы.

— Она коммунистка.

— Она *была* коммунисткой. Но давно уже не имеет с ними дела.

— Так ведь она еще и родственница высокопоставленного нациста.

Оппи кивнул:

— Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего вермахта. В настоящее время он пребывает под судом Международного военного трибунала в Нюрнберге. Но они не общаются еще с довоенных времен. Уверяю вас, генерал, для безопасности она представляет собой не большую угрозу, чем я. Я не стал бы поручать ей командовать нобелевскими лауреатами, но ведь пока что их у нас в СЦ не предполагается.

— Но в таком случае кто же будет ухаживать за вашими детьми?

— Питера к осени уже можно будет устроить в детский сад. Я рассчитываю отдать его в Школу этической культуры, мою *alma mater.* Ну а для Тони мы наймем гувернантку. Я слышал, что Рубби Шерр должен получить место в Принстоне, так, может быть, его жена Пэт заинтересуется этой работой. Она уже присматривала за Тони, когда Китти уезжала из Лос-Аламоса.

— Вы ведь уже обдумали этот вариант, да?

— Да, и весьма детально. Китти хорошо справится с руководством.

Гровз медленно выдохнул через нос, не открывая рта:

— Как вам будет угодно.

— Благодарю вас.

— Ладно, — сказал генерал. — Вы получили ваш Отдел безумных идей. А как насчет более практических вопросов — если ко всей этой затее можно применить слово «практический». — Он оглянулся, убедился, что в комнате нет повара, и продолжил, понизив голос: — Как насчет того, чтобы успокоить Солнце или сделать какой-нибудь щит от него?

— С этим справится одна группа, — ответил Оппи, — потому что так или иначе физические проблемы одни и те же. Ее, конечно, возглавит

Бете. Вы ведь согласны, что в Лос-Аламосе он, возглавляя секцию «Т», проделал замечательную работу. И Чандрасекар, если, конечно, он согласится участвовать в нашей работе. Ему самое место в этой группе. Волкофф. Ну, и я сам, как вы знаете, имею некоторое представление о физике Солнца и, если у меня останется время от моих директорских обязанностей — а я надеюсь, что оно останется, — буду работать в группе Бете.

— Полагаю, вы и для этой группы успели придумать подходящее название?

— «Терпеливая власть», — ответил Оппи. — Это из «Освобожденного Прометея», но публика будет думать, что это всего лишь очередная попытка найти применение для атомной энергии, которых будет с каждым днем все больше и больше. А ведь «Терпеливая власть» — это антитеза «Быстрому разрыву».

— А как насчет того, чтобы вывезти народ с планеты — на Марс или куда там еще получится?

Оппи знал, что генерал очень недоброжелательно относится к тем, кто презрительно именует ту или иную проблему «простым конструированием», но эту задачу можно было бы назвать именно так, по крайней мере, если где-то в Солнечной системе удастся выбрать цель.

— Фримен Дайсон сказал, что с удовольствием займется этим.

— Но ведь он совсем мальчишка.

Роберт кивнул:

— Только что исполнилось двадцать два. Самый лучший возраст для того, чтобы решать первосортные физические задачи. Что касается руководства этой группой, то ее уже согласился возглавить Раби; он понимает, что для того, чтобы к проблеме относились серьезно, ее разработкой должен руководить нобелевский лауреат, например он. К тому же он самый прославленный из американских физиков-экспериментаторов, а ведь как раз эта группа и должна экспериментировать больше всех. Хотелось бы назвать эту группу «Исход», но это слишком уж очевидно. Раби предложил дать ей название «Имена», потому что в иудейской библии книга «Исход» больше известна как «Шемот» — «Имена» — по первой строке: «Вот имена…»

— «…сынов Израилевых», — закончил фразу Гровз, сын священника. — И почему ваша братия ничего не может подумать в простоте?

Памятуя о недавней вспышке гнева Гровза, Оппи не мог понять, кого генерал имеет в виду под «братией» — евреев или гениев, — и предпочел

выбрать второй вариант.

— Можем, если вдруг получается, — сказал он с улыбкой.

— Дайсон и Раби, конечно, блестящие ученые, — задумчиво продолжил Гровз, — и я знал это еще до того, как Раби получил «Нобеля». Он провел великолепную работу по радарам. Отличная чисто прикладная работа вроде той, что мы делали с вами — из тех, которые преображают мир. Но отправиться на Марс? — Гровз покачал головой. — Для этого потребуется очень серьезное оборудование.

— Совершенно верно, — согласился Оппи. — Теллер считает, что основой для него должна стать «Фау-2». — Он покачал головой. — Жаль, что среди немцев, которых вы предложили нам, не было фон Брауна.

— Поверьте, Роберт, для этого были веские основания.

— О, не сомневаюсь в этом. Наш союз с Россией, судя по всему, вот-вот развалится, но с Великобританией мы в прежней дружбе. Ну а англичане, подозреваю, были бы рады повесить фон Брауна посреди Пиккадилли-серкус. Вы, конечно, видели фотографии разрушений, которые его ракеты причинили Лондону?

— Да.

— Невероятные машины. Уверен, что Теллер прав: нам обязательно понадобятся подобные.

— У нас они есть, — небрежным тоном бросил Гровз.

— Что?

— У нас есть как готовые ракеты, так и части, из которых можно собрать чуть не сотню «Фау-2».

— Где? Здесь, в Соединенных Штатах? — изумился Оппи.

— Да. В Форт-Блиссе, в Техасе.

— Боже мой! И вы собрали людей для их изучения? Уже выяснили, как они действуют?

— О, в этом нет нужды, — ответил Гровз и улыбнулся, на мгновение показав зубы.

— То есть?

— Вернер фон Браун уже с октября находится в Техасе. Он не только сразу изъявил готовность сотрудничать с нами, но и помог достать из шахты огромный технический архив, который сам туда спрятал. А к концу следующего месяца вместе с ним в Форт-Блиссе окажутся еще больше сотни немецких ракетчиков.

— Иисус Христос… — пробормотал совершенно ошеломленный Оппи.

— Ну-ну, — умерил его пыл генерал. — С другой

стороны, вы правы. Вы же сказали, что нужно вывезти людей с планеты. Что ж, поистине, вы получили гандикап: лучшие в мире ракеты и люди, которые их создали!

Глава 31 1946

Я уверен, что теперь (когда мы научились высвобождать атомную энергию) межпланетные путешествия стали определенно возможными.

Ричард Фейнман, 5 декабря 1945 г.

В новый год Оппенгеймер вступил, имея три отдела: «Терпеливая власть» Ханса Бете углубилась в проблемы физики Солнца, «Скрепляющий цемент» Силарда под руководством Китти рождал неожиданные идеи, а группа Раби «Имена» ломала головы над тем, как вывезти людей с планеты.

Вообще-то отдел Раби по его предложению переименовали в «Новые имена», чтобы название, как и у прочих групп, состояло из двух слов. Смена имен при переезде на новое место жительства была обычным делом (хотя из ученых-эмигрантов, работавших в Манхэттенском проекте, этому обычаю последовал на удивление мало кто), и поэтому в кодовом наименовании также присутствовал намек на переселение, хотя его масштабы не были очевидны.

Но все предприятие так и не имело пока общего названия. Нужно было подобрать нечто столь же бессодержательное, как Манхэттенский проект. Напрашивался Принстонский проект, но это не годилось, так как если бы название стало известно публике, местный университет наверняка возмутился бы.

Поразмыслив, Оппи придумал название: «проект “Арбор”»[52]. Большинство посвященных предположило, что он выбрал латинское слово, обозначающее дерево, подразумевая знаменитые леса, окружавшие институт. Силард, всегда стремившийся проникнуть в суть неясной символики, склонялся к мысли о том, что Оппенгеймер вдохновился названием комедии Германа Унгера, чешского еврея, *Die Gartenlaube* — «Садовая беседка». Оппи не стал его разубеждать. Но на самом деле он выбрал этот термин в память о своей возлюбленной Джин Тэтлок, которая родилась в мичиганском городке Энн-Арбор; ее тридцать первый день рождения приходился на тот самый день, когда Оппи объявил о названии исследовательской программы, 4 января 1946 года.

---

[52] Примечания: 52

Arbour (*англ.*) — беседка, увитая зеленью.

* * *

Институт действительно был отличной базой для проекта «Арбор». Мало того что здесь было комфортабельное жилье и приятная лесистая местность, а те, кто не хотел поселиться на территории института, как, например, Эйнштейн, все равно за несколько минут добирались туда пешком, его географическое расположение было удобным и для тех участников, которые вели собственные работы в других городах и бывали здесь еженедельно или ежемесячно. Раби доезжал сюда из Колумбийского университета за девяносто минут, Гровз из Вашингтона — за три часа. Фейнман, работавший в Корнелльском университете, пользовался любой возможностью побродить часа четыре по местным проселкам, вооружившись дробовиком Ханса Бете, а Ферми мог достаточно легко прилететь из Чикаго. Лишь фон Брауну, находившемуся в 2100 милях, в Форт-Блиссе, было трудно добраться сюда.

После того как Фрэнк Эйделотт полностью отошел от дел, Оппи наконец-то вступил во владение просторным директорским кабинетом под номером 107 с замечательным видом на лес и пруд. Еще одним преимуществом нового положения

была относительная труднодоступность — никто не мог проникнуть к нему, минуя секретаршу. Кроме того, он находился на максимально возможном для двух помещений на одном этаже Фулд-холла удалении от кабинета Эйнштейна, а это означало, что частые жаркие дискуссии вряд ли потревожат Великого Старца в его берлоге.

Сегодня в кабинете Оппи находились Раби, Гровз, Фейнман и Ферми, а также Силард, который поселился в отеле «Нассау Инн», в получасе ходьбы к северо-востоку от института, и Китти, наслаждавшаяся своей новой ролью. И даже при этом здесь не было тесно — Оппи первым делом распорядился сделать в кабинете ремонт, вынести все книжные шкафы и поставить стол для совещаний и удобные кресла, так что здесь можно было проводить еще более многолюдные совещания.

— До войны, — сказала Китти, сидевшая у длинной, пустой, без окон, западной стены, — на Земле проживало 2,3 миллиарда человек. Конечно, во время войны население не могло не сократиться, но не удивлюсь, если вот-вот начнется подъем рождаемости. — Накануне она старательно изучила этот вопрос в библиотеке Принстонского университета. — Однако тенден-

цию предсказать нелегко. В длительный период с 1650 по 1900 год во всем мире наблюдался очень резкий рост населения, потом он замедлился. Но, даже если эта динамика сохранится, к моменту солнечного взрыва, к 2028 или 2030 году, нынешнее население вполне может утроиться или даже учетвериться…

— От семи до девяти миллиардов, — вставил Гровз, устроившийся в кресле у окна, выходящего на север.

Китти кивнула:

— Да, примерно так.

— И сколько же из этого числа мы сможем спасти? — спросил генерал.

Оппи, сидевший за своим директорским столом, то скрещивал, то расставлял ноги. Он все еще привыкал к звукам своего нового офиса. Потрескивание труб парового отопления, солидное поскрипывание половиц, реагирующих на то или иное перемещение мебели, тиканье настенных часов, стрекот пишущей машинки секретарши за закрытой дверью. А сегодня еще и неровное хриплое дыхание Гровза. И вот сейчас только эти звуки и были слышны — никто не вызвался ответить, и вопрос повис в воздухе.

Оппи не курил, хоть и находился в собствен-

ном кабинете. И вообще, сейчас здесь никто не курил, даже Китти. Ферми не одобрял привычку к курению, Гровз осуждал ее, Фейнман обещал своей покойной жене бросить курить и держал слово, ну а Силарда никто не видел с сигаретой или трубкой. Так что Оппи оставалось лишь забавляться с курительными принадлежностями — потрепанным кисетом, серебряной зажигалкой, стеклянной пепельницей, — чем он и занимался, время от времени переставляя их на столе.

— Ну, — сказал он наконец, — сколько получится.

— А сколько получится? — вскинулся Гровз. — Мы говорим о миллиардах, миллионах, тысячах — или всего лишь о новом Адаме и его Еве?

Оппи смотрел на узоры дерева на своей полированной столешнице, переплетения коричневато-желтого с желтовато-коричневым. Все последние годы он думал лишь о том, сколько удастся убить, и его сознание отказывалось резко переключаться на задачу спасения людей.

В Лос-Аламосе он хладнокровно провел расчеты и сообщил Ферми, что альтернативный план — отравить пищу немцев радиоактивными отходами реакции деления — имеет смысл лишь в

том случае, если он гарантирует смерть не менее полумиллиона человек. Он сам удивлялся тому, насколько легко у него получилось это число — без мучительных раздумий над логарифмической линейкой, даже без подсчетов на обратной стороне ненужного конверта. Оно само сорвалось с языка — рядовое, ничем не примечательное слово, ответ на один из бесчисленного множества вопросов, на которые он должен был ежедневно отвечать.

А теперь этот: сколько народу будет спасено?

Недавно Оппи случайно услышал, как Гровз осадил ретивого студента, благополучно пересидевшего войну в университете. «А как же насчет убитых в Хиросиме и Нагасаки?»

«Хорошо бы всем вам, то и дело напоминающим об этом, съездить на экскурсию в Перл-Харбор и посмотреть там могилы наших, американских парней. Мы ускорили завершение войны, мы *спасли* жизни!» — обрезал его Гровз.

Возможно, это было именно так, и взрывы атомных бомб действительно помогли сохранить тысячи или даже десятки тысяч жизней американских солдат, которым пришлось бы умереть в ходе вторжения в Японию. Но количество реальных жертв от атомной бомбардировки, в

противовес гипотетическим потерям войск союзников, которых в результате удалось избежать, было, в общем-то, незначительным. Примерно одна стотысячная часть мирового населения. Удастся ли им эвакуировать на Марс *миллиарды*? Средний вес человека 200 фунтов; допустим, удастся достичь соотношения ракетного топлива и полезного груза как десять к одному, и все равно потребуется тонна горючего на человека… для всех нынешних обитателей планеты — невообразимые два миллиарда тонн.

Оппи поймал себя на том, что недоуменно трясет головой, и потер лоб двумя пальцами. О том, чтобы перевезти миллиарды, нечего было и думать. А миллионы? Можно ли утверждать, что они сумеют спасти несколько миллионов? Он поднял голову, надеясь увидеть оптимизм на лицах коллег-ученых, и не увидел его.

— Я думаю, — сказал он после продолжительной паузы, — что удастся сохранить статистически релевантную популяцию.

Его туманное высказывание развязало языки остальным.

— Тысячи — безусловно, — сказал Ферми, стоявший, прислонясь к двери в приемную, где находилась секретарша, хотя в кабинете были

свободные кресла.

— Десятки тысяч, — добавил Силард, устроившийся на самом далеком от Гровза месте. — Может быть, даже сотни.

Гровз еще сильнее нахмурился; похоже было, что он собирается что-то сказать. Оппи слышал разные версии истории о скандале, устроенном им в Чикаго, когда он примером о подготовке свадебного обеда на неизвестное количество гостей высмеял Силарда, оперировавшего числами с разбросом на порядок.

— Генерал, — сказал Оппи, — я знаю, что вы требуете точности, но, когда люди не имеют представления о том, *как* они будут что-то делать, дать конкретный ответ о будущих результатах их деятельности очень трудно.

Гровз, к его изумлению, энергично кивнул щекастой головой с отвисшим двойным подбородком.

— Естественно. Именно поэтому я и предлагаю выложить эту карту на стол с самого начала. Не сочтите за обиду, но вы, ученые, склонны сплошь и рядом отрываться от реальности. А реальность состоит в том, что нам почти наверняка придется оставить на погибель гораздо больше людей, чем мы сможем спасти. Роберт, я знаю, что этот

институт славится своими физиками, но думаю, что вам нужны и специалисты в области общественных наук.

Оппи кивнул:

— Пожалуй, их следует подрядить на составление критериев отбора.

– *Международных* критериев отбора, — вставил Силард. — У меня есть кое-какие идеи. Много лет назад я положил начало организации, которой дал название «Бунд», и…

— Отлично, отлично, — перебил его Оппи, прежде чем Гровз успел вспыхнуть. — В таком случае вы эту работу и возглавите.

Но Гровз уставился на Лео тяжелым взглядом:

— И не забывайте, что мы должны хранить все происходящее в строжайшей тайне. Пусть люди радуются жизни. А вот если станет известно, что мы в состоянии снять лишь сливки с человечества, неизбежно начнутся волнения. Пусть нынешнее поколение не доживет до солнечного взрыва, но можете не сомневаться в том, что наши современники будут яростно сражаться за то, чтобы их детей и внуков включили в число спасенных.

Оппи в очередной раз оглядел присутствовавших. Силард был холостым, Фейнман, овдовев-

ший семь месяцев назад, не имел детей. А вот у всех остальных дети были.

Воспоминания перебили мысль, как случайная свиль — узор древесных волокон.

«А вы не хотите удочерить ее?»

«Роберт, Иисус с вами! У нее есть двое замечательных родителей. Как вы можете говорить о таком?»

«Потому что я не способен любить ее».

И он действительно не мог любить ни Тайк, ни Питера, по крайней мере, так, как это принято у нормальных людей. Дочь, сын — безразлично; он и впрямь не из тех людей, что способны привязываться. Ни раньше, когда целью его работы была смерть, ни теперь, когда стал работать ради жизни. Нет, он заботился о них и проявлял некоторый интерес, но совсем не так, как Теллер любил своего сына Пола или второго ребенка, которого, по словам Силарда, они ожидали. Он заботился и о Китти, что, по его мнению, было своеобразной любовью — или, может быть, откликом на чужую привязанность, — но это нисколько не походило на то чувство, которое он испытывал к Джин. Ему не удалось убить Патрика Блэкетта, а вот Блэкетт определенно убил что-то в нем — что-то такое, что могла оживить только Джин с помощью

некой непостижимой некромантии.

Тем не менее для того, чтобы приговорить к смерти массы среднестатистических безымянных людей в масштабе, которые обеспечивала супербомба, Теллер подходил лучше, чем Оппи. Зато принимать решения об отдельных людях, о том, каким людям или какого рода личностям следует позволить жить, а каких не включать в списки и обречь тем самым на гибель, Оппи мог делать, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой. У него был талант выбирать будущее других, умение, родившееся, когда он столкнулся с невыносимостью бытия во вселенной, в которой существовали и он, и Патрик Блэкетт — отвергнутый и отвергнувший, — умение, которое он отшлифовал до глянцевого блеска ярко-красного яблока на Горе в то время, когда пытался отказаться от своей дочери и передать ее приемной матери.

— Я помогу вам, Лео, — сказал он. — И, генерал, я согласен с вами; мы привлечем к работе некоторых из ведущих социологов. Естественно, под видом исследования гипотетической проблемы.

Силард покачал головой.

— Еще один черный день для человечества, — сказал он, посмотрев по очереди на всех присут-

ствовавших и даже на генерала Гровза. — День, когда мы решили обречь большинство наших сородичей на огненную гибель.

Глава 32

Вопрос… состоит не в том, существуют ли каналы [Марса] или нет. Для некоторых, во всяком случае, наиболее заметных, это не вызывает сомнений. Часть из них может быть наблюдаема в телескопы средних размеров, а некоторые удалось сфотографировать. …Эти изменения трудно объяснить иначе, как допустив сезонный рост растительного покрова[53].

Гарольд Спенсер Джонс, королевский астроном. В книге «Жизнь на других мирах»

На следующий день Оппи принимал в своем кабинете возглавляемую И. А. Раби группу «Новые имена», задачей которой было придумать, каким образом эвакуировать человечество с Земли до того, как ему придет конец. Помимо самого Раби, его сотрудников Луиса Альвареса и Фримена Дайсона присутствовали генерал Лесли Гровз в

---

[53] Примечания: 53
Пер. с англ. А. К. Федоровой-Грот.

гражданском костюме и старый друг Оппенгеймера Дик Парсонс, занимавший пост заместителя директора в Лос-Аламосе. Он имел звание капитана Военно-морского флота и в этом качестве совершил полет, скорчившись в бомбовом отсеке «Энолы Гей», и уже в воздухе подготовил «Малыша» к взрыву. После войны Дика произвели в контр-адмиралы, и Гровз вскоре привлек его к проекту «Арбор». Парсонс из-за сцены тянул за ниточки, ведущие к ВМФ, точно так же, как Гровз обращался с сухопутными силами.

— Итак, — сказал генерал, — мы пришли к мнению, что нашей первой целью следует рассматривать Марс, верно? Но давайте все же подумаем немного: действительно ли это лучший выбор?

Оппи знал, что с тех пор, как секретность Манхэттенского проекта в буквальном смысле взорвалась пять месяцев назад, Гровз находился под свирепым обстрелом публичной критики. Настойчивое требование генерала быстрее определиться с методом обогащения урана, не дожидаясь завершения тщательного изучения практических аспектов процесса, затормозило разработку атомной бомбы чуть ли не на год. Согласись Гровз подождать, пока не будут собраны

все факты, стало бы очевидно, что центробежное разделение быстрее и эффективнее выбранной им газовой диффузии — и первое стратегическое применение атомной бомбы, вероятно, состоялось бы не в Хиросиме, а в Берлине.

— Марс едва ли не единственный выбор, — сказал Луис Альварес, рослый тридцатичетырехлетний острый на язык блондин из Сан-Франциско, не пожелавший сесть и стоявший, прислонясь к стене.

— Совершенно верно, — согласился Оппи, сидевший за своим столом. — Хотя, конечно, людям будет нелегко там жить.

— Ты уверен? — спросил Дик Парсонс. Он был на десять лет старше Альвареса, его виски уже совсем побелели, а выпуклый лоб переходил в растущую лысину.

— Да, — сказал Оппи.

— Нет, — возразил Альварес.

— Это смотря кого спросить, — вставил Раби, сидевший у окна сбоку от стола хозяина кабинета.

— Несомненно, — сказал Гровз. — Но сейчас мы спрашиваем *вас*, джентльменов, собравшихся в этой комнате.

— Проблема в отсутствии данных за последние годы, — сказал Оппи. Обитая в Калифорнии, он

внимательно следил за работой обсерватории Маунт-Вильсон, находящейся близ Пасадены. — Время от времени — если говорить точно, то каждые 780 дней — Земля оказывается на одной прямой между Солнцем и Марсом. Такое положение называется противостоянием. Понятно, что это самое подходящее время для наблюдений, потому что в любой точке Земли Марс восходит, когда Солнца нет на небе, и наоборот.

Но не все противостояния бывают одинаковыми. Вы наверняка слышали, что у Земли эллиптическая орбита; технически это верно, но эксцентриситет эллипса очень невелик, и орбита близка к окружности. А вот у Марса орбита более вытянутая, и поэтому расстояние до него при разных противостояниях разное. По-настоящему благоприятные условия складываются, когда Марс в это время оказывается еще и в перигелии — на самом ближнем расстоянии к Солнцу и, соответственно, к нам. Такое случается раз в пятнадцать-семнадцать лет, и Марс в окулярах наших телескопов предстает почти вдвое шире, чем при неблагоприятном положении, следовательно, можно разглядеть гораздо больше деталей поверхности. Такие противостояния называют великими. Последнее великое проти-

востояние было в 1939 году. А до этого в двадцать четвертом. Но тот год оказался неудачным по другой причине: тогда марсианская пыльная буря скрыла большую часть поверхности планеты.

Гровз нахмурился:

— А следующее… как вы его назвали?.. Великое противостояние?

— Менее чем через десять лет, в сентябре пятьдесят шестого. Они, кстати, всегда случаются в августе или сентябре.

На столе Оппи было свалено с дюжину больших карт и фотографий Марса. Сверху лежала карта, которую пером и чернилами начертил Жерар де Вокулер на основе наблюдений, проведенных им самим и четырьмя другими астрономами во время великого противостояния 1939 года и обычного противостояния 1941 года; это была самая последняя из созданных когда-либо карт Марса.

— А как насчет каналов? — спросил Гровз, поднявшись с места, и провел толстым пальцем посередине листа по трем пунктирным линиям, протянувшимся с севера на юг и подписанным: «Фисон», «Евфрат» и «Хиддекель». Похожие линии имелись и в других местах.

— Хороший вопрос, — одобрительно сказал Оппи. — Никто о них ничего не знает. Их открыл

в 1877 году Джованни Скиапарелли, он и назвал их каналами. А мысль о том, что они могут иметь искусственное происхождение, через двадцать лет пришла в голову Персивалю Лоуэллу. Конечно, даже Лоуэлл вынужден был признать, что видимые линии вряд ли могли быть руслами, по которым течет вода: мы не можем разглядеть на марсианской поверхности объекты меньше мили размером, а при разреженной марсианской атмосфере вода с такой поверхности должна была очень быстро испаряться. Но они *могут* представлять собой узкие водные пути, окаймленные с обеих сторон широкими полосами растительности, которые мы в действительности и видим.

Гровз указал на кучу бумаг:

— Покажите мне фотографию каналов.

Оппи пожал плечами:

— А вот это как раз трудно. Конечно, какое-то количество фотографий, на которых можно разглядеть каналы, существует, но по большей части мы ориентируемся на рисунки.

— То есть… на Марсе… да как такое может быть?

— Понимаете ли, все дело в том, что для астрономических фотографий требуется продолжительная экспозиция, и чем дольше открыт затвор,

тем сильнее колебания земной атмосферы замутняют изображение. Каналы видело множество наблюдателей, и я в том числе. Глаз способен разглядеть в ночном небе много такого, чего фотопленка просто не может зафиксировать.

— Мы также подвержены оптическим иллюзиям, — с подчеркнутым ехидством сказал Раби, — равно как и оптическому *самообману*.

Оппи повернулся всем туловищем и в упор посмотрел на Раби.

— Согласен, веский аргумент. Лоуэлл, главный поборник теории каналов, уже тридцать лет как умер. Но у него осталось множество последователей, например Эрл Слиппер из Лоуэлловской обсерватории, непоколебимо уверенных в их реальности.

Раби пренебрежительно хмыкнул:

— Ну, он не первый из ученых, отстаивающих взгляды учителя даже после того, как они решительно отвергнуты большинством коллег, работающих в этой области.

— Но ведь на Марсе действительно имеются области, которые, видимо, расширяются и уменьшаются с переменой сезонов, — вставил Луис Альварес. — И они действительно зеленые.

— Точно, — подхватил сидевший у западной

стены Фримен Дайсон, обладатель вытянутого лица с немигающими глазами и британского акцента. — Конечно, первое, что приходит на ум, — это растительность.

— Итак, — подытожил адмирал Парсонс, — там то ли есть каналы, то ли их нет, и растительность тоже то ли есть, то ли нет.

— Но полярные ледяные шапки там определенно *есть*, — сказал Оппи. — И они по крайней мере частично состоят из водяного льда. Солнечный свет, отражающийся от водяного льда, и сухой лед выглядят одинаково ярко-белыми в видимом свете, но водяной лед кажется черным в инфракрасном диапазоне, в то время как сухой лед остается белым. Марсианские ледяные шапки чернеют за пределами длины волны в 15 000 ангстрем. Однако ледяные шапки не могут быть очень толстыми.

— К чему вы это говорите? — спросил Гровз.

— Вы ведь родом из Олбани штата Нью-Йорк, верно? — отозвался Оппи. — И, наверное, знаете, что кучи снега остаются на месте еще долго после того, как температура окружающей среды поднимается выше точки замерзания. Это происходит потому, что снега много и внутри кучи он прогревается очень медленно. Но на Марсе шапки

сжимаются и растут почти мгновенно вслед за изменением температуры; их толщина может составлять всего несколько миллиметров.

— Пока что я слышу только «возможно» и «может быть», — сказал Гровз. Он вынул из кармана шоколадный батончик «Херши» и отломил кусок.

— Скажу больше: многое из того, что нам известно, датируется восемьсот девяностыми годами, — ответил Оппи. — Просто в этом столетии в астрономию вкладывалось не так уж много денег. Самый большой в мире телескоп — Хукеровский, тот самый, на котором я вел наблюдения в Маунт-Вильсоне, — ввели в эксплуатацию в 1917 году, и до сих пор он остается непревзойденным.

— Две мировые войны тому назад, — заметил Гровз.

— Совершенно верно.

— А как насчет атмосферы Марса. Вы говорили, что она сильно разрежена.

— Очень сильно. Может быть, всего процент плотности от нашей.

— И из чего она состоит? Кислород там есть? И водяной пар?

— Спектрограммы, сделанные с поверхности

Земли, покажут линии кислорода и водяного пара даже на Луне, где вовсе нет атмосферы, потому что все это присутствует в *нашей* атмосфере. Но при квадратуре…

— При чем?

— Когда линии, соединяющие Землю с Солнцем и Землю с Марсом, пересекаются под прямым углом, — вмешался И. А. Раби, специалист по радиолокации, — это и называется квадратурой. В таком положении Марс движется относительно Земли настолько быстро, что на спектрограмме проявляется Доплеровский эффект, который *может* отделить марсианские кислород и водяной пар от теллурианских, то есть земного происхождения, линий *при условии*, что их наличие в марсианской атмосфере достаточно весомо. Но сдвинутых линий ни для O_2, ни для H_2O пока что не обнаружено, а это значит, что если они и присутствуют там, то лишь в следовых количествах.

— Это если говорить об атмосфере, — уточнил Альварес. — Красным цветом Марс почти наверняка обязан ржавчине — окиси железа. И лишь одному богу известно, сколько воды содержится там в почве в виде вечной мерзлоты или на глубине в водоносных горизонтах.

— Безусловно, — согласился Оппи. — Мы навер-

няка когда-нибудь выведем телескопы на орбиту и получим куда более четкие фотографии и неискаженные спектрограммы. Ну а до тех пор? — Он развел руками.

— Получается, что мы говорим о мире с непригодной для дыхания атмосферой и без гарантии наличия воды, — сказал Гровз. — При таких условиях просто переселить людей на Марс не получится.

— Не получится, — кивнул Оппи. — Там потребуются самообеспечивающие закрытые поселения с собственными воздухом и водой — вроде громадных субмарин.

— Ладно, — сказал генерал. — В таком случае, профессор Раби, почему бы вам не попробовать выбрать подходящие места для высадки. Я знаю, что это преждевременно, но давайте предположим, что лучше высаживаться ближе к каналам, чем дальше, и ближе к экватору, где теплее. — Он повернулся к Оппи. — Помните, как нам выкручивали руки, когда шел выбор цели в Японии? По крайней мере, на этот раз нам не придется беспокоиться о том, что Генри Стимсон запретит лучшие варианты.

Оппи принужденно улыбнулся.

— Ну а теперь, — продолжил Гровз, — вернемся

к моему первому вопросу: какие имеются варианты, *кроме* Марса?

— В нашей Солнечной системе? — уточнил Альварес. Он оторвался от стены и теперь расхаживал взад-вперед вдоль западной стены. — Четыре большие планеты — газовые гиганты; выкиньте их из головы. Плутон, вероятно, каменное тело, но его и открыли-то совсем недавно… сколько же?.. лет шестнадцать назад. Мы о нем практически ничего не знаем, кроме того, что там чертовски холодно. Ну, и по прикидкам, он в тридцать раз дальше от Солнца, чем мы.

— А как насчет других лун? — осведомился Гровз, снова опустившись в кресло.

— Есть несколько подходящих по размеру, — сказал Альварес. — Ганимед, спутник Юпитера, и Титан — Сатурна больше Меркурия, но о них тоже очень мало известно, не считая того, что на Титане есть какая-никакая атмосфера.

— Ладно, — снова сказал Гровз и отломил еще кусок шоколадки. — Поскольку о лунах других планет мы не знаем практически ничего, остается согласиться на том, что со старта мы кинемся к Марсу. Я намерен дать фон Брауну и его парням *некоторое* представление о том, насколько далеко находится цель, для достижения которой они

будут работать.

— Марс — ближайший из объектов, которые должны уцелеть, — сказал Раби. — Я голосую за него.

Дайсон кивнул:

— Марс.

— Да, — согласился Альварес. — Конечно, необходимо будет подумать и о других возможностях в Солнечной системе, хотя не исключено, что мы надумаем отправиться и куда-нибудь подальше. Ведь мы можем и не найти поблизости ничего подходящего.

— Подальше? Что вы имеете в виду? Другую звездную систему? — спросил Гровз, нахмурившись.

— Нет, — сказал Оппи. — То есть да, насчет того, как вы выразились, поскольку термин «Солнечная система» относится конкретно к нашей звезде — Солнцу. Но я сомневаюсь в самой идее Луиса. Если мы не найдем в Солнечной системе ничего подходящего для жизни, значит, нам нужно будет *построить* себе новый дом. Гораздо вероятнее, что в ближайшие восемьдесят лет мы не ограничимся постройкой… э-э-э… космических кораблей, а создадим внушительную колонию, свободно плавающую в космосе. Возможно, в

поясе астероидов, где благодаря очень слабому тяготению добыча полезных ископаемых будет нетрудным и дешевым делом. Ведь после фотосферного выброса Солнце успокоится. Если когда-нибудь мы вознамеримся отправиться к другим звездам, то всегда сможем снабдить двигателями наше космическое жилье, но это вопрос будущих веков, если не тысячелетий. На сегодня мы *можем* строить космические объекты в околосолнечном пространстве, мы *можем* запасать практически неисчерпаемую солнечную энергию, мы *можем* вести разработку полезных ископаемых на астероидах. Раби, мне представляется, что вашей группе следует рассматривать оба варианта — и Марс, и искусственный объект, вращающийся вокруг Солнца за пределами опасной зоны. — Оппи сделал паузу. — Поймите меня правильно: если бы кто-то потребовал от нас отправить человека на Луну в течение десяти лет, я бы отказался. А многочисленную группу из мужчин, женщин и детей — на Марс за восемьдесят лет? Или за те же сроки массивное обитаемое космическое сооружение, расположенное на расстоянии, обеспечивающем выживание при взрыве фотосферы? Легко. — Он переводил взгляд с одного лица на другое, собирая кивки в знак

согласия, затем снова повернулся к генералу и одарил его широкой улыбкой.

Гровз с довольным видом поднялся на ноги.

— Джентльмены, — сказал он, — мы с вами только что свершили квантовый скачок в мир Бака Роджерса[54].

Оппи ухмыльнулся. Многие коллеги-физики не приняли бы эту метафору, потому что квантовые скачки бесконечно малы, но, как и большинство придирчивых людей, они упускали суть явления. Квантовый скачок происходит мгновенно, минуя промежуточные этапы, и сейчас, безусловно, все произошло именно так. Имея в своем распоряжении ракеты фон Брауна — и самого фон Брауна! — США внезапно оказались на пути к выходу в открытый космос, в область, которая в противном случае могла бы оставаться неисследованной до двадцать первого, если не до двадцать второго века.

Он вспомнил свою встречу в Овальном кабинете и стеклянную табличку с надписью на ореховой подставке на столе Трумэна и не удер-

---

[54] Примечания: 54

Бак Роджерс — герой научно-фантастических романов, комиксов, кинофильмов и радиопостановок, посвященных освоению космоса, впервые появившийся у Ф. Нолана. Произведения разных жанров, посвященные его приключениям, выходили с 1928 по 2013 г.

жался.

— Да, — сказал он, — я думаю, что путешествие Бака начинается здесь.

* * *

24 января 1946 года, после продолжавшихся несколько месяцев переговоров, Соединенные Штаты, Советский Союз и ряд других стран договорились о создании Комиссии Организации Объединенных Наций по атомной энергии. Это, конечно, обрадовало Оппи, но еще больше он обрадовался, когда Трумэн учредил специальный комитет для подготовки конкретного предложения по международному контролю над атомным оружием — и он был просто в восторге, когда председатель этого комитета Дин Ачесон решил, что при комитете должен быть совет консультантов.

Председателем Комиссии по атомной энергии назначили Дэвида Лилиенталя, а тот немедленно сделал Оппенгеймера одним из пяти консультантов. Его положение в обществе наконец-то изменилось, по крайней мере в этом вопросе: Дж. Роберт Оппенгеймер теперь не был ученым, лишенным моральной ответственности за последствия применений своих открытий; он

непосредственно участвовал в разработке политики, причем на самом высоком уровне.

Действительно, перемены, казалось, были определенно к лучшему. Но, как заметил однажды ночью Оппи, если развод Китти с предыдущим мужем прошел спокойно и без затруднений, даже несмотря на то что она была беременна ребенком Оппи, то распад военного союза между Соединенными Штатами и Советским Союзом оказался совсем не таким. 5 марта Уинстон Черчилль, уже не премьер-министр, а лидер «Верной оппозиции Его Величества», выступил с речью в спортивном зале Вестминстерского колледжа, который, несмотря на название, перекликающееся со знаменитым британским аббатством, находился в Фултоне, штат Миссури; среди его слушателей был президент Трумэн. Черчилль бушевал:

> «Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые факты, дающие представление о нынешнем положении в Европе… Протянувшись через весь континент от Щецина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море, на Европу опустился железный занавес».

Оппенгеймер надеялся на развитие связей с

советскими учеными и был уверен, что знания некоторых из них окажутся полезными для проекта «Арбор». Определенно, ценным было бы мнение Курчатова, главного конкурента Роберта, возглавлявшего во время войны советские исследования в области атомной бомбы. И одному богу известно, кто еще мог бы сказать веское слово; из СССР поступало очень мало научной информации, хотя первосортные мозги там, безусловно, были. Но появление железного занавеса — хлесткое выражение, думал Оппи, — должно было еще сильнее затруднить связь с ними.

Тем не менее он был приятно удивлен тем, насколько гладко прошла первая половина нового года. Вроде бы все, переехавшие из Нью-Мексико в Нью-Джерси, хорошо тут устроились. И за исключением того случая, когда вспылил Эйнштейн, работа «Деревяшек», как назвал их Силард, казалось, шла довольно быстро, не внося существенных возмущений в устоявшееся бытие института.

«Новые имена» Раби сосредоточились на технических проблемах полета на Марс, учитывая при этом тот важный момент, что выработанные принципы должны быть применимы для любых полетов во внешней части солнечной системы.

«Терпеливая власть» Ханса Бете получила целый ряд подтверждений неизбежности взрыва солнечной фотосферы, но никак не могла с достаточной точностью установить, когда же он случится. Дело в том, что расчет времени зависел от цикла солнечных пятен. Циклы эти наблюдают с 1755 года; тот, что начался в том году, получил название «Солнечный цикл 1». Текущий цикл, восемнадцатый по счету, начался в феврале 1944 года.

Каждый цикл начинается (и, соответственно, заканчивается) *солнечным минимумом*, когда на диске светила нет или почти нет пятен. В середине цикла происходит *солнечный максимум*, на протяжении которого появляется множество пятен, а также происходят многочисленные солнечные вспышки, а на Земле часто случаются полярные сияния. Расчеты, производившиеся разными методами, говорили о том, что смертоносный фотосферный взрыв, вероятнее всего, случится в период солнечного максимума 25-го цикла.

Средняя длительность циклов составляла 11,1 года, но она не была ровной. Один из наблюдавшихся циклов, самый короткий, продолжался 9 лет, а самый длинный — 13,6 года. Если исходить

из средней величины, 25-й цикл должен был начаться осенью 2021 года, а солнечный максимум, когда должна случиться катастрофа, придется на весну 2027-го. Однако более точный прогноз можно будет дать лишь через три четверти века, когда начнется 25-й цикл.

Что касается «Скрепляющего цемента», который разместили в четверти мили от Фулд-холла, то, убрав эту группу с глаз долой, руководители проекта, похоже, выбросили ее и из мыслей. Если две другие группы чуть ли не грузовиками заказывали старые выпуски научных журналов, то СЦ предпочитала научную фантастику и штудировала «Амейзинг сториз», «Эстаундинг сториз» и «Стартлинг сториз». При входе в помещение группы чаще всего можно было услышать, как Дик Фейнман выбивает дробь на барабанах, а Лео Силард в любую погоду прогуливался по окрестностям института. Однако Китти каждый вечер уверяла Оппи, что «необузданные», как она выражалась, дискуссии в СЦ проходят вдохновенно и продуктивно.

Однажды, беседуя за обедом с Хансом Бете, Оппи выразил свое удивление тем, как хорошо идут дела. Голубоглазый уроженец Страсбурга покачал головой.

— Оппи, неужели вы сами не заметили? Для большинства из нас Лос-Аламос был лучшим временем за всю жизнь. О, конечно, условия были ужасающими, но мы *жили*. У нас была конкретная цель! Чистая наука; чистая инженерия — и никаких отвлекающих факторов. Никто из нас не признается в этом во всеуслышание, но, когда война закончилась, многие сожалели. Вернуться к преподаванию? Да, безусловно, благородное призвание, но оно не может быть предметом истинной страсти. Вернуться в реальный мир приземленных соседей и толп глупцов, светской болтовни и популярной музыки? Такая пустота! Когда упали бомбы, нас изгнали из рая — и вы даровали нам новое вознесение. Нам следовало бы назвать главный вход в институт Жемчужными вратами, а вас, сэр, величать Святым Петром!

Оппи улыбнулся. Подошел официант и принес блюдо с фруктами, которые подавали здесь ежедневно, невзирая на зиму: яблоками, апельсинами, грушами, бананами. Он, конечно же, пренебрег яблоками, взял апельсин и медленно начал снимать с него кожуру, обнажая кисловатую сочную мякоть.

Глава 33

Ничего не попишешь: из-за твоего непостижимого промаха мы с тобой связаны мутной легендой, которую никогда не опровергнут ни факты, ни объяснения, ни истина.

Хокон Шевалье

— Хок! — приветливо сказал Оппенгеймер. — Очень рад тебя видеть! Барб, ты замечательно выглядишь.

— Спасибо, — ответил Хокон Шевалье, но Оппи услышал в голосе старого друга едва уловимую резкую нотку. Оппенгеймер уже восемь месяцев жил в ИПИ, но сейчас Роберт на некоторое время приехал в Беркли, чтобы посовещаться с Эрнестом Лоуренсом. Китти увязалась с ним, оставив Питера и Тони в Принстоне под присмотром Пэт Шерр. Оппенгеймеры решили оставить за собой свой старый дом на Игл-хилл на случай таких визитов и сегодня устроили там вечеринку, на которую пригласили друзей, оставшихся в этих местах.

Барб обняла Оппи, чмокнула в щеку, и они

с Китти направились в гостиную. Шевалье попросили прийти за час до начала приема, чтобы можно было немного побыть наедине, но, как обычно, они опоздали.

— Готов поспорить, — сказал Оппи, — что ты с сорок третьего года не пил мартини, который мог бы сравниться с тем, какой готовлю я. Дай-ка я тебе смешаю. — Он направился в кухню; Хок последовал за ним. Как только за ними закрылась дверь, он прикоснулся к предплечью Роберта.

— Опьи, помилуй бог, ФБР вцепилось в меня мертвой хваткой. Они терзали меня шесть часов без перерыва!

У Роберта сжалось сердце, и он живо вспомнил разговор в этой самой комнате три с половиной года назад. Он сам, Хок, шейкер и все прочее. Быстро приложив палец к губам, он подал Хокону знак следовать за ним. Они прошли по коридору виллы, выстроенной в испанском стиле, и вышли через заднюю дверь. Тут Оппи вспомнил и другой разговор, и собственные слова: «Но я ни в коей мере *не* приветствую попытки передавать информацию через черный ход». Они прошли через сад — Китти платила, чтобы за ним ухаживали, когда они находятся в отъезде — и оказались в редкой роще, где земля была усыпана ивовыми и

дубовыми листьями.

— Извини, — сказал Оппи. Конечно, он не мог рассказать Шевалье о проекте «Арбор», но нисколько не сомневался в том, что его засекреченная деятельность, несмотря на все усилия, привлекала к себе внимание. — Подозреваю, что мой дом прослушивается.

— Русские? — спросил Хокон, широко раскрыв глаза.

— Гувер.

— Ну, ФБР, определенно чем-то обеспокоено. Я как раз начал говорить, что они привезли меня к себе в контору. А пока я там находился, агенты то и дело звонили кому-то. Но недавно я случайно встретился с Джорджем Элтентоном — ты его знаешь, инженер-химик из «Шелл девелопмент», — и будь я проклят, если его не допрашивали в ФБР в тот же день, что и меня, и агенты, которые им занимались, все время отвечали на телефонные звонки. Мы с ним пришли к выводу, что они во время допросов проверяли, насколько совпадают мой и его рассказы.

Оппи оглянулся на тщательно ухоженный садик:

— Они совпадали?

— Да, конечно.

— И, — у него все же оставались крохи надежды, — о чем же ты рассказывал?

— Да, знаешь, кое-что о связанном с тобой. Вряд ли ты за всеми своими делами в Нью-Мексико об этом помнишь, но…

— Но давай попробуем.

— Ну… прямо перед тем, как ты уехал из Беркли туда, я… я побывал *здесь*. — Он обернулся и указал выцветшую на солнце виллу. — Ты пригласил нас попрощаться. Тогда я и спросил тебя, знаком ли ты с Элтентоном, и в некотором роде… передал его предложение… вернее, просто идею, мысль… что, может быть, ты сочтешь полезным и порядочным поделиться какими-то сведениями с русскими.

Оппи закрыл глаза и кивнул:

— Да, я помню это.

— Естественно, я не собирался рассказывать о своем разговоре с Элтентоном, но агенты настаивали, и в конце концов я рассказал им и об этом.

У Оппенгеймера снова екнуло сердце.

— Понятно.

— А потом они назвали *твое* имя, и, видишь ли, я вынужден был сознаться в том, что ознакомил тебя… э-э… с тем, о чем только что говорил: с идеей, которую выдвинул Элтентон.

— Ты сообщил об этом ФБР?

— Да. Прости, я сожалею, если…

Оппи глубоко вздохнул. Высоко над головами порхали птицы.

— Нет, нет. Ты, безусловно, сделал все правильно.

— Хорошо. Но они этим не удовлетворились. Они пытали меня много часов. Делали из каждой мухи слона, да еще и не одного.

Роберт нахмурился:

— Видишь ли, мне пришлось рассказать о том разговоре, который у нас с тобой тогда состоялся в кухне. Точнее говоря, о предложениях Элтентона. И тебя вполне могли счесть соучастником.

— Я всего лишь проинформировал тебя, — невинным тоном заметил Хок.

— Совершенно верно. Ну и я, конечно, не стал называть твоего имени.

Хокон склонил голову, как будто взвешивал эти слова:

— Все равно забавно. Они настаивали на том, что я обращался к троим…

— Роберт! — позвала Китти, выйдя в садик. Оппи оглянулся на нее и поморщился. — Дорогой, — крикнула она, — подходят остальные гости. Лучше бы тебе вернуться!

— Одну минуточку, — отозвался он и снова повернулся к Шевалье.

— Так вот, они упорно настаивали на том, что я обращался не к одному, а к *троим* ученым.

Оппи сглотнул:

— Неужели?

— Меня уверяли, что все трое дали показания.

Эти слова ошеломили Роберта.

— Ты видел эти показания?

— Нет.

— Ах.

— Ты сказал, что не называл моего имени, — настороженно произнес Хок.

— Да, да… — протянул Оппи. — Несколько месяцев я не упоминал о тебе, но…

— Но что?

— В конце концов мой бывший начальник, генерал Гровз — ты должен был слышать это имя в новостях, — прямо приказал мне сказать ему, кто именно обращался ко мне с этим предложением, и…

— Роберт! Иисусе! А ты не подумал о том, что стоило бы сообщить мне об этом?

— Всю почту, которую отправляли с Горы — из лаборатории и которая приходила туда, просматривала цензура. Я просто не мог даже намекнуть

на что-то существенное.

— Я писал *тебе*, — сказал Хокон, — и сообщал, что не могу получить работу из-за какой-то дряни, связанной с секретностью. Ты получил *это* письмо?

— Получил, — просто ответил Оппи.

— У меня просто не было никакой нормальной работы вплоть до Нюрнбергского процесса, да и туда меня взяли только потому, что остро нуждались в хороших переводчиках.

— Кстати, там, наверное, было очень интересно. Я хотел расспросить тебя…

— И, черт вас всех возьми, уже теперь, когда я вернулся, Беркли отказывает мне в должности.

— Я…

– *Роберт!* — снова позвала Китти. — Послушай, тебе действительно пора вернуться! Все гости уже собрались.

— Я скоро приду! — отозвался Оппи, чувствуя в собственном голосе непривычную резкость.

— Послушай, это же невежливо…

— Ради бога! Ты, сука драная, неужели не слышала, что я скоро приду?! Занимайся своими делами и не суйся куда не следует!

Потрясение на лице Китти было видно даже издалека. К счастью, она закрыла за собой дверь,

прежде чем позвать мужа, и его грубости никто из гостей не слышал. Оппи повернулся к Шевалье, но Хокон, внезапно покраснев, лишь покачал головой и направился к дому.

Оппенгеймер стоял в одиночестве среди деревьев, идеально вертикальные стволы которых могли бы послужить живым монументом добродетели. Он похлопал себя по карманам в поисках трубки, рассчитывая перекурить и успокоиться, но оказалось, что он оставил ее в доме.

Глава 34

История науки богата примерами плодотворности сближения двух методологических подходов, двух идейных воззрений, разработанных в разных контекстах для поиска новой истины.

Дж. Роберт Оппенгеймер

Где бы Оппи ни находился, он то и дело ловил себя на мыслях о Джин. Однако здесь, в Беркли, где его буквально захлестывали воспоминания о былом, он еще чаще вспоминал о потерянной любви. Ее отцу, литературоведу, специалисту по творчеству Чосера, сравнялось семьдесят лет, и в конце минувшего учебного года он вышел на пенсию, так что, слава богу, шансов наткнуться на него в кампусе Калифорнийского университета было меньше, чем во время предыдущих поездок. Оппи не общался с ним два с половиной года, с тех пор как Джин покончила с собой, и у него не было желания разговаривать с ним сейчас. По словам Мэри-Эллен, бывшей квартирной хозяйки Роберта, Джон Стронг Перри Татлок, после того как проник в квартиру своей дочери

через окно и обнаружил ее мертвой в ванной, нашел и сжег большую часть ее переписки. Имелись ли там письма от Оппи или упоминания об Оппи в чужих письмах — «ты же знаешь, что он женат; работа всегда будет для него на первом месте; Джин, ради бога — он же еврей!» — он предпочитал не знать.

Он делал для нее все, что было в его силах, и все же она умерла — он не был на похоронах, и ее могилу ему только предстояло посетить, а прежде узнать, где она находится. Следовательно, *de facto* получалось, что *всего* недостаточно, ЧТД[55].

Проект «Арбор» в ее честь.

Проект «Арбор», цель которого — спасти тех, кого возможно.

Но ведь любое решение, которое им удастся найти, — если оно вообще существует, — ни на йоту, ни на атом не изменит для нее ничего.

Оппи расхаживал по дому на Игл-хилл, погружаясь в клубы дыма из собственной трубки каждый раз, когда разворачивался в конце главного коридора. Он знал, что ему следовало извиниться перед Китти за вспышку гнева. Но когда гости разошлись, Китти поднялась наверх

---

[55] Примечания: 55
Что и требовалось доказать.

и сейчас лежала на кровати, утешаясь выпивкой; алкоголь помогал ей лучше, чем мог бы помочь Роберт.

Слова Хокона встревожили и расстроили его. Ведь, черт возьми, война закончилась. И, значит, все это — «дело Шевалье», так сказать, — должно быть похоронено вместе с остальными мертвецами! Неужели разыгрывается какая-нибудь увертюра? Но кому сейчас может быть дело до всего этого?

Оппи уже сделал необходимый телефонный звонок и договорился о встрече. Не безумием ли было выбрать для нее то же место, где его уже неоднократно видели? Нет, нет. На самом деле это был гениальный ход. Пусть они решат, что это паломничество, что печальный опустошенный мужчина счел необходимым посидеть там, где сиживал когда-то, и послушать отзвуки много лет назад умолкнувшего смеха. Бесспорно, лучше было встретиться за мостом, за заливом, в Сан-Франциско, да? Ни его дом, ни…

Да, да, это имело смысл. И уже пора было идти.

– *Китти!* — крикнул он, стоя у подножия лестницы. — *Я вернусь!*

Она что-то ответила, но он не разобрал слов. Слишком тихо, слишком невнятно.

Он вздохнул. Пальто в августе не требовалось, и он просто вышел из парадной двери, сел в машину и быстро, по своему обыкновению, поехал в сторону моста. Ведь все это в конце концов ни более ни менее как физика. Ускорение, векторы, трение. А осторожничают пусть языковеды.

Кафе «Сочимилко», расположенное по адресу: Бродвей, 787, оставалось точно таким же, каким он запомнил его по совместным с Джин визитам сюда, в том числе в их последнюю встречу, даже — да, да, это он! — бармен с пышными коричневыми усами был тот же самый. В это время суток народу в заведении было мало, и даже та самая кабинка, в которой он решил расположиться, оказалась свободной: та самая, где они с Джин сидели в последний вечер, выпивали и флиртовали перед тем, как поехать к ней домой.

Желтые стены, красные скатерти, кожаные сиденья, местами подремонтированные широкой тесьмой, свободная середина, где позднее будут танцевать посетители. Он вдохнул запах чеснока, тмина, корицы, перца чили и заказал текилы у подплывшей к нему официантки-чикано, похожей на мальчика даже в мексиканском наряде с широкой пестрой юбкой.

Оппи ждал, думая о Джин, о той ночи, о пред-

шествовавших ночах, о ее смехе, ее голосе, о ее неизмеримо глубокой печали, о том, как ему удавалось успокоить ее, и о том, как ему это не удавалось.

Каждый раз, когда открывалась дверь, он вскидывал голову. Кто-то просил разрешения воспользоваться уборной. Парень притащил перец на кухню. Проститутка кинула на Оппи вопросительный взгляд, на который он отрицательно покачал головой; тогда она села на табурет у стойки и принялась болтать с барменом в ожидании лучшего развития событий.

И тогда-то наконец появился человек, которого он ожидал.

Оппи знал, что ему сорок один год. Высокий, худощавый, со скошенным подбородком, тяжелой нижней губой, длинным носом, большими ушами и светлыми волосами, в которых начала пробиваться седина. Прошло — сколько же? — пять лет с тех пор, как он в прошлый раз видел его на организационном собрании профсоюза ФАИХТ, проходившем в Уан-Игл-хилле, и Оппи вынужден был признать, что годы обошлись с этим человеком милостивее, чем с ним самим. Он встал и приглашающе помахал рукой.

Вошедший приблизился широкими быстрыми

шагами.

— Привет, Роберт, — сказал он несколько напыщенным тоном, с отрывистым манчестерским произношением.

— Привет, — ответил Роберт и пожал протянутую ладонь обеими руками; тонкие, как у скелета, пальцы обхватили нормальные. — Очень рад, что вы пришли. — Он опустился на свое место, и Джордж Элтентон, инженер-химик, работавший в «Шелл девелопмент», сел напротив.

— Хокон Шевалье сказал мне, что ему отказали в контракте, — заявил Элтентон без всяких предисловий.

— Я знаю, — ответил Оппи. — Я знаю, и это ужасно. Я постараюсь замолвить за него словечко президенту Спроулу, но… — Он чуть заметно пожал плечами. — Поскольку я давно не работаю в Беркли, мое мнение не так уж много здесь стоит.

— Вам известно, что нас буквально терзали. Правительственные агенты.

— Да. Об этом я тоже сожалею. — Официантка подошла и приняла у Элтентона заказ: бутылку кока-колы. Оппи дождался, пока она отойдет, и сказал: — Вам пришлось столкнуться с теми же… — он не хотел преувеличивать значение

событий, но подобрать слова было очень трудно, — последствиями?

— Вы имеете в виду: кроме преследования со стороны треклятого Федерального бюро расследований?

— Да, — сказал Оппи, кивком признавая, что это немаловажно. — Кроме.

Элтентон оторвал одну ладонь от стола:

— Нет. Моя работа более чем устраивает «Шелл». Кроме того, у них есть отделения по всему миру, и в отличие от бедняги Хока я не американец. Я только что подал заявление о переводе обратно в Англию. Ане, моей дочери, уже тринадцать, и, думаю, мы сможем отдать ее в Уэльскую балетную школу Садлера.

Аня… Он даже не старался скрыть своей симпатии ко всему русскому.

— Замечательно, — сказал Оппи. Заказ Элтентона прибыл, и официантка снова скрылась. — Рад, что вы твердо стоите на ногах.

— В отличие от Хокона. — Собеседник постарался вложить в голос побольше горечи.

— Да, — ответил Оппи.

— Как бы там ни было, — сказал Элтентон, — я здесь. О чем вы хотели со мною поговорить?

Оппи огляделся, чтобы убедиться, что никто не

может подслушать их разговор:

— Когда Хокон, по вашей просьбе, обратился ко мне, он предположил, что вы имеете выход на советское посольство.

— Что это значит? Оппенгеймер, вы затеяли провокацию? Тут где-то спрятан микрофон?

— Нет! Помилуй бог, нет. Вы можете… — Он осекся, сообразив, что слова: «Вы можете доверять мне» прозвучали бы весьма неубедительно.

— В таком случае что же? — спросил Элтентон. «Кока» шипела перед ним в открытой бутылке.

Оппи набрал в грудь воздуха:

— Я хотел бы установить связь с Советами.

Теперь уже Элтентон закрутил головой, проверяя, не подошел ли кто-нибудь слишком близко.

— Послушайте, война ведь закончилась. Я, конечно, считаю все эти международные отношения чушью собачьей, но теперь уже никто не может считать русских и американцев союзниками.

— Но вы знали — или знали кого-то, кто знал, как получать материалы русских физиков.

— Если и знал, то что?

— У вас сохранились какие-нибудь связи?

— Зачем? Вы хотите *сейчас* передать русским атомную бомбу?

— Нет, нет. Да и не мне это решать.

— Тогда в чем дело?

— Мне нужно… проконсультироваться с их лучшими физиками. Побеседовать с Игорем Курчатовым.

— Я вроде бы не слышал этого имени.

— Оно должно быть известно вашим знакомым.

Элтентон молча смотрел на него.

— Прошу вас, — сказал Оппи. — Это вопрос жизни, а *не* смерти. Вы можете устроить это?

В конце концов Элтентон поднял бутылку и отпил глоток из горлышка.

— Это будет непросто.

— Я не стал бы обращаться со столь обременительной просьбой, если бы дело не было связано с огромным количеством судеб — в том числе и жителей Советского Союза.

Отвисшая нижняя губа выпятилась еще дальше, выдавая напряженное раздумье. Так собеседник Оппенгеймера даже внешне стал похожим на русского.

— Ладно, — сказал он после паузы. — Я подумаю, что можно сделать.

Глава 35

Хокон, Хокон, поверь, я говорю совершенно серьезно, у меня есть реальные основания так считать; я не могу рассказать тебе, но уверяю тебя, у меня есть веские причины изменить свое мнение о России. Они не такие, какими ты их считаешь. Откажись, отбрось свою слепую веру в политику СССР.

Дж. Роберт Оппенгеймер

— Джулиус Роберт Оппенгеймер, как приятно наконец-то с вами познакомиться!

Прежде чем пожать протянутую руку, Оппи огляделся по сторонам. Он знал, что русские любят употреблять, обращаясь к человеку, все три его имени; человек, с которым он сейчас здоровался, уже представился как Степан Захарович Апресян.

Они находились на просторной лужайке среди рощи, и, хотя в этот августовский день в парке было полно народу, поблизости никого не оказалось.

— Вообще-то, — сказал Оппи, когда рукопо-

жатие закончилось, — буква «Дж» ничего не значит.

— А-а… — протянул Апресян таким тоном, будто речь шла о важном секрете. — Вот оно как! Понятно.

Оппи не сомневался в том, что у Апресяна, выглядевшего даже моложе своих тридцати двух лет, энергичного, представительного мужчины с глубоко посаженными глазами и полными губами, сына армянского священника, родившегося в России, имеется полное досье на него, точно так же как у Оппи имелась собранная Гровзом по его просьбе объемистая подборка сведений об Игоре Курчатове, который в русской программе по созданию атомной бомбы выполнял такую же роль, что и Оппенгеймер в США.

— Мы давно уже следим за вашими достижениями, — сказал Апресян, окидывая собеседника взглядом с головы до ног, как будто перед ним было мифическое животное, которое он наконец-то увидел в природных условиях. — Извините за прямоту, вы выглядите очень худым. У вас все в порядке со здоровьем?

Оппи пожал плечами — и определенно почувствовал при этом движении, насколько его плечи костлявы и что он действительно похож телосло-

жением на огородное пугало. Вес, потерянный за время войны, так и не возвращался.

— Я в полном порядке, — ответил он и втайне порадовался тому, что за этими словами не последовал приступ кашля. Горло у него постоянно болело, а сейчас, когда он находился в обществе вице-консула советского консульства в Сан-Франциско, оно сделалось сухим, как пески в Хорнада-дель-Муэрто.

Солнечным днем они неторопливо прогуливались по парку «Золотые Ворота», направляясь на запад, к океану. Наверняка за ними следили агенты ФБР и НКГБ, или как теперь называлась эта организация, но парк тянулся на три мили, и воздух звенел от веселого гомона детей и раздраженных голосов одергивавших их родителей. Как и этих ребятишек, думал Оппи, их с Апресяном все видят, но не слышат.

Они подошли к Калифорнийской академии наук, находившейся в парке с 1916 года. Теперь она занимала три здания: Зал североамериканских птиц и млекопитающих, Аквариум Стейнхарда и Африканский зал Симсона. Природа во всем своем великолепии, окруженная, опять же, природой.

Академия занималась исключительно тем,

что принято называть *естественными* науками, а это старомодные занятия джентльменов — наблюдение за звездами и прогнозирование погоды, изучение растений и животных, коллекционирование камней и окаменелостей. Физика не входила в этот круг, следовательно, думал Оппи, его область деятельности это *неестественная* наука. Извращенная. Не соответствующая общепринятым стандартам правильного и неправильного.

И эта — *эта* — встреча была неестественной; во всяком случае, многие из тех, с кем ему приходилось иметь дело, сочли бы ее таковой. Роберт Оппенгеймер, чье имя начинается с ничего не значащей «Дж», который отверг предложение, сделанное Хоконом Шевалье от имени Джорджа Элтентона, который разорвал свои связи с организациями коммунистического фронта, который советовал своим бывшим студентам сделать то же самое, прогуливается — черт возьми, *прогуливается* — с советским чиновником, должность которого, как всем известно, служит просто маской для шпионской работы.

— Ваш английский безупречен, — сказал Оппи.

Апресян слегка наклонил голову.

— В языках я о-го-го, — ответил он, и Оппи улыбнулся демонстративному использованию просторечия, достойному его собственного лексикона. — Я говорю на тринадцати. Русский, английский, турецкий, арабский…

Оппи мог *читать* на девяти языках, а вот говорить — на значительно меньшем их количестве.

— Голландский? — осведомился он, выбрав из доступных ему языков тот, который вряд ли будет знаком желающему подслушать.

– *Ja inderdaad*[56], — ответил Апресян.

— Отлично, — сказал Оппи тоже по-голландски. — В таком случае будем говорить на нем.

Апресян кивнул, соглашаясь:

— Очень приятно, что вы решили выбраться. Вы давно уже не участвовали в партийной работе.

Даже беседуя на редком голландском языке, Оппи счел необходимым возразить:

— Я никогда не состоял в Коммунистической партии.

— Да? Ни вы, ни профессор Шевалье, да и многие другие, включая, например, профессора Гордона Гриффитса? Разве вы не состояли в Ком-

---

[56] Примечания: 56
Да, конечно (*нид.*).

мунистическом клубе Беркли до тех пор, пока США не вступили в войну?

– *Je vergist je*, — сказал Оппи. — Вы ошибаетесь.

— Ну, конечно, конечно, — согласился Апресян тем же понимающим тоном, который и по-голландски звучал у него точно так же, как и по-английски. — Вероятно, у меня ошибочная информация.

Они прошли еще несколько десятков ярдов по дорожке, вспугивая спокойно гулявших там птичек. Оппи, как обычно, был в шляпе, но чувствовал тепло послеполуденного солнца тыльной стороной ладони.

— И все же, — сказал вице-консул, — принадлежность к партии *имеет* свои преимущества. Для вас эти преимущества могут быть *особыми*, например включение вас в Академию наук СССР. Если обращение «товарищ Оппенгеймер» не устраивает вас, то, может быть, «академик Оппенгеймер» прозвучит лучше?

Сердце Оппи тревожно заколотилось.

— Я не думаю о бегстве.

— Пожалуй, «эмиграция» — слово более нейтральное. И, конечно, как вы сами часто говорили, мир станет безопаснее, если атомные секреты будут распределены равномернее. На сегодня

Америка не только стала единственной обладательницей бомбы, но и доказала, что готова применить ее. Но ведь должна быть система сдержек и противовесов. От повторного применения бомбы ее обладателя удержит лишь угроза возмездия. А ведь повторения ужасов прошлого никто не хочет, не так ли?

Думая о России, Оппи представлял себе балет, выверенную хореографию, исполнителей, в точности достигающих поставленных перед ними целей. А этот изворотливый русский, определенно, знал, как попасть в *свою* цель. Дорожка повернула, и перед ними открылась одна из главных достопримечательностей парка «Золотые Ворота»: Восточный чайный сад, или, как его называли до войны, Японский чайный сад. Созданный для Всемирной выставки 1894 года сад превратился из временного экспоната в неотъемлемую часть парка. Долгие годы за ним ухаживал японец-садовод Макото Хагивара, поселившийся здесь со своей семьей. Макото-сан умер в 1925 году, но дело продолжила его дочь Такано. Китти, которая часто бывала здесь, когда они жили в Беркли, восхищалась результатами трудов Такано — до тех пор, пока садовницу вместе с детьми не отправили в 1942 году в один

из лагерей для интернированных, созданных генералом Гровзом.

Оппи не бывал в Японии. Боб Сербер и Фил Моррисон съездили туда вскоре после разрушения Хиросимы, после уничтожения Нагасаки, чтобы собрать всю возможную информацию о последствиях применения нового оружия, а вот Оппи остался дома. Он не посмел своими глазами посмотреть на результаты своих трудов, ну а здесь перед ним внезапно восстали призраки: пятиярусная пагода, тщательно ухоженный сад камней, деревья бонсай, буддийские и синтоистские скульптуры. Фонтаны и маленькие водопады дразнили его смешливым журчанием.

«Бедные, бедные люди».

— Мы можем много предложить вам, — сказал Апресян. — Прекрасный дом в Москве. Лучшие лаборатории. Лучшее оборудование. Неограниченное финансирование. И работу рядом с Курчатовым.

— Меня больше не интересует изготовление бомб, — сказал Оппи. — И даже вопрос их контроля меня не очень занимает. Я хотел бы поговорить с Курчатовым и другими — теми, о ком я могу даже не слышать, но он-то хорошо знает, — с вашими лучшими физиками, особенно

в области… — он сделал паузу, чтобы дать возможность отойти подальше юноше и девушке, которые брели, держась за руки: технические термины по-голландски и по-английски звучали почти одинаково, — *de fysica van fusie.* — Физики синтеза.

— Ага, значит, Америка все же разрабатывает водородную бомбу, — сказал Апресян таким ровным и спокойным тоном, каким впору обсуждать разве что погоду.

— Этого я не говорил. Вы ведь изучали мое прошлое и не можете не знать, что до войны я работал в области физики звезд — изучал реакцию синтеза, питающую звезды энергией, и думал о судьбах звезд после окончания их жизни. Есть проблемы… в этом столь далеком от нас мире… и в их решении нам — мне! — нужна помощь.

Они перешли через Драм-бридж, выгнувшийся полукругом деревянный мостик с редкими перекладинами вместо ступенек, и направились дальше среди зелени, усыпанной алыми и бледно-розовыми цветами. Восседающий рядом с тропой безмятежный Будда не пожелал открыть глаза, чтобы взглянуть на них.

— Могу предположить, — сказал Апресян, — что усилия профессора Курчатова, естественно, будут

сосредоточены в нынешней сфере деятельности, пока не будет устранен нынешний дисбаланс сил. Уверен, что если бы вы оказали ему содействие в этих трудах, то Академия наук приветствовала бы его обращение к высокой теории. — Оппенгеймер ничего не сказал на это, и через некоторое время русский продолжил: — И раз уж я упомянул дисбаланс сил: после бегства Гамова Запад должен нам первоклассного физика.

Георгий Гамов, участвовавший в работе последней из Сольвеевских конференций, состоявшейся в 1933 году, отказался вернуться в Советский Союз. Через год он оказался в числе преподавателей Университета Джорджа Вашингтона. Именно он уговорил переехать в США Эдварда Теллера, жившего тогда в Лондоне. От участия в Манхэттенском проекте Гамов отказался. В последнее время он обратился к астрофизике и космологии; Оппи рассчитывал привлечь его к работе в группе «Терпеливая власть» проекта «Арбор».

— Я всего лишь хочу установить связь, — сказал Оппи. — Коммуникационный канал между людьми, занимающимися… определенными проблемами здесь, в США, и их коллегами из России, которые могут иметь ценные мысли по этим самым вопросам. И чтобы это была дорога с

двухсторонним движением.

Они уже вышли из Восточного сада и миновали Кроссовер-драйв.

— Мы и раньше устраивали в консульстве приемы, на которых присутствовали приезжавшие в вашу страну советские ученые, — сказал Апресян. — Уверяю вас, что профессор Курчатов вполне доволен своей жизнью в России, но вы, конечно, должны понимать, что после прискорбной потери Гамова мы не можем позволять нашим лучшим умам разгуливать у ворот базы Пресидио.

По дороге прокатился, подскакивая, полосатый мяч размером со школьный глобус; за ним бежали трое мальчиков. Оппи разжег трубку и молча курил. Они шли дальше на запад. Сначала запахло навозом из вольера, где паслись бизоны, а потом воздух наполнился соленым морским ароматом и над головами закружились чайки.

Они дошли до границы парка и, как решил Оппи, исчерпали тему разговора. Справа возвышалась пришедшая в упадок Голландская ветряная мельница, которую давно уже перестали использовать для орошения парка, а впереди лежала дорога, отделявшая парк от песчаного океанского пляжа. А за полосой песка протянулась

до самого горизонта, где лазурь вод сливалась с лазурью небес, равнина Великого, Тихого океана — земного Моря спокойствия.

Оппи собрался было сострить по поводу того, что они, вероятно, единственные, кто сегодня проходил мимо этой мельницы и говорил по-голландски, когда Степан Захарович Апресян указал на точку невдалеке от берега:

— Видите лодку? Вон ту, красную?

Оппи наклонил голову, чтобы поля шляпы лучше прикрывали глаза от солнца.

– *Ja.*

— Это скоростной катер с командой. А в международных водах стоит советский траулер «Крылов». Вам нужно лишь спуститься по пляжу, сесть в катер и…

Оппи немного подождал продолжения и, когда его не последовало, сказал:

— У меня жена.

— Которая время от времени сбегает от вас, — отозвался вице-консул. — Жена, на которой вы, извините за прямоту, вовсе не хотели жениться. Но, если захотите, мы без труда доставим и ее.

— И двое детей.

— Да, в том числе дочь, которую вы хотели отдать в приемную семью.

Оппи широко раскрыл глаза, а Апресян дружелюбно пожал плечами:

— Мы всего лишь искали определенную информацию, но вы ведь знаете поговорку: в широкую сеть попадает много рыбы. — Он указал на океан. — У этой лодки есть якорь, а вот есть ли он у вас? Нью-Йорк, Кембридж, Геттинген, Лейден, Беркли, Лос-Аламос, Принстон. — Он повернулся к Оппи. — *Jij bent niet het type dat een band vormt*.

Эти слова можно было бы дословно перевести: «Вы не из тех, кто завязывает отношения», но…

У него екнуло сердце.

А можно было бы и так: «Вы не из тех людей, которые привязываются».

Ох, Роберт, Роберт, Роберт…

— Вас ожидает новая жизнь, — сказал Апресян. — С богатством, с наградами.

Если только… подумал Оппи. Что-то совершенно новое, место, где никому, по крайней мере, больше не будет дела до того, что случилось с Хоконом Шевалье. Вдали от призрака Джин, от шлака «Тринити».

Но он не мог уехать. Была работа, которую нужно было сделать. Был мир, который нужно было спасти.

— Простите, — сказал Оппи и сам услышал в

своем голосе отчетливое сожаление. — Я не могу. Но умоляю вас: позвольте Курчатову связаться со мною; дайте нам побеседовать. — Он снова перешел на английский. — Всего хорошего, мистер вице-консул. — Роберт повернулся и пошел обратно в парк «Золотые Ворота».

За спиной он услышал полузаглушенные звуками уличного движения и негромким прибоем слова Апресяна, сказавшего по-русски: «До свидания, товарищ», но не стал оборачиваться.

Глава 36
1947

Среди документов, не включенных в перечень, досье на ученого-ракетчика Вернера фон Брауна. Его так и не передали в НУАД.

Национальное управление архивов и документации США

У Дика Фейнмана опять начался старый зуд.

Он старался унять его, листая доставленный в институт июньский номер «Бюллетеня ученых-атомщиков». В этом номере название журнала лишилось географической привязки «Чикаго». Еще интереснее оказалось то, что на обложке были изображены некие «часы Судного дня» — стилизованное черно-белое изображение циферблата, вернее, его верхней левой четверти, на ровном оранжево-огненном фоне. Часы показывали без семи минут полночь, а врезка сообщала от имени редколлегии, что это приблизительное время, отделяющее человечество от ядерного Армагеддона, и что журнал намерен передвигать минутную стрелку вперед или назад

в зависимости от складывающихся условий.

Дик положил журнал на стол. Было уже поздно, и библиотека опустела; да черт возьми, весь Фулд-холл уже почти опустел. Можно было пойти в свою гостевую квартирку, но…

Но…

Этот треклятый зуд.

О, здесь, в Институте перспективных исследований, было отнюдь не так паршиво, как в Лос-Аламосе. Здесь не было ни военной полиции, ни колючей проволоки, ни подписок о неразглашении.

Но все равно двери здесь запирались.

И на сейфах были номерные замки.

И работу следовало держать в секрете.

Дику не нравилось, что человечество не ставят в известность о надвигающейся катастрофе, но он согласился подчиниться воле большинства. Но ведь были и другие вещи, которые держали в секрете не для того, чтобы избежать паники или защитить американские интересы, а просто потому, что для некоторых самонадеянных типов секретность сделалась навязчивой идеей. Что ж, таких людей действительно нужно время от времени дергать за носы.

В Лос-Аламосе Дик вполне неплохо ладил с

другим Диком, генералом Лесли Р. Гровзом, но вполне понимал и неприязнь к этому человеку Лео Силарда, которую тот и не думал скрывать. Гровза можно было сравнить с цеппелином, но вместо водорода или гелия он был надут чванством и фанфаронством.

Генерал захватил под свой кабинет комнату на втором этаже Фулд-холла под номером 212, рядом с кабинетом Гёделя и точно над секретарем фон Неймана, но пребывал по большей части в Вашингтоне. Сегодня его тоже не было на месте, и Фейнман с наслаждением предвкушал, как вскроет замок в генеральской двери. ИПИ строился без учета возможной секретности работ, и Дик обнаружил, что замок в нужной двери просто удручающе легко открыть; он справится с этим за несколько секунд.

Но это было далеко не все. У Гровза в кабинете стоял сейф размером с холодильник; он, вероятно, предпочел бы встроенный, чтобы комми, которые, как он подозревал, скрывались за каждым углом, его не утащили. Таких устройств Фейнман никогда раньше не видел, с латунным номеронабирателем, расположенным посередине бордовой дверцы. А вот это было достойно трудов!

Естественно, Дик прежде всего заглянул в те места, где люди обычно записывают цифровые комбинации, и попробовал несколько чисел, связанных с биографией Гровза — дату рождения, несколько юбилеев и телефонных номеров. Безуспешно — ну и ладно. Дик погладил подушечки больших пальцев кончиками всех остальных пальцев по очереди. Вскрыть сейф можно, тщательно прислушиваясь к тому, что происходит в замке, но для того, чтобы полагаться в этом деле только на слух, требуется очень большой опыт. Фейнман не был знаком с этой моделью и не знал, сколько язычков запирает замок, но обычно в сейфовых замках их делали три. Он посмотрел на часы — половина удовольствия состоит в том, чтобы проследить, сколько времени потребуется, — и взялся за дело. Сначала он просто крутил наборный диск с разной скоростью, привыкая к пощелкиванию и пытаясь уловить чуть заметные изменения сопротивления при переходе через различные цифры. В конце концов решив, что почувствовал механизм, повернул диск на полный оборот, чтобы сбросить все выставленные значения и начать с чистого листа.

Дверь сейфа открылась через двадцать три минуты и восемнадцать секунд: очень даже при-

личное время. Первоначально он хотел лишь подложить Гровзу подарок: какую-нибудь мелочь, которая заставила бы генерала удивиться, когда он в следующий раз откроет свою сокровищницу. Фейнман собирал пятидесятицентовики с идущей Свободой, выпущенные начиная с 1918-го, своего года рождения, и использовал их вместо визитных карточек (вряд ли кто-то рассердится, внезапно получив полдоллара, верно?). Вот и сейчас он выудил один из кармана своих бежевых брюк, но, пока поднимал руку, чтобы положить монету на верхнюю папку, его взгляд зацепился за ее название. На торце папки крупными печатными буквами было написано: «Проект “Облачность”»[57].

Фейнман любил беседы с Джонни фон Нейманом и, приезжая сюда, старался как можно чаще беседовать с ним. Он знал о его плане использовать свой вычислитель для точного прогнозирования погоды на месяцы или даже годы вперед. Дик сомневался, что это когда-нибудь станет возможным. В Лос-Аламосе его собственная работа была по большей части посвящена газодиффузионному методу отделения изотопа

---

[57] Примечания: 57
Project Overcast.

урана-235 от урана-238; этому процессу мешало пьяное метание частиц, обычно именуемое броуновским движением. Он подозревал, что подобное случайное перемещение всегда будет сбивать с толку метеорологов в их попытках предсказывать погоду, наподобие римских гаруспиков, по внутренностям перистых облаков. Тем не менее название заинтриговало его (он всегда считал себя не только любознательным, но и любопытным, и не стеснялся второго качества) и поэтому, не колеблясь, вынул склеенную из крафт-бумаги папку. Она была толстой; он чуть не рассыпал ее содержимое.

Фейнман решил, что лучше будет не тащить бумаги в библиотеку, а пролистать их здесь. Гровз был толстым, но неопрятностью отнюдь не страдал, содержал стол в идеальном порядке, и на нем было полно места, чтобы разложить бумаги. Дик опустился в мягкое кресло, которое, как он подумал, должно было обрадоваться меньшему весу сидящего, и приступил к чтению.

Он читал.

И читал.

Несмотря на название, «Проект “Облачность”» не имел ни малейшего отношения к метеорологии. Первый же документ в папке имел

гриф «Секретно», двухлетний возраст — 6 июля 1945 г. — и назывался «Использование немецких специалистов в области науки и техники в Соединенных Штатах». В нем были сформулированы разбитые по отдельным параграфам «принципы и процедуры», которым должна была следовать «Облачность»:

> Не допускается ввоз в Соединенные Штаты людей, которые признаны военными преступниками или подозреваются в качестве таковых. Если впоследствии станет известно, что какие-либо специалисты, доставленные в эту страну, внесены в список предполагаемых военных преступников, их необходимо вернуть в Европу для судебного разбирательства.

Вторая фраза была подчеркнута синими чернилами и теми же чернилами на полях было написано: «ВФБ».

ВФБ. Сначала Дик подумал, что это как-то связано с футболом.

Но тут же сообразил, что это инициалы Вернера фон Брауна.

Он принялся поспешно листать остальные документы. Как это сплошь и рядом бывало,

приступая к решению проблемы, он не имел точного представления, что именно ищет, но не сомневался в том, что, когда найдет нужное, сразу поймет, что это именно оно.

И он нашел то, что нужно, невзирая на то, что оно было изложено в обычном косноязычном военном стиле. Заместитель директора «ОУПРД» сообщал: «негативные отчеты УВА мешают “ГД” утвердить иммиграцию ключевых активов “ОС”». Дику пришлось покопаться в других документах, но все же он выяснил значение всех этих аббревиатур. «ОУПРД» оказалось Объединенным управлением планирования разведывательной деятельности, собравшим более тысячи досье на нацистских врачей, ученых, инженеров и техников, которые могли быть полезны американским военным. «ОС» — операция «Скрепка» — новое название того, что первоначально называлось операцией «Облачность», очевидно, потому, что досье нацистов, которых разыскивали американские военные, были помечены скрепкой. «УВА» — Управление военной администрации Соединенных Штатов — руководящий орган США в оккупированной американцами части Германии. А «ГД», как в конце концов дошло до Дика, был Государственным департаментом США.

В заключении говорилось: «В настоящее время считаем нецелесообразным представлять какие-либо из прилагаемых досье в Государственный департамент и Министерство юстиции».

Вероятно, к документу прилагалось несколько досье, но сюда, в ИПИ, Гровз привез только одно из них. В сопроводительной записке к досье говорилось: «УВА указывает, что он рассматривается как потенциальная угроза безопасности Соединенных Штатов и его будут разыскивать для судебного разбирательства по делу о денацификации ввиду его членства в партии». А само досье принадлежало герру доктору профессору Вернеру фон Брауну.

Дик полагал, что фон Брауна считали военным преступником просто потому, что он был отцом ракеты «Фау-2», взрывы которой унесли жизни 2700 мирных жителей в Лондоне и ранили еще 6500; исходя из этих условий, его самого (как заметил Лео Силард) признали бы военным преступником, если бы японцы победили в войне.

Но, просматривая документы о фон Брауне, Фейнман почувствовал, что у него заныло под ложечкой. Переписывать относящиеся к делу страницы было бы слишком долго, да и бумагой он не запасся, и поэтому он перечитывал их снова

и снова, запоминая каждое слово.

Когда он наконец покинул офис Гровза, то не оставил ни пятидесятицентовой монеты, ни какого-либо другого признака того, что побывал там. Уже в четвертом часу ночи он вышел из Фулд-холла и направился по предутреннему холодку в гостевые апартаменты. Луны не было, лишь купол, усеянный звездами, висел над головой; Дик прикинул, что их должно быть не менее шести миллионов.

Глава 37

Моя цель – звезды.

Вернер фон Браун

Но ему случалось попадать и по Лондону.

Морт Сал

— Знаете, как в Вашингтоне называют меня и моих сотрудников?

Вернер фон Браун говорил с жутким акцентом. Они с Оппенгеймером шли по проселочной дороге под знойным техасским солнцем. Собеседник не стал ждать догадок Оппи.

— Интеллектуальная репарация! — провозгласил фон Браун и зашелся хохотом. — Мне нравится. — Тусклое солнце жарило сквозь отливавшую блеском чешуи сардины серебристую дымку, которой было затянуто безоблачное небо. — Это лучше, чем название, которое мы сами для себя придумали: «Пленники мира». — Он обвел взглядом пустынный пейзаж. — Кстати, о названиях. Форт-Блисс — это же эвфемизм какой-то, верно? Этой базе больше подошло бы название Форт-обоссанный. — Они говорили в основном

по-немецки, но несколько последних реплик фон Браун произнес на английском языке.

— Вообще-то, — сказал Оппи, подождав, пока осядет пыль из-под колес проехавшего навстречу джипа, — базу назвали в честь Уильяма Блисса, зятя американского президента. — Оппи крайне мало интересовался военным делом, но история Блисса случайно попалась ему на глаза. В детстве тот подавал большие надежды в области математики, а взрослым не только заслужил множество наград на военном поприще, но и стал профессором математики.

— Ха! — громыхнул фон Браун. — Новый мир, старый мир — разницы нет. Везде процветает непотизм!

— О, в данном случае разница есть, и большая, — возразил Оппи.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился фон Браун. — Для европейцев сотня миль — это большое расстояние, а для американцев сто лет — долгое время.

Долгое время. Да, участие европейцев в этом проекте было полезным. Они могли привнести столь необходимое понятие срочности, которое Оппи с трудом прививал американским ученым. Сто лет действительно могли пролететь

очень быстро, а восемьдесят с лишним лет — еще быстрее.

Оппи знал, что на ходу смешно выбрасывает ноги; Вернер фон Браун, напротив, шествовал чуть ли не как на плацу. Многочисленные солдаты базы, постоянно крутившиеся вокруг, несомненно, должны были потешаться, глядя на эту пару: один косолапый, другой марширует гусиным шагом. Вернер фамильярно обнял Оппи за узкие плечи.

— Мы с вами скроены из одной материи. Если бы не эта дурацкая война, мы с вами подружились бы намного раньше.

Эти слова немало изумили Оппи. Фон Браун, не уступавший ему в росте, был на добрую сотню фунтов массивнее и на восемь лет моложе. По политическим воззрениям они находились на противоположных концах спектра, и, помимо всего прочего, до тех пор, как фон Браун год назад здесь, в Техасе, не объявил официально о возвращении в лоно христианской церкви, у него никак не могло быть друзей с фамилиями вроде Оппенгеймер.

— Что вы имеете в виду?

Вернер развел руками, как будто говорил о чем-то очевидном.

— Мы оба — те самые мозги, которые дают опо-

ру огромным техническим проектам. Над нами стояли малограмотные военные надсмотрщики: у вас Гровз, у меня Дорнбергер. Мы с вами получили всеобщее признание за работы, выполненные в военное время. И оба имеем более широкую цель, науку… — Фон Браун умолк, тональность последней фразы свидетельствовала о том, что она закончена, но что-то в его голосе свидетельствовало о том, что он хотел было добавить что-то еще, но передумал. Оппи подозревал, что ракетчик успел прикусить себе язык, прежде чем с него сорвались слова *über alles*.

Оппи не обратил внимания на типичную немецкую браваду; он привык к ней, пока жил и учился в Геттингене. Он также не мог никому из тех, кто лично не начинал эту войну, ставить в вину то, что они оказались на проигравшей стороне. Он жалел о том, что провалилась его затея с военной формой для сотрудников Лос-Аламоса; сам он с гордостью носил бы мундир. Но между зеленой формой армии США и черной формой нацистской СС была огромная разница; к тому же он видел фотографии *Schutzstaffel Sturmbannführer* фон Брауна, откровенно красовавшегося в этом фетишистском наряде.

— До моего сведения дошло, что имелись

некоторые… — Оппи сделал паузу, подыскивая подходящее слово, — скажем, странности, в отношении производственного комплекса «Фау-2» в «Доре».

— В «Миттельверке», — поправил его фон Браун. Название «Миттельверк» — «средний завод», — которым предприятие было обязано местонахождению в центральной части в Германии, было безобидным и бессодержательным, одной из тех банальностей, которыми гордился бы государственный служащий в любой бюрократической структуре любой страны. Стенограммы Нюрнбергского процесса о военных преступлениях, касающиеся «Доры», внезапно засекретили; очевидно, американское правительство не хотело привлекать внимание общественности к биографиям 115 немецких ученых-ракетчиков, которые сейчас находились здесь, в Форт-Блиссе. Но благодаря выдающейся памяти Дика Фейнмана Оппи получил исчерпывающую информацию из просмотренной тем секретной папки о том, что происходило в протянувшихся на 7,5 мили сырых и вонючих подземных туннелях, в которых и располагался тайный завод. Даже Альберт Шпеер назвал эти условия варварскими. В общей сложности там трудились 60 000 заключенных,

треть из которых умерла, работая буквально до смерти. Эта статистика была ошеломляющей: при создании ракет фон Брауна «Фау-2» погибло больше людей, чем эти ракеты убили, выступая в качестве оружия.

В декабре 1941 года Гитлер поклялся уничтожить всех евреев в пределах досягаемости Германии, поэтому в канун нового, 1943 года к тому времени, когда на «Миттельверке» была выпущена первая серия «Фау-2», в концентрационном лагере «Дора», удовлетворявшем ненасытный аппетит «Миттельверке» на рабский труд, евреев почти не осталось. Оппи никогда не ощущал тесной связи с европейским еврейством, а вот Лео Силард и И. А. Раби ее имели. Силард услышал об ужасных условиях пребывания заключенных в «Доре» от Фейнмана и вместе с Раби сообщил об этих ужасах Оппенгеймеру. К чести Силарда и Раби, их возмущение нисколько не утихло, когда они узнали, что рабами фон Брауна были в основном военнопленные-христиане из Польши, Франции, Бельгии и Италии. «Нам не пристало иметь какие-либо дела с этим человеком», — сказал Силард, а Раби отметил, что «даже на войне существуют правила приличия».

Это было правдой — а вот отличие, на которое

сейчас указывал фон Браун, было непринципиальным. Лагерь «Дора» и комплекс «Миттельверк» были взаимосвязаны, и нельзя было посещать один из объектов и не знать о другом. Фон Браун утверждал, что сам лишь изредка бывал на подземном заводе, что он, как и Оппи, был своего рода администратором гигантского промышленного предприятия. Однажды, в 1943 году, Оппи вспылил и швырнул своему помощнику лист бумаги с криком: «Заберите свою чертову организационную схему!» — но ведь он *знал*, откуда взялся каждый из 8200 сотрудников, работавших под его руководством в Лос-Аламосе и чем они там занимались; эффективно управлять такой организацией, *не* зная ее устройства до последней тонкости, просто невозможно. Он все это знал, и, значит, фон Браун тоже должен был знать.

— Ладно, — сказал Оппи. — Пусть будет «Миттельверк», если вам так больше нравится. — Во рту у него было горько. — Но рабский труд в подземельях? Ужасные условия труда и жизни? Избиения и казни заключенных?

Оппенгеймеру нравились люди, которые не торопились с ответом, он считал паузы в разговоре признаком обдуманности речи. А вот фон Браун не давал себе труда задумываться и не подбирал

слова перед тем, как высказаться.

— Оппи, и у вас, и у меня была одна задача: выиграть войну. Так уж получилось, что никто из нас с нею не справился. Вы не успели сделать бомбу против нас, а мои ракеты не смогли сломить союзников. И, пожалуй, без жертв не обходилось. Вы говорите о том, что на «Миттельверке» были погибшие. А я напомню вам о десятках тысяч жертв в Хиросиме и Нагасаки.

— Да, но… — начал было Оппи, сделав именно то, что осуждал в других: заговорил, не продумав реплику до конца. Он пытался найти различие — принципиальное различие — между тем, что случилось при его содействии, и тем, что сделал этот плотный, уверенный в себе немец. Но на ум ему пришли те самые слова, которые то и дело всплывали в мыслях после того августа двухлетней давности. «Бедные, бедные люди». Он закрыл рот, и дальше они шли в молчании.

Молчание, однако, было не по душе шумливому инженеру. Когда они приблизились к гарнизонному магазину, здоровяк добродушно хлопнул Оппи по спине, отчего тот чуть не упал.

— Но сейчас-то, Оппи, все грехи отпущены, верно? Пойдемте-ка выпьем. Я угощаю!

* * *

Сорок седьмой год подходил к концу. Первые дети, появившиеся в предсказанном Китти всплеске рождаемости, уже начинали ходить; первые плоды дал и проект «Арбор». Группе «Новые имена» очевидную пользу принесли не только «Фау-2», собранные из доставленных частей; захватывающие перспективы в разработке герметичных жилищ для долговременного обитания открылись при изучении немецких подводных лодок, особенно типа XXI, и новаторских *Elektroboot* — первых подводных лодок, предназначенных для пребывания в подводном положении, а не только для сравнительно кратковременных погружений. Согласно условиям капитуляции, все подводные лодки, находившиеся в немецких водах, отплыли на британскую базу подводных лодок в Хариджe. Фримен Дайсон, всегда с удовольствием ездивший в Англию, провел там несколько недель и вернулся в Принстон с докладами о полезных технологиях, которые можно было бы применить для строительства космических кораблей. Оппи понравилась историческая связь: Харидж считался едва ли не самым вероятным местом отправления «Мэй-

флауэра», доставившего отцов-пилигримов на материк, который они считали новым миром. А теперь секреты, раскрытые в этом порту, помогут перевезти беженцев в действительно новый мир.

Однако он все никак не мог отойти после встречи с фон Брауном, состоявшейся три месяца назад. Большая часть сведений об этом человеке все еще была засекречена, но существовала и общедоступная информация. Фон Браун происходил из юнкерского рода, прусской земельной аристократии, известного тем, что из него вышло немало высокопоставленных государственных служащих и военных. Однако узколобость не была неотъемлемым свойством этого сословия. Кроме того, Оппи доводилось встречать немало интеллектуалов такого склада: лишенных эмпатии и резко сосредоточенных на узкой области интересов. И все же явная черствость этого человека раздражала.

25 ноября Оппи выступил в Массачусетском технологическом институте на тему «Физика в современном мире». Как и в большинстве случаев, он набросал основные тезисы на бумажке, но по большей части импровизировал. Ежегодная лекция памяти Артура Д. Литтла была важным

событием, но Оппи не сомневался, что правильные слова найдутся сами. И по большей части так и получилось. Он посетовал на временно утраченную из-за войны возможность чисто научных исследований, но восторженно отозвался о произошедшем с тех пор повороте: «Восстановление — восстановление, свидетельствующее о необычайной жизнеспособности и энергичности в этой области человеческой деятельности, представляло собой захватывающее и вдохновляющее зрелище. Сегодня, спустя всего два года после окончания военных действий, физика переживает настоящий бум». Слушатели — студенты, ученые и высшее общество Кембриджа — явно были на его стороне, и он был рад подогреть их энтузиазм по поводу нового ренессанса в своей отрасли знаний.

Но…

Но на самом деле время для чистой науки так и не наступило, но этой аудитории и тем более широкой публике вовсе незачем было знать об этом. Теперь к физикам предъявлялись другие требования, и, несмотря на все расстояние между ними, фон Браун получил в 1934 году степень доктора философии по физике, и его диссертация была посвящена его личной одержимости:

Konstruktive, theoretische und experimentelle Beiträge zu dem Problem der Flüssigkeitsrakete — «Конструктивный, теоретический и экспериментальный вклад в проблему ракеты на жидком топливе». Нацисты сразу же засекретили работу, но теперь, когда ее наконец можно было свободно прочитать, фон Брауну не терпелось распространить ее в научном мире, и он вручил экземпляр Оппенгеймеру, когда тот посетил Форт-Блисс. Оппи, естественно, должным образом передал брошюру в группу «Новые имена».

И поскольку все участники проекта «Арбор», включая фон Брауна, пусть он и находился вдали от основной группы, в Техасе, приступили к своим исследованиям, Оппи решил, что им необходимо задуматься и над моральными вопросами.

Он обвел взглядом слушателей, собравшихся в институтской аудитории. Лампы в зале были выключены, но свет со сцены отражался в темноте от очков, там светились круглые диски, сотни полных лун на черном небе. И он позволил прозвучать словам:

— Несмотря на дальновидность и мудрость людей, возглавлявших наши государства в военное время, физики чувствовали особую личную

ответственность за предложение, поддержку и в конечном счете в значительной степени за реальное создание атомного оружия.

В зале зашевелились, донесся чей-то удивленный шепот. Действительно, эта фраза вовсе не следовала из сказанного ранее. Но эти слова должен был услышать фон Браун, даже если его и не было в этом зале, их должен был услышать *мир*. Оппенгеймер продолжал; слова произносились в тот же миг, когда они проявлялись в его сознании.

— В каком-то приземленном смысле, — сказал он, глядя вдаль, — не…

Он сделал паузу, подбирая слово.

— …не вульгаризируя…

Он тряхнул головой и сделал еще одну попытку:

— …без шуток…

Все взгляды прикованы к нему. Речь получит широкое освещение в прессе, МТИ должен стенографировать ее для архива. Он позаботится о том, чтобы один экземпляр достался фон Брауну.

— …отнюдь не будет преувеличением сказать…

Он понимал, что снова говорит больше, чем следовало, но ничего не мог с собой поделать;

слова были продуктом цепной реакции, одно отталкивалось от другого и высвобождало новое, и все должно было идти своим чередом:

— …что физики познали грех. — Он глубоко вздохнул, выдержал паузу. «*Все грехи отпущены, ах ты, сука!*»

Пути назад нет, нельзя вновь обрести утраченный райский сад, нельзя восстановить невинность, в каком смысле ни толкуй это слово.

— И это знание, — сказал он решительно, — мы не должны утратить.

В зале воцарилось молчание, но Оппи слышал собственный пульс, аплодисментами гремевший в ушах.

Глава 38
1948

На глаза мне попадались люди, строившие мост или чинившие мостовую, и я думал: с ума они, что ли, посходили, или просто ничего не понимают, ну ничего? Зачем теперь строить что бы то ни было? Бессмыслица[58].

Ричард Фейнман

Выступление Дика Фейнмана на конференции в поконо обернулось катастрофой. Возвращаясь оттуда в Итаку, он за три часа не проронил ни слова. Когда машина оказывалась в зонах устойчивого приема радиоволн, в приемнике играли Чарли Паркер и Диззи Гиллеспи; Ханс Бете то дремал на пассажирском сиденье, то рассматривал весенние сельские пейзажи Пенсильвании и северной части штата Нью-Йорк. Дик высадил Ханса возле его дома, а сам, не заезжая домой, направился прямиком в свой любимый бар, расположенный в трех кварталах от кампуса

---

[58] Примечания: 58
Пер. С. Б. Ильина.

Корнелльского университета. Это был субботний вечер; что-то должно было происходить.

> «Я обожаю тебя, милая. Я знаю, что тебе очень нравится слышать эти слова, но пишу их не только потому, что тебе это нравится, – я пишу их потому, что у меня на душе становится теплее оттого, что я пишу это тебе».

— Ты весь вечер меня не замечаешь, — сказала блондинка в обтягивающем серебристом платье, взгромоздившись на высокий табурет рядом с ним.

Фейнман пригубил пиво.

— Нет, не весь, — ответил он, глядя куда-то вдаль. — Ты пришла в девять сорок четыре.

— Так ты меня заметил?!

Время уже перевалило за полночь.

— И с тех пор ты сидела с пятью парнями.

— Только четырьмя! — возразила она, но все же принялась подсчитывать в уме, вращая при этом голубыми глазами. — Э, нет, ты прав. Пять. Но не с тобой, — добавила она с полуулыбкой.

— Каждый из них поставил тебе выпить, — сказал он. — Я не собираюсь.

Она крутнулась на табурете и повернулась

лицом к нему.

— Почему?

Он указал на вентилятор под потолком. К нему были приделаны три лампы, убранные в плафоны в форме тюльпанов; из каждого падал вниз конический луч, отчетливо видный в дымном воздухе.

— Знаешь, — сказал он так, будто продолжал давно начатый разговор, — ты могла бы возразить, что свет трудолюбивее всех и вся во вселенной. И правда, нет ничего быстрее — почти семьсот миллионов миль в час. Но на самом деле он очень ленив. Он выбирает для движения самый простой из возможных путей. Это называется принципом наименьших усилий. Я тоже сторонник этого принципа, и поэтому ты не получишь от меня бесплатно ничего, кроме урока физики.

Она разглядывала его, сморщив нос:

— Ты изучаешь физику?

Случалось, что Фейнмана принимали за студента — ему еще оставалась неделя до тридцати, а он еще и выглядел моложе своих лет, — и он частенько не исправлял этой ошибки. Закадрить старшекурсницу было гораздо легче, если она принимала его за студента и не знала, что имеет

дело с преподавателем. Но после унизительного провала на конференции в Поконо он испытывал непреодолимое желание утвердить свой статус.

— Нет, я *преподаю* физику.

Она скривила насмешливую гримасу и принялась рассматривать его еще пристальнее, вероятно, пытаясь отыскать морщины.

— Пусть будет так.

> «Я очень давно не писал тебе – почти два года, но я знаю, ты извинишь меня, потому что понимаешь, что я упрямец и реалист; я думал, что писать не было смысла».

— Теперь-то можно сознаться, — сказал Дик, впервые посмотрев прямо в лицо блондинки, — я работал над атомной бомбой.

— Ну, теперь я точно вижу, что ты прикалываешься. Бомбу делал Ханс Бете, а у тебя вовсе не немецкий акцент, а нью-йоркский, да и молод ты слишком.

Фейнман почувствовал, что его губы против воли искривились в печальной усмешке. Да, здесь, в Итаке, Бете был знаменитостью; все знали, что прежде он возглавлял технический отдел в Лос-Аламосе. Но Дик привык воспринимать Ханса и

прочих, присутствовавших на конференции в Поконо, включая Бора, Дирака, Оппенгеймера, Раби, Теллера и бывшего своего научного руководителя Джона Арчибальда Уилера, как коллег, как сотоварищей по работе — как равных. Но в Поконо Эдвард Теллер набросился на него почти сразу же, как только Дик взялся за объяснение своего нового метода построения диаграмм взаимодействий частиц в рамках квантовой электродинамики.

«А как же принцип исключения?» — резко спросил Теллер.

Дик покачал головой. «Это не имеет…»

«Откуда вы знаете?» — рычал венгр.

«Я знаю. Я работал…»

«Ха! — перебил его Теллер. — Этого не может быть!»

Дик пытался продолжать, пытался объяснить *простоту, ясность* своего нового метода, но собравшиеся гении просто не воспринимали его слов. Он повернул голову и еще раз посмотрел на сидевшую рядом с ним девушку. Внешность ее можно было бы охарактеризовать словами «между милашкой и красавицей», возраст двадцать — двадцать один год, и в ней угадывались, пожалуй, голландские корни. Он не спрашивал ее имени и, конечно же, не собирался называть

свое, так как неизбежно услышал бы, что его фамилия ей неизвестна, и поэтому решил мысленно назвать ее Хайди.

> «Но теперь, моя дорогая жена, я знаю, что пришла пора сделать то, что я так долго откладывал и что так часто делал в прошлом. Я хочу сказать тебе, что люблю тебя. Я хочу любить тебя. Я всегда буду любить тебя».

— Ты знаешь, кто такой Пауль Дирак? — спросил Дик и после ожидаемого отрицательного покачивания хорошенькой головки продолжил: — Он получил Нобелевскую премию по физике. У него множество достижений, и, в частности, он предложил концепцию антиматерии.

— Неужели? — отозвалась Хайди. — Я больше за нормальную материю. — Она подмигнула. — Все же лучше, чем ничего.

А ведь она не глупа! Фейнман рассмеялся. Девушка восприняла его смех как знак одобрения, еще немного повернулась на стуле, и ее правое колено, прикрытое серебристой тканью, прикоснулась к его левому колену в джинсах.

— Антиматерия ничем не отличается от обычной, — сказал Дик, — кроме знака заряда.

На стойке лежала стопка белых бумажных салфеток; можно было подумать, что это место *предназначено* для занятий физикой.

Дик схватил одну и достал из нагрудного кармана видавшую виды авторучку. В левом нижнем углу салфетки он нарисовал строчную букву «е», фиолетовые чернила растеклись, заполнив петельку. Справа от верхнего края буквы он начертил минус

— Это электрон, он отрицательный, видишь? — В правом нижнем углу он изобразил еще одну букву «е», но поставил знак плюс. — А вот это его брат-близнец с точно такой же массой, но противоположным зарядом. Это антиэлектрон, или, если будет угодно, позитрон.

От каждой буквы он провел диагональные линии, которые пересеклись в центре салфетки.

— Столкнулись! — воскликнула Хайди. — Противоположности притягиваются.

Совершенно верно, подумал он, снова взглянув на нее.

> «Когда ты болела, то переживала из-за того, что не могла дать мне то, чего я хотел и в чем, по твоему мнению, я нуждался. Тебе не стоило беспокоиться. Еще

тогда я сказал тебе, в этом не было реальной необходимости, потому что я просто очень сильно любил тебя. И теперь это стало еще очевиднее – ты ничего не можешь мне дать, но я так люблю тебя, что не в силах полюбить кого-нибудь еще, – но я хочу, чтобы ты была со мною. Ты, мертвая, намного лучше, чем кто-либо из тех, кто жив».

— Но я упустил пару моментов, — сказал Дик, придвинул салфетку к себе и начал делать на ней еще какие-то пометки. — У графика должны быть оси. Вот на этой, идущей вверх, на оси Y обозначается время, а на этой поперек — пространство. — Она кивнула, но ее взгляд уже двинулся по бару, вероятно, в поисках более перспективного собеседника. — О, и, конечно, нужно указать направления движения. — Он приделал маленькую стрелочку, указывающую вверх, на диагональ, идущую от электрона, и еще одну, направленную вниз на линии, соединенной с позитроном. — Видишь, что я сделал?

Она скосила глаза на салфетку и покачала головой.

— Давай-ка договоримся, — предложил он. —

Ты посмотришь, что тут интересного, а я все же поставлю тебе выпивку.

Он грубо нарушил правило, которое в 1946 году объяснил ему один бармен из Альбукерке. Никогда ничего не давай, ничего не покупай девушке, с которой хочешь переспать. Если все норовят ее чем-то подкупить, то, увидев парня, который ничего *не* предлагает, она буквально одуреет. Но в этот раз Дик решил, что ставка будет верной, и…

— Погоди, погоди, — сказала Хайди. — Ты ведь сказал, что время идет снизу вверх, так?

У него екнуло сердце.

— Так.

— И значит, электрон движется вперед во времени и направо — в пространстве.

— Совершенно верно.

— Но у тебя есть еще и антиэлектрон… как ты его назвал?

— Позитрон.

— Он едет по бумажке налево и *вниз*. И со всеми твоими стрелками получается, что он во времени движется *обратно*. Такого же быть не может.

Пусть Фейнман не удосужился узнать имя девушки, но с барменом он был уже давно знаком.

— Майк.

Напротив, за стойкой появилась долговязая

фигура.

— Еще одну?

— Да, мне еще пива, а леди — что она пожелает.

— Мартини, пожалуйста, — сказала Хайди.

> «Могу держать пари: ты удивляешься тому, что у меня, даже спустя два года, все еще нет девушки (кроме тебя, милая). Но ты ничего не можешь с этим поделать, дорогая, и я тоже не могу – сам этого не понимаю, потому что я встречал много девушек, и очень милых, и оставаться в одиночестве я не хочу, но после двух или трех встреч все симпатии остывают. У меня осталась только ты. Ты настоящая».

Мартини. И, значит, нельзя было не вспомнить Оппенгеймера, непревзойденного мастера по их смешиванию, а от него мысли неизбежно вернулись к унижению, пережитому в Поконо.

— Именно это я нарисовал на доске во время конференции, с которой только что вернулся, — сказал Дик. — Позитрон, возвращающийся в прошлое. И Дирак — мистер Антиматерия, собственной персоной! — вскакивает с места и говорит точно то же самое, что сейчас сказала ты:

«Этого не может быть». На что я отвечаю: нет, все правильно — позитрон это не что иное, как электрон, движущийся назад во времени. И, конечно же, он ссылается на причинно-следственную связь: что нельзя допустить того, чтобы следствие произошло раньше, чем его причина, а я спрашиваю: кто так говорит? А он кричит: «Где здесь унитарность?» И я, черт возьми, не знаю, что это значит. Очевидно, британцы используют этот термин чаще, чем мы; оказывается, это означает, что все вероятности, сложенные вместе, равны единице. Но я этого не знал, поэтому просто сказал: «Я вам это объясню, чтобы вы могли увидеть, как это работает. А потом уже *вы* сможете сказать *мне*, есть тут унитарность или нет». — Дик хлебнул пива, оставшегося на донышке, и благодарно кивнул бармену, который принес новый стакан и мартини для Хайди. — В общем, полное фиаско.

— Но все равно чудесная идея, — отозвалась Хайди после первого глотка. — Что ты изменил бы, будь у тебя возможность вернуться обратно во времени?

> «Моя возлюбленная жена, я обожаю тебя. Я люблю мою жену. Моя жена мертва».

Что он изменил бы? Ну… во-первых, он лучше подготовил бы вводную часть своего доклада на этой конференции о новом методе диаграммного отображения! И…

И… Он не стал бы клеиться к жене профессора Смита, тем более когда гостил у них в доме.

И в прошлом году не допустил бы, чтоб те две девчонки — официантка и студентка — забеременели.

И, конечно, отказался бы работать над атомной бомбой.

Но все равно он женился бы на Арлин, женился бы, даже зная, что она умирает от туберкулеза. Их брак был самым счастливым и, если честно, самым печальным временем его жизни, но оно стоило того.

> «P. S.: Прошу простить за то, что не посылаю тебе это письмо, но я не знаю твоего нового адреса».

Допив мартини, юная леди протянула ему руку и представилась:

— Сьюзен.

Неотправленное письмо, написанное полтора года назад, он подписал «Рич», но это сокращенное имя он берег исключительно для своей

возлюбленной Арлин, для своей куколки, для своей жены.

— Дик, — сказал он и пожал руку Сьюзен.

— Знаешь, Дик, уже поздно. Проводишь меня домой?

Нет, время не могло повернуться назад, и изменить того, что всегда и неизбежно случалось, было невозможно. Он встал, предложил ей руку, и они, немного пьяные, вышли на улицу, где висело над головами черное небо, и он знал, что повторяет то же самое, что делал уже много раз после ухода Арлин: пытается заполнить алчную пустоту.

* * *

Работа по проекту «Арбор» продолжалась быстрыми темпами до конца 1948 года; различные группы продолжали отведенные им направления исследований. Оппи не изменил своему любимому «прогулочному» стилю руководства, но, расхаживая по городку, редко заглядывал в «Скрепляющий цемент»; Фейнман, Гедель и Силард занимались тем, что у них получалось лучше всего: придумывали дикие идеи — «маялись дурью», как называл их занятия Лео. Одной из причин столь малого внимания было опасение

подорвать авторитет Китти, возглавлявшей эту группу, а второй — то, что они размещались в отдельном здании, далеко от Фулд-холла.

Ну а Лео Силард по-прежнему любил размышлять во время прогулок, и Роберт довольно часто встречался с ним, когда направлялся из Олден-Мэнора в свой служебный кабинет.

– *Guten Tag*! — провозглашал Лео за пару шагов. Он предпочитал говорить по-немецки с теми, кто владел этим языком.

— Как поживаете? — отвечал Оппи на том же языке.

— Отлично, отлично. Слышали новость? Блэкетт получил Нобелевскую премию.

У Оппи на мгновение оборвалось сердце.

– *Патрик* Блэкетт?

— Да, — сказал Силард. — За исследования космических лучей камерой Вильсона. Я вообще-то ожидал, что наградят Юкаву за предсказание пи-мезона, но, наверное, после войны прошло еще слишком мало времени, и даже нейтральные шведы не сочли возможным награждать японца, и…

Лео говорил что-то еще, но Оппи уже не слышал его.

Патрик Блэкетт.

Его куратор в Кавендишской лаборатории в 1925 году.

Тот самый человек, которого он пытался убить отравленным яблоком.

Нобелевский лауреат этого года.

— Роберт? — повысил голос Силард и дернул Оппи за рукав пиджака. — Что случилось? У вас такой вид, будто вам явился призрак.

— Нет, — сказал Оппи, — не призрак. — Он моргнул несколько раз и добавил: — Я рад за него.

— Кого? — удивился Лео. Судя по всему, за то время, пока Оппи был погружен в свои мысли, он перескочил на какую-то другую тему, и поэтому Роберту пришлось вслух произнести то имя, которое он не упоминал два десятка лет:

— За Блэкетта.

— Ах да! — воскликнул Лео. — Может быть, и всем нам когда-нибудь так же повезет, да, Роберт?

Оппи посмотрел сверху вниз на носки своих ботинок, развернутых направо и налево, как стрелки часов на десять и два.

— Ему выпал шанс.

— Ну-ну, Оппи, — с явной растерянностью пробормотал Лео. — В конце концов, вы не так давно

были на обложке «Тайм»! Славы хватит на всех.

Распрощавшись с вежливым *auf Wiedersehen,* Оппи направился прочь, но мыслями он пребывал за несколько тысяч миль и много лет в прошлом отсюда.

Глава 39
1949

[Оппенгеймер] определенно не любил дураков – а ведь дураков полным-полно. Он мог быть очень резким, и особенно сильно эта резкость проявлялась, когда ему приходилось иметь дело с занимающими высокое положение людьми, которых он считал дураками.

Ханс Бете

После того, как посмотрел на вспышку атомного взрыва, — думал Оппи, — *ожидаешь, что фотовспышки уже не будут раздражать.* Но они раздражали; каждый маленький взрыв резал глаза и оставлял в них светящиеся пятна, стойкие, как ощущение вины.

Роберт вошел во внушительный, с мраморными стенами, с шестью коринфскими колоннами вдоль длинных сторон зал заседаний, расположенный на втором этаже административного здания сената, чувствуя себя живым и важным. Он улыбался или пожимал руки целой фаланге репортеров, многие из которых ранее писали о

нем подобострастные статьи.

В глубине комнаты стояли шесть длинных столов из красного дерева, образующих три стороны квадрата. За средним столом сидели пятеро членов Комиссии по атомной энергии, упорядоченные, как с удивлением заметил Оппи, слева направо по возрастающей степени облысения и справа налево по росту в сидячем положении. Крайним справа сидел Льюис Стросс, и это тоже позабавило его.

Мировая линия[59] Оппи часто пересекалась с линией пятидесятитрехлетнего Стросса. Тот не только входил в КАЭ, но и являлся одним из попечителей Института перспективных исследований. В ноябре 1945 года Трумэн присвоил ему звание контр-адмирала запаса Военно-морского флота (поскольку война закончилась, это звание можно было рассматривать лишь как почетную награду), и вскоре после этого Стросс поддержал предложение Эйнштейна о назначении Оппенгеймера на пост директора ИПИ. Возможно, он рассчитывал, что Оппи в мирное время будет

---

[59] Примечания: 59

В физике мировая линия объекта (упрощенного до точки в пространстве, например, частица или наблюдатель) — это последовательность пространственно-временных событий, соответствующая истории объекта.

послушно выполнять указания адмирала, как во время войны он выполнял приказы генерала. Но Роберт вот уже два с половиной года решительно отвергал вмешательство Стросса — отчасти потому, что тот не был посвящен в проект «Арбор», но еще и потому, что напыщенный, много мнивший о себе бизнесмен изрядно раздражал Оппи.

Даже его имя раздражало Оппи. Предки адмирала, вероятно, имели германское происхождение и носили фамилию Штраус; за время пребывания в Геттингене Роберт встречал многих Штраусов, но адмирал родился в Чарльстоне, и его южный выговор исключал из фамилии любой намек на тевтонское происхождение, оставляя кукурузную кашу с черникой. Оппи вздрагивал каждый раз, когда слышал, как он произносит свое имя.

Оппи знал, что в юности Стросс хотел стать физиком, но сразу после окончания школы отец пристроил его торговать обувью. Однако в Первую мировую войну Льюису удалось выбиться в адъютанты будущего президента Герберта Гувера, а после войны он с помощью Гувера получил работу в нью-йоркской фирме, занимавшейся банковскими инвестициями. Никогда не упускавший выгодных возможностей Стросс женился на дочери одного из партнеров и

в год Великого краха — того самого, который поначалу прошел для Оппи незамеченным, — сам стал партнером фирмы, зарабатывая более миллиона долларов в год. Он глубоко вонзил когти в бизнес и правительство и чувствовал себя как дома, равно и на Уолл-стрит, и в Западном крыле Белого дома.

Но по-настоящему Роберта разозлили попытки южанина играть в игру, о которой он не имел ни малейшего представления — руководить физикой. Льюис Стросс единственным во всей Комиссии по атомной энергии выступал против экспорта радиоизотопов, производимых в американских реакторах, дружественным державам для использования в медицине и промышленности. Оппи считал, что, по мнению Стросса, атеистическая нация, такая как Россия, по определению не может быть нравственной и любые изотопы, вышедшие из-под контроля США, неизбежно в конечном итоге окажутся в советских лапах.

Конечно, США не экспортировали уран-235 или плутоний, но почему бы не продавать изотопы, скажем, железа, такие как железо-59? Для того, чтобы не поставлять их союзникам, не было просто никакой разумной причины. И все же Стросс

подключил к своей борьбе против экспорта прессу, которая обрела сейчас страшную силу, а также сенатора-республиканца от Айовы Бурка Хикенлупера, выглядевшего типичным бухгалтером из голливудского кинофильма.

Хикенлупер в недавнем прошлом возглавлял Объединенный комитет по атомной энергии, орган, курировавший КАЭ, и сильно завидовал Джо Маккарти, сенатору от соседнего штата Висконсин, который привлекал к своим слушаниям острое внимание прессы. Адмирал науськал Хика — так его называли избиратели, — и тот обвинил остальных членов КАЭ в «невероятной бесхозяйственности» за то, что они позволили отправить за границу около двух тысяч партий изотопов. В ответ новый председатель Объединенного комитета Брайан Макмахон назначил публичное слушание (именно этого и хотел Хик), и в лучших традициях практики Маккарти это слушание было открытым для публики и подсвечивалось прожекторами, которые должны были обеспечить съемку для кинохроники.

Сегодня Оппи вызвали туда, чтобы он огласил свое экспертное мнение. Он не входил в состав Комиссии по атомной энергии, но являлся председателем группы советников, носившей громкое

название Генеральный консультативный комитет. Прочие члены этого комитета единогласно выбрали его председателем на первом собрании. Сам он не присутствовал при этом голосовании, поскольку сильно опоздал, застряв на дороге из-за снежной бури.

Оппи занял место за другим таким же столом рядом с главным юрисконсультом КАЭ Джо Вольпе, известным под прозвищем Лис, адвокатом из Нью-Йорка лет тридцати с небольшим, обладателем тщательно зачесанных волнистых волос. Пролистав несколько листочков пояснительных материалов, Хик посмотрел на Стросса, и Оппи заметил, что они чуть заметно кивнули друг другу. Сенатор пригласил Оппи пересесть на место, отведенное для выступающих. На спинке этого кресла восседал резной орел, готовый наброситься на любого, кто отступит от патриотических принципов.

Адмирал Стросс был также президентом реформистской синагоги «Эмануэль» на Манхэттене, той самой, которую покинул Феликс Адлер, чтобы основать свое Общество этической культуры с начальной и средней школами, в которых учился Оппи. Позиция Адлера — и самого Оппи — была противоположна взглядам Стросса, они счита-

ли, что мораль можно воспитывать без всякой опоры на религию. Макмахон не требовал, чтобы эксперты приносили присягу, хотя, по мнению Оппи, в данном случае роль Священного Писания прекрасно сыграла бы «Резиновая Библия»[60], гигантский сборник данных по химии и физике; в конце концов, факты есть факты. Он мог бы довериться Льюису в выборе, скажем, пары обуви, но, когда дело касается науки, бизнесмену вообще-то следует заткнуться к чертовой матери.

Хикенлупер поднялся на ноги, слегка повернулся, чтобы смотреть в лицо Оппи, и заложил большие пальцы за подтяжки.

— Поставляя изотопы другим странам, — начал он, — мы разворачиваем программу, которая, я считаю, наносит ущерб нашей национальной безопасности. — Он пристально посмотрел на Роберта, словно желая убедиться, что ученый понял, что он имеет в виду, и задал свой вопрос: — Доктор Оппенгеймер, в вопросе экспорта изотопов вы, конечно, согласны с адмиралом Строссом, —

---

[60] Примечания: 60

Ежегодный «Справочник по химии и физике» (*Handbook of Chemistry and Physics*), издаваемый с 1914 г. «Компанией синтетического каучука» (*Chemical Rubber Company*). В начальном периоде существования именовался Rubber Handbook («Справочник по резине»), откуда и пошли жаргонные наименования *Rubber Bible* или *Rubber Book*. К 2022 г. вышло 103 выпуска.

он произнес эту фамилию точно так же, как это делал сам Льюис, и вдобавок еще и указал на него; Стросс с серьезным видом кивнул и, подавшись вперед, поставил локти на полированную столешницу и оперся на руки подбородком, — что существует некоторая возможность использовать их не для мирного производства или медицины, а для атомных процессов — сначала для получения атомной энергии, а затем, возможно, и для создания атомных бомб. Это мнение, несомненно, вполне обоснованно, сэр, не так ли?

Оппи оглядел лица, толпу, *зрителей* и широко раскинул руки ладонями вверх, как молящийся Христос.

— Никто не может заставить меня утверждать, что эти изотопы нельзя использовать для получения атомной энергии, — сказал он и сделал паузу, убедившись, что все взгляды устремлены на него. — Для получения атомной энергии можно использовать что угодно, например лопату, и это бесспорный факт. — Раздалось несколько смешков. — Для получения атомной энергии можно использовать бутылку пива; это бесспорный факт. — Еще больше смеха; несогласные, мгновением ранее не осмеливавшиеся выказать свое отношение к обсуждаемому вопросу, несколько

осмелели. — Но для большей внятности позволю себе сказать, что во время войны и после войны эти материалы не играли никакой существенной роли и, насколько мне известно, вообще никакой роли не играли.

Все, подумал Оппи, теперь они у него в рабстве.

— Мое личное мнение о значении изотопов в этом широком смысле таково: они гораздо менее важны, чем… электронные устройства, но гораздо важнее, чем, скажем… — Он сделал вид, будто подыскивает слово, а затем произнес, как удачную остроту: — *Витамины*. — Открытый хохот. Чтобы усугубить впечатление, он добавил, приподняв брови: — Что-то среднее.

Хик не только нахмурился, но и побагровел. Он отпустил Оппи со свидетельского места, и тот прошагал через зал к своему столу.

— Ну, Джо, — сказал он, опустившись на свой стул, — как я их?

Вольпе покачал головой слева направо, и эти движения определенно свидетельствовали о крайнем неудовольствии.

— Хорошо, — сказал он в конце концов. — Слишком хорошо. — Юрист указал взглядом на Льюиса Стросса, сидевшего поодаль от них, и Оп-

пи тоже бросил взгляд в том направлении.

И у него сдавило горло. На Горе ему доводилось видеть вблизи гремучих змей, койотов в кустах, грифов-стервятников в пустыне. Он знал, как смотрит существо, желающее твоей смерти. Но взгляд Льюиса Стросса, красного от гнева, напрягшегося от унижения, был гораздо хуже, такой взгляд Оппи видел всего один раз в жизни, и этот взгляд говорил о желании не просто его смерти — в этом не было сомнений, — но желании сначала увидеть, как он страдает, страстном желании сделать все так, чтобы Оппи знал, кто именно уничтожил его. Этот взгляд был ему знаком, потому что он сам видел его много лет назад в своей комнате при Кавендишской лаборатории, глядя в зеркало для бритья, царапая плоть опасной бритвой, в тот день, когда пытался убить Патрика Блэкетта отравленным яблоком.

Оппи передернул плечами, отвернулся, и в глаза ему плеснул очередной каскад фотовспышек.

Глава 40
Четыре года спустя: 1953

Я должен положить этому конец. Айку следует знать, что ***на самом деле*** *происходит. Это грубейшая ошибка из тех, которые могут совершить Соединенные Штаты.*

Адмирал Уильям «Дик» Парсонс на слушаниях, назначенных президентом Эйзенхауэром для отстранения Оппенгеймера от секретной информации; на следующий день Парсонс умер от острой сердечной недостаточности, не успев поговорить с президентом

— А, Роберт, благодарю, что пришли.

— Не за что, — ответил Оппи. — Для меня это всегда удовольствие.

В восьмиугольном зале заседаний Комиссии по атомной энергии стоял длинный деревянный стол, отполированный до такой степени, что в него можно было смотреться, как в зеркало. Когда Оппи вошел в зал, Льюис Стросс, сидевший во

главе стола, встал. В комнате находился также косоглазый, отрастивший усики с карандаш толщиной, Кен Николс; он стоял около окна. Ламели жалюзи были установлены горизонтально, и в окна беспрепятственно вливался свет солнца, уже низко опустившегося в этот самый короткий день года.

— Слышали про адмирала Парсонса? — осведомился Стросс, неприятно, без всякого нажима, взяв в руку ладонь Оппенгеймера.

Оппи кивнул:

— Дика? Да. Какое горе. Всего пятьдесят два, еще жить бы да жить. Китти послала Марте лучшие орхидеи и карточку с соболезнованиями.

Билла Парсонса друзья называли попросту Дик — сокращенным вторым именем Дикон. Он являлся, как признавал Гровз, бесценным связующим звеном между проектом «Арбор» и Военно-морским флотом, часто навещал Оппенгеймеров в Олден-Мэноре. Недавно он написал Оппи об истерии маккартизма, охватившей нацию, высказав мнение, что «антиинтеллектуализм последних месяцев, возможно, миновал свой пик». Роберт надеялся, что это правда.

— Генерал Николс, — сказал Оппи, глядя на человека, который в военное время был помощ-

ником Лесли Гровза. Оппи узнал выражение лица Николса — ту самую неприкрытую ненависть, с которой он впервые столкнулся одиннадцать лет назад, когда Гровз демонстративно оскорбил инженера, обладающего докторской степенью, приказав ему отнести китель в химчистку. Несомненно, у презрительного отношения Гровза к Николсу было сотни свидетелей, но все они были гражданскими, отлично понимали принцип «ты начальник — я дурак» и знали, что на любой полученный приказ может быть только один ответ: «Так точно, сэр!» Но Оппи был *гражданским* и к тому же пусть и не состоял официально, с билетом, в Коммунистической партии, но был непозволительно, согласно упрощенной картине мира, которой руководствовался Николс, близок к ней.

— Доктор, — сказал Николс в качестве приветствия; они оба имели право на этот титул, но Николс произнес его как кличку, уменьшительное, отмахиваясь от тупого сопляка, лезущего не в свои дела.

— Так вот… — протянул Стросс, — у нас возникла непростая проблема, связанная с вашим допуском к секретной информации. У вас уровень Q — доступ ко всей информации о ядерном

оружии, — и это вызывает некоторые недоумения. Президент Эйзенхауэр издал распоряжение о повторной проверке всех лиц, в чьих досье содержится порочащая информация, и…

— И, если посмотреть с определенной точки зрения, мое досье просто пухнет от нее, — добродушно отозвался Оппи.

— С *любой* точки зрения! — рявкнул Николс, но Стросс прервал его взглядом.

— И, к сожалению, — продолжил Стросс, — мы вынуждены были переложить ваше личное дело на самый верх. Официальные лица предыдущего правительства направили нам письмо, из которого можно…

— Из которого, — радостно вступил Николс, — следует, что Дж. Роберт Оппенгеймер, по всей вероятности, является агентом Советского Союза.

Оппи почувствовал, что у него отвисла челюсть.

— Но это же абсурд!

Может быть, кто-то все же заметил много лет назад его встречу со Степаном Захаровичем Апресяном? Если и так, то зачем было ждать столько лет, прежде чем предъявить это дикое обвинение?

— Бесспорно, бесспорно, — сказал Стросс, слов-

но отмахиваясь от пустяка. — Тем не менее, увы, это письмо привлекло внимание президента, и поэтому… — Стросс сделал драматическую паузу, и у Оппи сложилось твердое впечатление, что этот уже весьма пожилой человек очень доволен собой, — и поэтому КАЭ подготовила собственное письмо. — Он поднял со стола пачку бумаг и помахал ими в воздухе, как будто сам изумлялся тому, насколько длинным получился документ. — Естественно, — продолжил он, — это всего лишь черновик. Окончательным этот текст станет лишь после того, как под ним появится подпись генерала Николса как генерального директора комиссии, но он еще не поставил ее.

— Еще? — повторил Оппенгеймер.

— Вот, — сказал Стросс, протягивая бумаги, — взгляните. — Он жестом предложил Оппи занять место за сверкающим, как зеркало, столом. По давней привычке Оппенгеймер начал просматривать текст с конца, как он всегда поступал с объемными документами. Заключительный абзац гласил:

> …с учетом этих утверждений, которые пока не опровергнуты, и возникших в этой связи вопросов относительно Вашей

правдивости, Вашего поведения и даже Вашей лояльности, Ваша работа в Комиссии по атомной энергии и Ваше право на доступ к данным ограниченного доступа настоящим приостанавливаются, с немедленным вступлением ограничений в силу.

— Это безосновательно, — сказал Оппи, подняв голову.

— Точнее будет сказать неопровержимо, — возразил Николс. — Насколько я помню, двадцать четыре обвинения.

Оппи перешел к первой странице и начал читать — как всегда, быстро, охватывая взглядом по целому абзацу зараз.

— Что ж, — сказал он, — часть я сразу отвергаю. — Он перевернул страницу. — Часть просто ошибочна. — Он листал страницу за страницей. — И, полагаю, часть можно смело отнести к категории *nolo contendere*[61].

Ни Стросс, ни Николс, по-видимому, не знали латыни и не имели никакой юридической подготовки; оба хмуро смотрели на него.

---

[61] Примечания: 61

«Не желаю оспаривать» — заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение (юридический термин, *лат.*).

— То есть, — пояснил Оппи, — я предпочел бы не оспаривать некоторые из этих… — он совершенно не хотел повторять слово, которое употребил Николс, ведь краткий обзор событий человеческой биографии — совсем не перечень обвинений, — пунктов.

— Это было бы разумно с вашей стороны, — сказал Николс. — За каждым стоит внушительное документальное обоснование.

Оппи снова взял последнюю страницу и указал на место, оставленное для подписи Николса.

— Но, как вы отметили, подписи здесь нет.

— Нет, — согласился Стросс, нахмурившись (но в отраженном от стола свете могло показаться, будто он подмигнул). — И, конечно, ее и не должно быть. Я имею в виду, что необходимости в полномасштабном расследовании нет, разве что…

— …Разве что я захочу сохранить доступ к секретным материалам и положение консультанта.

Стросс улыбнулся — плотоядной, змеиной улыбкой — и, наклонившись через стол, постучал пальцем по заключительной странице.

— В таком случае, полагаю, вступит в действие вот этот параграф.

Оппи прочитал его:

Для помощи в разрешении этого вопроса Вам предоставлена привилегия предстать перед Советом по обеспечению благонадежности персонала Комиссии по атомной энергии. Чтобы воспользоваться процедурами слушания в Комиссии по атомной энергии, Вы должны в течение 30 дней после получения этого письма представить мне в письменном виде свой ответ на информацию, изложенную выше, и запросить возможность предстать перед Советом по обеспечению благонадежности персонала.

— Значит, если я тихонько… — сказал Оппи, — если подам в отставку…

— То мы сожжем то самое письмо, и генералу Николсу не нужно будет ничего подписывать.

— Но у меня имеется… — он сделал паузу, а потом выплюнул-таки это слово: — «*привилегия*» защищать себя на слушаниях, если я предпочту отстаивать свое доброе имя?

— Это действительно возможно, — сказал Стросс, — но мы — *они* — взяли на себя смелость заранее составить для вас заявление об отставке. — Он взял со своего стола лист бумаги и вынул

из кармана пиджака авторучку *Mont Blanc*. — Подпишите *это*, и никто никогда больше не увидит *этого*. Но если вы поступите по-другому… Что ж, придется провести расследование по каждому из… сколько, вы сказали, Ник?

— Двадцать четыре.

Политик из Западной Вирджинии снова нахмурился, как будто названное количество оказалось больше, чем он помнил.

— Совету придется расследовать каждый из двадцати четырех пунктов. Поднимать все доступные документы, допрашивать свидетелей — коллег, родственников, друзей. Прямо как на судебном процессе. Вряд ли дело стоит таких неприятностей, — добавил он покровительственным тоном.

Во время всего этого разговора Оппи не курил, но сейчас он выдохнул, как будто выпустил облако дыма.

— Парни, вы действительно решили играть по-крупному?

Теперь Стросс улыбнулся, совершенно не скрывая ехидства:

— Да, доктор Оппенгеймер. Конечно, мы играем по-крупному.

— На Капитолийском холме об этом знают?

Уголок рта политика дернулся.

— Еще нет.

— Сколько у меня времени для того, чтобы принять решение?

— О, никакой спешки нет. — На сей раз Стросс попытался изобразить великодушие. — Располагайте своим временем. Я вернусь домой к восьми вечера. Почему бы вам тогда не сообщить мне о вашем решении?

— К *восьми*? — Оппи почувствовал, что его глаза широко раскрылись. — Сейчас, — он посмотрел на наручные часы, — почти четыре. Я… — Он сглотнул и обнаружил, что к нему возвращаются силы. — Мне необходимо посоветоваться с юристом.

— Конечно, конечно, — согласился Стросс. — Насколько я понимаю, вы приехали из Принстона поездом. Может быть, вас подвезти? Я попрошу своего шофера отвезти вас, куда вам понадобится.

«Неужели? — подумал Оппи. — Неужели он отвезет меня прямо в Перро-Кальенте? Далеко-далеко, прочь от всего этого безумия? Туда, где мир и покой?»

— Благодарю вас, — деревянным голосом сказал Оппи и поднялся. — Вы очень любезны. — Он

хотел взять письмо с обвинениями, но Стросс остановил его руку.

— К сожалению, мы не можем разрешить вам взять это с собой. Оставлять без контроля неутвержденный документ… это может привести к, так сказать, недоразумениям.

— То есть, обсуждая вопрос с консультантом, я должен полагаться исключительно на свою память?

— И это говорите вы? Доктор, с вашим-то интеллектом вы должны помнить все до мелочей, скажете, нет?

«Нет, — подумал Оппи, глядя на Стросса. — Но *ты*, несомненно, помнишь все».

* * *

Китти приехала в Вашингтон вместе с Робертом. В тот вечер она была в гостях у Герберта Маркса, поверенного Оппи, жившего в Джорджтауне. Энн, жена Герба, служила на Горе секретаршей Оппи.

— Чушь это все, — сказал Герб. — Вы *спасли* эту страну, а теперь какой-то идиот, взбесившийся от мании величия, пытается опорочить вас.

— Ты не можешь просто сдаться, — сказала Китти. Герб и Энн не были посвящены в проект

«Арбор», поэтому Китти добавила неопределенно и в то же время многозначительно: — Ведь на карту поставлено так много!

Энн согласилась с ними:

— Начать хотя бы с того, что самим своим существованием атомные секреты не менее чем наполовину обязаны вам! Без всего того, чего мы достигли под вашим руководством в Лос-Аламосе, атомной бомбы просто не было бы. — Они сидели вокруг маленького столика со складными ножками вроде тех, которые ставят для игры в бридж. Оппи занимал восточное кресло. Энн, сидевшая на севере, положила ладонь ему на руку. — Уйти в отставку было бы ошибкой с вашей стороны. Вокруг Эйзенхауэра слишком много поджигателей войны; они постоянно дуют ему в уши, и ему *необходимо* слышать ваш голос.

— Не знаю, — ответил Оппи и сам услышал в своем голосе смертельную усталость. У него вырвались слова, навсегда врезавшиеся ему в память, но не знакомые никому другому из сидевших за столом, фраза из предсмертной записки Джин, написанной много лет назад: — Мне все опротивело.

— Не волнуйтесь так, — сказал Герб. — Мы подготовим ответ, дадим им знать, что вы хоти-

те — нет, черт возьми, требуете! — слушаний. Нельзя же вот так взять и смахнуть Дж. Роберта Оппенгеймера, словно пешку с доски!

Оппи попытался приподнять уголки губ, изображая улыбку, но, кажется, у него это не получилось. Но в любом случае Стросс может исходить пеной у телефона хоть до утра: ответ будет доставлен в письменном виде завтра утром.

На его составление ушло несколько часов. Оппи чем дальше, тем больше впадал в растерянность, и бразды правления перехватила Китти, решительно отвергавшая все, что могло показаться шатким в юридическом плане. Он отказывался уходить в отставку, и Стросс с Николсом, эти гнусные, коварные мерзавцы — эта парочка подонков, — знали причину.

— Пиши, — сказала Китти, обращаясь к Энн, которая прекрасно владела стенографией. — Я самым серьезным образом обдумал предложенную альтернативу. В сложившихся обстоятельствах такой образ действий означал бы, что я полагаю…

— Принимаю и подтверждаю, — подсказал Герб.

— Да, да, — согласилась Китти. — Что я принимаю и подтверждаю, будто не гожусь для работы

на правительство, на службе которого нахожусь уже… Роберт?

Он с трудом прикинул в уме числа.

— Двенадцать лет.

— …Около двенадцати лет. Я *не могу* на это пойти.

— Точно, — поддакнула Энн, не переставая писать. — В задницу их!

Китти кивнула и продолжила:

— Будь я таким недостойным человеком, вряд ли я мог бы столь самозабвенно служить нашей стране…

— Или быть директором, — подсказал Герб.

— Верно, — согласилась Китти. — Или быть директором института в Принстоне, или выступать, как это неоднократно было, во благо науки.

— И нашей страны, — добавила Энн.

— Да! Прекрасно… во благо нашей науки и нашей страны.

— Оппи! Как, по-вашему, прилично звучит?

«Я хотела жить… и отдавать, но… не имела… сил для этого».

Роберт поднялся.

— Считайте меня мертвым, — объявил он. Они уже договорились с Марксами о ночлеге, и он, собрав последние силы, побрел в гостевую

спальню.

* * *

Китти в кухне дома Марксов наливала себе очередной бокал вина и вдруг услышала грохот. Она взлетела по лестнице и столкнулась наверху с Энн и Гербертом. В гостевой спальне никого не было, и дверь примыкающей к ней ванной оказалась закрыта.

— Роберт! — позвала Китти, барабаня костяшками пальцев по белой двери. — Роберт!

Ответа не последовало. Она попыталась открыть дверь и в первый момент подумала, что муж запер ее, — но нет! Что-то лежало на полу и не позволяло открыть дверь. О боже! Это же тело Роберта! Он упал или потерял сознание.

Втроем они смогли толкнуть дверь — и отодвинуть ее мужа! — и проскользнуть внутрь. Роберт скрючился, неестественно разбросав длинные руки и ноги, но все же *дышал*. В этот вечер они все немало выпили, Роберт даже больше, чем обычно, и — черт возьми! — рядом валялся открытый и — твою мать! — пустой флакон из-под прописанных Китти снотворных таблеток.

— Вызывайте доктора! — крикнула она. — Скорее!

Энн кинулась к телефону, а Китти и Герб подняли Роберта на ноги, отволокли в гостиную и усадили на короткую кожаную кушетку. Вскоре он более-менее очнулся и попытался говорить, но лишь невнятно бормотал. Китти вроде бы разобрала «избавиться» или «отделаться», и «жуткая боль», и совершенно безумный обрывок фразы «…истерзанный, истекающий кровью Иисус». Но она не поручилась бы, что правильно уловила слова.

Глава 41

Беда Оппенгеймера состояла в том, что он любил женщину, которая совершенно не отвечала ему взаимностью, – правительство Соединенных Штатов.

Альберт Эйнштейн

Убогая комната, подумал Оппи, в самый раз для такой убогой затеи. Слушание проходило на втором этаже здания, называвшегося просто Т-3, одного из множества обветшавших сразу после постройки временных сооружений, слепленных в начале войны на Национальной аллее между монументом Вашингтона и мемориалом Линкольна.

Комиссию по проверке допуска к секретной информации возглавлял Гордон Грей, президент Университета Северной Каролины. Ему было сорок четыре года — на пять лет меньше, чем Оппи. Он постучал деревянным молотком по круглой подставке.

— Слушание возобновляется. Я хотел бы спросить доктора Оппенгеймера, желает ли на этом процессе он давать показания под присягой?

Оппи кивнул:

— Конечно.

— Это необязательно для вас, — напомнил Грей.

— Думаю, так будет лучше, — ответил Оппи и встал.

— Дж. Роберт Оппенгеймер, клянетесь ли вы, что показания, которые вы дадите совету, будут правдой, только правдой и ничем, кроме правды, да поможет вам Бог?

Он подозревал, что Бог, вероятно, не чувствовал себя обязанным Прометею какими-либо одолжениями, но Роберт полагал, что попросить не повредит.

— Клянусь.

Роджер Робб, ведущий юрисконсульт Комиссии по атомной энергии, мужчина сорока шести лет с резкими чертами лица и зачесанными назад темными волосами, не умел улыбаться. Если же он пытался это сделать, то получалась болезненная гримаса, как будто он только что получил футбольным мячом в живот.

— Доктор, — сказал он, — позвольте мне задать вам прямой вопрос. Разве вы не знаете и разве вы не знали наверняка к 1943 году, что Коммунистическая партия служила инструментом шпионажа

в этой стране?

Грей и еще двое членов совета сидели за покрытым сукном столом красного дерева, перед ними громоздились черные папки с секретными документами. Еще два стола, сдвинутых вместе торцами, стояли посередине комнаты, с одной стороны сидели адвокаты Оппи и Китти, а с другой — Роджер Робб и косоглазый К. Артур Роландер, заместитель директора КАЭ по безопасности, который помогал готовить дело против Оппенгеймера.

— Я не думал о такой возможности всерьез, — ответил Оппи, пытаясь говорить непринужденным тоном.

Робб поднялся и шагнул поближе к нему.

— Неужели вы этого не подозревали?

Легкое покачивание головой.

— Нет.

— Что вы знали о прошлом Джорджа Элтентона в 1943 году, когда произошел эпизод с Элтентоном и Шевалье?

Оппи начал перечислять известные ему факты, загибая длинные пальцы, начиная с испачканного табаком указательного и продвигаясь к мизинцу с ногтем, вечно обгоревшим из-за привычки стряхивать пепел с сигарет:

— Что он англичанин, что он инженер-химик; что он провел некоторое время в Советском Союзе, что он работал вроде бы в «Шелл девелопмент компани».

— Откуда вам все это известно?

Оппи раскурил трубку:

— Ну, насчет «Шелл», вероятно, мне сказал он сам или кто-то другой, работавший там же. Что касается его пребывания в России — не помню. Ну, а то, что он англичанин, просто очевидно.

— Почему?

— По акценту.

— Вы были довольно хорошо знакомы с ним, не так ли?

— Нет. Насколько я помню, мы виделись раза четыре или пять. — *Или шесть*.

— Когда вы впервые рассказали о своем разговоре с Шевалье кому-либо из сотрудников службы безопасности?

— Это было не так. Впервые я упомянул только Элтентона.

— Да?

— Когда посетил Беркли.

— Вы говорили с лейтенантом Джонсоном?

— Не помню имени, но это был офицер службы безопасности кампуса.

— В документах зарегистрировано, что вы говорили с лейтенантом Льяллом Джонсоном 25 августа 1943 года. Вы согласны?

— Согласен.

— Предполагаю, что ваша первая беседа с Джонсоном была очень краткой, это так?

— Совершенно верно. Думаю, что тогда я сказал лишь нечто вроде того, что на Элтентона стоит обратить внимание.

— Да.

— Потом меня спросили: почему я это сказал. — Он ждал, что Робб задаст ему наводящий вопрос, но прокурор — а Робб был прокурором во всем, кроме официального наименования, — просто стоял, ожидая, когда Роберт продолжит. И, наконец, почувствовав кислый привкус во рту, спазмы в желудке, он снова заговорил:

— Тогда я сочинил… — Черт возьми, черт возьми, черт возьми. Он выдохнул, вдохнул и закончил мысль: — Какую-то ерунду.

Робб кивнул, но в глазах его все же мелькнуло ликование, будто он сторговал за пять долларов нечто, стоящее по меньшей мере пятьдесят.

— На следующий день с вами беседовал полковник Паш, верно?

— Верно.

— И эта беседа оказалась весьма продолжительной, не так ли?

— Не сказал бы, чтоб она была настолько длительной.

— Вы сказали Пашу правду об этом случае?

Расположение мест и людей в комнате было распланировано — несомненно, по настоянию Робба — таким образом, что окно располагалось за спинами трибунала; фон был светлее переднего плана, и от этого у Роберта заболела голова. Возможно, в более удобной обстановке он нашел бы способ дать какой-нибудь обтекаемый ответ. Но сейчас он лишь коротко бросил:

— Нет.

— Вы *солгали* ему? — сказал Робб таким ядовитым тоном, будто речь шла о чем-то совершенно немыслимом.

Возможно, ввел в заблуждение, дезинформировал, как Рик, когда он уверял, что приехал в Касабланку на воды. Но солгал? Очень нехороший ярлык. Оппи склонил голову набок.

— Да.

— Что из того, что вы сказали Пашу, не было правдой?

Еще вдох, выдох…

— Что Элтентон пытался наладить связь с тре-

мя участниками проекта через посредников.

– *Трое* участников проекта?

— Через посредников.

— Посредников?

— Через посредника.

— Итак, чтобы прояснить ситуацию: вы раскрыли Пашу личность Шевалье?

— Нет.

— В таком случае предлагаю временно называть Шевалье — Икс.

— Согласен.

— Вы сказали Пашу, что Икс прощупывал подходы к троим участникам проекта?

Оппи скрестил ноги сначала так, потом этак:

— Я не могу точно сказать, говорил ли я насчет трех Иксов или… или о том, что Икс обращался к троим ученым.

— Разве вы не сказали, что Икс обращался к троим людям?

Оппи потупил взгляд.

— Возможно.

— Почему вы это сделали, доктор?

Почему он это сделал?

Вот это вопрос так вопрос.

Почему?

Черт-те когда — и правда, уже почти тридцать

лет назад! — его в сопровождении родителей, которые гостили в Кембридже, чуть ли не силком затащили в кабинет руководителя Кавендишской лаборатории. Его отец привез с собой последнее приобретение для своей коллекции произведений искусства — портрет молодой девушки кисти Ренуара, купленный в лондонской галерее («Пустячок, который подошел бы где-нибудь над камином в лаборатории», — сказал Джулиус, подмигнув, когда передавал картину). Роберта попросили объяснить, зачем, в самом деле, зачем он намазал цианидом яблоко, предназначавшееся для его куратора Патрика Блэкетта.

Но он не мог объяснить — ни в тот раз, ни позднее, наедине с родителями. Он не мог рассказать им о своем отношении к Блэкетту, как ощущал, что, если воспользоваться недавним высказыванием Паули, вселенная не позволила бы им обоим занимать одно и то же пространство, и поэтому — неужели не понятно? — один должен был уйти. Поэтому он дал ответ, никак не соответствовавший его интеллекту, тем самым отрицая основное свойство своей личности, но оставил личное — личным.

И теперь здесь, в Вашингтоне, он еще раз глубоко вздохнул и негромко, будто стесняясь,

дословно повторил тот давний ответ:

— Потому что, — сказал он, — я… был идиотом.

Робб издал невнятный звук горлом.

— Это ваше единственное объяснение, доктор?

Оппи почувствовал легкое раздражение.

— Я… не хотел упоминать Шевалье.

— Да.

— И, несомненно, без особой охоты назвал себя.

— Да. Но все же почему вы сказали ему, что Шевалье обращался к *троим*?

Черт возьми, ведь это сработало в Кавендишской лаборатории. Тогда он вскоре оказался ненадолго под опекой Эрнеста Джонса, ученика Фрейда, а потом уехал в Геттинген. Но нельзя ожидать, что при изменении одного, а тем более нескольких параметров эксперимент даст тот же самый результат.

— У меня нет объяснения этому, — сказал Роберт таким же негромким ровным голосом, — кроме того, которое я уже дал.

— Разве это не могло еще сильнее навредить Шевалье?

— Я не называл имя Шевалье.

— В таком случае Иксу?

Роберт нахмурился, обдумывая последнее заме-

чание, а потом наклонил голову, соглашаясь:

— Могло.

— Вне всякого сомнения! Иными словами, если Икс обращался к троим ученым, это значило…

— …что он глубоко вовлечен во все это дело.

— Именно: что он глубоко вовлечен! Что это *не* случайный разговор.

— Да.

— И вы знали это, не так ли?

Знал? Пожалуй, мог сделать из всего этого такой вывод. Мог предположить. Но чтобы знать… Оппи чуть заметно пожал плечами.

— Да.

Робб помахал в воздухе стенограммой.

— Вы сообщили полковнику Пашу, что Икс сказал вам, что информация будет передана через кого-то в русском консульстве? — Оппи промолчал, сдерживая подступившую тошноту. — *Вы это сделали?*

— Должен признаться, что нет, хотя ясно понимаю, что обязан был это сделать.

— Раз Икс сказал вам это, значит, он откровенно сообщил вам о существовании преступного сговора, не так ли?

Если… если…

— Верно.

— Паш спрашивал у вас имя Икса?

— Полагаю, что да.

— Вы не знаете, спрашивал или нет?

— Именно так.

— Он говорил вам, *зачем* это ему нужно?

— Чтобы положить конец всей этой афере.

— Он сказал вам, что дело очень серьезное?

— Не помню, но, видимо, должен был сказать.

— Вы *знали,* что он собирался расследовать его?

— Да.

— Разве вы не понимали, что, отказываясь назвать имя Икса, препятствуете ходу расследования?

Он посмотрел на Китти, неподвижно сидевшую с непроницаемым лицом рядом с Ллойдом Гаррисоном, главным из его адвокатов, и снова перевел взгляд на Робба, вырисовывавшегося на фоне окна размытым силуэтом.

— Должен был понимать.

— Вы знали, доктор, что полковник Паш и организация, к которой он принадлежал, готовы были всю землю перерыть, чтобы найти этих троих людей?

— Не сомневаюсь в этом.

— И вы знали, что они всю землю перероют,

чтобы установить личность Икса, не так ли?

— Да.

— И все же вы не назвали им этого имени?

Невзирая на вопросительную интонацию, это был не вопрос, а утверждение, но Оппи все же ответил в еще больше сгустившейся тишине:

— Да.

— Давно ли вы были знакомы с этим Шевалье к 1943 году?

— Наверное, лет пять. Может быть, шесть.

— Как вы к нему относились?

— Он довольно близкий мой друг.

— Он старался придерживаться партийных установок, да?

— Полагаю, что да.

— У вас были какие-нибудь основания подозревать его в принадлежности к Коммунистической партии?

— Нет.

— Вы ведь знали, что он красный?

— Я сказал бы, что, скорее, розовый.

— Не красный?

— Я не намерен спорить по мелочам.

— Вы сказали, что до сих пор относитесь к нему как к другу.

— Да.

— Доктор, я хотел бы попросить вас вернуться к беседе с полковником Пашем двадцать шестого августа сорок третьего года. Есть ли теперь какие-либо сомнения в том, что вы действительно упомянули человека, связанного с советским консулом?

— Я совершенно не помню подробностей того разговора и могу полагаться только на имеющийся у вас текст.

— Доктор, могу сообщить, к вашему сведению, что мы располагаем звукозаписью той беседы.

Вот же черт!..

— Конечно.

— У вас есть какие-либо сомнения в том, что вы говорили это?

— Нет.

— Скажите, правда ли, что вы упомянули человека, связанного с советским консульством?

— Почти уверен, что нет.

— Доктор Оппенгеймер, вам не кажется, что вы очень подробно рассказали историю, которая почти целиком была выдумана вами?

Оппи шумно выдохнул. Его трубка давно догорела, и сейчас он нервно перекладывал ее из руки в руку.

— Да, так оно и было.

— Зачем вы вдавались в столь подробные объяснения, если рассказывали, — Робб изобразил пальцами кавычки, — «какую-то ерунду»?

Оппи почувствовал, что его сердце заколотилось еще сильнее. Он слегка покачал головой, не в знак отрицания, а как будто пытаясь вернуть на место разбежавшиеся шарики и ролики. И, сам того не желая, заговорил оборонительным, пронзительным тоном:

— Увы, все это — сплошной идиотизм. К сожалению, я не в состоянии объяснить, почему упомянул консула, откуда взялись трое ученых, к которым якобы обращались по поводу проекта, почему сказал, что двое из них, предположительно, находятся в Лос-Аламосе. Все это кажется мне совершенно не соответствующим действительности.

— Вы ведь согласитесь, сэр, что если то, что вы рассказали полковнику Пашу, было правдой, то мистер Шевалье в этой истории выглядел очень дурно?

Оппи закашлялся:

— Да, сэр, да и любой, кто был к ней причастен.

— Включая вас?

— Да.

— Разве не будет справедливо сказать сего-

дня, доктор Оппенгеймер, что, согласно вашим собственным сегодняшним показаниям, вы не просто единожды солгали полковнику Пашу, а сплели целую сеть из лжи?

Оппи знал, что это не уголовное расследование, не судебный процесс. О, если бы сейчас шел суд… «Никто не должен принуждаться в уголовном деле свидетельствовать против самого себя». Ну конечно: по всей видимости, Пятая поправка предназначена для налоговых мошенников и аферистов, а не для тех, кто выигрывает войны.

Он закрыл глаза, крепко зажмурился, словно защищаясь от ослепляющего, всепроникающего света взрыва.

— Вы правы, — сказал он, и эти слова прозвучали не очень внятно, будто унесенные ветром.

Глава 42

Я хожу в институт только для того, чтобы иметь удовольствие возвращаться домой в обществе Курта Геделя.

Альберт Эйнштейн

Посещая Ипи, Дик Фейнман наблюдал это настолько часто, что не мог не признать закономерности. Кабинет Курта Геделя в Фулд-холле имел номер 210 и находился прямо над кабинетом Джонни фон Неймана. Альберту Эйнштейну было уже семьдесят пять, у него слабел слух, но Хелен Дукас, его секретарша, очевидно, распознавала характерный звук шагов Геделя, когда он спускался по восточной лестнице, и предупреждала Альберта, как только слышала их. К тому времени, когда Гедель, которому в конце этого месяца должно было исполниться сорок восемь, ступал по коридору первого этажа, Хелен уже успевала надеть на Эйнштейна куртку.

Оппенгеймер в данный момент находился в Вашингтоне, где шло какое-то дурацкое разбирательство по вопросам секретности, так что сегодня здесь некому было изображать из себя

полицейского, и Дик решил, что ему выпала прекрасная возможность.

Посещая институт, Фейнман обычно работал в восточной библиотеке на втором этаже. В свои тридцать шесть он был проворнее, чем Эйнштейн, страдающий артритом, или слабый, болезненный Гедель, и начал движение, как только услышал, что Гедель выходит из своего кабинета, расположенного по другую сторону холла. Дик спустился по центральной лестнице и вышел через главные двери прежде, чем восточная дверь выпустила старших физиков.

Когда они появились — Гедель в чем-то похожем на парку для защиты от теоретически возможного холода и белой матерчатой шляпе-федоре и Эйнштейн в легкой куртке, из-под которой торчали полы шерстяного кардигана, — Дик решительно подошел к ним.

— О, профессор Эйнштейн! Доктор Гедель! Какая приятная неожиданность!

Эйнштейн сфокусировал на нем полуприкрытые веками глаза, явно пытаясь понять, с кем же он сейчас имеет дело.

— Дик Фейнман. Я работаю с Хансом Бете в Корнелле.

За это он удостоился милостивого кивка.

— Руководителем моей диссертации был Джон Уиллер.

— Ах, Уиллер! — с явным удовольствием сказал Эйнштейн. За тридцатые-сороковые годы интерес к общей теории относительности заметно снизился, но Уиллер в последнее время предпринимал немалые усилия для его возобновления.

Гедель, умоляюще смотревший сквозь круглые очки, ничего не сказал, но явно рассчитывал, что Эйнштейн избавится от незваного компаньона. Все знали, что прогулки Эйнштейна и Геделя священны и вмешательство в них равно святотатству.

Дик, конечно, сознавал, что покушается на святое. Но ведь он был известен тем, что не страшился великих людей, например Нильс Бор ценил его общество именно потому, что тот всегда был готов опровергать идеи нобелиата. Но, черт возьми, нельзя же упускать шанс поговорить с величайшим физиком всех времен *и* величайшим логиком со времен Аристотеля. Очень может быть, что у одного или другого найдется столь нужный ему ответ.

Время подходило к двум часам дня — никто из старших ученых не засиживался в кабинетах подолгу, — и Дик уже потирал руки в радостном

предвкушении.

— Чудесный день для прогулки. Вы позволите присоединиться к вам?

— Вообще-то… — начал Гедель, по большей части предпочитавший молчать.

Дик знал, что в этом случае ему, чтобы получить то, что он хочет, придется самому преподнести первый подарок.

— Доктор Гедель, — поспешно перебил он, — я восхищен вашей концепцией вращающейся вселенной. Вы не согласитесь немного пояснить ее мне?

К его великой радости, Эйнштейн кивнул:

– *Ja, Kurt!* Посмотрим, сумеете ли вы донести ее смысл до *него*. — Мудрец вновь повернулся к Фейнману. — Лично я ее не понимаю.

Фейнман шел, пятясь задом, лицом к именитым ученым. Он отлично знал, куда они направляются — миля до дома Эйнштейна по адресу Мерсер-стрит, 112, а оттуда Гедель пойдет в одиночестве еще 1,6 мили до своего жилища на Линден-лейн, 145.

Но Гедель все еще не поддался.

— Вы не шпион? — осведомился он со своим сильнейшим немецким акцентом.

Фейнман не без труда сдержал смех. Все знали,

что Гедель не только ипохондрик, но и ничуть не в меньшей степени параноик.

— Нет, сэр. Я участник проекта «Арбор». Работаю с Китти Оппенгеймер и Лео Силардом.

— Гибель человечества, — сказал Гедель без явного сожаления в голосе. — Она неизбежна.

— Может быть, и нет, если мы сможем найти выход, — возразил Дик.

— И все-таки вы можете быть шпионом. Клаус Фукс ведь был.

Дик, естественно, не стал говорить о том, что в Лос-Аламосе они с Фуксом были приятелями.

— Я играю на барабанах. Разве человек, старающийся избежать подозрений, станет заниматься этим?

— О, смотрите! — радостно каркнул Эйнштейн. — Логика, Курт!

— Ладно, ладно, — сказал Гедель и вскинул ладони в примирительном жесте. — Вы спрашивали о вращающихся вселенных? Что ж…

Дик развернулся и пристроился рядом с Геделем — на попытку втиснуться между Геделем и Эйнштейном у него не хватило нахальства. Большинство квантовых физиков считало этих двоих далеко отставшими — Эйнштейн недавно якобы сказал «мы музейные экспонаты», и

в последнее время они редко разговаривали с другими учеными.

— Альберт считает, что Вселенная бессмертна и неизменна, и, чтобы убедиться в этом, добавил в теорию относительности свою «космологическую постоянную», — сказал Гедель. — Он говорит, что это нужно, чтобы сделать Вселенную красивой, потому что придает большое значение эстетике! Ну а я? Я простой человек — мне нравится розовый фламинго на моей лужайке, которого Альберт отвергает как китч, — и я ничего не буду заставлять *быть* чем-то определенным только для того, чтобы оно сделалось более привлекательным для мысленного взора. Можно обойтись без космологической постоянной, если мы готовы допустить либо расширяющуюся Вселенную…

— Сущая чепуха! — вставил Эйнштейн.

— …Или, — продолжал Гедель, — если допустить, что она вращается. — Они свернули на Олден-лейн. Эйнштейн, нахмурившись, разжег трубку. — И фактор ее вращения позволяет получить точное решение уравнений поля.

— И в такой вселенной, — подхватил Фейнман, чтобы продемонстрировать, что он слушает и понимает, — центробежная сила, возникающая при ее вращении, не позволит тому, что в ней

есть, слипнуться под действием гравитации.

— Считать, что вселенная так тщательно устроена! — фыркнул Эйнштейн. — Чепуха.

— Возможно, — уступчиво ответил Гедель. — Но возможно также, что когда-нибудь мы выясним, что *любая* вселенная, способная поддерживать существование связанной материи, сложных химических соединений и, следовательно, жизни, должна быть тщательно устроенной. Вечность — это концерт, но, Альберт, прежде чем приступить к его исполнению, необходимо настроить скрипку.

— Вот только вы не верите в вечность, — заявил Эйнштейн.

И это, понял Фейнман, и было ключом ко всему. Вращающаяся вселенная Геделя допускала то, что он называл замкнутыми времениподобными кривыми, в которых пути в пространстве-времени замыкаются сами на себя, позволяя, как он написал в статье на эту тему, «путешествовать в любую область прошлого, настоящего и будущего и обратно». Действительно, в его теории такие кривые проходят через каждую четырехмерную точку: независимо от того, где и когда вы находитесь, вы находитесь на замкнутой времениподобной кривой и теоретически можете

следовать по петле назад или вперед. Это означало, что в будущем нет ничего особенного по сравнению с прошлым — или настоящим.

Эйнштейн с готовностью признавал, что не существует единого «настоящего» — никакого «сейчас», разделяемого всеми; это представление являлось одним из краеугольных открытий теории относительности. Но тем не менее он также считал, что для любого индивида прошлое одновременно и *свершилось* (неизменно зафиксировано), и *ушло* (больше не существует ни в каком материальном смысле). И, напротив, он утверждал, что будущее еще не существует и поэтому является неопределенным и податливым. Напротив, замкнутые времениподобные кривые, которые постулировал Гедель, не придавали особого характера какому-либо классу моментов — ни один из них не исчезал безвозвратно, ничто не было навсегда высечено на камне, все доступно для восприятия.

— Посягательство на саму природу времени! — провозгласил Эйнштейн, когда они подошли к пересечению Олден-лейн и Мерсер-стрит. Соответственно, они пересекались не ортогонально, а скорее под тупым углом справа и под острым слева. Ведь действительно, в искривленном про-

странстве-времени не существовало истинных прямых углов.

Они продолжали спор, пока шли по Мерсер-стрит. Тень еще не сделалась сплошной: многие деревья лишь обрастали весенними лиственными париками.

— Кроме того, — продолжал Эйнштейн, — совершенно очевидно, что мы живем не во вращающейся вселенной. Такая вселенная выглядела бы не так, скажем, как образец керна твердой породы, который геолог добыл вращающимся сверлом, в котором все, казалось бы, вращается с одинаковой скоростью. Нет, общая теория относительности требует, чтобы в такой вселенной были видны далекие галактики, медленно вращающиеся вокруг нас, — а это не так.

— О, я знаю, знаю, — сказал Гедель. — Я вовсе не утверждаю, что моя метрика описывает нашу вселенную; нет, я всего лишь говорю о той, в которой возможны *ваши* уравнения.

— Но, знаете ли, — вмешался Дик, — мы *должны* были бы жить во вращающейся вселенной. Возможно бесконечное число вращающихся вселенных; какая-то сдвигается на градус по часовой стрелке в день, какая-то на два градуса по часовой стрелке в день и так далее, ну и столь же

бесконечные версии вращения против часовой стрелки. А вот без вращения существует только *одна* возможность: ноль градусов в любом направлении. Но я не доверяю ничему, что является исключением из общего правила.

— Как и следует, — сказал Эйнштейн. — Но данные наблюдений неоспоримы.

От перекрестка до белого дома Эйнштейна оставалось всего полтора квартала по Мерсер-стрит, и довольно скоро они дошли до него. Когда они остановились перед маленькими воротами из кованого железа, Дик на мгновение понадеялся, что Эйнштейн пригласит их войти. Но, к его разочарованию, тот сказал:

— Очень приятно было побеседовать, молодой человек. И, Курт, хотя я не верю в замкнутые времениподобные кривые, но все же с нетерпением жду обратного пути завтра утром.

Гедель прикоснулся к шляпе, прощаясь с другом, и Эйнштейн медленно миновал ворота и поднялся по четырем ступенькам к своей двери. Фейнман и Гедель стояли на тротуаре, и по беспокойству Геделя было ясно, что он очень хочет, чтобы Дик сейчас пошел в другом направлении, — снова эта проклятая паранойя. И, поскольку выбор был очень невелик — попытать-

ся или сдаться сразу, — Дик сделал решительный шаг.

— Но что, если наша вселенная вращается таким образом, что может показаться неподвижной?

— Вы имеете в виду: вращается крайне медленно?

— Нет. Но вы же помните гипотезу Джона Уиллера: что, может быть, во всей Вселенной существует только один электрон, который просто движется во времени взад и вперед с такой скоростью, что кажется, будто их неизмеримое множество.

— Ах да. *Furchtbar herzig.* Изящная выдумка.

— Но Джон не принял во внимание того, что электрон при обратном движении во времени превращается в позитрон. Мои графики…

— Ах! — перебил его Гедель. — Так вот вы *кто*! Молодой человек, рисующий странные кривые.

Фейнман улыбнулся:

— Виновен по предъявленным обвинениям. В любом случае, конечно, если объект, содержащий электрон, движущийся в будущее, вращается по часовой стрелке, его можно рассматривать так же обоснованно, как и тот же объект, содержащий позитрон, вращающийся против часовой

стрелки.

Глаза Геделя оставались закрытыми дольше, чем при обычном моргании, он, судя по всему, пытался зрительно представить себе сказанное.

— Да, верно. Конечно, это не электронный спин Уленбека, но…

— Нет. У электрона и позитрона однонаправленные спины. Я говорю о макроскопической физической ротации любого объекта, в который входят электрон или позитрон. Если что-то движется по правонаправленной спирали, направляясь в будущее, то при движении в прошлое оно будет вращаться по спирали в левую сторону.

Гедель кивнул.

— А теперь, — продолжил Дик, — предположим, что наша вселенная почти мгновенно переходит из состояния материи в состояние антиматерии, причем электроны превращаются в позитроны и обратно, как если бы они… — Он неопределенно махнул рукой.

— Вроде… осцилляции? — подсказал Гедель. — Никто еще не предлагал такого взгляда на фундаментальные частицы.

— Я знаю, но подумайте вот о чем: если вселенная быстро колеблется между состояниями

материи и антиматерии — то есть попеременно состоит из частиц материи, движущихся вперед во времени внутри вселенной, вращающейся по часовой стрелке, и из частиц антиматерии, движущихся назад во времени как часть вселенной, вращающейся против часовой стрелки, — то суммарный эффект был бы равен нулю при общем *видимом* вращении.

— И тогда даже наша собственная, реальная вселенная могла бы быть пронизана замкнутыми времениподобными кривыми! — заявил Гедель. — Какая интересная мысль! Конечно, возникли бы некоторые флуктуации…

— Вроде броуновского движения или саккадических движений глаза, только на порядки быстрее.

— Верно, — сказал Гедель. — Это выходит далеко за пределы возможностей любого из наших современных измерительных приборов, но теоретически экспериментально проверяемо и фальсифицируемо. — Он оглядел Фейнмана с головы до ног, несомненно, прикидывая, какую опасность тот может представлять, и, к радости Дика, предложил: — Не проводите ли вы меня до дома? Хотелось бы обсудить это поглубже!

Глава 43

Какая жалость, что они набросились на него, а не на какого-нибудь милягу вроде Бете. Теперь мы все должны встать на сторону Оппенгеймера.

Энрико Ферми

Роджер Робб снова поднялся со стула и посмотрел на Оппи. На сей раз за спиной юриста не было солнца, и Оппи в кои-то веки смог отчетливо разглядеть его хищное лицо с резкими чертами.

— Доктор, можем ли мы еще раз сослаться на ваше письменное заявление в этот совет, пожалуйста, сэр? На четвертой странице: «Весной 1936 года друг познакомил меня с Джин Тэтлок, дочерью известного профессора английского языка в университете, и осенью я начал за ней ухаживать. Мы, по крайней мере дважды, были достаточно близки к браку, чтобы считать себя помолвленными». — Оппи кивнул, и Робб продолжил: — Однако, доктор, насколько я понимаю, между 1939 и 1944 годами вы общались с мисс Тэтлок от случая к случаю. Это правда?

В предвечернем свете Оппи видел также и Кит-

ти. Недавно она упала и сломала ногу, которая теперь была в гипсе; костыли, прислоненные к стене, стояли позади нее березовыми стражами. Ее лицо выглядело непроницаемым, но она так вцепилась в деревянные подлокотники своего кресла, что пальцы побелели, и покрытые красным лаком ногти казались еще ярче.

— Сомневаюсь, что наши отношения можно назвать «случайными», — медленно ответил Оппи. — Мы были очень сильно привязаны друг к другу, и, — он снова посмотрел на Китти, — наши встречи по-прежнему вызывали сильные проявления чувств.

Робб кивнул:

— Сколько раз вы виделись с нею за период с 1939 до 1944 года?

— За пять лет? Можно предположить, что раз десять.

— При каких обстоятельствах это происходило?

— Конечно, часть наших встреч происходила в публичной обстановке. Припоминаю, что навестил ее под новый, 1941 год.

— Где?

— То ли у нее дома, то ли в больнице, где она работала, уже не помню. Тогда мы с нею пошли

выпить в «Топ оф зе марк». И еще она не единожды бывала в гостях у нас дома в Беркли.

Робб повернулся всем телом, чтобы прямо смотреть на Китти.

— В гостях у вас и миссис Оппенгеймер?

— Да, — подтвердил Оппи. — Ее отец жил в Беркли за углом от нас. Я однажды был у нее в гостях там. И… я был у нее в гостях, как я, кажется, уже говорил, в июне или июле 1943 года.

— Насколько я помню, вы по этому поводу сказали, что «виделись с нею».

Оппи заставил себя не возвращаться взглядом к Китти:

— Да.

— Зачем вам понадобилось видеться с нею?

— Она выказывала большое желание увидеться со мною еще до нашего отъезда в Лос-Аламос. Тогда я не смог выкроить время. Кроме того, я не имел права сказать ей, куда мы уезжаем. — Робб посмотрел на него, явно показывая взглядом, что ожидает продолжения, и Оппи продолжил: — Я чувствовал, что ей *очень* нужно увидеть меня. Она проходила лечение у психиатра. Она… она была крайне несчастна.

— Вы узнали, почему ей понадобилось увидеться с вами?

Смотреть точно перед собой!

— Потому что она все еще любила меня.

— Где вы встретились с нею?

— У нее дома на Телеграф-хилл.

— Когда вы видели ее после этого?

— Она отвезла меня в аэропорт, и с тех пор я больше не видел ее.

— Это было в 1943 году?

— Да.

— Она в это время состояла в Коммунистической партии?

— Мы не касались этого вопроса. Я думаю, что нет.

— В письменных показаниях вы отметили, что знали, что она коммунистка.

— Да. Я знал это осенью 1936 года.

— У вас были основания считать, что в сорок третьем году она *не* была коммунисткой?

Оппи, сидевший скрестив ноги, поставил их ровно:

— Нет.

— Вы провели с нею ночь, верно?

Ему потребовалось много сил для того, чтобы этот единственный слог прозвучал естественно, ровно, даже равнодушно:

— Да.

Он услышал, как у Китти перехватило дыхание.

— Это случилось, когда вы работали над секретным военным проектом? — спросил Робб таким тоном, будто не верил собственным словам.

И снова: тем же твердым, безразличным тоном.

— Да.

— Вы не подумали о том, что это не соответствовало требованиям безопасности?

И теперь, несколько собравшись с духом:

— Это было само собой разумеющимся. Ни слова… — Но он ясно видел притворное изумление Робба и, что еще хуже, настоящий шок на лицах трех членов комиссии, которым предстояло решить его судьбу. Он опустил взгляд в пол и сказал упавшим голосом: — Это был недопустимый проступок.

В половине пятого Робб наконец-то закончил, и председательствующий Грей объявил перерыв до завтра. Оппи сорвался с места и поспешил подать Китти костыли, но его опередил Ллойд Гаррисон. Китти решительно двинулась к выходу; костыли перемещались равномерно, как маятники напольных часов.

— Китти, — тихо сказал он, подойдя побли-

же, — я сожалею.

— Да, — ответила она, устремив неподвижный взгляд вперед, — это несомненно.

Спуститься по лестнице было для Китти очень трудной задачей, и она демонстративно отдала костыли Гаррисону, а не мужу, и медленно прыгала со ступеньки на ступеньку, цепляясь одной рукой за поручень перил.

Когда они вышли из здания и оказались на Национальной аллее, Оппи подвел итоги; тем же самым, как он заметил, занималась и Китти. Ярость, которой она полыхала несколько мгновений назад, утихла, и он увидел в ее глазах то же выражение, которое было у нее, когда они запирали дом на Уан-Игл-хилл, переезжая в Олден-Мэнор, — тоску и неуверенность в том, что они когда-нибудь вернутся сюда.

Утром, когда они приехали на заседание, им казалось, что до Белого дома, расположенного к северу от времянки, где проходило разбирательство, совсем недалеко. А сейчас? Теперь он казался недосягаемо далеким. А находящийся восточнее купол Капитолия с таким же успехом мог располагаться на другом континенте, в другом мире. Отсюда его не было видно, но до сегодняшнего дня он находился всего в нескольких минутах

на автомобиле, за Потомаком. И Пентагон, как он знал, тоже почти наверняка оказался вне его досягаемости. Эдвин Хаббл был прав: Вселенная расширяется — и все коридоры власти, все места, где Оппи совсем недавно мог находиться с полным правом, теперь отдалялись от него.

* * *

Среда, 21 апреля 1954 года, была кануном пятидесятого дня рождения Оппи. Вместо руководителя адвокатской группы Ллойда Гаррисона, который не смог сделать ничего полезного, на этом заседании Оппенгеймера представлял его давний личный адвокат Герб Маркс — тот самый, в доме которого он отравился снотворным. Это придало Оппи некоторую уверенность. Он также был доволен тем, что на вопросы Герба сейчас отвечал великий и ужасный Исидор Айзек Раби.

— Доктор Раби, — сказал Герб, — вам случалось говорить с председателем Комиссии по атомной энергии Льюисом Строссом по поводу доктора Оппенгеймера? — Маркс произнес имя председателя в той самой невообразимой провинциальной манере, в какой тот именовал себя сам.

— Совершенно верно, — заявил Раби. Когда Оппи не давал показаний, ему полагалось сидеть на

продавленном диванчике позади свидетельской трибуны. Оттуда он не видел лиц свидетелей, но подозревал, что глаза Раби — почти такие же печальные и мудрые, как у Эйнштейна, — устремлены не на Герба Маркса, который, в конце концов, был всего лишь орудием, а на Гордона Грея, председателя совета по обеспечению благонадежности. — Я никогда не скрывал от мистера Стросса своего мнения о том, что, по моему мнению, приостановление допуска доктора Оппенгеймера — очень неразумный поступок и этого не следовало делать.

Раби всегда говорил эмоционально, что нравилось Оппи даже в обычных обстоятельствах. Но сегодня нобелевский лауреат был в ударе.

— Иными словами, мое мнение таково: он был консультантом, и если вы не хотите, чтобы этот парень консультировал вас, то не консультируйтесь у него. Точка! — Раби покачал головой и добавил с нескрываемым отвращением: — Но зачем нужно отменять его допуск и устраивать вот это?.. — Он развел руками, указывая на зал и находившихся в нем, и добавил с интонацией человека, донельзя уставшего от мировой несправедливости: — Человек с такими достижениями, как доктор Оппенгеймер, вряд ли заслужил это.

Судя по виду Герба Маркса, он был намерен прервать выступающего. «О боже, нет! — подумал Оппи. — Пусть Раби продолжает!»

И нобелевский лауреат, подавшись вперед в кресле свидетеля, продолжал:

— В конце концов, есть же реальный, сугубо положительный послужной список. Мы имеем атомную бомбу, причем не одну, а целую серию изделий, а также целую серию супербомб. — Он раздраженно всплеснул руками. — Чего вам еще надо, русалок? Это просто потрясающее достижение! И если итогом этого пути оказывается вот такое слушание, которое нельзя назвать иначе, как унизительным, — он снова укоризненно покачал могучей головой, — то, думаю, спектакль… спектакль получился никудышным.

Оппи стиснул в зубах мундштук трубки и скрестил руки на груди. Он даже позволил себе мгновение приятного предвкушения, когда Роджер Робб поднялся для перекрестного допроса. Но его улыбка вскоре увяла.

— Доктор Раби, — сказал Робб со своей улыбочкой, больше похожей на гримасу боли от удара в живот, — возвращаясь к инциденту с Шевалье: если бы вы оказались в таком положении, вы, конечно, рассказали бы об этом всю правду, не

так ли?

— Я правдивый от природы человек, — гениально ответил Раби.

— Вы не стали бы лгать об этом?

— Послушайте, — сказал Раби, — согласен, что это было серьезным проступком, но я не стал бы придавать этому случаю принципиальное значение.

Тон Робба сочился презрением и фальшивой решимостью резать правду, несмотря ни на что.

— Конечно, доктор, вы не знаете, как могли звучать показания доктора Оппенгеймера перед комиссией по поводу этого инцидента, не так ли?

Раби явно хотел сказать, что это все несущественно, однако ограничился коротким:

— Нет.

— Итак, — резко бросил Робб, — комиссия имеет больше оснований судить об этом деле, чем вы.

— Может быть, — согласился Раби. Но, к радости Оппи, его старый друг не собирался сдаваться. — В свою очередь, *я* имею преимущество в виде очень долгого знакомства с этим человеком — с *1929* года, то есть *двадцать пять лет*. Я питаю больше доверия к одному чувству, просторечное наименование которого я здесь приводить не

буду; из литературных выражений ему лучше всего соответствует слово «интуиция».

— Допустим, — пренебрежительно сказал Робб. — Но если бы вы как ученый оценивали, скажем, взрыв, то, вероятно, имели бы преимущество, будучи его свидетелем, перед тем, кто этого взрыва не видел, верно?

Раби раздраженно всплеснул руками:

— Я не намерен играть с вами в словесные игры и просто не понимаю, куда вы клоните.

— У меня и в мыслях не было играть с вами, — елейным тоном ответил прокурор.

— Если вы хотите сказать, что очевидец способен рассказать о чем-либо лучше, чем историк, то даже не знаю, что вам возразить, — ответил профессор Колумбийского университета. — Историки ни за что не согласились бы с вами. — Он махнул рукой. — Это вопрос семантики.

— Позвольте снова вернуться к конкретике, — сказал Робб. — Согласны ли вы, доктор, что при оценке инцидента с Шевалье следует учитывать и слова доктора Оппенгеймера о том, что произошло, а также и показания таких людей, как вы?

— Погодите, погодите. Я не давал показаний по поводу этого случая. О нем я только слышал.

— Отлично. Но тот, кто слышал, как доктор

Оппенгеймер описывал этот инцидент, имеет преимущество перед тем, кто не слышал этих показаний, верно?

И снова Раби обрадовал Оппенгеймера, не поддавшись на эту уловку:

— Я оставляю за собой право на собственное мнение. За мной очень продолжительное общение с Оппенгеймером и непосредственное наблюдение за его всевозможными мельчайшими реакциями. Я видел, как работает его мозг. Я видел, как развивались его чувства. И я по-прежнему буду придерживаться своего права на собственное мнение.

Робб, судя по всему, понял, что проигрывает эту схватку.

— Благодарю вас, доктор, — с этими словами он вернулся на свое место.

Гордон Грей посмотрел на другой стол:

— У вас имеются еще вопросы?

Ллойд Гаррисон кивнул Гербу Марксу, и тот встал:

— Я хотел бы задать еще один вопрос, если на это будет согласие комиссии.

Грей кивнул.

— Доктор Раби, в ходе допроса доктора Оппенгеймера об этих обстоятельствах адвокат

правления задал ему вопрос, не была ли история, которую он рассказал сотрудникам службы безопасности, выдумкой и сплетением лжи, и на это Оппенгеймер ответил: «Верно». Он согласился с характеристикой, которую дал этому эпизоду адвокат.

Раби полуобернулся, как будто хотел взглянуть на Оппи, но их разместили так, что они не могли встретиться взглядами. Маркс продолжал:

— Хочу спросить вас, доктор Раби, не вызывает ли эта информация у вас желания высказать какие-либо дополнительные комментарии?

Раби полностью повернулся вперед, и Оппи заподозрил, что его взгляд снова был прикован к комиссии, а не к задавшему вопрос адвокату.

— Видите ли, — сказал он, — я могу это объяснить весьма сильным чувством личной лояльности, обусловленным дружбой. Я понимаю это так, что, упомянув Элтентона, он счел, что полностью выполнил свои обязательства. Да, все остальное было очень глупым поступком, но я *не* стал бы вкладывать в это зловещий подтекст.

— Доктор Раби, вы уверены, что доктор Оппенгеймер не повторит впредь подобной ошибки?

В статье для журнала «Тайм», поместившего на обложке его портрет, Роберт написал, что в

детстве был «до противной елейности хорошим мальчиком». В 1940-х годах И. А. Раби — по крайней мере, такой слух дошел до Оппи — назвал взрослого Роберта «богатым избалованным еврейским отродьем из Нью-Йорка». Но если принц Арджуна смог смириться с уготованными ему обязанностями, то, очевидно, то же самое по силам и некоему Робу Оппенгеймеру.

— Безусловно уверен, — ответил Раби. — Этот человек способен необыкновенно быстро учиться. — Он поднял руки ладонями вверх, словно изображая весы правосудия. — Я думаю, что сегодня перед нами гораздо более зрелая личность по сравнению с той, которую он представлял собою тогда.

Оппи улыбнулся и откинулся на спинку дивана. Часы показывали 3:25 пополудни, и Грей объявил перерыв до завтра. Раби покинул свое место, повернулся и подошел к Оппи, который тоже поднимался на ноги. Роберт наконец-то смог увидеть лицо своего старого друга, которое, хотя и не сияло, но выражало удовлетворение от хорошо выполненной работы.

— Спасибо, — сказал Роберт, пожимая руку Раби. — Спасибо.

— Что за *цурес!*[62] — воскликнул Раби. — Остается надеяться, что они поймут намек. Кто у них следующий свидетель?

Тут к ним дохромала Китти с все еще загипсованной ногой. Раби поцеловал ее в щеку; она тоже поблагодарила его за показания.

— Помилуй бог, — удивился Раби, глядя на нее, — что с вами случилось?

— Проклятые ступеньки в Олден-Мэноре, — ответила, поморщившись, Китти. — Нога подвернулась.

Раби воспринял ее слова с не очень хорошо скрытым скептицизмом, как будто подумал: «Не ступеньки, а стаканчики!» — и вновь повернулся к Роберту:

— Извините, что вы сказали?

— Вы спросили, кто из свидетелей будет давать показания завтра.

— Ах да, — кивнул Раби. — И кто же?

Оппи жестом предложил идти к двери:

— Эдвард Теллер.

Раби на мгновение застыл:

— Вот же черт…

---

[62] Примечания: 62
Цурес (*идиш*) — беда, неприятность.

Глава 44

Я искренне думаю, что без Теллера мир был бы гораздо лучше. Я считаю его врагом человечества.

И. А. Раби

Прокурор Роджер Робб прошелся по залу и, остановившись перед похожим на медведя физиком, сказал:

— Доктор Теллер, позвольте для начала спросить вас, сэр: вы сегодня выступаете здесь в качестве свидетеля по собственному желанию?

Теллер, как всегда, говорил рокочущим голосом с сильным акцентом:

— Я пришел сюда, потому что меня об этом попросили и потому что считаю своим долгом сказать по запросу то, что я думаю по этому поводу. — Он поерзал на свидетельском стуле, и его нога-протез клацнула по половицам. — Хотя предпочел бы не приходить сюда.

— Насколько я помню, сэр, некоторое время назад вы заявили мне, что все, что имеете высказать по этому вопросу, хотели бы сказать в присутствии доктора Оппенгеймера?

— Совершенно верно.

— Вы намерены высказать предположение о том, что доктор Оппенгеймер нелоялен к Соединенным Штатам?

Со своего диванчика в дальнем конце комнаты Роберт видел, как затылок Теллера качнулся влево, а потом направо.

— Я не собираюсь высказывать подобные предположения. — Он умолк, и Оппи подумал, что на этом все, но после небольшой паузы венгр продолжил: — Я знаю Оппенгеймера как чрезвычайно восприимчивого интеллектуально и очень сложного человека и думаю, что с моей стороны было бы самонадеянностью и ошибкой пытаться каким-либо образом анализировать его мотивы. Но я всегда предполагал и сейчас предполагаю, что он верен Соединенным Штатам. Я останусь при этом мнении, пока не увижу убедительных доказательств обратного.

Робб коротко кивнул:

— А теперь вопрос, вытекающий из сказанного. Верите вы или нет, что доктор Оппенгеймер представляет угрозу безопасности?

В зале суда воцарилась тишина, которую нарушал лишь отдаленный голос экскурсовода, который рассказывал через мегафон экскурсан-

там о белом шпиле, посвященном президенту, не умевшему лгать.

Теллер глубоко вздохнул, его широкие плечи поднялись.

— Мне случалось видеть очень много примеров действий доктора Оппенгеймера — я понимал, что доктор Оппенгеймер предпринимает действия, — обоснование которых мне было чрезвычайно трудно понять. — Он покачал головой, и Оппи представил, как он сдвигает огромные косматые брови. — Я по многим вопросам полностью не соглашался с ним, и его действия, откровенно говоря, казались мне путаными и… — он сделал паузу, словно пытался подобрать более подходящее прилагательное, но в итоге использовал то же, что и раньше: — сложными.

Многочисленные проблемы. Они принципиально разошлись во мнениях по поводу супербомбы — вот, пожалуй, и все. Да, этот вопрос можно разделить на десятки подтем, но пропасть между ними была не *настолько* велика… Или это лишь его собственная ошибочная оценка?

— И вот, исходя из этого, — продолжал Теллер, — я чувствую, что хотел бы видеть жизненно важные интересы этой страны в руках, которые лучше понимаю и, следовательно, которым боль-

ше доверяю. В этом очень ограниченном смысле лично я чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы государственные дела находились в других руках.

У Оппи екнуло сердце. Он почувствовал себя… наверное, так же, как должен был чувствовать себя Шевалье, узнав, что Роберт выдал его властям. К горлу подступила горечь.

Несомненно, этого было достаточно. Робб наверняка получил все, что ему требовалось. Но нет. Этот подонок оказался ненасытным.

— Доктор, я хотел бы еще раз спросить вашего экспертного мнения. Как вы считаете: если доктор Оппенгеймер проведет остаток своей жизни на рыбалке, это как-то повлияет на атомную энергетику и термоядерные программы?

«Иисус Христос! — подумал Оппи. — Вот же сукин сын!»

— Вы имеете в виду: с настоящего момента?

— Именно так, сэр.

Громоздкая туша Теллера снова пошевелилась на стуле.

— На этот счет я хотел бы сказать две вещи. Что касается КАЭ, то на рыбалку следует отправить ее подкомитеты в полном составе, чтобы они не мешали тем, кто занят настоящим де-

лом. — Оппи увидел, что на лицах всех троих членов правления появилось обескураженное выражение. — Однако следует отметить, что общие рекомендации, которые, насколько мне известно, чаще всего исходили от Оппенгеймера — и я имею в виду не только и даже не столько тематику термоядерного синтеза, но и другие случаи, — как правило, мешали, а не помогали, и поэтому я думаю, что дальнейшая работа доктора Оппенгеймера в комиссии была бы бесполезна.

Робб хотел было заговорить снова, но председатель Грей поднял руку.

— Считаете ли вы, что предоставление допуска доктору Оппенгеймеру поставило бы под угрозу обороноспособность и безопасность страны? — прямо спросил он.

Теллер некоторое время молчал, а когда он наконец заговорил, Оппи показалось, что в его хриплом голосе послышались нотки раскаяния, как будто его старый коллега понял, что, кажется, зашел слишком далеко.

— Я полагаю — и это всего лишь вопрос личной убежденности, мое мнение не опирается на какие-либо определенные знания или конкретную информацию, — что характер доктора Оппенгеймера не позволит ему сознательно и добровольно

сделать что-то такое, что могло бы поставить под угрозу безопасность этой страны. Поэтому, отвечая на ваш вопрос в той мере, в какой он может относиться к намеренным действиям, я сказал бы, что не вижу никаких причин ограничивать допуск.

Оппи не заметил того, что надолго задержал дыхание, и сейчас у него неожиданно вырвался вздох облегчения.

Но, черт возьми, оказалось, что Теллер сказал отнюдь не все.

— Но если речь идет о мудрости и осмотрительности, то, оценивая его поступки после 1945 года, я должен сказать, что будет разумнее *не* давать ему допуска. — Он помолчал несколько секунд и добавил почти жалобным тоном: — Вы позволите мне ограничиться этими комментариями?

Грей сказал: «Да» и отпустил Теллера. Оппи много раз видел, как тот поднимался с места. Для Теллера с ногой-протезом это всегда было очень нелегкой задачей. В конце концов он все же поднялся. Оппи ожидал, что Эдвард направится прямо к двери, но, к его изумлению, тот повернулся и пошел к нему. Его лицо с бледными глазами, окруженными набрякшими веками под взъерошенными густыми бровями, нависло

над Оппи.

— Я сожалею, — сказал он, протягивая руку.

Оппи уставился на ладонь, гораздо крупнее и мясистее, чем его сухая кисть. Но ведь сейчас обсуждали именно его характер, и ему оставалось только взять ее.

— После того, что вы говорили только что, — ответил он, — я сомневаюсь, что понимаю эти ваши слова.

Теллер отпустил его руку, повернулся и, подволакивая искусственную ногу, пошел к выходу.

Глава 45

За моей историей скрывается другой сюжет. Если какой-нибудь репортер копнет достаточно глубоко, он обнаружит, что все это дело куда серьезнее, нежели просто мое отстранение.

Дж. Роберт Оппенгеймер

Теперь ему оставалось лишь вернуться в Принстон и ждать вердикта Совета по обеспечению благонадежности. Оппенгеймер был не в настроении заниматься административными пустяками. Он направился прямиком в угловой кабинет на втором этаже корпуса А, принадлежавший владениям возглавляемой Раби группы «Терпеливая власть», рассчитывая немного отвлечься.

— Что ж, — сказал Луис Альварес, расхаживая по гипотенузе между северным и западным окнами туда и обратно, — если мы намерены защитить Землю от фотосферной вспышки, нам нужно нечто такое, что будет оставаться неподвижным между Землей и Солнцем, загораживая Землю.

— Такой орбиты не существует, — возразил

Оппи с долей того прежнего веселого злорадства, которое сплошь и рядом проскальзывало у него, когда он осаживал нахальных студентов. — Или, выражаясь более точно, существует только одна такая орбита, единственная орбита, по которой тело может вращаться вокруг Солнца ровно за 365 с четвертью суток — та, которую занимает Земля.

— А как насчет точки Лагранжа? — осведомился Раби, сидевший за единственным столом.

Оппи откинулся на спинку деревянного стула и кивнул. В любой системе, в которой маленькое тело находится под гравитационным воздействием двух больших, существует пять точек, в которых маленькое тело теоретически будет удерживаться гравитацией больших тел, хотя только две из этих точек стабильны в долгосрочной перспективе. В системе Земля — Луна стабильные точки находятся в определенных пунктах равносторонних треугольников, в двух вершинах которых находятся Земля и Луна.

— Между Солнцем и Землей правильно расположена точка L1, — сказал Оппи. — Это наилучшее место для щита, но эта точка нестабильна. Объекты в точках L4 или L5 будут держаться на установленном месте, но на расстоянии 400 000

километров впереди или позади положения Земли на ее орбите вокруг Солнца. Для щита это не годится.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Альварес. — Тогда предположим, что в будущем, когда до солнечного взрыва останется не так уж много времени, у нас появятся действительно большие термоядерные бомбы — если Теллер добьется своего, мы их обязательно получим. И предположим, что, должным образом запустив такие бомбы в само Солнце, мы несколько подкорректируем дату взрыва, чтобы она пришлась на такой день, когда крупное природное небесное тело будет закрывать Землю от Солнца.

— Солнечное затмение! — провозгласил Раби.

— Именно так, — сказал Альварес. — Пусть мы не в состоянии предотвратить вспышку, но, возможно, нам удастся с приемлемой точностью подправить момент события. И если получится передвинуть вспышку на время полного солнечного затмения, Луна примет на себя ее основной удар и, возможно, защитит Землю.

— Но ведь полным затмение бывает только в очень узкой полосе, — возразил Оппи, — и этой полосой практически ограничится защищенная часть Земли. Ближайшее полное затмение про-

изойдет в следующем месяце, и ширина зоны полного покрытия составит всего девяносто пять миль.

— Все же лучше, чем ничего, — сказал Альварес.

— Это не годится по времени, — сказал Раби. — Максимальная продолжительность полного затмения даже при самом лучшем покрытии диска составляет сколько — семь минут, кажется, да? Волкофф все еще вычисляет, пытаясь понять, сколько продлится эта вспышка, вернее, сколько времени пройдет с того момента, когда Земля коснется переднего края выброса до тех пор, пока она выйдет из него, но уже очевидно, что это будет намного дольше семи минут. Как только любая точка на Земле выйдет из тени, она сгорит.

— К тому же, — добавил Оппи, — вы исходите из предположения, что Луна достаточно твердая, чтобы защитить Землю от взрыва.

— Именно так, — подтвердил Альварес. — Вся лунная поверхность, вероятно, оплавится, но астрономическое тело все же уцелеет.

— Но Луна обладает низкой плотностью и, соответственно, очень небольшой массой, — сказал Раби. — Я не исключаю того, что при вспышке она просто испарится.

— Тем не менее нужно провести расчеты, — сказал Альварес.

— О, это мы сделаем, непременно сделаем, — сказал Раби. — Но даже если бы нам удалось уговорить Солнце всего лишь зажимать нос, пока мы не разрешим ему чихнуть — а это чертовски трудная задача, — я все равно не думаю, что это сработает. Необходимо что-то плотное, нечто такое, у чего могли бы сгореть внешние летучие слои, но при этом осталось твердое ядро, которое защитит нас.

– *Железное* ядро, — сказал Оппи. — Вроде того, каким обладает Земля.

Раби кивнул:

— Да. Но ведь не может же Земля защитить самое себя.

— Конечно, нет, — согласился Оппи. — Но ведь мы можем прикрыть Землей Луну!

— Что вы имеете в виду? — удивился Альварес.

— Полное *лунное* затмение: Солнце, Земля и Луна находятся на одной прямой. Как я уже сказал, ядро Земли, вероятно, состоит из железа, верно? Оно дьявольски плотное. Итак, несомненно, океаны испарятся, а земная кора сгорит, но железное ядро *может* сохраниться, и все, что будет находиться с наружной стороны планеты, за ядром,

окажется защищенным. При специфической геометрии лунного затмения Землю мы потеряем все равно, но Луна, возможно, все же уцелеет. И даже если обращенная к Солнцу сторона Луны расплавится — древние моря снова заполнит жидкость, то наружная сторона может остаться невредимой.

– *Если* мы сможем взять под контроль вспышку и заставить ее случиться во время лунного затмения, — сказал Раби.

— Да, — согласился Оппи. — Шанс, конечно, небольшой, но перевезти колоссальное количество людей на обратную сторону Луны будет *намного* легче, чем доставить их на Марс.

— Но мы твердо *уверены*, что Марс уцелеет, — сказал Альварес. — А вот шансов на то, что нам удастся осуществить эту затею с лунным затмением, ничтожно мало.

— Верно, — ответил Оппи. — Марс по-прежнему должен оставаться основной целью, если только нам не удастся найти какой-то другой способ предотвратить выброс или защитить Землю. — Он посмотрел на настенные часы с римскими цифрами, опоясывающими ядро. — Я с ног падаю. Последние несколько недель выдались для меня просто убийственными. До завтра.

* * *

В конце концов вердикт совета по поводу Дж. Роберта Оппенгеймера доставили. Письмо принесли, когда Оппи уже вернулся в Олден-Мэнор, но к двери на костылях прохромала Китти. Объяснившись с курьером, она вернулась в гостиную и объявила:

— Вот и оно.

Оппи, расположившийся на диване, поднял голову, и Китти села рядом с ним. Серебряным ножом для открывания писем она разрезала конверт, вытащила страницы и развернула их так, чтобы они оба могли читать одновременно. Текст как текст, простой набор абзацев, но, по мнению Оппи, его вполне можно было бы назвать обвинительным заключением.

> Мы пришли к выводу, что Оппенгеймер вполне лояльный гражданин. Однако мы не смогли столь же однозначно заключить, что восстановление допуска доктора Оппенгеймера явно соответствовало бы интересам безопасности Соединенных Штатов, и поэтому не рекомендуем этого делать.

Мы считаем, что поведение доктора Оппенгеймера в прошлом и настоящем и его связи отражают серьезное пренебрежение требованиями системы безопасности.

Мы считаем, что его отношение к программе создания водородной бомбы вызывает тревогу и сомнения в том, что его дальнейшая причастность к ней будет четко соответствовать интересам безопасности страны.

Мы с сожалением пришли к выводу, что доктор Оппенгеймер в нескольких случаях был не совсем откровенен в своих показаниях перед Советом.

— Что ж, — сказал Оппи, обмякнув на диване и судорожно дыша, — вот и все. Не с громом, а со всхлипом.

Китти притянула его к себе, и он положил голову ей на плечо.

— Сучьи дети, — сказала она, и он кивнул; слышно было, как щетина прошуршала по шелку блузки. — Мало того что они гнусно обошлись с тобой, но так оскорбить меня… — Она немного помолчала и повторила: — Сучьи дети.

Оскорбить *ее*… Да, да, они совершили столь же непростительный поступок, как и *он*. Заставить его рассказывать о взаимоотношениях с Джин прямо перед находящейся здесь женой! Варварство!

Китти было больно от того, что инквизиторы издевательски выставили напоказ то, что они старательно прятали даже от самих себя, но он знал, что еще хуже для нее было осознание того, что пришел конец и ее известности, и ее близости к сильным мира сего.

Он закрыл глаза, но все равно перед ним маячили призраки былого, а потом все поле зрения заполнил трепетный образ Джин — скорбной, изможденной и одинокой.

Глава 46

Я лично считаю, что наш отказ доктору Оппенгеймеру в секретном доступе станет черным пятном на гербе нашей страны.

Вард Эванс, из особого мнения к заключению Комиссии по благонадежности по делу Оппенгеймера

Эдвард Теллер глубоко вдохнул горный воздух. Ничто не могло сравниться с сухим, с цветочным оттенком, летним ароматом Лос-Аламоса, особенно после долгого перелета из Сан-Франциско и поездки по пыльной дороге из Санта-Фе. О, его дом в Ливерморе, где он сейчас работал, был намного лучше, чем квартира, которую они с Мици занимали здесь, но все же на протяжении трех лет напряженного умственного труда здесь был его дом, и он с радостью возвращался туда. Мици тоже приехала, оставив одиннадцатилетнего Пола и не по годам развитую семилетнюю Венди с семьей Эрнеста Лоуренса. О, сколько же народу из старой компании приехало на эту встречу! Ему не случалось бывать на встречах выпуск-

ников будапештской школы, но это собрание через девять лет после «Тринити» походило на триумфальное возвращение домой.

Они остановились в гостевом домике: квартиру, где они жили во время войны, сейчас занимал кто-то другой. На сегодня был намечен пикник на северной террасе Фуллер-лодж, и ему не терпелось повидать старых друзей.

Безоблачное небо было густо-голубым, что свойственно большим высотам. Под навесами были расставлены длинные столы с мисками салатов в мексиканском стиле и блюдами с изысканными десертами. Пара незнакомых Эдварду молодых людей хлопотала возле барбекю, подавая гамбургеры и хот-доги. Что ж, через столько лет не могло не появиться много новых для него лиц, но он был уверен, что большинство из этой молодежи знает, кто он такой. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что брови у него… приметные.

Но были тут, естественно, не только незнакомцы. Вот, например, Роберт Кристи, канадский теоретик — тот самый, который подтвердил предположение Эдварда о том, что ядро имплозионной бомбы должно быть твердым шаром, а не полой сферой, как предлагали поначалу. Первое время после войны, когда жилье было трудно

найти, Кристи и его жена жили в Чикаго в одном доме с Эдвардом и Мици.

Эдвард бодро зашагал к нему:

— Боб!

Кристи (ему было тридцать восемь лет, на восемь лет моложе Эдварда) повернул вытянутое худое лицо с длинным и костистым носом, полными губами и раздвоенным подбородком на голос и на мгновение встретился взглядом с Теллером. Эдвард протянул правую руку, и…

…И Кристи без единого слова повернулся к нему спиной и пошел прочь.

Эдвард почувствовал, что у него открылся рот, а Мици, как раз в этот момент подошедшая к мужу, возмутилась:

— Какой грубиян! — Взяв Эдварда под руку, она указала ему на стоявшего поблизости И. А. Раби.

Но при виде Теллера и его протянутой руки Раби искривил широкое лицо в досадливой гримасе.

— Я тоже не подам вам руки, Эдвард, — сказал он.

— Раби, что происходит? — спросила Мици.

Теллер заметил, что при взгляде на его жену выражение лица нобелевского лауреата смягчилось.

— Разве вы не читаете газет, миссис Теллер?

Она ничего не ответила, и Раби снова повернулся к Эдварду:

— У вас, вероятно, очень крепкие нервы, если вы решились приехать сюда.

Теллер посмотрел по сторонам. На лицах всех присутствовавших — и старых друзей, и коллег, и совершенно незнакомых людей — он видел или каменное равнодушие, или откровенный гнев, но не встретил ни одного приязненного взгляда. Он выдохнул, и весь благотворный эффект, который только что оказывали на него горные ароматы, рассеялся.

— Пойдем, — вполголоса сказала Мици.

Он обнаружил, что стоит как вкопанный и не слышит ничего, кроме стука собственного сердца, каждый удар которого гулко отдавался в его ушах. В кишечнике вдруг забурлило: язвенный колит, мучивший его последние несколько лет, плохо переносил стресс. Но вскоре он опомнился настолько, что почувствовал в своей руке маленькую ручку Мици, нежно тянущую его за собой. Наконец Эдвард смог привести в движение здоровую ногу, за ней пошевелилась металлическая, и они пошли обратно к гостевому домику. Он шел, уставив взгляд в желто-коричневую землю. На

тропинку перед ними выскользнула змея, и им пришлось остановиться и подождать, пока она не уползет.

— Я должен был сказать правду, — произнес он наконец, обращаясь не столько к Мици, сколько к самому себе.

— Конечно, Эде, а как иначе?

— Накануне того дня, когда я должен был давать показания, меня пригласил Роджер Робб. Он дал мне прочесть показания Оппенгеймера по поводу этого самого Шевалье. Ложь, путаница, умолчания; Оппенгеймер сам назвал все это чушью.

— Да, — отозвалась Мици, хотя Эдвард не сомневался, что ни о чем этом она прежде не слышала.

— Я *должен* был высказать то, что чувствовал. Разве можно, зная все это, доверять такому человеку? — Мици кивнула, и они пошли дальше. — А его постоянное противодействие водородной бомбе! Ты видела Оппенгеймера с его детьми: ему безразлично их будущее. А я хочу, чтобы наши Пол и Венди росли в мире, свободном от коммунизма.

Мици чуть сильнее любовно, успокаивающе сжала его руку.

— У меня не было выбора, — сказал Эдвард.

— Совершенно не было, — отозвалась Мици.

Они подошли к выделенному им домику. Эдвард отворил дверь и держал ее, пропуская внутрь Мици. Несколько очень долгих секунд он стоял на пороге, думая о том, как хорошо было бы, если бы здесь оказался его столько поездивший по свету рояль, и как хорошо было бы звуками Моцарта и Бетховена выбить из головы клокочущие там гнев и осознание предательства.

— Нет никакого смысла оставаться здесь, — сказал Эдвард еще более низким, чем обычно, голосом. — Собирай вещи. Мы уезжаем.

* * *

Оппи с радостью вернулся в свой кабинет в Институте Перспективных Исследований. Его приводила в ужас мысль о том, что Льюис Стросс, который все еще входил в совет директоров ИПИ, будет настаивать на его смещении и с этого поста, но, возможно, южанин придерживался теории о том, что своих друзей нужно держать вблизи, а врагов еще ближе. Или, может быть, Стросс просто боялся гнева Эйнштейна. Как бы там ни было, но никаких признаков того, что положение Оппенгеймера здесь покачнулось с тех пор, когда начались эти жуткие слушания в Совете по бла-

гонадежности, не замечалось.

Заглянул Лео Силард, принес Оппи пирожное, покрытое толстым слоем желто-белой глазури. Оппи поблагодарил его, но просто положил угощение на стол.

— Что ж, — заявил Лео, — если вы не хотите, то это съем я. — Он быстро протянул руку, в три укуса покончил с пирожным, а потом сказал: — Знаете, сегодня прекрасный день. Составьте мне компанию на прогулке.

Роберт взял шляпу, и они вышли через черный ход Фулд-холла на солнце. Оппи намеревался свернуть на давно исхоженную тропинку, но Лео направился прямо по газону к лесу, окружавшему институт.

— Кошмарная история, — сказал Лео. — Недопустимая.

Роберт кивнул:

— По крайней мере, пытки закончились и мне не нужно больше мотаться в Вашингтон.

— Да, да, но это не просто конец *вашей* карьеры государственного служащего, — сказал Силард, покачав головой. — Неужели вы не видите? Это конец нового миропорядка.

Длинноногого Оппи сразу унесло на два ярда вперед его тучного спутника. Он приостано-

вился:

— Что вы имеете в виду?

— Период, непосредственно последовавший за Второй мировой войной, стал первым в истории, когда ученые — не наука в целом, а конкретные ученые с именами — были признаны ответственными за поворотный момент в истории. До этого подобное положение занимал только один ныне живущий ученый, мой дорогой друг Альберт, но даже он вынужден был признать, что своей славой обязан в большей степени своей эксцентричности и прическе, а не чему-то такому, что представители масс просто не способны даже выговорить. Но после войны появились ученые, получившие всемирную известность. Ваш портрет поместили на обложку журнала «Тайм»!

— Без последнего всплеска публичности я вполне мог бы обойтись.

— Ах, американцы больше всего на свете любят смотреть, как могущественные еще вчера люди летят вверх тормашками. Но неужели вы не понимаете? После войны нам, ученым, не только предоставили положение интеллектуалов, но и дали возможность вещать на публику. Наше мнение о политике по своей весомости равнялось нашему мнению о физике. Нас *слышали*.

Но эта пародия на разбирательство? Всем недвусмысленно показали, что если ученый в своих высказываниях — в своих действиях! — отступит от линии партии, то его заткнут. Таков был вердикт на вашем процессе. Вы слышали, что говорил Эдвард?

— О да.

— Я не о том, что он высказал на процессе. До него.

Оппи покачал головой.

— Он хотел, чтобы вас полностью отстранили от дел, лишили статуса и вас лично, и всех «людей Оппенгеймера», всю «машину Оппенгеймера». И речь шла обо всех нас, о тех, кто осмеливался усомниться в праве военных диктовать политику. Такие люди, как Теллер и Лоуренс, с радостью дадут «ястребам» все, что те пожелают, и пойдут на все, чтобы заткнуть рот тем, кто будет с этим не согласен.

Оппи двинулся дальше, и коротенькому толстому Лео приходилось прилагать усилия, чтобы не отставать.

— Но это же безумие, — сказал Роберт после продолжительной паузы. — Ведь Теллер *знает* о фотосферном выбросе.

— И о выбросе, и о нашем проекте по спасению

человечества, который он намеревался возглавить, но это место заняли *вы*.

— Верно. И, полагаю, что не получить того, на что рассчитывал, очень неприятно. Но тем не менее он ведь должен думать о будущем.

Силард положил руку на локоть Роберта, и они снова остановились.

— Оппи, простите меня, но вы наивны. Что касается меня, то я совсем другой — возможно, непрактичный. Но вы просто не видите того, что находится у вас перед глазами. Большинство людей, находящихся у власти, заботятся только о сохранении этой власти. Я прочитал дюжину статей, в которых вас называют Фаустом двадцатого века, но это чушь, чушь, чушь! Вы не заключали сделку с дьяволом; ее заключили они — поджигатели войны, которые видят, что теперь, после Хиросимы, предел для них — только небо, и американский орел осыплет их деньгами. Они завладели мирскими благами — властью, престижем, богатством — в настоящем, и даже если те немногие, кому известна наша истина, верят, что это скоропреходяще и что в конце концов они сгорят, то они утешаются тем, что такая участь постигнет *всех*. Так почему бы не сидеть на вершине до самого конца?

Силард нахмурился и продолжил:

— «Тринити». Троица. Очень странный для еврея выбор названия. Но оно было уместно, Оппи, более чем уместно. Апофеоз ученого; физик как Мессия, способный проповедовать множеству людей. — Он покачал головой. — Но спасителя пригвоздили к кресту, как и всех ему подобных. — Он снова двинулся с места, и Оппи вместе с ним. — А Воскресения не будет; даже атомная бомба не смогла бы сейчас сдвинуть камень, погребший либеральную науку. — «Машина Оппенгеймера»? Такой просто никогда не было! А *военная* машина? Сейчас она у власти, и ее верховных жрецов зовут Эдвард Теллер, Эрнест Лоуренс и Льюис Стросс.

Оппи вынул из кармана трубку и принялся набивать ее любимым табаком с ореховым вкусом.

— Когда Гровз настоял на том, что все, касающееся солнечного взрыва, нужно засекретить, я возмутился, — продолжал Лео. — Военный склад ума! Ужас! Тогда он, конечно, был неправ, но обстоятельства изменились, и поворотным моментом стало ваше слушание. Тех, кто стоит у власти, нисколько не тревожат проблемы далекого будущего, и они с готовностью расстреляют любого, кто попытается отвлечь их от того, что

происходит здесь и сейчас. Ученые в одночасье превратились из интеллектуалов с широким кругозором, мнение которых по любому вопросу достойно публичного внимания, в узких специалистов, которым разрешено говорить только о крошечных областях, и даже в этих пределах мы должны выражать свои мысли на языке столь же трудном и мало кому понятном, как…

— Как венгерский? — предположил Оппи.

Силард улыбнулся:

— Вот именно. В конце концов, вас судили не за ваши прошлые связи; первые двадцать три обвинения всего лишь гримировали двадцать четвертое. Но последнее из них — что вы, ученый, можете выступать против политики власть имущих, стоять на пути создания термоядерной водородной бомбы!.. — Они снова остановились, и Лео поскреб подошвой ботинка по камню, как будто там прилипла какая-то гадость и он хотел счистить ее. — Нет, теперь мне понятно, что если мы хотим спасти их, то действительно должны делать это тайно. — Он поднял глаза на Оппи. — А вот *следует ли* их спасать при нынешнем положении вещей? Ответ на этот вопрос я оставлю другим.

Глава 47

В книгах то и дело читаешь о том, что умирающие исповедуются в своих грехах живым. Мне всегда казалось, что было бы гораздо логичнее поступить наоборот. Итак, я исповедался Ферми в своих грехах. Никто, кроме него, за исключением Божества, если таковое существует, не знает, что я сказал ему тогда.

Эдвард Теллер

Когда Лаура Ферми позвонила и пригласила Теллера поскорее прилететь в Иллинойс, она предупредила его о том, чего следует ожидать, и все же увиденное ужаснуло его. Теллер замер в дверях отдельной палаты больницы Биллингса при Чикагском университете, уставившись на старого друга. Энрико еще не заметил его появления.

Вот только, черт возьми, он не был *старым* другом — он был молод, всего пятьдесят три, слишком мало, чтобы умирать.

Похоже, Энрико тоже думал о времени. Он был одет в бледно-желтую больничную пижаму,

лежал, откинув голову на подушку, и держал в руках что-то похожее на карманные часы. Питательная трубка проходила прямо в его желудок, делая его похожим на огромный — и ужасно истощенный — человеческий плод. Эдварду показалось, что Оппенгеймер во время слушания походил на скелет, но он был определенно крепок по сравнению с тем, что осталось от Ферми.

Лаура, еще далеко не старая женщина с приятным широким лицом и короткими волнистыми светлыми волосами, стоявшая рядом с мужем, первая заметила Теллера.

— Эд! — воскликнула она. — Большое спасибо, что пришли! — Она подошла, обняла его, поцеловала в щеку и проводила в палату.

Энрико, и в лучшие времена скупой на улыбки, скривил губы в еле заметной усмешке. Он повернул часы, оказавшиеся секундомером.

— Проверяю поступление питательных веществ, — сказал он. Его голос утратил почти всю прежнюю мощь, но сохранил неизменным римский акцент. Теллер отметил, что рядом, только руку протянуть, лежит логарифмическая линейка Энрико из слоновой кости; нобелевский лауреат явно сохранил живость ума, невзирая даже на то, что тело предало его. Проведя минув-

шее лето в Европе, Энрико вернулся в Чикаго с жалобами на проблемы с пищеварением. Пробная операция, проведенная две недели назад, 9 октября 1954 года, выявила распространенный рак желудка, который уже дал метастазы. Диагноз был смертельным, жить оставалось всего несколько месяцев, а то и недель.

Лаура подвела Эдварда к кровати, и Энрико поднял правую руку.

— Не волнуйся, дружище, — сказал он. — Я хочу пожать тебе руку.

Эдвард взял ее — хрупкие косточки и сухожилия в свободном чехле из кожи цвета луковой кожуры — и чуть заметно сжал.

— Спасибо, — сказал он, потому что не знал, что еще сказать.

Лаура улыбнулась.

— Ну, я пока пойду, — сказала она, — а вы поговорите тут о своих делах. — Она поцеловала Энрико в лоб и вышла из палаты.

Ферми бросил ей вслед мечтательный взгляд:

— Ты даже представить себе не можешь, какой красавицей она была в юности. Все мальчишки завидовали мне. — Он взглянул на Теллера. — Не будь таким мрачным, дружище. Все-таки умираю *я*, а не ты.

Двое физиков были знакомы с лета 1932 года — вот уже двадцать два года; за это время мир сменился войной, а потом снова наступил мир. Эдвард попытался улыбнуться, и Ферми продолжил:

— Меня только что благословили католический священник, протестантский священник-пастор и еврейский раввин. Каждый подходил и спрашивал, позволяю ли я ему благословить меня, ну а мне чихать! — Когда он улыбался, череп обрисовывался совсем четко. — Им приятно, мне не вредит, так почему бы и нет?

— Но ведь ты и сам Римский папа, — ответил Теллер; Ферми заслужил это прозвище десятилетия назад за свою непогрешимость в вопросах физики. — Ты можешь и сам себя благословить или, может быть, даже канонизировать сам себя.

— Сан-Энрико… — произнес Ферми и покачал головой. — Слишком похоже на «Сатана Рико».

Эдвард указал на иссохший торс друга.

— Ты полагаешь, это из-за радиации? — Ферми — Итальянский штурман, как его называли, — присутствовал при всех запусках первого атомного реактора (из-за примитивности конструкции его называли «поленницей»), сооруженного под трибуной стадиона «Стагг-филд», ну и

в Лос-Аламосе и здесь, в Чикаго, всегда старался участвовать в экспериментах.

— Кто знает? — ответил Энрико. — Если так, то она сыграла со мною скверную шутку.

Теллер почувствовал, что у него щиплет глаза.

— Это скверная шутка по отношению к твоим друзьям.

Энрико философски пожал костлявыми плечами так, что они поднялись к верхнему краю подушки.

— Если рак вызван радиацией — полагаю, Оппи сказал бы, что это именно так, — то какое индийское слово он так любит?

— Карма, — сказал Эдвард, с трудом вытолкнув слово изо рта.

— Да. И раз уж мы вспомнили о… — Энрико сделал паузу. Эдвард ожидал, что он повторит слово «карма», но Ферми сказал: — Об Оппенгеймере… — Ферми имел привычку смотреть вниз, отчего его взгляд и в лучшие времена казался меланхолическим, но сейчас, когда этот взгляд остановился на лице Теллера, в нем читалась не только печаль, но и разочарование. — Послушай, Эд, я отлично знаю, что Оппенгеймер порой бывает невыносим. Это часто бывает с людьми подобного происхождения — с теми,

кому с детства не нужно было думать о деньгах. Самоуверенные, высокомерные. Но…

Он умолк, и Эдвард не мог понять: то ли он лишился сил из-за болезни, то ли просто собирается с мыслями. Но вскоре он продолжил:

— Но то, что ты сказал на слушании в Совете по благонадежности… — Ферми снова покачал головой, его волосы терлись о запачканную слюной наволочку. — Это было… — Теллер приготовился услышать мягкий упрек и оказался не готов к резкому слову, — неприемлемо.

— Энрико, прошу тебя…

— Нет? — осведомился Ферми. — А какое же слово можно тут употребить? Он привез тебя в Лос-Аламос, он предоставил тебе полную свободу в работе над супербомбой, в то время как все остальные сосредоточились на бомбе деления. И своим положением, и тем, что супербомба *вообще* существует, ты обязан исключительно ему.

— Если бы он вовремя изменил направление работы, мы получили бы супербомбу гораздо раньше.

— И что мы делали бы с нею? Стерли бы всю Японию с лица земли? Или Германию, если бы управились раньше? У Японии, по крайней мере, нет непосредственных соседей, в отличие от

Германии. Мой бог! С ней непосредственно соприкасаются Дания, Польша, Чехословакия, Австрия, Швейцария, Франция, Бельгия и Нидерланды, и моя Италия лежит лишь немного южнее, и твоя Венгрия — восточнее. Водородную бомбу никак нельзя было бы использовать в Европе.

— Но сейчас наши враги — гигантские страны, — возразил Теллер. — Россия, Китай. У них *есть* подходящие цели далеко в глубине территорий.

– *Сейчас* — возможно. Однако Оппи должен был решать задачи *того* периода — и он действительно баловал тебя в Лос-Аламосе.

— Тем, что поставил меня в подчинение Бете?

— Эд…

— Ладно, ладно, — примирительно махнул рукой Теллер. — Но ты должен согласиться, что после войны он только и делал, что ставил палки в колеса.

— Тем, что возражал против бомбы ядерного синтеза? Тем, что придерживался своего тщательно продуманного мнения? Тем, что не соглашался с *тобой*? И за *это* ты уничтожил его?

— Он вполне может преподавать, если захочет. — *И если кто-нибудь захочет взять его в преподаватели.*

— Для такого человека, как Оппенгеймер, для человека, который столько лет вращался в самом средоточии событий, отрешение от коридоров власти равносильно гибели. И ты это знаешь.

— У него остается Институт перспективных исследований — кстати, перехваченный у меня — и все, что там происходит.

Ферми приподнял брови, отчего его взгляд сделался еще печальнее.

— Мы с тобой относимся к тому ограниченному кругу, где известно, чем он там занимается и насколько это важно.

Теллер посмотрел в окно: там пылали яркие, как грибовидное облако, кроны осенних кленов.

— Энрико, я ни в чем не виноват. Он сам уничтожил себя. Он лгал службам безопасности. Вечером, накануне моего выступления на слушаниях, Роджер Робб показал мне текстовые расшифровки звукозаписей и…

— И теперь ты будешь настаивать на том, что эти расшифровки заставили тебя изменить мнение? Что до тех пор, пока ты не ознакомился с ними, ты не мечтал толкнуть Оппи под…

Энрико снова умолк, не договорив фразу. Они говорили на английском, которым оба владели одинаково хорошо, и Теллер мысленно завер-

шил: «…под движущийся поезд», прежде чем итальянец перевел дух. Но, заговорив, он удивил Эдварда:

— …под движущийся трамвай.

Нобелевский лауреат *хорошо* знал его. Теллер мало кому рассказывал о несчастном случае, стоившем ему правой ноги. Глупая выходка, юношеская бравада и глупость. Это случилось в Карлсруэ, когда ему было семнадцать лет. Он проехал свою остановку, спрыгнул с подножки движущегося трамвая, потерял равновесие и упал. Заднее колесо переехало его лодыжку, оторвав ступню.

— Нам всем случается делать дурацкие ошибки, — продолжал Энрико. — По крайней мере, Оппенгеймер совершил глупость, желая спасти друга, разве не так? Этого Шевалье.

– *Друга*… — повторил Эдвард. Слово звучало горько даже для него. — Я потерял столько друзей. И… — *И теперь потеряю еще и тебя.*

— На твоем месте, — сказал Ферми; в его голосе еще прибавилось болезненной хрипоты, — я затаился бы на время. Исчез из поля зрения публики. Память сотрется. А если ты сможешь как-то компенсировать…

— У меня тоже есть *мое* собственное мнение. И

я считаю, что после отстранения Оппенгеймера жизненно важные интересы этой страны оказались в более надежных руках.

Ферми, похоже, хотел возразить, но Теллер, чтобы не позволить умирающему другу переутомиться — и чтобы самому не слышать порицаний, — продолжил:

— Но, поскольку необходимо опровергнуть… неправильное представление о супербомбе, я предпринял шаг к примирению.

Совсем недавно свет увидела научно-популярная брошюра под названием «Водородная бомба: люди, опасность, механизм», написанная двумя корреспондентами журналов «Тайм» и «Лайф». В ней Теллер был представлен гением-провидцем и единственным создателем супербомбы, тогда как Оппенгеймеру была отведена роль злодея и даже шпиона. Более того, в книге говорилось, что бомбу разработали в Ливерморской лаборатории, основанной два года назад в Северной Калифорнии Теллером и Эрнестом Лоуренсом, а не в Лос-Аламосе, как это было на самом деле. Книжка привела в бешенство Норриса Брэдбери, преемника Оппенгеймера, и, как предполагал Эдвард, должна была возмутить и самого Оппи.

— Я кое-что написал. — Эдвард достал из внут-

реннего кармана пиджака тонкую пачку бумаг, покрытых машинописным текстом, и передал их Ферми.

— «Дело многих рук», — прочел Энрико, с трудом удерживая дюжину листов двумя руками. — Что это такое?

— Правдивое изложение истории разработки супербомбы. Правда, не знаю, буду ли издавать. Льюис Стросс считает, что публикация только ухудшит положение.

Ферми начал просматривать статью.

— Но что может мешать опубликовать это? Действительно, это было делом многих рук. Тебе бы отнюдь не повредило показать, что ты признаешь и чужие заслуги. — Он дочитал до конца, вернулся к началу и пробежал текст еще раз. — Я не вижу упоминаний Станислава Улама.

У Теллера болезненно дернуло под ложечкой. Он далеко не в первый раз слышал этот упрек.

— Улам ничего не сделал! Он не верил в успех!

— Последнее не отменяет первого. Я своими глазами видел его уравнения.

— Да, но…

— Эд, ты пытаешься реабилитироваться. Будь великодушным.

Теллер хмыкнул:

— Пожалуй, можно будет вставить упоминание о нем.

— Отлично, — отозвался Энрико и изобразил дрожащей рукой нечто вроде того жеста, которым римский первосвященник приветствует толпу. — Римский папа благословляет.

Эдвард донельзя устал — от *всего*. Он обвел взглядом тесную комнатушку, нашел в углу маленький уродливый стульчик и подтащил его по кафельному полу к кровати с тем мерзким звуком, который иногда издает мел, когда пишешь на доске. Усевшись перед Ферми, он тяжело вздохнул и сказал:

— Я хочу поделиться кое-чем, что у меня на душе.

— Тебе повезло: мало кому удается исповедаться лично папе, — ответил Энрико со слабой улыбкой.

Эдвард пошевелился, поудобнее устраивая свое увесистое тело на деревянном сиденье хлипкого стула. Его протез лязгнул о металлическую ножку кровати, но он ничего не почувствовал.

— Я *хочу* использовать бомбу, — сказал он после продолжительной паузы. — Я хочу увидеть, что на свете не осталось ни одного коммуниста. Если надежда на спасение человечества все же *есть*

— если оно возобновит свое существование с чистого листа на Марсе или где там еще, — нужно, чтобы оно было *чистым*.

— Ты думаешь о превентивной войне против России?

— Не только я, — ответил Теллер и разозлился на себя, уловив в собственном голосе интонацию оправдывающегося. — Со мною согласен Джон фон Нейман. Он рассуждает так: «Если мне скажут, что мы будем бомбить их завтра, я спрошу: “Почему не сегодня?” Скажут: «В пять часов дня», а я спрошу: “Почему не в час?”».

— Фон Нейман слишком заигрался в свою теорию игр. Люди в России ничем не отличаются от всех остальных.

— Я *ненавижу* коммунистов, — сказал Теллер.

— Эд, Эд… Даже Гитлер убил примерно шесть миллионов. Неужели ты хочешь полностью истребить всех жителей Советского Союза?

— И не только их. Теперь — еще и коммунистов Китая. Считаного количества супербомб хватит для того, чтобы уничтожить всех коммунистов, дать человечеству возможность начать с чистого листа, избавить его от раковой…

Он осекся, потрясенный неосознанным выбором метафоры:

— Энрико, прости.

– *Ego te absolvo*[63], — с наигранной важностью произнес Ферми. — Грех вот этой оговорки. Но что касается того, что ты проповедуешь: Эдвард, это бесчеловечно.

Теллер снова стукнул протезом ноги по кровати, на этот раз намеренно:

— Тут я не согласен с тобой. Супербомба может *очистит*ь. Кроме того, подумай, во сколько обойдется переселение того, что осталось от человечества, перед фотосферной вспышкой. Миллиарды, может быть, даже триллионы долларов. Уничтожив врага сейчас, мы избежим разорительной гонки вооружений, которой все так боятся. Все эти деньги могут пойти на финансирование…

— Исхода? — вставил Ферми.

— Совершенно верно.

Но Ферми покачал головой:

— Ветхий Завет не по моей части. И, определенно, я не доживу до всего этого.

— Тебя *будут* помнить, — сказал Теллер.

— Будут? — Ферми, казалось, задумался об этом. — Возможно. Пожалуй, за нашу чикагскую

---

[63] Примечания: 63
Отпускаю тебе грех (*лат.*).

поленницу. Но знаешь, что сказал Лео Силард, когда мы наконец-то запустили его? «Этот день будет черным в истории человечества». — Энрико наклонил голову. — Допускаю: может оказаться, что он был прав.

— Такая возможность — абсолютное превосходство в вооружении — может никогда не повториться. Сейчас или никогда.

— В таком случае, Эд, ради бога, в которого ни ты, ни я не верим, пусть будет никогда. И пусть твоя идея умрет вместе со мною.

— Но…

— Эдвард, дай мне честное слово. Это последнее желание умирающего. Никакой превентивной войны, никакого упреждающего удара. — Ферми снова протянул правую руку.

Теллер несколько секунд смотрел на нее, а потом осторожно пожал, легонько встряхнув.

Глава 48
1958

Существует возможность разогнать транспортное средство массой в несколько тысяч тонн до скоростей, в несколько раз превышающих скорость отрыва от Земли. Круглый диск из прочного материала, который называется толкателем, соединен через амортизирующий механизм с самим судном, которое находится над узлом «толкатель-амортизатор». Ядерные бомбы, находящиеся на корабле, периодически взрываются под толкателем. Каждая бомба окружена массой вещества, служащего рабочим телом. В результате каждого взрыва рабочее тело ударяется о толкатель и выталкивает его вверх, к амортизаторам, которые затем передают кораблю конструктивно приемлемый импульс.

Технико-экономическое обоснование космического аппарата, приводимого в движение ядерной бомбой. Контракт

между Военно-воздушными силами США и «Дженерал атомикс», 30 июня 1958 г.

— Эй, вы! Эй, самый большой! Подождите! — Лео Силард почти бежал, стремясь догнать рослого широкоплечего мужчину.

— Что? — Даже в этом коротком слове слышался сильный акцент, а голос оказался гораздо выше, чем можно было бы ожидать от человека такой комплекции.

– *Sprechen Sie Deutsch*?

– *Ja.*

– *Ah, sehr gut,* — сказал Силард и продолжил так же по-немецки: — Значит, это точно вы! — Он упер руки в бока. — Так-так-так! Вернер фон Браун. Наконец-то!

— Ну а вы кто такой? — спросил «самый большой», действительно тучный, хоть и не достигавший объема кругленького физика, но выше его на целую голову.

Лео удивился:

— Я Силард, вот я кто! Вы наверняка слышали!

— А-а, — безразлично отозвался фон Браун. — И что вы делаете здесь, в Сан-Диего?

— То же самое можно спросить и у вас. Я слышал, что вы сидите в Техасе и занимаетесь

своими ракетами.

Они стояли перед круглым зданием технической библиотеки, которая находилась в самом сердце нового объекта «Дженерал атомикс» в Торри-Пайнс.

— Оппенгеймер намекал на то, чем они здесь занимаются, — сказал фон Браун. — Конечно, я видел отчет Улама и Эверетта еще в 1955 году, но не подозревал, что кто-то воспринял его всерьез.

Лео хорошо знал, о чем идет речь: он и его коллеги по группе «Скрепляющий цемент» в Принстоне долго и скрупулезно обсуждали тот доклад. Хотя в его названии «Способ приведения в движение снарядов с помощью внешних ядерных взрывов» даже не упоминались пилотируемые космические полеты, применимость предложенного метода для их цели была очевидна. Ведущаяся здесь работа, получившая название проект «Орион», выросла из идеи Станислава Улама, впервые выдвинутой сразу после испытаний «Тринити», — использования взрывающихся бомб для приведения в движение космических кораблей.

— О, эту идею восприняли даже очень серьезно, — сказал Силард. — Фримен Дайсон прибыл сюда из Института перспективных исследований

в качестве эмиссара нашего проекта «Арбор»; он будет работать в «Орионе», по крайней мере, в этом учебном году.

— Как же! Дайсон — головастый парень. — Фон Браун смотрел на Силарда сверху вниз, и, похоже, не только в буквальном смысле этого слова. Лео понимал, что немец, инженер по своей сути, весьма далек от того образа мышления, которым славился *luftmensch*[64] Силард.

— Уверяю вас, я не собираюсь оставаться здесь, — сказал Лео. — Точнее говоря, *здесь*, в «Дженерал атомикс», хотя именно туда меня пригласили консультантом. — «ДА» было подразделением «Дженерал дайнемикс», учрежденным для «использования мощи ядерных технологий на благо человечества». — Но не исключено, что я обоснуюсь в Ла-Хойе. Мы с Джонасом Солком подумываем о создании института биологических исследований, и я собираюсь предложить выстроить его именно там. Такое красивое место!

— Биологических исследований? — повторил фон Браун. Судя по тону, он считал биологию столь же несерьезным делом, как, скажем, астрологию.

---

[64] Примечания: 64
Любитель помечтать, «витающий в облаках» человек (*идиш*).

— Да — будем заниматься наукой о жизни! *Вывезти* людей с этой планеты — только одна часть решения; второй его важнейший компонент — сделать человечество более приспособленным для космических путешествий и жизни в других мирах.

— А-а, — протянул фон Браун. Летнее небо было изрисовано граффити перистых облаков, а в океанском воздухе чувствовался привкус соли. — Так что же вы об этом думаете?

— О проекте «Орион»? — Лео вскинул брови. — В нем что-то есть, не могу не признать. — Он указал на двухэтажную библиотеку, похожую на гигантскую белую шашку. — Тед Тейлор сказал мне, что здание имеет сто тридцать пять футов в диаметре — ровно столько же, сколько они предполагают для своего 4000-тонного космического корабля. Это в пять раз шире, чем самая большая из ваших планируемых ракет, не так ли? Ну а они намерены построить настоящего гиганта!

— Толщина — это не самое главное, — сказал фон Браун.

Лео хохотнул:

— Пожалуй, что нет. Ну а их двигательная установка? Из шахты непрерывно выбрасывается множество маленьких бомбочек, словно арбуз-

ные семечки, которые взрываются и толкают корабль вперед. Выдумщики! — Он положил руку на пухлую грудь. — А у меня есть своя идея. Вам приходилось покупать кока-колу из автомата?

— Конечно.

— Очень эффективно: вы выбираете то, что хотите, и механизм аккуратно выкладывает вам бутылку. Я решил, что именно так они должны перемещать свои бомбы из хранилища на борту космического корабля в люк выбрасывателя, выбирая из множества бомб разных размеров именно те, которые в данный момент требуются в движителе. Дайсону идея понравилась; он пообещал, что на следующей неделе сюда приедут инженеры «Кока-Колы» из Атланты и покажут, как устроен их аппарат.

Рослый немец прищурился:

— Насколько мне известно, Оппенгеймер прислушивается к вашему мнению. Вы скажете ему, что одобряете этот проект?

— И предпочитаю его вашим ракетам? А что ж тут такого? Вы сами должны понимать, что «Орион» многократно эффективнее.

— Но ведь ракетная технология доказала свою надежность! — повысил голос фон Браун. — А это лишь фантазии.

Силард улыбнулся:

— Резерфорд употребил именно это слово, услышав о предположении, что можно получить большую энергию, расщепляя атом, но мы сделали это. Лично я сказал Уэллсу, что он фантазирует, описывая атомную бомбу, а потом мы ее построили.

— Конечно, ее построили. Это была простая незатейливая инженерная задача вроде моих ракет…

— Ваших ракет! — Лео раздраженно фыркнул. — Вы надеетесь, что все поверят, будто всю жизнь стремились строить космические корабли для межпланетных путешествий — нет-нет, не спорьте! Но ведь на самом деле вы строили — вам было поручено построить — всего лишь ракеты, способные пролететь какую-то тысячу километров от Германии до Британии. Да, конечно, для этого ракеты на химическом топливе годятся как нельзя лучше — для крошечных прыжков! Но такие вещи практически непригодны для путешествий на другие планеты.

— Вам нужно прочитать мою книгу «Проект “Марс”». Я могу прислать вам рукопись…

— Я знаком с вашими идеями насчет пилотируемого космического полета, но…

— Они осуществимы! Они буду осуществлены!

— Не сомневаюсь, но в масштабах, совершенно непригодных для нашей задачи. Даже вы должны это признать! Дайсон подробно объяснил мне все это. Скорость истечения рабочего тела у химических ракет около трех километров в секунду, и, чтобы наращивать скорость, вам нужно использовать ступени — большие топливные баки, которые сбрасываются в порядке снизу вверх после опорожнения. Я видел ваши проекты; вы предлагаете именно это. И для каждого увеличения скорости на 3n километров в секунду вам нужно n ступеней, верно?

— Ja.

— Чтобы выйти на низкую орбиту вокруг Земли, нужны две ракетные ступени, для высокой — три, чтобы долететь до Луны — четыре, ну а чтобы обогнуть Луну — целых пять!

— Да, но…

— Но что? На самом деле полезный груз, то есть, грубо говоря, количество того, что может взять любая из ваших ракет, кроме топлива, определяется простой геометрической прогрессией. В химической ракете соотношение топлива и полезной нагрузки составляет примерно четыре в степени n, так что соотношение топлива и по-

лезной нагрузки составляет шестнадцать фунтов к одному фунту для низкой околоземной орбиты, верно? И шестьдесят четыре к одному для высокой околоземной орбиты, верно? Затем идет: 256 к одному для полета на Луну в одну сторону и колоссальные 1024 к одному для полета на Луну туда и обратно. Чтобы доставить на Луну и благополучно привезти обратно сто фунтов полезного груза — например, очень маленького человечка, намного худее меня и намного ниже ростом, чем вы! — понадобится примерно сто тысяч фунтов химического топлива.

— Да, да, — согласился фон Браун. Он огляделся, убеждаясь, что поблизости нет никого и его слова никто не сможет подслушать, и добавил: — Но нам повезло — если это можно так назвать, — потому что мы не планируем полетов туда и обратно. Речь идет об исходе; речь идет о кораблях для колонизации.

— Хорошо, — сказал Силард. — И все же, чем дальше вы хотите улететь от старой доброй Земли, тем больше ракетного топлива вам понадобится. С другой стороны, концепция «Ориона» дает скорость истечения в несколько тысяч километров в секунду вместо всего лишь трех, ракета будет иметь всего лишь одну ступень, а соотноше-

ние между массой топлива и полезной нагрузкой остается практически постоянным независимо от дальности полета. И все равно, хотите ли вы просто выйти на орбиту или проделать путь до альфы Центавра, полезная нагрузка составит более десятой части массы корабля.

– *Если* эта безумная схема сработает. Лично я предпочитаю проверенное временем каким-то конструкциям из автоматов по продаже прохладительных напитков и гигантских пружин.

— Дайсон считает, что «Орион» будет готов для полета с людьми на Марс к 1965 году, а к лунам Сатурна — в 1970 году. Вы сможете добраться туда со своим оружием возмездия?

Vergeltungswaffe. Сокращенно — *V. V-2* — «Фау-2».

— А, понимаю, почему вы так горячитесь, — сказал фон Браун, кивнув, как будто необходимость скрывать свои чувства наконец-то отпала. — У вас были друзья в Лондоне, да?

И это замечание еще сильнее разозлило Лео. Конечно, были, он ведь сам жил в Лондоне; именно там, на перекрестке Саутгемптон-роуд, в 1933 году ему впервые пришла в голову мысль о цепной ядерной реакции. Но он возмутился предположением Джимми Бирнса, заявившего,

что Лео выступает против атомных бомб потому, что беспокоится о своей родной Венгрии, а сейчас ему не нравился этот неуклюжий юнкер, намекающий, что им движет эгоистичный порыв.

— Я ищу решение, которое было бы наилучшим для человечества, — сказал Лео. — Вы — наилучшее для фон Брауна!

— Что ж, — сказал немец, — время покажет — и пусть выиграет лучшая машина.

Глава 49

Сравнить Оппенгеймера с Теллером? Их характеры сравнить ничуть не легче, чем орхидею с одуванчиком. Орхидея тонко устроена, нежна, изящна и источает аромат. Ну а одуванчик – это нечто такое, что торчит из вашего газона и настолько раздражает, что так и хочется пнуть ногой.

Дороти Маккиббин, управляющая офисом Манхэттенского проекта в Санта-Фе, Ист-палас, 109

Оппи, то и дело изумленно покачивая головой, обходил просторную, более мили в поперечнике, территорию. Мир физиков-теоретиков в значительной степени отвернулся от Эдварда Теллера, а вот правительство явно обожало венгра и предоставило ему все, о чем он мечтал: собственную богато финансируемую лабораторию в Ливерморе (штат Калифорния), в часе езды к юго-востоку от Беркли. Как только Советы еще в 1949 году испытали свою первую ядерную бомбу, основываясь частично и на секретах, украденных

Клаусом Фуксом с Горы, которой командовал Оппи, Вашингтону остро потребовалось нечто еще более разрушительное, и Теллер с радостью возглавил эту работу.

Теллер и Эрнест Лоуренс основали центр в 1952 году. В течение первых шести лет пост директора занимал Герберт Йорк, а теперь уже сам Теллер второй год руководил лабораторией, где в настоящее время работало 3000 человек, с годовым бюджетом в 65 миллионов долларов. И в отличие от Лос-Аламоса — комплекса, который все еще существовал, но уже ушел в тень этого, более нового центра, — на объекте Теллера центральное место занимали исследования термоядерной бомбы.

Оппенгеймер прошел в главное здание и нашел кабинет Теллера. Секретарша усадила Оппи ждать на деревянный стул, и он коротал время за просмотром последнего выпуска «Магнита», информационного бюллетеня для сотрудников лаборатории. Наконец секретарша сказала:

— Доктор Теллер готов вас принять.

Оппи встал, сглотнул и направился во внутреннее святилище. Он несколько раз видел Теллера после тех слушаний в Совете по благонадежности, но не наедине, всегда в чьем-то еще

присутствии. Войдя в отделанный деревянными панелями кабинет, он заговорил, постаравшись вложить в голос как можно больше тепла:

— Эдвард! Очень рад вас видеть!

Теллер встал, обогнул большой заваленный стол и направился к нему навстречу.

— Роберт, — сказал он. Не Оппи. — Надеюсь, у вас все в порядке?

Оппенгеймер кашлянул и ответил:

— Да.

— А как Китти?

Оппи опустил взгляд. Накануне его поездки сюда они с Китти поссорились. В пьяном гневе она обвинила его в том, что он едет в Ливермор не потому, что ему нужно побеседовать с Теллером, а чтобы увидеть ее — «ее», — Джин, которая когда-то жила неподалеку. Но Джин уже четырнадцать лет как умерла. Когда Оппи, как ему показалось, мягко указал на это Китти, она швырнула в него стакан.

— У нее все хорошо, — сказал Оппи. — А как Мици?

— У нее тоже все в порядке. Она, естественно, передает вам наилучшие пожелания. — *Естественно*.

— Очень мило с ее стороны.

Молчание. Теллер оглядел Оппенгеймера с головы до ног и сказал совсем иным тоном:

— Ну, со светскими любезностями покончено. Роберт, какого черта вам нужно?

* * *

— Итак, если позволите, я попытаюсь подвести итог, — сказал Теллер своим тяжелым низким голосом, каждый слог которого отдавался рокотом. — Вы считаете, что для доставки людей с Земли на Марс лучше будет использовать не химические ракеты фон Брауна, а конструкцию «Орион»?

— Да, — ответил Оппенгеймер.

— А «Орион» основан на том, что из его кормы будет выбрасываться множество бомб реакции синтеза, которые будут приводить ракету в движение воздействием ударной силы на металлическую плиту?

— Да.

— И для перемещения космического корабля на межпланетные расстояния потребуются тысячи бомб реакции синтеза?

— Совершенно верно.

— Значит, ключ к спасению человечества — это…

— Да? — заполнил паузу Оппи, ожидая, что венгр закончит фразу.

— Нет уж, я предпочитаю, чтобы *вы* договорили все до конца. Ключ к спасению человечества — это…

Оппи моргнул:

— …бомба реакции ядерного синтеза.

— Известная также, как…

Оппи скрестил и распрямил ноги.

— Термоядерная водородная бомба.

— Именуемая в научном обиходе…

— Супербомба.

– *Супербомба!* — согласился Теллер. — Та самая супербомба, которой вы, как сказали мне после Хиросимы, никогда не будете заниматься. Та самая бомба, разработке которой вы всячески препятствуете уже десять лет. Та самая бомба, совершенствованию которой я посвятил всю свою карьеру.

Оппи глубоко затянулся трубкой и медленно выпустил дым.

— Эд, ваша ирония ускользает от меня.

– *Ирония!* — взбешенно выкрикнул Теллер. — Ирония, говорите? Я уже четыре года, с того самого проклятого расследования по вашей благонадежности, хожу в отверженных!

— Эд, *я* пожал вам руку.

— Вы — да. Но не Кристи! Не Раби! Не десятки других! *Вы* лгали правительству и кто вы теперь? Мученик! А *я* сказал правду, и меня подвергли остракизму.

— Я понимаю, как вы…

— Нет! — рявкнул Теллер. — Не смейте говорить, будто понимаете, что я чувствую. Вы на это не способны. Вы родились в благополучии и богатстве здесь, в Соединенных Штатах! А я трижды оказывался в изгнании! В восемнадцать лет — совсем мальчиком — мальчиком с одной ногой! — я вынужден был бежать из дома, из Венгрии, потому что там еврею нечего было и мечтать о научной карьере. А потом, в тридцать третьем, мне пришлось бежать из Германии, от нацистов, от Гитлера. А вы все это время жили тут в уюте, заигрывали с коммунистами и спали с чужими женами. А потом из-за того, что *вы* потребовали слушаний в Совете по благонадежности, зная, что неоднократно лгали, *я* оказался практически изгнанным из мира физиков!

— Эдвард, вы…

— Несправедлив? Ну, Оппи, скажите, каково это на вкус? Ирония, да? И теперь вам понадобилась моя помощь!

— Ваша помощь нужна — необходима! — миру. И, между прочим, вы…

— Что?

— Нет, ничего.

— Скажите.

Оппи молчал.

— Говорите! — заорал Теллер.

— Ладно, черт с вами. В прошлый раз, когда мир был в опасности — во время Второй мировой войны, — вы предпочли отсидеться. Нам нужна была атомная бомба, а вы не захотели помогать этой работе. Я нянчился с вами в Лос-Аламосе, предоставил возможность заниматься своим собственным проектом и…

— И теперь этот проект оказался ключом к спасению человечества, да? Так?

Оппи глубоко вздохнул и с шумом выдохнул.

— Так, — кротко сказал он.

— Ну, в таком случае, — сказал Теллер, — чтобы я принял участие во всем этом, вы должны восстановить мою репутацию.

— Эд, вы знаете, что у меня нет для этого возможностей.

— Еще как есть! Что вы придумали к семидесятилетию Эйнштейна?

Оппи кивнул, начиная понимать. «Премия

Эйнштейна», учрежденная Институтом перспективных исследований, присуждалась по выбору комитета, который возглавлял Оппи. До сих пор эта премия присуждалась дважды: совместно Курту Геделю и Джулиану Швингеру в 1951 году и Дику Фейнману в 1954 году; в тот год газета «Нью-Йорк таймс» объявила награду «следующей по престижности после Нобелевской премии».

— Между прочим, — сказал Теллер и скрестил руки на груди, — с прошлого награждения прошло уже четыре года. Пора присудить премию кому-нибудь еще.

По иронии судьбы — как же часто возникает сегодня это слово! — золотую медаль и призовой фонд в размере 15 000 долларов предоставляет благотворительный фонд, созданный в память родителей Льюиса Стросса. Премию полагалось вручать в день рождения Эйнштейна, который приходился на 14 марта, и премия этого года, если ее присудят, стала бы первой посмертной.

Оппи нахмурился. У комитета уже имелась кандидатура на этот год: Уильям Либби, тоже участвовавший когда-то в Манхэттенском проекте. Наградой намеревались удостоить разработанный им метод радиоуглеродного датирования, обещающий революционный прорыв в

археологии и палеонтологии.

— Решаю не только я, но и комитет, — сказал он.

— И в Лос-Аламосе решали не только вы, — ответил Теллер, — но всегда выходило по-вашему. И в Консультационном совете по международному контролю за атомной энергией решали не только вы, но всем известно, что доклад Ачесона — Лилиенталя был написан под вашу диктовку. Вот и теперь, куда вы ни свернете, хоть в нужную, хоть в ошибочную сторону, остальные последуют за вами.

— Ладно, Эдвард, ладно. Я это устрою: вы получите медаль.

— Хорошо, — утвердительно произнес венгр. Немного помолчал, удовлетворенно кивнул и снова заговорил: — Ну а теперь к делу. Значит, к звездам на водородной бомбе, да? Вот и займемся.

Глава 50
1959

[Проект «Орион»] позволит нам доставить колонию из нескольких тысяч человек к альфе Центавра, расположенной на расстоянии порядка четырех световых лет от нас, примерно за 150 лет [времени в пути]. Эти цифры представляют собой абсолютный нижний предел того, что можно было бы сделать, используя наши нынешние ресурсы и технологии, если бы какая-нибудь астрономическая катастрофа вынудила нас строить Ноев ковчег, чтобы спастись из гибнущей Солнечной системы.

Фримен Дайсон

— Водородные бомбы — это единственный известный нам способ сжигать самое дешевое топливо, которое у нас есть, — дейтерий, — сказал Фримен Дайсон. Он стоял на сцене в лекционном зале круглой библиотеки, диаметр которой совпадал с рабочим проектом корабля «Орион». — В настоящее время, — продолжил он с обычным

блеском в немигающих голубых глазах, — я не знаю точно, насколько эффективны водородные бомбы, а если бы и знал, то не сказал бы вам. — В аудитории находились все пятьдесят сотрудников «Дженерал атомикс», занятых в проекте «Орион»; и почти все они дружно рассмеялись. — Далее я установлю верхний и нижний пределы величины, которую нам не положено точно знать…

Это была прощальная лекция Дайсона; вскоре он возвращался в Принстон и Институт перспективных исследований. Но он оставил после себя технико-экономические обоснования решения, которое, как и было обещано, позволило бы доставить пилотируемые космические корабли «Орион» на Марс через шесть лет, к 1965 году, и к спутникам Юпитера еще на каких-то пять лет позже. Если какой-то из этих планет суждено стать новым домом для человечества, у «Ориона» будет возможность сразу приступить к перевозкам, причем задолго до того, как химические ракеты фон Брауна смогут доставить людей на мертвую — а в сравнительно недалеком будущем еще более мертвую — земную Луну.

* * *

В кабинет Оппи вошел Дик Фейнман с научным журналом в руке и заявил:

— Переселение человечества на Европу можно выбросить из головы.

Оппи работал над бюджетом. Он закончил подсчет чисел в таблице и авторучкой записал семизначную сумму. Лесли Гровз уволился из армии, чтобы занять пост вице-президента в компании — производителе вычислительной техники и военном подрядчике «Сперри рэнд», но как-то умудрялся держать открытым кран, откуда текли неподконтрольные деньги.

— Почему? — спросил Роберт, подняв наконец глаза на Фейнмана, который остановился, прислонясь к дверному косяку.

— Слишком сильная радиация.

Оппи выколотил трубку в пепельницу.

— Вы имеете в виду Берка и Франклина? — Четыре года назад, в 1955 году, эти два астронома сделали открытие. Оказалось, что от Юпитера идет декаметровое радиоизлучение частотой до сорока мегагерц. — Из их работы следовало наличие мощного магнитного поля…

— Да, да, — сказал Фейнман. — Возможно, даже

больше десяти гаусс. А в прошлом году «Эксплорер» обнаружил радиационные пояса Ван Аллена.

Весь мир знал «Спутник», первое искусственное небесное тело, запущенное на орбиту вокруг Земли в октябре 1957 года. «Эксплорер-1», первый американский спутник, запущенный всего на 119 дней позже, уже подзабыли. А ведь «Эксплорер-1» сделал поразительное открытие: обнаружил радиационные пояса Ван Аллена у Земли. За девять месяцев, прошедших с тех пор, физики определили, что тороидальные пояса, улавливающие высокоэнергетические частицы солнечного ветра, обеспечивают сохранение атмосферы нашей планеты; без них солнечный ветер давно унес бы большую ее часть. Они также были жизненно важны для защиты жизни на поверхности Земли от вредного излучения.

— Высокоэнергетические частицы *вокруг Земли*, — наставительно произнес Оппи.

— Конечно. Но если такие радиационные пояса дает магнитное поле Земли, то они, вероятно, есть на любой планете с сильным биполярным магнитным полем, а поле Юпитера гигантское, по меньшей мере в десять, а то и в двадцать раз больше земного.

— Но если с планеты исходит только дециметровое излучение…

— Да, в этом не было бы ничего слишком страшного. — Фейнман помахал последним номером «Астрономического журнала», датированным октябрем 1959 года. — Но вот тут напечатано сообщение Фрэнка Дрейка. Он обнаружил дециметровое излучение, исходящее от Юпитера. Деци-, а не дека-. Не десять метров, а одна десятая метра.

Оппи нахмурился:

— То есть в сто раз короче, чем следовало из первоначальных данных, а это… Черт! Это же значит, что…

— Совершенно верно. Синхротронное излучение, испускаемое электронами, несущимися с релятивистскими скоростями в юпитерианском аналоге поясов Ван Аллена. Излучение в миллион раз интенсивнее, чем в наших собственных поясах. И, упреждая ваш вопрос: я уже разобрался. Спутники Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и даже Каллисто, — вероятно, вращаются в пределах поясов Ван Аллена Юпитера. Возможно, на Европе действительно есть океан, как предполагают некоторые, но его поверхность не может быть пригодна для жизни. С таким же успехом можно

попытаться переселить человечество внутрь ядерных реакторов.

Оппи жестом попросил у Фейнмана журнал. Дик заложил нужную страницу листком бумаги, но Роберт на мгновение растерялся. В этом номере были опубликованы сразу два сообщения Фрэнка Дрейка, одно за другим. Первое не имело отношения к данному вопросу, а вот второе — «Нетепловое микроволновое излучение Юпитера» как раз и вызвало беспокойство у Фейнмана. Вообще-то, у публикации был соавтор, которого журнал указал как С. Хватума. Оппи сразу заметил, что инициал умудрились поместить с опечаткой: коллегу Дрейка по Национальной радиоастрономической обсерватории в Гринбанке звали Хейн. К сожалению, к остальной части краткого материала — всего три абзаца, занимающих гораздо меньше страницы, — было труднее придраться. Дрейк был хорошим ученым-эмпириком: признанным, уравновешенным, иногда блестящим. Его вывод, изложенный обычным для таких вещей бесстрастным языком — «из наблюдений следует, что общее число частиц в 10^6 раз превышает таковое в земной системе», — означал, что Фейнман прав. Относительно продолжительное существование биологических

молекул на поверхности Европы или других крупных спутников Юпитера нельзя было обеспечить никоим образом. О, воскликнул про себя Оппи: на Европе могла бы существовать глубоководная жизнь, защищенная многими десятками или сотнями метров воды, если за пределами Земли вообще существует жизнь и если на Европе действительно есть океан. Но в качестве второго дома для человечества? Не годится.

— Ну что ж, — сказал Оппи, закрыв журнал, — ничего не попишешь. Если мы собираемся отправиться на какое-нибудь крупное тело Солнечной системы, остается только Марс.

— Или какая-нибудь из лун Сатурна. Например, Титан.

— Да, пожалуй. Но я все равно ставлю на Красную планету. Слава богу, она, по крайней мере, выглядит несколько гостеприимнее.

Фейнман философски пожал плечами:

— Где есть жизнь, там есть и надежда.

* * *

Неделей позже к Оппи в кабинет явился И. А. Раби с потертой канцелярской папкой под мышкой.

— Вы не хотите слетать посмотреть испытание

«Ориона»? — Он открыл папку и взглянул на верхний лист. — Оно состоится на Тихоокеанском побережье, в Пойнт-Ломе, неподалеку от Сан-Диего, в следующую субботу.

Пусть Сан-Диего находился очень далеко от Сан-Франциско, но все же в одном штате; даже через столько лет любое упоминание о Калифорнии вызывало в памяти образ Джин.

— Думаю, хорошая мысль, — ответил Оппи. — Взгляну наконец на эту чертову штуку.

— Но я должен предупредить вас, — сказал Раби, приподняв папку, в которой, судя по всему, содержались какие-то новости. — Туда может заявиться Роландер.

У Оппи заныло под ложечкой. К. Артур Роландер, проныра из Совета по благонадежности КАЭ, участвовал в сборе материалов против него и сидел рядом с Роджером Роббом на всем протяжении пресловутого слушания о лояльности.

— Какого дьявола ему там нужно?

Раби покачал головой:

— Вы не поверите, но теперь он вице-президент «Дженерал атомикс».

— Вот же пакость! — буркнул Оппи. — Я рассчитывал, что в следующий раз встречусь с ним, когда буду ссать на его могилу. — Он мотнул

головой. — Нет, останусь здесь. В те места часто ездит Силард. Вы не попросите его заехать туда?

* * *

— Три!

Лео Силарда, стоявшего на теплом склоне холма, покрытом кактусами и цветущими кустарниками, с видом на Тихий океан, позабавило, что эксперимент начинается с обратного отсчета. Такой метод подготовки к запуску ракеты изобрели немцы, но не Вернер фон Браун и даже не его великий предшественник Герман Оберт, а всего лишь сценаристка Тея фон Харбу, придумавшая такой эпизод в 1929 году для научно-фантастического кинофильма Фрица Ланга «Женщина на Луне».

— Два!

Вообще-то, влияние научной фантастики в эти дни сделалось повсеместным. Испытательная модель «Орион» длиной всего метр походила на корабль, описанный Жюлем Верном в 1865 году в романе «С Земли на Луну» — в форме короткой пули, — и в набросках проектов создания полноценного судна предусматривались хитроумные амортизаторы наподобие тех, что были на космическом снаряде, выдуманном Верном.

— Один!

Даже в устройстве движителей было кое-что общее — взрывной метод. Корабль Верна привел в движение один мощнейший толчок, произведенный зарядом гигантской наземной пушки. Полномасштабный «Орион» должен был двигаться в результате последовательных одиночных взрывов множества термоядерных бомб, а в этой испытательной модели, получившей название «Патт-патт», использовались шарики пластида С-4 размером с грейпфрут, выбрасываемые через отверстие в пластине-толкателе.

— Ноль!

Первый взрыв…

Mein Gott!

Лео был полностью уверен, что первым же взрывом модель разнесет на мелкие кусочки. Но нет! Из облака черного дыма показался целехонький стекловолоконный корпус военного корабля США «Патт-патт», и…

Еще один взрыв!

Еще одно черное облако.

И опять схожий с пулей летательный аппаратик триумфально вылез из дыма.

Блам!

И раз за разом, взрыв за взрывом крохотный ко-

раблик поднимался все выше, карабкаясь в небо.

Казалось, полет продолжался целую вечность, хотя, как Лео узнал потом, его истинная длительность составила всего двадцать три секунды. Но за это время «Патт-патт» поднялся на пятьдесят шесть метров, на высоту, более чем в пятьдесят шесть раз превышавшую его длину.

Когда череда взрывов прекратилась и раскрылся парашют, Лео вместе со всеми начал аплодировать. «Патт-патт» медленно опускался с небес, как ангел милосердия, снисходящий, чтобы спасти человечество.

Глава 51
Через четыре года: 1963

Кое-кто мог бы назвать нас кучкой безумцев, и это было необычное время, когда безумцам действительно давали шанс заниматься своим делом.

Фримен Дайсон

Восемнадцать лет, подумал Оппи. За такое время мальчик вырастает в мужчину. О, если стремиться к технической точности, годовщина будет только завтра, но это была ошибка всего в 0,015 процента — достаточно, как говорится, для правительственных решений. И совпадение дат было настолько лакомым кусочком, что на него не мог не польститься любой ведущий новостей: сегодня, 5 августа 1963 года, через восемнадцать лет после 6 августа 1945 года, когда «Энола Гей» сбросила первую бомбу «Малыш» на Хиросиму, лидеры Соединенных Штатов, Советского Союза и Соединенного Королевства наконец-то первыми из всех стран мира подписали первый ядерный договор, и была надежда, что все другие страны вскоре последуют их примеру. Госсек-

ретарь Дин Раск в данный момент находился в Москве и ставил свою подпись на документе рядом с министром иностранных дел Андреем Громыко и министром иностранных дел Великобритании Александром Дуглас-Хьюмом.

Оппи знал, что ему следовало бы радоваться. С самого первого дня, с тех пор как сгорела Хиросима, он настаивал на учреждении контроля над ядерными вооружениями и боролся за то, чтобы разумные мужчины и женщины поклялись никогда больше не применять оружие, появившееся на свет его усилиями. И вот наконец свершилось — договор! О, чтобы надежно защитить мир от ядерных бомб, предстоит еще сделать много, очень много. Как сказал президент Кеннеди, объявляя о заключении договора: «Древняя китайская пословица гласит: “Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага”. И если это путешествие действительно растянется на тысячу миль или даже больше, то история все равно отметит, что именно мы некогда сделали на этой земле первый шаг».

Да, он должен быть в восторге от происходящего — от того, что в публикациях и передачах новостей называлось по-разному — то Договором об ограниченном запрещении ядерных испытаний

и Договором о частичном запрещении ядерных испытаний — по той причине, что в его полном названии было больше слогов, чем способна была усвоить американская общественность: «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой». Не имея допуска к секретным сведениям, Оппи до широкого обнародования текста документа знал только о его названии и надеялся найти лазейку для своих работ. Пусть испытания строго запретят, но ведь должна бы остаться возможность практического использования. Но, увы, первая же статья договора безоговорочно разрушила эту надежду:

> «Каждый из Участников настоящего Договора обязуется запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия *и любые другие ядерные взрывы* в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем:
>
> а) в атмосфере; за ее пределами, включая космическое пространство; под водой, включая территориальные воды и открытое море».

И это, как говорится, был тупик. Оппи в очередной раз вспомнил своего любимого поэта Т. С. Элиота, который был приглашенным художником в Институте перспективных исследований в течение тринадцати месяцев, начиная с октября 1947 года; о главном произведении Элиота «Полые люди»; и о его заключительной строфе:

Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной, —
Да не с громом, а со всхлипом![65]

Итак, проект «Орион» оказался совершенно случайно уничтожен не единственным взрывом и не десятками тысяч ядерных взрывов, которые должны были привести космический корабль, полный беженцев, к новому дому человечества, а всего лишь тремя автографами — двумя на латинице и одним на кириллице.

* * *

Хотя в Принстоне никогда не бывает такой жары, как в Лос-Аламосе, влажность здесь гораз-

---

[65] Примечания: 65
Перевод Н. Берберовой.

до выше. Оппи шел по территории института и чувствовал, как из-под тульи шляпы стекает пот.

Он почти не смотрел вперед, он шел, устремив взгляд вниз, на землю, и ощущал себя пленником гравитации, который, надеясь на спасение, много лет копал обычной ложкой подземный ход, и тот вдруг обвалился. И поэтому даже вздрогнул, когда перед ним внезапно возник Лео Силард в синем костюме-тройке и щегольской фетровой шляпе:

— Роберт, почему вы такой мрачный?

— А, Лео, привет. — И он рассказал о том, как договор о запрете ядерных испытаний скажется на «Орионе».

Лео, к его удивлению, вовсе не казался обеспокоенным. Венгр, как обычно, бесцельно бродил по территории и сейчас свернул с прежнего направления и пристроился рядом с Оппи.

— Вот еще, — сказал он, — «Орион» все равно никогда не взлетел бы.

— Почему? — спросил Оппи. — Вы же своими глазами видели испытания, и, насколько я могу судить, физическое решение там было весьма элегантным.

— И все равно он не полетел бы, — повторил Силард, — потому что вы сами убили его еще до начала работ.

Оппи изумленно вскинул брови:

— Я? Каким же образом?

— Помните закрытые сенатские слушания? Вскоре после Хиросимы, в 1946 году?

— А что там случилось?

— Вас тогда спросили, возможно ли, чтобы три-четыре человека тайно ввезли атомные бомбы в Нью-Йорк и взорвали весь город. Помните? И что вы на это сказали?

— Я сказал: конечно, это вполне возможно.

— А когда сенатор спросил, какой инструмент позволит обнаружить атомную бомбу где-нибудь в городе, вы что сказали?

Оппи невольно улыбнулся:

— Отвертка, чтобы срывать замки со всех имеющихся чемоданов.

— Вот видите! — воскликнул Силард. — Тринадцать лет назад вы говорили о крошечных бомбах, а ведь это были бомбы реакции деления, атомные бомбы. А для «Ориона» потребовались бы тысячи — миллионы! — крошечных термоядерных супербомб. Крошечных, сделанных под автомат для кока-колы! Ракету фон Брауна не спрячешь никакими силами, а как уследить за бесчисленными бомбами «Ориона»? Если горстка или хотя бы одна из них попала в руки сумасшед-

шего или следующего Гитлера… ба-бах!

Улыбка на лице Оппи сменилась хмурым выражением. Лео был прав. Действительно, после того заседания сената, по рекомендации Оппи, физикам Роберту Хофштадтеру и Вольфгангу Панофски было поручено проработать вопрос. Результаты они изложили в меморандуме, где перечислялись методы предотвращения подобного акта атомного терроризма, естественно, получившем название «Доклад “Отвертка”». По крайней мере, до тех пор, пока Оппи не лишили допуска, этот отчет все оставался засекреченным, поскольку, как и следовало ожидать, показал, что эффективных способов *не* существует.

Силард продолжал:

— Независимо от того, насколько важную роль может сыграть «Орион» для эвакуации людей с Земли в будущем столетии, мы просто не доживем даже до конца текущего века, если развернем производство крошечных супербомб. Неизбежно кто-то где-то найдет какой-то способ прибрать их к рукам, и это, мой друг, могло бы стать концом для всех нас.

* * *

Дик Фейнман взял со стола секретарши Оппи лежавший там журнал. Это оказался только что доставленный «Бюллетень ученых-атомщиков» за октябрь 1963 года. На обложке, как это часто бывало, были изображены часы Судного дня, показывающие, насколько близко человечество подошло к ядерному уничтожению. Циферблат часов в этом выпуске был пыльно-розового цвета; этот оттенок Дик хорошо знал по лос-аламосским закатам. Как всегда, на циферблате не было ни цифр, ни минут, а были отмечены только четыре часа, каждый из которых был обведен черным кружком: девять, десять, одиннадцать и двенадцать. Но в отличие от прежних изображений на часах было три стрелки: короткая черная часовая указывала, как всегда, на полночь, более длинная белая минутная стрелка указывала на сорок восьмую точку — другими словами, на без двенадцати минут полночь, но имелся также черный контур минутной стрелки, залитой тем же цветом, что и остальные часы, указывающий на без семи полночь.

Дик чуть слышно фыркнул. Можно было бы ожидать, что изобретатель диаграмм Фейнмана,

системы, которая могла бы объяснить любую реакцию в квантовой электродинамике, сможет понять, какие мысли пытается передать такая простая графика, но, хоть убей, он не мог. Объяснение он нашел на второй странице журнала. Редакционная статья начиналась словами:

> Заключение договора об ограниченном запрещении ядерных испытаний является обнадеживающим событием. Оно укрепляет слабую надежду на то, что человечество избежит уничтожения в ядерной войне, и позволяет перевести стрелки часов Бюллетеня на несколько минут назад от рокового часа.

Бог одной рукой дает — Фейнман был атеистом, но прекрасно знал вторую часть поговорки, — а другой отбирает. Конечно, заключение договора стало значительным шагом для мировой безопасности, но оно убило проект «Орион». Как бы там ни было, редакционный художник, оформлявший «Бюллетень», безусловно, мог бы поучиться графическому представлению на диаграммах Фейнмана. Указать направление против движения часовой стрелки от очерченной минутной к сплошной белой стрелке, и предполагаемый

смысл прояснился бы: мы отдалились от полуночи еще на пять минут.

Вероятнее всего, в предыдущее положение — без семи полночь — стрелки часов были переведены в 1960 году. Совет по науке и безопасности «Бюллетеня» всего два раза в год собирался и решал, уместно ли манипулировать минутной стрелкой, и поэтому Кубинский ракетный кризис годичной давности, который, вероятно, должен был заставить стрелку перепрыгнуть на предпоследнее минутное деление циферблата, начался и полностью закончился между двумя заседаниями совета и, следовательно, никак не повлиял на ход часов.

Дик терпеть не мог работать в комитетах, но тот, который устанавливал положение часов, заинтриговал его. Какая интересная идея: мы не знали, который час, пока не пришли к групповому консенсусу. А как насчет несогласных? Вроде например… того парня, из-за которого ему пришлось искать в словаре слово «эскутеон»[66]. Уорд Эванс, вот как его звали! Как много лет назад Уорд Эванс выразил несогласие на показательном процессе по проверке благонадежности Оппен-

[66] Примечания: 66
Escutcheon (*англ.*) — геральдический щит.

геймера, так и сейчас, если большинство членов комитета «Бюллетеня» проголосовало, скажем, за три минуты до полуночи, а остальные сочли, что лучше указать две минуты — что будет?

Это чем-то походило на феномен наблюдения в квантовой физике — кошка жива *и* мертва, пока кто-нибудь не проверит здоровье бедного животного, — но если там первый наблюдатель создает реальность, в которой застревают все последующие, то здесь мнение меньшинства означает, что хотя для большинства время было *таким*, но для некоторых оно было *другим*, и…

И… Г. Иисус Христос, где буква «Г», несомненно, означает Гейзенберга, так оно и есть! *В точности* то, что требуется: эксперимент, устройство, инструмент, *машина*, которая распадается не на одну реальность, а на *две*, будучи одновременно и *тем*, и *этим*, или, точнее, что важнее и мощнее, будучи и *сейчас*, и тогда одновременно настоящим и прошлым.

Черный телефон Верны Хобсон зазвонил, она сняла трубку, приложила к уху и почти сразу же повернулась к Фейнману.

— Доктор Оппенгеймер сейчас примет вас.

Дик поднялся на ноги, но направился не к двери директорского кабинета, а к другой, выходившей

на первый этаж Фулд-холла.

— Нет-нет, — сказал Фейнман, — он примет меня *тогда*! — И он поспешно зашагал по коридору к лестнице, направляясь в кабинет Курта Геделя.

Глава 52

Из Далласа, Техас. Экстренное сообщение, по-видимому, официальное. Президент Кеннеди умер ровно в час дня по центральному стандартному времени, в два часа по восточному стандартному времени, то есть тридцать восемь минут назад.

Уолтер Кронкайт

Ну, вот и отпущение грехов! Сидя за столом в своем кабинете в Фулд-холле, Оппи готовил благодарственную речь. Пусть Теллер шантажом добился премии Эйнштейна, да и вот эту награду получил в прошлом году. Но теперь наконец настала очередь Роберта: на следующей неделе он получит премию Энрико Ферми, учрежденную в честь Итальянского штурмана, скончавшегося девять лет назад. Приятно было и то, что частью награды являлся безналоговый чек на 50 000 долларов. Еще приятнее было, что, как объявили только сегодня утром, награду ему лично вручит президент Кеннеди. А золотая медаль с изображением Ферми, смотрящего вниз и влево с той

легкой, застенчивой улыбкой, которую с искренней нежностью вспоминал Оппи, несомненно, стала бы ему памятным подарком.

Но что важнее всего — организация, спонсирующая премию. КАЭ, чертова Комиссия по атомной энергии, та самая, которая девять лет назад лишила Оппи допуска к секретной информации, развернулась на сто восемьдесят градусов и решила вручить свою высшую награду, приз за совокупность достижений на протяжении всей научной карьеры, Дж. Роберту Оппенгеймеру! Что означает возвращение в канон гигантов ядерной физики вместе с предыдущими лауреатами: самим Ферми (единственным, кто был награжден посмертно), фон Нейманом, Лоуренсом, Вигнером, Сиборгом, Бете и, да, Теллером.

Теперь КАЭ возглавлял Гленн Сиборг, награжденный в 1951 году Нобелевской премией за открытие плутония (в тот год вторым награжденным стал Э. Макмиллан), и Оппи не сомневался, что именно он наряду со сторонниками Оппи в Белом доме, среди которых были Дин Раск, Макджордж Банди и Артур Шлезингер-младший, решил сделать Оппи лауреатом этого года. То есть полное, публичное признание от имени президента того, что комиссия была неправа,

неправа, чертовски неправа, лишив его допуска к секретной информации. Сиборг рассказал Оппи, что, когда он сообщил своему предшественнику Льюису Строссу о том, кого они наградят, у того сделался такой вид, будто Сиборг ударил его по лицу.

Верна куда-то отошла и оставила дверь из приемной в кабинет директора открытой. Оппи услышал стук в наружную дверь и, не поднимая глаз от разлинованного блокнота, в котором писал, крикнул:

— Войдите!

— Папа…

За дверью оказался его двадцатидвухлетний сын Питер, высокий, худой — и с потрясенным выражением на лице. Оппи поспешно отодвинул кресло, встал и вышел навстречу ему в приемную.

— Что-то с Китти?

Питер вскинул ладонь:

— Нет, с нею все в порядке. Папа, я только что услышал по радио, в машине. В президента Кеннеди стреляли.

Роберта пронзило болью, будто его тело тоже пробила пуля. Он отвел взгляд от сына и оперся о край стола Верны, чтобы не упасть.

— Я… мне необходимо выпить. Ты как, Питер?

— О боже, конечно.

Он неверными шагами добрел до встроенного шкафа, где всегда имелось несколько бутылок спиртного, и…

Пуля. Одна-единственная пуля. История вращается не вокруг атомных бомб; она вращается вокруг выстрелов из ружей и пистолетов, будь то убийство эрцгерцога Фердинанда, положившее начало Первой мировой войне, или пуля, которую Гитлер собственноручно пустил себе в мозг, положившая конец Второй в Европе, или сегодняшнее покушение на человека, который призвал нацию доставить человека на Луну к концу десятилетия, который утихомирил Хрущева во время Кубинского ракетного кризиса, когда мир действительно оказался на грани ядерного уничтожения… Стреляли, судьба неизвестна. Живой, мертвый?.. Кот Шредингера, чье будущее висит на волоске.

— Папа… — позвал его Питер. Оппи слышал его голос, но так и стоял, окоченев, уставившись на бутылки, выстроившиеся на крышке небольшого сейфа, — стеклянные ракеты, готовые к пуску.

— Папа, не переживай, — сказал Питер. — Все обойдется. — Оппи почувствовал, как сын взял

его под локоть, вывел в кабинет и помог опуститься в кресло.

Из коридора вбежала Верна:

— Боже мой! Вы слышали?

Оппи поднял голову. Собственный голос донесся до него как бы издалека.

— Питер сказал, что в президента стреляли.

— Не просто стреляли. — Голос Верны сорвался. — Только что объявили. Он умер.

Несколько секунд Оппи сидел, прислушиваясь к грохоту собственного пульса. Голова кружилась.

— Что ж, — сказал он, осекся, еще немного помолчал, собрался с силами и продолжил: — Верна, попрошу вас пройти по лабораториям. Скажите всем, чтобы шли домой, пусть побудут с семьями.

Она кивнула и сразу вышла.

— И… Питер, ты… не мог бы ты отвезти меня домой?

— Конечно, папа.

Но Оппи так и сидел, уткнувшись лицом в ладони и опираясь костлявыми локтями в подлокотники кресла.

— Теперь, — негромко сказал он, — все начнет стремительно разваливаться.

* * *

Присуждение награды Оппенгеймеру вызвало споры среди закоренелых маккартистов, и сенатор Бурк Хикенлупер публично отклонил приглашение на церемонию награждения, заявив, что награждать медалью Оппенгеймера — «немыслимо». Но, как ни странно, преемник Кеннеди, Линдон Б. Джонсон, не отказался от решения, принятого его убитым предшественником, и лично вручил Оппенгеймеру премию Ферми на торжественном приеме в кабинете Министров Белого дома. Церемония состоялась второго декабря, в двадцать первую годовщину с того дня, как Ферми распорядился начать первую самоподдерживающуюся цепную ядерную реакцию под трибунами стадиона «Стагг-филд» в Чикаго.

Китти и дети — сын Питер и дочь Тони, которой должно было скоро исполниться двадцать лет, — сияли от гордости. Равно как и ушедший в отставку из «Сперри Рэнд» и неожиданно быстро дряхлеющий шестидесятисемилетний генерал Гровз, и Исидор Айзек Раби, сохранивший бодрость и здоровье в шестьдесят пять. Его ровесник Лео Силард сильно похудел за время лучевой

терапии по поводу рака мочевого пузыря, которую он проводил себе сам, но, как всегда, сиял ангельской улыбкой. А вот прошлогодний лауреат премии Ферми стоял в одиночестве возле спускавшегося от потолка до самого пола черного бархатного занавеса, и его лицо казалось таким же неживым, как и искусственная нога.

Оппи несколько секунд смотрел на коробочку с медалью, которую протягивал ему Джонсон.

— Я думаю, господин президент, — сказал он, понимая, что выглядит слабым и тощим рядом с румяным техасцем, который к тому же был на полголовы выше его немаленького роста, — что для того, чтобы сегодня вручить эту награду, вам потребовались милосердие и мужество. — Роберт сделал паузу и вгляделся в лица собравшихся: ученых и политиков, филантропов и государственных деятелей, самых лучших и умнейших своих соотечественников. — Это показалось мне хорошим предзнаменованием, — заключил он, — для всего нашего будущего.

Глава 53
Через два года: 1965

Кого интересует атмосфера Марса или стартовая тяга спутника? В этой истории не хватает девушки!

Вернер фон Браун, подводя итоги восемнадцати отказам редакторов в публикации его романа «Проект “Марс”»

Если другие бывшие нацисты пытались как можно незаметнее погружаться в послевоенную жизнь под прикрытием анонимности, то Вернер фон Браун наслаждался своей новообретенной славой. В 1954–1956 годах издательство «Колльер» опубликовало пользующуюся широкой популярностью серию репортажей об исследовании Солнечной системы с его комментариями. После этого он много раз появлялся в телешоу Уолта Диснея, где демонстрировал свои фирменные модели футуристических ракетных кораблей и космической станции в форме колеса, благодаря чему его энергичное лицо и густой характерный акцент обрели всеобщую известность.

Вернер был назначен главным конструктором «Сатурна V», гигантской ракеты, которая, если все пойдет успешно, доставит первого человека на Луну, но для него это был всего лишь один маленький шаг. Его настоящей целью всегда был Марс. И поэтому, конечно же, он озаботился тем, чтобы получить приглашение на демонстрацию первых в истории фотографий Красной планеты крупным планом, запланированную в Лаборатории реактивного движения в Пасадене.

Первая попытка оказалась неудачной. Беспилотный зонд «Маринер III» вышел из строя всего через восемь часов после запуска, его солнечные панели так и не раскрылись. Зато его близнец «Маринер IV» успешно завершил семимесячное путешествие к Марсу. Черно-белая телевизионная камера зонда сделала двадцать два фотоснимка, охватывающие в общей сложности около одного процента поверхности планеты. Вчера — 4 августа 1965 года — изображения, поступившие в форме числовых данных, наконец-то были расшифрованы и представлены в ЛРД, а сегодня Вернер с глянцевыми отпечатками формата восемь на десять приехал в Институт перспективных исследований, чтобы поделиться новостью.

На встречу с ним пришли представители каждого из трех подразделений проекта «Арбор». От группы «Новые имена», изучавшей способы эвакуации населения с планеты, присутствовал И. А. Раби, которому на прошлой неделе исполнилось шестьдесят семь лет. От группы безумных идей «Скрепляющий цемент» пришла Китти Оппенгеймер, которой на следующей неделе исполнялось пятьдесят пять. Группу «Терпеливая власть», ломавшую головы над тем, как починить Солнце либо защитить Землю, представлял сам Роберт Оппенгеймер, который в свои шестьдесят два выглядел гораздо старше. Собрание проходило в 108-й комнате Фулд-холла, примыкающей к кабинету Оппи и соединенной с ним дверью. В зале имелся полукруглый эркер с четырьмя окнами, откуда открывался прекрасный вид на широкую южную лужайку, пруд и лес. Но все взгляды были прикованы к не успевшим еще расправиться фотографическим отпечаткам, разложенным поверх нескольких карт Марса на длинном столе красного дерева.

— Предлагаю обойтись без закусок и сразу перейти к горячему, — предложил фон Браун, продолжавший ребячиться и в свои пятьдесят три. — Главная фотография — вот эта, номер

одиннадцать. — Он передвинул ее в центр стола, и ученые вытянули шеи, чтобы рассмотреть снимок. Оппи почувствовал, как у него дернулось сердце. Он услышал, как Раби втянул в себя воздух, а Китти пробормотала: «Черт…»

— Снимок сделан с расстояния в семь тысяч восемьсот миль, — пояснил фон Браун, отступив назад, чтобы не мешать остальным. — С востока на запад сто семьдесят миль. С севера на юг сто пятьдесят.

— Где это? — отрывисто спросил Оппи. — Координаты?

Фон Браун зашуршал сколотыми листками, которые тоже привез с собой.

— Центр — тридцать один градус южной широты и сто девяносто семь восточной долготы.

Оппи разгладил ладонью огромную карту Марса, изданную в 1962 году Военно-воздушными силами, и быстро отыскал место. На карте середину участка пересекал канал, протянувшийся с юго-запада на северо-восток, от Киммерийского моря до Моря Сирен.

И на фотографии «Маринера», возможно, только возможно, если очень, очень, *очень* сильно захотеть это увидеть, имелась диагональная линия, шедшая хотя и под менее крутым укло-

ном, чем казалось… нет, не в море и даже не на равнину, а в…

Это не могло быть ничем иным, верно?

…в *кратер*. На снимке была отчетливо видна лишь половина его края, похожая на изогнутую часть заглавной буквы D, но она занимала большую часть кадра. И эта чертова штука была не одна. Оппи быстро насчитал на одиннадцатой фотографии еще семь — нет, восемь! — кратеров. Учитывая размер запечатленной области, D-образный кратер имел миль восемьдесят в поперечнике, другой, прилегающий к нему, пожалуй, миль тридцать, два — по двадцать, а остальные — от десяти до жалких пяти миль.

Оппи знал, что Киммерийское море получило название в честь киммерийцев, упомянутого Гомером в «Одиссее» народа, который жил в вечной темноте. И после трех с половиной столетий наблюдения за Красной планетой в телескопы эта тьма наконец рассеялась, и человечество наконец увидело истинное лицо своего небесного соседа.

От этого захватывало дух.

Больше всего это походило на Богом проклятую Луну.

На одиннадцатом снимке были видны ма-

ленькие кратеры внутри больших кратеров; некоторые кратеры частично перекрывали соседние и стирали куски их границ. И, увидев их на этом, самом четком из снимков, их нельзя было не распознать и на других фотографиях. Кратеры повсюду.

Но никаких признаков воды.

Никаких признаков водяной *эрозии*.

Пыльная смерть.

Даже еще хуже. *Смерть* подразумевала бы, что там некогда существовала жизнь, но поверхность этой планеты выглядела так, будто к ней никто не прикасался миллионы, миллиарды лет. Пустая, стерильная.

По подсказке фон Брауна Оппи без труда определил на той же карте местоположение участка, изображенного на восьмом снимке. Его делил пополам Эриннис, один из самых известных каналов Персиваля Лоуэлла; по его словам, канал пролегал от западной оконечности Моря Сирен до Залива Титанов в Мемнонии. Но и на этой фотографии тоже не запечатлелось ничего, кроме кратеров, хотя и не таких больших, как тот, что доминировал на одиннадцатом снимке.

— И такого полно, — сказал фон Браун.

— Очень мило! — воскликнула Китти.

— «Маринер IV» не выходил на орбиту, — сказал фон Браун. — Он только пощелкал фотоаппаратом, пролетая мимо. Тем не менее с точки зрения Земли он действительно прошел позади Марса, и непосредственно перед этим — и сразу после того, как он появился с другой стороны, — его радиосигнал в дециметровом диапазоне, излучаемый в сторону Земли на частоте две тысячи триста мегагерц, прошел через марсианскую атмосферу. На борту не проводилось никакого конкретного эксперимента по покрытию планетой передатчика, но благодаря обнаруженным изменениям амплитуды и фазы можно сделать некоторые надежные выводы. В частности, мы смогли подтвердить, что марсианская атмосфера почти полностью состоит из углекислого газа. Это, конечно, говорит о том, что, несмотря на все наши надежды, полярные шапки не содержат сколько-нибудь заметного количества замороженной воды, которую можно было бы растопить для питья или орошения или преобразовать электролизом в водород и кислород для топлива, а представляют собой почти исключительно сухой лед.

— Который мог бы пригодиться для детского праздника или, скажем, чтобы разбить на куски

золотую рыбку, — вставил Раби, — но во всех прочих отношениях он совершенно бесполезен.

— Да, — согласился фон Браун и кивнул. — И это покрытие передатчика планетой также позволило нам получить представление о плотности марсианской атмосферы. Она разреженная — даже менее плотная, чем мы думали. Где-то между четырьмя и шестью миллибарами. Давление земной атмосферы составляет примерно тысячу миллибар, причем первоначально один бар определялся как атмосферное давление Земли на уровне моря. Плотность атмосферы Красной планеты составляет примерно полпроцента от земной, и то немногое, что в ней есть, состоит из ядовитого CO_2.

Оппенгеймер почувствовал, что у него закружилась голова.

— Но это еще не все плохие новости, — продолжал фон Браун. — На борту «Маринера IV» имеется гелиевый магнитометр. Когда аппарат приближался к Марсу, мы ожидали, что он обнаружит магнитное поле планеты. И чем раньше, то есть чем дальше от Марса это случится, тем сильнее должно быть поле. Мы знали, что магнитное поле Марса должно быть слабее земного. Но, основываясь на массе планеты и скорости

вращения, мы предположили, что оно составит примерно одну десятую от земного, и поэтому мы ожидали, что «Маринер» достигнет области встречи солнечного ветра с магнитным полем за много часов до того максимального приближения к планете. Нет, я не стану утверждать, будто мы *ничего* не обнаружили. В области наибольшего сближения прибор слегка икнул, и, *возможно*, причиной этому стал фронт магнитного поля. Если это *так*, что ж, значит, магнитный момент Марса составляет 0,03 процента от земного, а если это не так, то он еще меньше или, возможно, вообще не существует.

Оппи не глядя нащупал стул и рухнул на него без сил. При таком ничтожном магнитном поле на Марсе не могло быть ничего похожего на земные пояса Ван Аллена. Это явление делало понятной причину невероятной разреженности марсианской атмосферы, обнаруженной тем же «Маринером IV», — вездесущий солнечный ветер беспрепятственно уносил ее с собой. Но это означало также, что любая жизнь на поверхности, будь то хоть местный лишайник, хоть люди-беженцы, будет убита длиннопробежными альфа-частицами, постоянно извергающимися из Солнца. Поверхность Марса не просто стерильна;

она непрерывно стерилизуется.

Оппенгеймер разглядывал по очереди всех присутствовавших. Фон Браун вскинул брови и поднял руки в комической пантомиме «не казните гонца за дурные вести». Раби с мрачным видом покусывал кончик ногтя большого пальца. Китти медленно качала головой из стороны в сторону.

— Что ж, — сказал Оппи, собравшись наконец с силами, чтобы заговорить, — это самый настоящий крах.

— Чушь это все, вот что я скажу. — Китти ткнула пальцем в карту Марса, которой пользовался Оппи. — Иисус Христос! Сколько лет этой штуке?

— Три года, — ответил Роберт.

— Три года назад на лучших картах все еще рисовали каналы! Тогда как в действительности…

— В действительности, — сказал Раби, — это мертвый мир. На Марсе возможно поселить лишь ничтожное количество людей, да и те будут вынуждены ютиться в герметичных убежищах.

— Или, может быть, под землей, — подхватила Китти, — чтобы укрыться от радиации. *Дерьмо!* То есть там не может быть ничего, кроме жалкой крошечной колонии, да и ту придется упрятать в катакомбы.

— И что же теперь? — спросил Оппи. Он чув-

ствовал себя бесконечно усталым и таким же древним, как поверхность планеты на фотографиях.

Раби расхаживал по комнате:

— Ни один из спутников Юпитера не годится: излучение, которое он испускает, плюс его сильное магнитное поле, концентрирующее это излучение на орбитальных траекториях крупнейших спутников, делают их непригодными для жизни. А теперь обнаружилась практически противоположная проблема: у Марса слишком слабое магнитное поле, а это значит беспрепятственное облучение солнечной радиацией.

— И значит, туда тоже нет смысла соваться, — подытожила Китти.

— Очень не хочется соглашаться с вами, — сказал фон Браун, — но придется. Похоже, что на Марсе мы нашу проблему не решим.

— Но должна быть еще какая-то возможность, — сказал Раби. — Должно быть что-то такое, о чем мы вовсе не думали.

Но Китти снова покачала головой.

— Хотите знать мое обоснованное мнение? — Она подождала, пока все взгляды не устремились на нее, а затем сказала: — Мы все очень жидко обоср…сь.

Глава 54
Через два года: 1967

Что думает столкнувшийся лицом к лицу со смертью такой человек, человек, голова которого полна идей, истинно мудрый в стольких областях бытия? Что за мысленные картины встают перед этими глазами, которые когда-то светились яркой голубизной, а теперь затуманены болью?

Дэвид Лилиенталь, председатель Комиссии по атомной энергии

Они, по крайней мере, умерли быстро.

Три недели назад врачи Оппи сказали ему, что лучевая терапия больше не помогает, а с тех пор, как у него впервые диагностировали рак горла, прошел уже целый год.

От него не ускользнуло очередное проявление иронии судьбы: сам факт существования такого направления, как медицинская радиология, был в значительной степени его заслугой, и изотопы, которые некоторое время сдерживали развитие опухоли, были именно теми, экспорт которых

хотел запретить Льюис Стросс… Боже, неужели с тех прошло целых восемнадцать лет?

Изотопы куда менее важны, чем электронные устройства, но куда более важны, чем витамины. Что-то среднее.

Что-то среднее.

Конечно, речь шла только об их потенциальном использовании в качестве оружия, а не для сдерживания ненасытного членистоногого. До недавних пор именно это было *самой* главной областью их применения. Теперь, когда они перестали помогать ему, медики попробуют химиотерапию, но он знал, что надежды тут мало: физика, откуда ни взгляни, превосходит химию.

Оппи не первым из ученых, работавших в Манхэттенском проекте, испытал на себе действие радиоизотопов. По этому пути уже прошел Лео Силард, поставивший на себе эксперимент по лечению рака мочевого пузыря в Слоан-Кеттеринге в 1960 году. Шесть недель облучения принесли ему годы ремиссии; он продержался до 1964 года и скончался в возрасте шестидесяти шести лет. В тот же год, когда он приступил к лечению, его номинировали на премию Эйнштейна. Труда, наконец-то ставшая его женой, отметила, насколько впечатляющим был список предыдущих

победителей, а Лео, лежа на больничной койке, язвительно заметил: «Да, и с каждым разом впечатляет все сильнее!»

Оппи скучал по яркому Лео, по эксцентричному Эйнштейну, ушедшему из жизни дюжину лет назад, и по неразговорчивому Ферми, скончавшемуся на пять месяцев раньше Эйнштейна. Люди широчайшего и холодного ума, но при этом такие отзывчивые, рожденные в последние годы девятнадцатого века или, если взять Энрико, в начале двадцатого, обладатели интеллектов, намного превышающих среднего человека, но все же такие же смертные, как…

…как и он сам.

Если бы битва за жизнь действительно сводилась к игре в шахматы со Смертью, как в том фильме Бергмана, то — Оппи не сомневался в этом — его ушедшие друзья победили бы; Смерть — это зло, а зло, по его убеждению, *глупо*. Потом, опять же, курил. Давным-давно в Лейдене — четыре десятилетия назад! — Пауль Эренфест без умолку бубнил о вреде табака. Три года назад Оппи наконец-то отказался от привычки выкуривать по четыре пачки сигарет в день, хотя по-прежнему курил трубку. А сейчас ему и на это еле-еле хватало сил. У него болело горло даже

от простого дыхания. День за днем нарастание слабости, неделя за неделей распад, месяц за месяцем агония.

И та же самая мысль: по крайней мере, они умерли быстро.

Они — это три астронавта «Аполлона-1». Чаффи, Уайт и… ну, как же его звали? Гриффин? Нет — Гриссом. Гас Гриссом. Вчера, 25 января 1967 года, они сгорели в своей космической капсуле — не при возвращении, которое всегда было опасным делом, а в ходе обычной наземной тренировки при подготовке к полету.

«Пожар!»

«У нас пламя в кабине!»

«Откройте!»

И крики.

О да, это было болезненно, но продолжалось всего несколько минут, если не секунд. К тому времени, когда наземная команда открыла люк жилого модуля, все трое были мертвы, нейлоновые скафандры расплавились, плоть сгорела до костей. Он еще не видел фотографий — а широкая публика никогда их не увидит, — но фон Браун, директор Центра космических полетов имени Маршалла, ставший настоящим американцем, несмотря на неистребимый акцент, исправно по-

ставлял ему информацию из НАСА. По его словам, тела были похожи…

…на трупы из Хиросимы и Нагасаки.

Искра в кабине, многие ярды легковоспламеняющейся «липучки»-велкро на каждой открытой поверхности и возмутительно плохо продуманная тренировка по пребыванию в чисто кислородной атмосфере при высоком давлении…

Одному богу известно, насколько эта катастрофа затормозит программу «Аполлон».

Оппи сидел в одной из гостиных Олден-Мэнора; Китти возилась с орхидеями в пристроенной к дому оранжерее, которую он однажды соорудил как подарок к ее дню рождения. Черт возьми, подумал он, ведь оранжереи — и люди! — уже были бы и на Марсе. Если бы только не свернули проект «Орион».

Он посмотрел на столик, стоявший рядом, на круглую стеклянную пепельницу, наполненную золой из трубки и окурками сигарет Китти. Если бы только он не закурился до смерти…

Окна были задернуты коричневыми шторами, но солнце прорывалось сквозь тысячи невидимых глазу дырочек в материи. Если бы удался хоть один из их безумных планов защитить Землю!

В книжном шкафу рядом стояли «Цветы зла», сборник пронзительных стихов Бодлера, иллюстрированных гравюрами Тони-Жоржа Ру. Он потянулся за книгой; даже такое небольшое усилие было для него сейчас почти непосильным. Она упала ему на колени и сама раскрылась на страницах 204 и 205, на стихотворении *Une martyre*[67] и картинке, которая так сильно напомнила ему о… о…

Он резко захлопнул старую, пятидесятилетнюю уже книгу. Если бы только он был рядом с Джин в ту ночь, когда она сочла жизнь невыносимо тяжелой…

В том же книжном шкафу, но на нижней полке, в крайнем левом углу, где политические соображения нарушили алфавитный порядок, стояли два тома его бывшего друга Хокона Шевалье: довольно несуразный *roman à clef*[68] под названием «Человек, вознамерившийся стать Богом», изданный в 1959 году, и более прозаичное произведение научно-популярной литературы — по крайней мере, так Хок его видел для себя

---

[67] Примечания: 67

Мученица (*фр.*).

[68] Примечания: 68

Роман-намек (произведение, в котором за персонажами легко угадываются реальные лица).

— двухлетней давности «Оппенгеймер: история дружбы».

Если бы только он выдал Шевалье сразу же после того, как тот на кухне в Игл-хилле обратился к нему со своим предложением, — или, может быть, если бы он вообще никогда не упоминал Шевалье. Странно, подумал он, что варианты пришли ему в голову именно в таком порядке. Казалось, где-то в нем все еще оставалось немного от того до слащавости, до отвращения хорошего мальчика, каким он был во время своего безмятежного нью-йоркского детства, детства, которое не подготовило его к миру, полному жестокости и горечи. Это не позволило, как он сказал журналу «Тайм» два десятка лет назад, нормальным, здоровым способом превратиться в подонка.

Если бы…

Если бы…

К концу жизни, думал Оппи, у человека остается лишь одно: сожаление.

Конечно, он оставил свой след в истории. Он не ездил в Стокгольм, не получал Нобелевской премии, но он изменил мир больше, чем когда-либо удавалось большинству лауреатов, включая лауреатов Премии мира, он изменил его даже сильнее, чем Альфред Нобель своим изобретени-

ем динамита. И все же если бы мерилом величия была чистая разрушительная сила, то на вершине достижений осталось бы имя Теллера.

На все то короткое время, что остается у человечества.

О, может быть, решение еще найдет какая-нибудь из групп проекта «Арбор». «Орион» казался очень многообещающим, но не было никакого смысла упорствовать в развитии средства для спасения мира от природной катастрофы, до которой оставалось шесть десятков лет, если оно же предоставляло человеческой глупости возможность уничтожить его раньше. Запрет ядерных испытаний в атмосфере, запрет использования ядерного оружия в космосе были правильными решениями — они позволили хотя бы на маленький шажок отступить от пропасти.

И все же, если бы им удалось… Если бы…

Зазвонил дверной звонок. Оппи по продолжительному опыту знал, что в стеклянной оранжерее, где находится Китти, из-за странной акустики этот звук совершенно не слышен. Он запихнул Бодлера обратно на полку и, вцепившись в подлокотники тонкими, как веточки, руками, кое-как поднялся из кресла. Превозмогая боль, он зашаркал в вестибюль, с трудом повернул

медную дверную ручку. Дверь, скрипнув, приоткрылась.

И там, на фоне высившихся стеной великолепных деревьев парка Института перспективных исследований, стоял долговязый Ричард Фейнман. Рядом с ним низкорослый Курт Гедель, прячущий широко расставленные глаза за стеклами очков в роговой оправе и укутанный от мороза, который, по его мнению, непременно должен был стоять в феврале, хотя даже больной Роберт совершенно не чувствовал холода в воздухе.

— Всю жизнь я мечтал это сказать, — заявил, широко улыбаясь, Фейнман, — и решил, что вы заслуживаете того, чтобы это услышать.

— Что? — удивился Оппи.

— Эврика! — провозгласил Фейнман. — Хотя, — добавил он, фамильярно приобняв Геделя за узкие плечи, — вернее будет сказать: *мы* нашли.

— Что нашли?

Тут Гедель, из которого обычно чуть ли не силой приходилось вытягивать слова, все же заговорил:

— Ради всего святого, Роберт, пустите нас в дом. Мы здесь сейчас околеем!

Оппи шагнул в сторону и жестом пригласил

гостей войти.

— Выпить? — автоматически, по давней привычке, предложил он.

— Обязательно, — сказал Фейнман. — Тут потребуется бутылка вашего лучшего шампанского, не иначе.

Глава 55

У каждого наблюдателя есть свой собственный комплект «сейчас», и ни одна из этих различных многослойных систем не может претендовать на прерогативу представления объективного течения времени.

Курт Гедель

— Где Китти? — спросил Гедель.

— В оранжерее, — ответил Оппи. — А что?

Фейнман снова улыбнулся:

— Как вы знаете, Китти возглавляет нашу группу «Скрепляющий цемент». Она должна услышать это первой. Или, по крайней мере, одновременно с вами.

Оппи кивнул и двинулся вглубь Олден-Мэнора. Но, очевидно, у посетителей не хватило терпения дождаться, покуда он доплетется до оранжереи — а ходить быстрее он уже не был способен, — позовет Китти и вернется с нею. Они последовали за ним.

— Хей-о! — с волчьим подвыванием воскликнул Фейнман, когда им навстречу попалась

хорошенькая горничная.

Дверь в оранжерею находилась рядом с кухней. Оппи вошел туда первым, теплый, душный воздух резко контрастировал с сухой прохладой самого особняка. Китти, облаченная в синие брюки и свободную белую блузку с закатанными рукавами, поливала из шланга грядки с растениями.

Ни Гедель, ни Фейнман еще не бывали здесь, и Дик прямо с порога направился к длинному металлическому ящику, откуда свисали плети какого-то растения, усеянные переливающимися перламутровым блеском бобами.

— Что это такое?

— Гидропоника, — ответила Китти, перекрывая воду. — Я в свободное время развожу растения, которые можно было бы выращивать на Марсе или на борту космического корабля без почвы. Вот этим нужно много солнечного света, но в подвале есть еще несколько, которым достаточно тусклых лампочек. — Она улыбнулась. — И, кстати, о тусклых лампочках: что привело вас сюда?

Гедель лишь моргнул за своими толстыми стеклами очков, а Дик рассмеялся.

— Ну, вы же знаете, что мы с Куртом так давно мусолим.

— Да, конечно, — ответила Китти. — Только не говорите, что у вас что-то получилось из этого!

— Получилось! — сказал Дик. — Сначала я сам не поверил цифрам, которые выдавал компьютер Джонни фон Неймана, но я попросил двух наших малышей — тех умных мальчика и девочку, которых вы, Оппи, привезли из Стэнфорда в прошлом месяце — дважды и трижды проверить их, и все сошлось.

— Это потрясающе, — сказала Китти.

— Погодите, — вмешался Роберт. — *Она,* может, и знает, над чем вы работали, но я-то *не* знаю.

— Верно, — отозвался Дик. — Вы тоже узнаете, но чуть погодя. Все из-за этого чертова линейного времени, да, Курт? — И он легонько толкнул локтем щуплого математика.

— Правда, оно *не* линейное, — сказал Гедель. — Оно образует кольца — замкнутые времениподобные кривые.

— Так он их называет, — пояснил Дик. — Но с позиций квантовой электродинамики в этом нет ничего «подобного»: это действительно петли во времени — и мы можем, по крайней мере теоретически, перемещать материальные объекты по одной петле или через их взаимосвязанный ряд в любую точку прошлого.

— И что? — осведомился Оппи. — Я читал все работы Курта. Он уже восемнадцать лет утверждает это.

Курт кивнул:

— Это был мой подарок Эйнштейну к его семидесятилетию — новое решение уравнения поля общей теории относительности.

— Который, — добавил Фейнман, подмигнув, — заставил Эйнштейна усомниться в этой теории — своем детище.

— Да, — подтвердил Гедель. — Но сейчас он не стал бы сомневаться. Мы с Фейнманом соорудили машину, которая действительно способна перемещать объекты в любую точку на замкнутой временной кривой.

— Вы серьезно? — спросила Китти.

— Совершенно серьезно, — ответил Фейнман. Его чересчур легкий тон наводил на мысль о розыгрыше, но Оппи решил принять его слова всерьез.

— Вы хотите сказать, что вы можете набрать, скажем, четвертое октября 1957 года и отправиться туда? — спросил Роберт, назвав первое, что пришло на ум: дату начала космической эры. Он присел на край большого кашпо; несмотря на то что пораженное раком тело отказывалось

повиноваться, мысли выстраивали услышанное в стройный порядок.

— Устройство работает не с абсолютными, а с относительными датами, — сказал Гедель, — так что адрес будет указан в формате: «минус девять лет пять месяцев», но в целом, да, туда можно переместиться.

— Вы… Господи, вы уже испытывали ее? — спросил Роберт, и одновременно с его фразой прозвучали слова Китти:

— Иисус, неужели она работает?

— Она, *кажется*, работает, — сказал Гедель. — Мы пробовали помещать в него какие-нибудь безобидные вещи — камни, найденные далеко в лесу, и тому подобное, — и они исчезали, но это не доказывает, что они действительно путешествовали во времени.

— Вы посылали их вперед или назад?

— Назад, — сказал Фейнман. — Как отправлять вперед, мы еще не разобрались. Конечно, если время *на самом деле* замкнуто, можно посылать объекты так далеко в прошлое, что они окажутся в будущем, но для этого требуются объемы энергии и близко недоступные нам.

— Это невероятно! — воскликнула Китти. — Я… о, я просто никак в себя не приду. Но… порази-

тельно. Отличная работа, ребята!

— В самом деле, поразительно, — согласился Оппи, — но я не вижу, каким образом это можно приложить к решению проблемы солнечной вспышки.

Фейнман рассмеялся:

— Слышу истинного администратора. «Черт возьми, Смазерс, я отправил вас в театр Форда, чтобы вы подготовили в завтрашний номер рецензию на спектакль, а вы принесли какую-то чушь насчет убийства президента!»

— Это решение всех наших проблем, — сказал Гедель. — Но давайте все-таки уйдем из этой сырости. А не то мы обязательно простудимся.

Фейнман первым направился к двери.

— Мы с радостью все объясним, — сказал он, выходя в коридор. — И, может быть, вы все-таки попросите эту милашку-горничную принести нам шампанского?

Глава 56

Даже не принимая во внимание пьянство Китти, я считаю ее самой отвратительной из женщин, которых я когда-либо знал, из-за ее жестокости. Для постороннего человека вроде меня семейная жизнь Оппенгеймера выглядела адом на земле.

Абрахам Пайс, физик, работавший в ИПИ

Роберт прилетел в Беркли для проведения эксперимента. Дом на Уан-Игл-хилл по-прежнему принадлежал ему; Фейнман и прочие решили, что он станет идеальной экспериментальной базой, где можно будет разместить свое оборудование вдали от любопытных глаз профессоров, не связанных с проектом «Арбор». Гедель, боявшийся летать на самолете так же сильно, как и почти всего остального, остался в Принстоне, зато И. А. Раби, которому вот-вот предстояло сменить Оппенгеймера на посту руководителя проекта, и Фейнман прибыли раньше, а с ними еще пять физиков нового поколения, в том числе две жен-

щины; времена действительно менялись.

Он приглашал Китти поехать с ним, но она отказалась. По ее словам, он нужен был ей либо живым, либо мертвым, а не в каком-то странном состоянии, совмещавшем и одно, и другое. Она не могла последовать за ним туда, куда он направлялся; ей не было места в том, что ему предстояло сделать. После того как Оппи, не ставя никого в известность, покинул Принстон, она, как сообщали сплетни, заперла спальню, где он провел несколько последних недель, и говорила приходившим доброжелателям, что он не в состоянии принимать посетителей, а ей самой просто невыносимо туда входить.

Вскоре на Игл-хилл все подготовили. Оппи, как всегда, надеялся, что нужные слова сами придут ему в голову в нужный момент. Он любил творчество Оскара Уайльда и, в частности, остроту, которая, по распространенному мнению, была его последними словами: «Эти обои ужасны. Кому-то — или им, или мне — придется уйти!» Но хотя следующее высказывание Роберта должно было стать последним в его линейном времени, он глубоко надеялся, что для него это будет совсем не так. Постаравшись изобразить лучезарную улыбку (насколько позволяли силы), он под ап-

лодисменты небольшой группы ученых сказал: «Американский мореплаватель готов к отбытию в Старый Свет».

Фейнман с явным удовольствием провел короткий отсчет:

— Пять, четыре, три, два, один, — и затем…

Оппи, находившийся в прозрачном акриловом защитном пузыре, почувствовал, как по всей коже побежали ощутимые мурашки, а жидкие клочки еще остававшихся у него седых волос как будто зарядились электричеством. Куда-то делось равновесие; к счастью, он в лучшей традиции Герберта Уэллса сидел в сложно устроенном седле. Казалось, будто перед ним пошел фильм задом наперед, где Дик считает в прямом, а не в обратном порядке, где короткие слова «один, два, три, четыре, пять» звучат с причудливо неверной интонацией, как на перематываемой магнитной ленте. Во время отсчета один из молодых ученых-мужчин отошел назад от своего пульта управления; дым втянулся в чашу трубки Раби, и молодая женщина-физик поднялась со стула, не опираясь на подлокотники.

Но вскоре все слилось в зеленовато-серое размытое марево со странными спектральными вспышками на периферии зрения. Это продол-

жалось — субъективно, конечно, — где-то с полминуты, а затем вокруг него материализовалась та же самая полуподвальная комната, в которой проводился эксперимент. Но теперь он находился там один, зато его внимание сразу привлекли вещи, которые они с Китти не потрудились отправить в Лос-Аламос, но впоследствии выбросили, в частности коляску и детскую кроватку Питера. Свет, падавший из расположенных под потолком окон, изменил как направление, так и оттенок; очевидно, он прибыл солнечным днем, уже под вечер.

Оппи просто посидел некоторое время, позволяя своему желудку успокоиться и вернуть чувство равновесия — и позволяя своему бешено колотящемуся сердцу хотя бы немного утихнуть.

Он находился *здесь*, и это происходило *сейчас*, и из всех возможных вариантов он мог выбрать — один, в котором он мог бы предотвратить сброс любой из атомных бомб где угодно, другой, в котором он мог бы поддержать просьбу Лео Силарда о демонстрационном взрыве, третий, в котором он отклонил бы предложение генерала Гровза возглавить этот чертов проект, — лишь *это* имело для него смысл, единственное из всего, чего он желал, что не вызвало бы расширяющейся ряби,

приводящей к крупномасштабным изменениям в еще не наступившей истории, в том надвигающемся будущем, с которым он наконец заключил свой непростой мир: грядущее прошлое, которое, как он знал, должно было существовать.

Собравшись наконец с силами и настроившись, Оппи спешился и вышел из сферы. Машина должна была вернуться в исходную точку минут через двадцать с небольшим — максимум, чего удалось добиться с этим хилым прототипом со скромным запасом энергии. Что-то похожее на призрачное действие на расстоянии, которое так раздражало Эйнштейна, связывало машину с базовой станцией, которая будет построена в этом самом подвале в 1967 году, и вскоре это что-то перенесет аппарат обратно в то время. Он подумал, что старый друг Раби наверняка сразу догадался, что аппарат вернется пустым, но остальные, несомненно, будут потрясены.

Оппи медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, выбрался по лестнице из подвала и, шаркая ногами, направился в комнату, где хранил минералогические коллекции, собранные в юности. Из шкафа он достал деревянную шкатулку с откидной застекленной крышкой, внутри которой имелось двадцать четыре маленьких

отделения. Но в этой конкретной шкатулке с надписью «Поконо, сентябрь 1916 года» хранился всего двадцать один экземпляр, и именно это количество соответствовало строгим стандартам коллекционирования юного Роберта. Оппи сунул руку в карман и вытащил полупрозрачный зеленый шарик размером с крупную виноградину. Он положил его в один из пустых квадратиков, затем закрыл крышку и поставил шкатулку обратно в шкаф.

Перед тем как Оппи отправился в прошлое, он и Фейнман взяли одну из шкатулок с минералами, все еще хранящихся в Игл-хилле, и убедились, что в нем именно двадцать один камешек. Теперь же — тогда, потом, в будущем, в 1967 году — когда Оппи не вернется, Дик еще раз проверит содержимое, и на сей раз найдет там кусочек тринитита, плавленого стекла, возникшего — или того, которому предстоит возникнуть — в результате взрыва «Тринити», через полтора года после того момента, в котором сейчас пребывал Роберт.

Каждый кусочек тринитита был уникален, содержал единственный в своем роде набор пузырьков и даже крошечные осколки самой плутониевой бомбы или ее опорной башни; один камешек никак нельзя было спутать с каким-ли-

бо другим. Зато когда Фейнман протестирует этот экземпляр, точное место сбора которого было однозначно задокументировано, то обнаружит, что его радиоактивный распад начался не двадцать два года назад, как следовало бы ожидать для тринитита в 1967 году, а сорок пять лет назад, из чего следует, что он дважды просуществовал период в половину сороковых годов, все пятидесятые и большую часть шестидесятых годов, тем самым доказав, что первое испытание машины времени с пассажиром-человеком прошло успешно.

Роберт вызвался сыграть роль подопытного кролика, стать первым аргонавтом времени, если воспользоваться прекрасной метафорой Уэллса. Как бы там ни было, его дни сочтены; три, четыре, уж точно не больше пяти. И хотя ему не суждено получить Нобелевскую премию, этот вклад он все еще *мог* внести, гарантируя тем самым, что, когда правда в конце концов откроется, он войдет в историю за то, что, ну… вошел в историю.

Поставив на место шкатулку с минералами, Оппи вышел из дома, сел в такси, доехал до Телеграф-хилл в Сан-Франциско и попросил водителя высадить его у деревянной телефонной будки. Чтобы открыть складную дверь, ему пришлось изрядно напрячься. Перед поездкой в Беркли он

сам и его секретарша Верна приложили немало усилий для поиска монет, датированных 1944-м или более ранними годами; сейчас его карман оттягивала увесистая кучка мелочи, а в другом лежала небольшая пачка таких же старых купюр. Выбрав пятицентовую монету с профилем индейца, он опустил ее в прорезь телефона-автомата. Услышав голос телефонистки, он сказал:

— Этуотер 3–4–1–8, пожалуйста, — и стал ждать. После трех гудков раздался голос, которого он не слышал четверть века.

— Алло!

Он обдумывал самые различные варианты начала разговора, от поэтичного до приторно сентиментального, но сейчас просто сказал:

— Привет, Джин.

— Привет, — ответила она. — Кто это?

Он кашлянул, прочистил горло и попытался придать голосу хоть немного звучности.

— Это Роберт, — а затем, поскольку слышал в трубке лишь шорох статических разрядов, добавил свою фамилию.

— Боже! — воскликнула Джин. — Что у тебя с голосом?

— Ах, ерунда, простыл немного. — Рекорд года по преуменьшению! — Я всего в нескольких ша-

гах от твоего дома. Можно мне зайти?

— Ты здесь, в Сан-Франциско? Боже мой, конечно!

— Иду. — Он повесил трубку, затем нашел еще одну пятицентовую монету, сунул в прорезь и сделал еще один короткий звонок. Он ожидал, что его и тут не узнают по голосу; так и случилось. Но встревоженный, даже испуганный человек согласился на его просьбу. Оппи снова повесил трубку и вышел.

Выбиваясь из сил, тяжело опираясь на трость, он все же проковылял два квартала по круто поднимавшейся вверх улице и все же добрался до дома 1405 по Монтгомери-стрит. Джин, в небесно-голубом халате поверх белой ночной рубашки, стояла в узкой двери. Она явно не могла поверить, что эта ходячая развалина была тем человеком, которого она ждала, пока он не оказался всего в нескольких шагах от нее.

На стене рядом с дверью висел фонарь, и Оппи был уверен, что его резкий свет подчеркивает глубокие морщины и отечность его лица.

— Джин… — сказал он, преодолевая хриплую одышку.

Она недоуменно уставилась на него:

— Вы… вы Джулиус?

Она имела в виду отца Роберта — и Оппи с удивлением понял, что его отец умер шестидесяти шести лет от роду, а ему оставалось еще четыре года до этого возраста.

— Он умер, Джин. — Пауза, чтобы перевести дыхание. — Он умер в 1939 году. Ты это знаешь.

— Но… кто же вы?

— Это я. Роберт. Оппи. Боб. Это я, Джин.

— Нет, нет. Роберт…

— Молодой. А я старый. На двадцать три года старше, если точно. — Его дыхание восстановилось, если можно так сказать о судорожном, частом глотании воздуха. — Я стар, я умираю. Это мне предстоит вскоре умереть, а не тебе.

Она прищурила глаза, зеленые радужки светились в свете фонаря.

— Что… о чем вы… ты говоришь?

— Извини, — сказал он, указывая на лестницу, поднимавшуюся за ее спиной. — Можно войти?

Она мгновение колебалась, на ее лице было написано крайнее недоумение, но затем жестом предложила ему пройти вперед и помогла подняться сначала на один пролет, а затем на другой, в свою тесную квартирку-студию на третьем этаже. Там она помогла ему сесть на короткую кушетку и принесла стакан воды.

— Это *ты*, правда? — сказала Джин и, подвинув деревянное кресло, села перед ним.

— Да.

— Но что случилось?

— Старость. Болезнь.

— Старость? Я не…

Оппи попытался скрестить ноги, но это оказалось слишком больно. Сначала он подумал упомянуть Герберта Уэллса, но, пожалуй, писатель-фантаст был слишком зауряден на ее вкус. Хотя именно Уэллс, предсказавший атомную бомбу и давший ей название, еще раньше предсказал и назвал машину времени.

— Я вернулся, чтобы увидеть тебя, — сказал он. — Вернулся из 1967 года.

— Но… как?

Он знал, что она потрясающе умна, но все же даже для начала объяснения потребовались бы драгоценные часы — часы, которых у него не было.

— Физика, — просто сказал он.

— Тебе придется это доказать, — сказала она. — Доказать, что ты именно ты, как ты утверждаешь.

Он закрыл глаза и процитировал на память:

Но и этого недостанет,

Чтобы унять твою нестерпимую боль,
Истерзанный, истекающий кровью Иисус.

И она, автор, женщина, сложившая эти стихи, когда ей было всего шестнадцать лет, договорила заключительные слова:

– *Fils de Dieu*, — Сын Божий по-французски, и покачала головой.

— Я не читала эти стихи никому, кроме…

— Кроме *меня*.

Она еще некоторое время изучала его лицо, ее глаза метались в орбитах, пытаясь что-то разглядеть за морщинами и складками. Рот слегка приоткрылся, голова качнулась в сомнении. Но в конце концов она кивнула и изумленно согласилась:

— Никому, кроме тебя.

Он тепло улыбнулся.

— Я так рад видеть тебя, Джин, — а затем, со сдержанным, но нежным смешком, добавил: — Но, вообще-то, мне нужно было прийти сюда на одиннадцать дней раньше.

— Почему?

— Тогда я мог бы достойно сыграть роль призрака грядущего Рождества.

Он ожидал, что она слабо, застенчиво улыбнется, но ее лицо осталось неподвижным.

— Я знаю, что годы не были добры ко мне. — Он трижды кашлянул, затем сделал паузу, словно ожидая четвертого, и лишь потом продолжил: — И не только годы. Курение. — Он указал на переполненную пепельницу и смятую пачку «Честерфилда». — О, Джин, я умоляю тебя, откажись от этой привычки. Я не могу позволить себе много рассказывать о будущем, но в начале 1960-х годов будет доказано, что курение вызывает рак легких. — Он остановился и подождал, пока восстановится дыхание, которое из-за этой самой привычки теперь давалось ему с таким трудом. — Забавно: это похоже на бомбу. — Конечно, она не знала того, о чем он упомянул. И все же. — Британцы тоже занимались этим; даже раньше начали и объявили — объявят в 1962 году — о связи между курением и раком. Тогда и американцы зашевелятся. Наш главный хирург в 1964 году тоже опубликует доклад.

— Мне безразлично, что случится в будущем, — сказала Джин.

Он наклонился вперед и взял ее за руку — молодую, гладкую, теплую и трепещущую плоть.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Может, проци-

тировать тебе что-нибудь еще? — Она вопросительно посмотрела на него, и он воспринял это как разрешение продолжать. — «Я хотела жить и отдавать, но почему-то не имела физических и душевных сил для этого. Я думаю, что всю свою жизнь была лишь обузой. По крайней мере, я способна избавить воюющий мир от бремени парализованной души».

Она сидела молча.

— Узнаешь слова?

— Я… я не…

— Еще не написала их. Это так, но ты готовишься. Уверен, что ты мысленно составляешь эти или немного другие слова. Ты собираешься записать их ночью, после того, как выпьешь таблетки.

Она покачала головой:

— Это… — Она, будучи психиатром, имела в своем распоряжении огромный лексикон, связанный с душевными расстройствами. Но через мгновение она закончила простым словом: — Тревожит.

— И тебя, и меня. Но, любовь моя, я пришел, чтобы удержать тебя от приема этих таблеток, чтобы ты не писала это письмо.

Она опустила взгляд на обшарпанные половицы.

— Я просто хочу покончить с этим, Роберт. Я хочу, чтобы вся эта боль, все это смятение закончились.

Он чуть заметно наклонил голову:

— Не думаю, что боль и смятение когда-нибудь полностью закончатся. Но они все же слабеют. Я тоже пытался покончить с собой — один раз, о котором я тебе рассказывал, много лет назад, когда я был гораздо моложе, чем ты сейчас, после тех невыносимых событий в Кавендишской лаборатории, а потом еще… — Он закрыл глаза, вспоминая то, что случилось с ним тринадцать лет тому назад — и через десять лет после сегодняшнего вечера — в ванной комнате Герба и Энн Маркс, после того как Льюис Стросс обрушил на него это подлое письмо с обвинениями. — С тобой еще не покончено, — мягко сказал он. — Тебе предстоит еще написать много стихов.

— Все так трудно, а ты… ты так далеко.

— Я знаю. — Он снова закашлялся, и она стиснула его руку так, словно надеялась изгнать рак из его тела. — Тебе всего двадцать девять, — сказал он, удивляясь этому факту. — Боже, вот бы снова стать двадцатидевятилетним! — Ему столько стукнуло в 1933 году, в разгар беззаботных довоенных лет в Беркли и Калифорнийском тех-

нологическом институте. Как же давно это было. В палеозойской эре. Он посмотрел ей в глаза, с болью осознавая, что гипнотическая сила, которой раньше обладал его взгляд, исчезла. — Обещай мне, Джин. Продержись, еще… ну-ка, прикинем… продержись еще семь недель. Сможешь? До двадцать первого февраля, до твоего дня рождения — ради меня. По крайней мере, попробуй; узнай, что значит быть тридцатилетней.

Она ненадолго задумалась и отрицательно покачала головой.

— Допустим, у меня получится. Но где ты будешь через шесть недель? Это будет… э… День святого Валентина. Где ты будешь тогда? Не этот ты, а тот, что помоложе, тот, что из этого времени? Где он будет в ту ночь?

Да, другой, молодой он, который тоже существует. Она *была* остра на язык.

— Ты же знаешь, что я участвую в секретном проекте.

— Что-то *настолько* важное? Прямо безумно важное? — Она устремила на него испытующий взгляд. — И что же это такое? Что *это* за чертова штука, которая для тебя важнее меня?

Оппи вернулся мыслями — перескочил вперед — в апрель 1954 года.

«– Вы провели с нею ночь, верно?

— Да.

— Это случилось, когда вы работали над секретным военным проектом?

— Да.

— Вы не подумали о том, что это не соответствовало требованиям безопасности?

— Это было само собой разумеющимся. Ни слова...»

И ведь он на самом деле не сказал ни слова о чем бы то ни было, касавшемся секретных вопросов. Он всегда был лоялен, всегда хранил тайну, никогда не ставил под угрозу безопасность страны, никогда не выдал посторонним ничего, связанного с Манхэттенским проектом. До слащавости, до отвращения хороший мальчик.

Но его все равно вышвырнут на помойку. То самое правительство, которому он так прилежно, так долго служил, самым публичным, самым унизительным из возможных способов лишит его допуска к секретной информации, превратив из национального героя в посмешище нации. И если человека накажут за преступление, которого он не совершал, то что же мешает ему в таком случае на самом деле совершить то, в чем его обвиняли, верно?

Джин смотрела на него молящими нефритовыми глазами — женщина, решившаяся этой ночью превратиться в *une martyre.*

Женщина, любящая его.

Женщина, которую он любит.

Но, будь оно все проклято, свою страну он тоже любит.

— Прости меня, — сказал он, — не могу. Но если ты продержишься, — он прикрыл глаза, считая в уме, — пятьсот семьдесят восемь дней… нет, это же високосный год, да? Пятьсот семьдесят *девять* дней, то, обещаю, ты все узнаешь. — *Весь мир узнает.*

— Это такое далекое будущее.

Он грустно улыбнулся:

— Когда-то, давным-давно, я тоже так думал. Шестое августа 1945 года.

Она встала с жесткого креслица и пересела к нему на кушетку.

— А если я продержусь до тех пор, мы будем вместе?

У него перехватило сердце. Ведь на свете и впрямь существовал другой Роберт Оппенгеймер, обретавшийся сейчас в Лос-Аламосе, молодой энергичный Оппи, который менее месяца тому назад наконец-то назвал генералу Гровзу имя

Хокона Шевалье. *Тому* Оппи предстояло через некоторое время думать о том, как построить послевоенную жизнь. Какой выбор сделал бы он — тот, другой он, — будь у него такой выбор? После того как Китти сбежала от него, оставив Тайк, которая — боже! — родится только через одиннадцать месяцев? У него — этого Оппи — выбора не было никакого: к тому времени, когда Япония капитулировала, Джин давно не было на свете. Но если бы она продержалась, если бы она была жива в те дни, когда тот, другой Оппи, *смог* навсегда покинуть Гору?

Да, при таком раскладе все изменилось бы. Но солнечная нестабильность обнаружена еще до этого — и, несомненно, усилия по спасению какой-то части человеческого вида так же будут предприняты.

Он повернулся и обнял ее изо всех оставшихся у него сил, но их едва хватило для того, чтобы примять ткань ее блузки там, где она вздымалась.

«В мире природы нет секретов, — сказал он — скажет — телеведущему Эдварду Р. Марроу. — Все существующие секреты касаются мыслей и намерений людей».

— Пожалуйста, держись, — сказал он и добавил про себя: «Господи, насколько же тяжело на

сердце от этих дел!» — Просто держись. Полтора года. А тогда, если ты останешься свободна и сохранишь прежнюю привязанность, уверен, мы будем вместе.

— Навсегда? — спросила она, уткнувшись лбом в его костлявое плечо.

Он чуть заметно кивнул:

— До конца света.

Глава 57

М-м-м… да. Естественно, в известном нам периоде времени.

Дж. Роберт Оппенгеймер – на вопрос о том, был ли взрыв атомной бомбы «Тринити» первым в истории

Оппи прекрасно знал, сколько времени занимает дорога сюда из окрестностей Игл-хилла в Беркли, и поэтому, когда прозвучал дверной звонок, сразу понял, кто мог примчаться сюда, напуганный его телефонным звонком. Он еще раз напоследок долго, насколько хватило дыхания, целовал Джин, прижимая ее к себе, потом выпустил и поплелся вниз по лестнице.

Джон Стронг Перри Тэтлок вышел из дома сразу же после звонка незнакомца, который буквально умолял его навестить отчаявшуюся дочь. Этим вечером он ожидал от нее звонка и, когда телефон действительно зазвонил, вероятно, подумал, что это она. Но то и дело кашлявший мужчина с хриплым голосом, представившийся просто другом, сказал, что ему следует обязательно приехать, и как можно скорее. И вот вместо того, чтобы лечь

спать, так и не дождавшись обещанного звонка Джин, вместо того, чтобы приехать утром и, тщетно потоптавшись у двери, залезть в окно и найти дочь мертвой в ванне, Джон Тэтлок разминулся с тощим, как привидение, незнакомым человеком в пальто и шляпе, вышедшим неизвестно из какой квартиры. «Призрак» придержал для него дверь, и Тэтлок промчался мимо, перепрыгивая через ступеньку, взбежал по лестнице, и застал свою Джин, их Джин, живой.

Оппи немного удручал тот факт, что профессор Тэтлок был специалистом по Чосеру; вероятно, он не испытывал особой симпатии к Диккенсу, на произведение которого Оппи уже намекал немного раньше. Но сейчас Тэтлок оказался буквально включен в повесть о двух городах: *этом* Сан-Франциско, в котором жила Джин, и *том*, который теперь переписан и забыт всеми, кроме одного непонятного, усталого мужчины, и в котором она больше не жила.

Было уже поздно, но Роберту удалось поймать такси. Он вышел посреди парка «Золотые Ворота» у Восточного чайного сада, где ему через несколько лет предстояло прогуляться в обществе Степана Захаровича Апресяна, и отдал изумленному водителю все деньги, которые у него были

с собой — около сорока долларов банкнотами и мелочью. Было прохладно, и, несомненно, с каждым часом будет холодать еще сильнее, он начал замерзать, но окоченение действовало на него как обезболивающее, и он только радовался холоду. Вскоре подвернулась кованая парковая скамейка. Сбоку призраком возвышался силуэт неосвещенной японской пагоды, и ему на память снова пришли строки из «Бхагавад-гиты»:

Побеждай врагов с оружием в руках…

Всецело овладей науками

И разнообразными искусствами…

Тебе все это посильно, но только лишь сила кармы

Способна предотвратить то, чему не суждено случиться,

И заставить сбыться то, чему суждено.

Чувствуя, что изнемогает, он сел на скамейку и запрокинул голову. Перед поездкой он проверил астрономические эфемериды на сегодняшний вечер, и точно знал, где что искать. Луна, стоявшая высоко в небе, уже два дня как перевалила за первую четверть. На востоке в созвездии Тельца

ярко сиял Сатурн. А самое главное находилось почти посередине между ними, рядом с Плеядами.

Изумруд небесного свода.

Ошибки быть не могло. Оппи прекрасно знал астрофизику, как мало кто еще на свете: зеленых звезд не существовало.

Нет, это была *планета*.

Зеленая планета.

Зеленая планета — зеленая планета Марс сияла ему свысока.

Оппи лег навзничь на скамейку и поплотнее укутался в пальто. На память ему пришел рассказ Рея Брэдбери — который будет написан лишь через восемь лет — о путешественниках во времени, которые отправились в мезозойскую эру полюбоваться динозаврами. Экскурсантам следовало оставаться на парящей в воздухе дорожке и ни к чему не прикасаться, но один из них случайно наступил на севшую под ногой бабочку. Когда они вернулись в свое время, там все оказалось не таким, как в момент отправления.

Может ли такое произойти на самом деле? Может ли такая незначительная причина привести к таким серьезным последствиям? Построенный в ИПИ Джонни фон Нейманом мощный компьютер, первоначально предназначавшийся для

точного прогнозирования погоды, совершенно не справился с этой задачей. Сколь подробной ни была бы информация, предоставленная фон Нейманом своей машине, ее всегда не хватало: мелкие, вроде бы неучтенные факторы сразу рандомизировали атмосферные условия. Макроскопическая вселенная не является детерминированным часовым механизмом Ньютона, но она и не то неопределенное размытие, которое могла бы предложить квантовая теория. Скорее всего, реальность снова оказалась чем-то иным: она, как сказал Теллер об Оппи много лет назад, сложная и путаная.

Или, одним словом, *хаотична*.

Скорее всего, ученые проекта «Арбор» преуспели. Если предположить, что все прошло по плану, они вносят — внесут, уже внесли — первые изменения ближе к концу Темных веков, в 945 году нашей эры или, как любил говорить Дик Фейнман, в 1000 году до а. э. — до атомной эры, *ante atomum*. Следующий год, который был раньше 1945-м, теперь будет первым годом, и все последующие годы в этой новой системе будут обозначаться «а. э.» — атомной эры.

Но независимо от используемой схемы нумерации в этой переписанной реальности ничего

не менялось до тех пор, пока шумеры не назвали каплю крови в ночном небе Нергалом в честь своего бога чумы и войны. Жители Месопотамии тоже различали красный цвет и утверждали, что это звезда, которая судит умерших. Древние цивилизации Восточной Азии видели «огненную звезду», а греки и римляне аналогичным образом, обнаружив кровавое пятно на небосводе, отождествили его со своими соответствующими богами войны, Аресом и — название, которое в конце концов прижилось и вошло во всеобщий обиход, — Марсом.

Прогресс шел медленно и не был заметен на расстоянии до самого конца игры. Тысячу лет назад на территории в глубине Сибири, немного севернее реки, которая когда-то получит название Подкаменной Тунгуски, был построен пусковой комплекс. Место выбрали с учетом того, что взрыв метеорита в 1908 году уничтожит все его следы. С этого места запустили ракеты, доставившие на Марс супербомбы Теллера, которые, взорвавшись над полярными шапками, высвободили содержавшийся там углекислый газ. Затем Марс засеяли цианобактериями, необходимыми для производства кислорода. Гигантский магнитный зонт в точке L1 Солнце — Марс, спроектирован-

ный группой Ханса Бете «Терпеливая власть» (его положение периодически корректировалось ракетами, поставляемыми командой фон Брауна), позволил планете безопасно обретаться в собственном хвосте магнитосферы, прикрывавшем ее от обычного солнечного ветра, который, не будь этой защиты, продолжал бы сдувать с Марса воздух. Атмосфера постепенно сгущалась, чтобы стать в конце концов пригодной для дыхания. Процессы, запущенные тысячелетие назад, принесут плоды — да, черт возьми, в буквальном смысле принесут плоды! — и человечество вернет себе сад.

В 1610 году, когда Галилей первым из людей посмотрел на Марс в телескоп, в этом мире уже миновали шесть столетий преобразований. Но слабые, несовершенные линзы его оптического прибора — не говоря уже о слабых, несовершенных линзах его собственных глаз — не позволили разглядеть никаких деталей.

Но с течением времени небольшие изменения действительно сливаются в большое и долговременное воздействие. Когда Джованни Скиапарелли в 1877 году впервые посмотрел на Марс в двадцатидвухсантиметровый телескоп, отцу Роберта Оппенгеймера Джулиусу было

шесть лет, а его матери Элле — похитительнице колыбелей, как позже шутили ее родные — только что исполнилось восемь. И когда примерно тридцать лет спустя Персиваль Лоуэлл опубликовал книги «Марс и его каналы» и «Марс как обитель жизни», Роберт Оппенгеймер уже был не по годам развитым ребенком.

Итак, четвертая планета от Солнца теперь светилась изумрудным, а не рубиновым цветом, была зеленой, а не красной, но пока это не имело большого значения. О, это состояние больше соответствовало наблюдениям Лоуэлла, а также знаменитому роману Герберта Уэллса и радиодраме, написанной по его сюжету Орсоном Уэллсом, но, по большому счету, события первой половины двадцатого века разворачивались в этой новой реальности так же, как и в старой, вытесненной. Братья Райт совершили полет на самолете в 1903 году. Для Эйнштейна 1905 год знаменовался наивысшим достижением в физике. Убийство эрцгерцога Фердинанда в 1914 году ввергло Европу в войну на четыре кровавых года. Два десятилетия спустя приход к власти художника-неудачника и психопата спровоцировал еще более продолжительный, еще более масштабный, еще более варварский конфликт. Какой эффект

этот луч небесного света, казавшийся меньше самой маленькой бабочки, ни оказал бы на человеческие дела, волны фашизма и нацизма, патриотизма и политических интриг вздымались и спадали там и там примерно одинаково, и, как сказал бы Уэллс, люди с бесконечным самодовольством сновали по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей.

Но в середине двадцатого века эта уверенность оказалась грубо опровергнута: стало известно, что Солнце, светившее ровно и спокойно на протяжении всей истории человечества, неизбежно раздует свою внешнюю оболочку в испепеляющую сферу, которая уничтожит каменистый Меркурий, серебристую Венеру и Землю с ее войнами и столь неустойчивым мирным периодом, равно как и скалистую мертвую земную Луну, но оставит нетронутой сияющую зеленым планету, которую один только Оппи помнил красной.

Итак: проект «Арбор».

Итак: проект «Орион».

Итак: «Маринер-IV» и первые фотографии поверхности Марса с близкого расстояния, и…

Оппи представил себе ту сцену такой, какой она должна была состояться теперь: восторг, радость.

Черно-белые снимки, кропотливо расшифрованные из численных кодов, показывают…

Сомнения просто не может быть!

Река с темными полосами вдоль берегов несет воды в круглое озеро, поверхность которого сверкает в солнечном свете.

Марс Скиапарелли, Лоуэлла, Герберта Уэллса и Орсона Уэллса. Или хотя бы довольно близкое приближение к ним. Устойчивые водные потоки, это точно, а темные пятна могут быть… должны быть… наверняка являются растительностью.

Он нашелся — второй дом, который был позарез нужен человечеству. Да, они могли бы просто (незамысловато!) использовать перемещение во времени, чтобы перевезти большие группы людей в прошлое, но это дало бы только отсрочку, а не помилование: что бы они там (тогда) ни делали, Земле все равно предстояло быть уничтоженной еще до середины двадцать первого века. Кроме того, полчища постатомных людей, появившихся во времена Ньютона, или Юлия Цезаря, или Тутанхамона, или синантропов хаотично нарушили бы порядок вещей, абсолютно исключив возможность предсказания того, как будут переписаны последующие столетия или тысячелетия.

Поэтому в переконструированной реальности благодаря оригинальной идее Станислава Улама о космических кораблях, приводимых в движение атомными взрывами, и развитию этой идеи Фрименом Дайсоном, и супербомбе Эдварда Теллера, и гениальному озарению Ричарда Фейнмана и Курта Геделя, и организаторским способностям некоего Дж. Роберта Оппенгеймера ключом к выживанию стало путешествие во времени в сочетании с… как бы это назвать? Ах да, ведь термин уже существует, его выдумал писатель-фантаст Джек Уильямсон, работавший в Нью-Мексико примерно за пять лет до взрыва «Тринити» и в двухстах милях к востоку от него, что в космическом смысле является «яблочком» мишени: «терраформирование», инженерная деятельность планетарного масштаба, переделывающая существующий мир в форму, пригодную для жизни, перенесенной с Земли.

В 1960-х годах проект «Арбор» обратился к мировым лидерам с сообщением о надвигающейся катастрофе и попросил сделать исключение из Договора о запрещении ядерных испытаний: вторая Земля ждала своего часа, и его неминуемое приближение могла теперь подтвердить любая приличная обсерватория, и ученые действи-

тельно располагали средствами для того, чтобы доставить туда миллионы, а то и миллиарды людей. Речь шла вовсе не о «Фау» фон Брауна с их ничтожной мощностью. Ковчегами, предназначенными для странствия на зеленую планету, предстояло служить кораблям «Орион», несомым вперед ожерельями термоядерных взрывов — удачное, поэтическое решение солнечного кризиса, использование огня для борьбы с пожаром.

* * *

— Это моя скамейка.

Роберт Оппенгеймер уснул. Эти слова разбудили его, и он увидел фигуру стоявшего перед ним человека — черное на черном, пустоту на фоне Млечного Пути, подобную той, которая, по его расчетам, могла образоваться в результате гибели достаточно массивной звезды.

— Простите? — сказал Оппи, подчеркнув тоном, что просит не прощения, а повторить.

— Я сказал: это моя скамейка. Я сплю здесь. Это всем известно. — Голос незнакомца был грубым, выговор указывал на необразованность, но агрессивности в нем не слышалось.

— Я новичок в парке, — ответил Оппи. — Я не знал.

— Тут совсем рядом есть другая скамейка, — сказал бродяга, и Оппи смутно различил в темноте его жест, указывающий в сторону. — Вообще-то, ее занимал Большой Джумбо, но он покинул нас перед самым Рождеством.

— Понятно, — сказал Оппи и с трудом принял сидячее положение.

— Такие парни вроде нас с тобой чуть не каждый день околевают здесь, в парке. Ну а городские служащие подбирают тела.

Оппи кивнул:

— Я слышал об этом.

— Но тебе нужно свое место в мире, верно? Ну а это — мое. — Он наклонился и помог Оппи встать на ноги. — Боже мой! Корешок, да ты же весь — только кожа да кости. — Он поддерживал Оппи, пока тот брел несколько футов до соседней скамьи. — Вот. Так же комфортуфельно, ха-ха!

— Спасибо, — сказал Оппи и лег.

— Судя по виду, ты недолго протянешь.

— Это точно.

— Шляпа у тебя хорошая. Ты не против, если я заберу ее, когда тебя не станет?

— Пожалуйста.

— Заметано! — воскликнул бродяга, и Роберт невольно улыбнулся. — Меня звать Бен. А тебя?

Оппи ответил не сразу. Он меньше всего хотел, чтобы кто-нибудь после смерти опознал его в полиции — какой скандал случился бы! Можно было бы просто сказать «Роберт» или «Боб» и на этом успокоиться. Или — это показалось ему забавным — представиться именем Арджуны, царевича из «Бхагавад-гиты», который усомнился в нравственности великой войны, но все же поддался на убеждения Кришны в том, что конфликт неизбежен и он обязан исполнить свой долг.

Но после краткого размышления он сказал правду.

— Друзья называют меня Оппи.

Слышно было, как Бен возился, устраиваясь на своей скамейке.

— Необычное имя. Но что-то сдается мне, что ты и сам парень непростой.

— Пожалуй, что так.

О, ирония судьбы, старая подруга — решила навестить меня напоследок, да? Он отговорил Джин от самоубийства, по крайней мере, на эту ночь, а теперь сам намеревается покончить с собой. Хотя у него все не так, правда-правда. Если ее жизнь только начинается, то его все равно скоро должна была закончиться, и он устал от боли, устал от борьбы. Поскольку вернуться туда,

откуда он пришел, не было никакой возможности, сегодняшний вечер в компании Бена вроде бы прекрасно годился для того, чтобы уйти. Да, в 1967 году не будет трупа, подлежащего кремации, но на фоне тайных задач, выполняемых участниками проекта «Арбор», сокрытие этого факта будет пустяком. И он надеялся, что люди, которым придется подвести черту под его жизненным путем, исполнят волю, содержащуюся в завещании, и выбросят урну, где должны бы находиться его останки, в море, не забыв для тяжести насыпать туда песка.

У Оппи до сих пор сохранилась овальная капсула размером с горошину, которую генерал Гровз вручил ему в 1943 году. Она долгие годы находилась в запертом шкафу в Олден-Мэноре, но он взял ее с собой в свое последнее путешествие. Закоченевшим на морозе, негнущимся, как палки, пальцам потребовалась почти минута, чтобы откопать в кармане маленькую жестяную коробочку с откидной крышкой, извлечь капсулу — ее резиновая оболочка давно потрескалась и отвалилась — и протолкнуть ее сухим языком между прокуренными зубами.

Цианистый калий, то самое вещество, которым он намазал яблоко, которое оставил на столе для

Патрика Блэкетта в 1925 году — давным-давно, даже если считать отсюда, от 1944 года; еще дольше — от шестьдесят седьмого.

Яблоко. Запретное знание. Но в науке такого понятия не существует. Если что-то познаваемо, оно должно было быть узнано. И хотя технические проблемы часто оказывались очаровательными, но всего приятнее было знать, что их удалось успешно решить.

Он знал, что пришло время для последних слов.

— Доброй ночи, Бен, — сказал он, правда не очень разборчиво, потому что осторожно прижимал языком тонкостенную стеклянную ампулу к коренным зубам. — Давай надеяться на лучшее завтра — и на лучший мир.

— Приятных снов, Оппи.

Дж. Роберт Оппенгеймер с сознанием исполненного долга стиснул челюсти. Он еще раз нашел в небе зеленую планету и задержал на ней взгляд, чтобы она стала его последним зрелищем, маяком надежды и спасения перед тем, как его глаза закроются навсегда.

Благодарности

Особая благодарность покойному участнику Манхэттенского проекта, физику, нобелевскому лауреату Луису В. Альваресу, который любезно уделил мне целый день в 1983 году — эту встречу я никогда не забуду; доктору Дугу Бисону, бывшему заместителю директора лаборатории Лос-Аламосской национальной лаборатории; Алексу фон Торну, чей двоюродный дед, бригадный генерал Томас Ф. Фаррелл, был помощником руководителя Манхэттенского проекта генерала Лесли Р. Гровза; Лиз Кано, исполнившей моноспектакль Джема Роллса «Изобретатель всего сущего», впервые познакомивший меня с работами Лео Силарда и самого Джема Роллса.

Большое спасибо Шэрон Фитценри и Ричарду Диону из издательства Red Deer Press (подразделения Fitzhenry & Whiteside, Канада), Шахиду Махмуду и Лезли Робин из издательства CAEZIK SF & Fantasy (подразделения Arc Manor, США): они справились с почти невыполнимой задачей — выпустить эту книгу к семьдесят пятой годовщине зарождения атомного века. Особая

благодарность моему редактору Эдриенн Керр — было чудесно снова работать с ней. Эдриенн уже была моим редактором в Penguin Random House Canada; издательство Fitzhenry & Whiteside пригласило ее к нештатному сотрудничеству специально для редактирования этой книги; если желаете поработать с нею, обращайтесь по адресу adriennekerr.net.

Благодарю за помощь на этом пути Алише Суйе, Роя Эштона, Габора Баги, Грегори Бенфорда, Джерри Боксера, Дейва Бромана, Дэвида Де Граффа, Пэдди Форда, Марселя Ганье, Джеймса Алана Гарднера, Джеральда И. Голдлиста, Доминика Грейса, Джудит Хейман, Стива Хобана, Мэтта Кеннеда, Майкла Ленника, У. Томаса Леруа, Криса Лоттса, Дональда Маасса, Микки Миккельсона, Брайана Мори, У. Мейнарда Питтендрея, Дженсена Рокулана, Робина Роуленда, Дэрила Риботицки, Стивена У. Саффела, Мартина Л. Шумейкера, Джеймса Снайдерса, Лауру Франкос Тертледов, Винса Джерардиса, Алекса Веллерштейна, Элизабет Уэстбрук-Тренхолм, Андреаса Вольц и Джорджа Зебровски.

Бета-читателями этого романа были Робб Эйнли, Кит Баллинджер, Дениз Берубе (которая прочитала рукопись, находясь в Хиросиме!), Тед

Блини, Андре Борманис, Александар Брадарич, Стефани Брэдфилд, Уэйн Браун, Никси Берд, Джон Каруана, Джеймс Кристи, Дэвид Ливингстон Клинк, Фиона Рид Косгроув, Мелисса Л. Кокс, Ирен Датчак, Эндрю Эдмундс, Талиса Эдмундс, Шейна Фелдштейн, Хью Гэмбл, Майкл Ягер, Эндрю Циммерман Джонс, Герб Каудерер, Ваутер Лагервей, Клэр Левийоки, Джоэл Ли Либерски, Джон Линч, Майкл Мариани, Эрик Маронде, Райан Маккарти, Маргарета Мина, Андреа Митчелл, Крис Нолан, Колин Портер, Карин Портер, Лу Проспери, Наталка Рошак, Джуди Сандерс, Ларри Шенеман, Джорджина Скотт, Ли Смолин, Линн Стоуньер-Ньюман, Лу Ситсма, Горд Таллох, Кит Уорд, Брет Вибе, Стефани Уилсон и Лен Зайфман.

Впервые более чем за двадцать лет я написал роман, не заключив предварительно издательский контракт. Это удалось сделать благодаря моим подписчикам на сайте Patreon. Особое великодушие проявили Кристофер Бэйр, Кит Баллинджер, Келли Барратт, Джудит Бемис, Дженнифер Бланчард, Ронда Брэдли, Мэтт Чекката, Джеймс Кристи, Филипп Кларк, Кристин В. Коннелл, Нэнси Т. Карриден, Женевьева Дусетт, Хью Гэмбл, Гордон Гетгуд, Джеймс Кервин, Грегори Кох, Арчи Кубацки, Мэттью Ледрю, Джоэл Ли

Либерски, Джиллиан Мартин, Кэтрин Маккивер, Кристина Дон Монро, Ариох Морнингстар, Кел Н., Анна Нельсон, Крис Нолан, Эндрю Олсен, Иэн Педо, Кен Рэй, Фиона Рид, Кэрол Ричардс, Робин Шумахер, Тимоти У. Спенсер, Ралстон Шталер, Аарон Суарес, Эндрю Теннант, Дуглас Тиндал, Курт Вайнгартен, Скотт Уилсон, Джошуа Пол Вольф, Брайан Райт и Лен Зайфман. Если вы хотите присоединиться к ним и напрямую поддержать мою работу, приглашаю посетить patreon.com/robertjsawyer.

И самая большая благодарность — Кэролин Клинк, выступившей в качестве сильного ядерного взаимодействия, которое не дает всему разлететься на куски.

Библиография

При работе над этим романом для меня незаменимыми оказались три веб-сайта: **Atomic Heritage Foundation** (atomicheritage.org), **Voices of the Manhattan Project** (manhattanprojectvoices.org) и **Restricted Data: The Nuclear Secrecy Blog** (blog.nuclearsecrecy.com) Алекса Веллерстейна.

Кроме того, я использовал следующие книги:

Манхэттенский проект и атомный век

Alperovitz Gar. *The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth.* Alfred A. Knopf, New York, 1995.

Baggott Jim. *The First War of Physics: The Secret History of the Atom Bomb, 1939–1949.* Pegasus, New York, 2010.

Cimino Al. *The Manhattan Project.* Arcturus, London, 2015.

Conant Jennet. *109 East Palace: Robert Oppenheimer and the Secret City of Los Alamos.* Simon & Schuster, New York, 2005.

Coster-Mullen John. *Atom Bombs: The Top Secret Inside Story of Little Boy and Fat Man.* Self-published,

2002.

Groves Leslie R. *Now It Can Be Told: The Story of the Manhattan Project.* Harper & Row, New York, 1962.

Hersey John. *Hiroshima.* Alfred A. Knopf, New York, 1946.

Jones Vincent C. *Manhattan: The Army and the Atomic Bomb.* Center of Military History United States Army, Washington DC, 1985.

Joseloff Michael. *Chasing Heisenberg: The Race for the Atom Bomb.* Amazon Publishing, Seattle, 2018.

Jungk Robert. *Brighter Than a Thousand Suns: A Personal History of the Atomic Scientist.* Harcourt Brace, New York, 1958.

Kelly Cynthia C. *A Guide to the Manhattan Project in New Mexico.* Atomic Heritage Foundation, Washington DC, 2012.

_____. *The Manhattan Project: The Birth of the Atomic Bomb in the Words of its Creators, Eyewitnesses, and Historians.* Black Dog, New York, 2007.

Lawrence William L. *Dawn Over Zero.* Knopf, New York, 1946.

Mahaffey James. *Atomic Awakening: A New Look at the History and Future of Nuclear Power.* Pegasus, New York, 2010.

Masters Dexter, and Katharine Way, eds. *One World or None: A Report to the Public on the Full Meaning of*

the Atomic Bomb. Federation of American Scientists, Washington DC, 1946.

Nelson Craig. *The Age of Radiance: The Epic Rise and Dramatic Fall of the Atomic Era.* Scribner, New York, 2014.

Nichols Major General K. D., U.S.A. (Ret.). *The Road to Trinity: A Personal Account of How America's Nuclear Policies Were Made.* William Morrow, New York, 1987.

Norris Robert S. *Racing for the Bomb: General Leslie R. Groves, the Manhattan Project's Indispensable Man.* Steerforth Press, South Royalton VT, 2002.

O'Reilly Bill, and Martin Dugard. *Killing the Rising Sun: How America Vanquished World War II.* Henry Holt, New York, 2016.

Powers Thomas. *Heisenberg's War: The Secret History of the German Bomb.* Penguin, London, 1994.

Reed Bruce Cameron. *Atomic Bomb: The Story of the Manhattan Project.* Morgan & Claypool, San Rafael CA, 2015.

_____. *The History and Science of the Manhattan Project.* Springer, Berlin, 2014.

_____. *The Physics of the Manhattan Project, Third Edition.* Springer, Berlin, 2015.

Rhodes, Richard. *Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb.* Simon & Schuster, New York, 1995.

_____. *The Making of the Atomic Bomb.* Simon & Schuster, New York, 1986.

Serber Robert. *The Los Alamos Primer: The First Lectures on How to Build an Atomic Bomb. University of California Press,* Berkeley, California, 1992.

Sullivan Neil J. *The Prometheus Bomb: The Manhattan Project and Government in the Dark.* Potomac Books, Lincoln NE, 2016.

Teller Edward and Allen Brown. *The Legacy of Hiroshima.* Doubleday, New York, 1962.

Watson Peter. *Fallout: Conspiracy, Cover-Up, and the Deceitful Case for the Atom Bomb.* Hachette, New York, 2018.

Wyden Peter. *Day One: Before Hiroshima and After.* Simon & Schuster, New York, 1984.

Дж. Роберт Оппенгеймер

Banco Lindsey. *The Meanings of J. Robert Oppenheimer.* University of Iowa Press, Iowa City IA, 2016.

Bernstein Jeremy. *Oppenheimer: Portrait of an Enigma.* Ivan R. Dee, Chicago, 2004.

Bird Kai and Martin J. Sherwin. *American Prometheus: The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer.* Alfred A. Knopf, New York, 2005.

Carson Cathryn and David A. Hollinger. *Reappraising*

Oppenheimer: Centennial Studies and Reflections. University of California, Berkeley, California, 2005.

Cassidy David. *J. Robert Oppenheimer and the American Century.* Pi Press, Indianapolis IN, 2004.

Chevalier Haakon. *Oppenheimer: The Story of a Friendship.* George Braziller, New York, 1965.

Day Michael A. *The Hope and Vision of J. Robert Oppenheimer.* World Scientific, Hackensack NJ, 2016.

Dyson Freeman. *Dreams of Earth and Sky.* New York Review of Books, New York, 2015 (also contains essays about Richard Feynman and Wernher von Braun).

_____. *The Scientist as Rebel.* New York Review of Books, New York, 2006.

Goodchild Peter. *J. Robert Oppenheimer: Shatterer of Worlds.* Houghton Mifflin, Boston, 1981.

Hecht David K. *Storytelling and Science: Rewriting Oppenheimer in the Nuclear Age.* University of Massachusetts Press, Boston, 2015.

Kelly Cynthia C. *Oppenheimer and the Manhattan Project: Insights Into J. Robert Oppenheimer, Father of the Atomic Bomb.* World Scientific, Hackensack NJ, 2006.

Kunetka James W. *The General and the Genius.* Regnery, Washington DC, 2015 [Leslie R. Groves, J. Robert Oppenheimer].

_____. *Oppenheimer: The Years of Risk.* Prentice-

Hall, Englewood Cliffs NJ, 1982.

Mason Richard. *Oppenheimer's Choice: Reflections from Moral Philosophy.* State University of New York Press, Albany, New York, 2006.

McMillan Priscilla J. *The Ruin of J. Robert Oppenheimer and the Birth of the Modern Arms Race.* Viking, New York, 2005.

Michelmore Peter. *The Swift Years: The Robert Oppenheimer Story.* Dodd Mead, New York, 1969.

Monk Ray. *Robert Oppenheimer: A Life Inside the Center.* Random House, New York, 2012.

Oppenheimer J. Robert. *Atom and Void: Essays on Science and Community.* Princeton University Press, Princeton NJ, 1989.

_____. *The Flying Trapeze: Three Crises for Physicists.* Harper & Row, New York, 1969.

_____. *The Open Mind.* Simon & Schuster, New York, 1955.

_____. *Science and the Common Understanding.* Simon & Schuster, New York, 1953.

_____. *Uncommon Sense.* Birkhauser, Boston, 1984.

Ottaviani Jim and Janine Johnston, Steve Lieber, Vince Locke, Bernie Mireault, and Jeff Parker. *Fallout: J. Robert Oppenheimer, Leo Szilard, and the Political Science of the Atomic Bomb.* G. T. Labs, Ann Arbor MI, 2001.

Pais Abraham with Robert P. Crease. *J. Robert Oppenheimer: A Life.* Oxford University Press, New York, 2006.

Polenberg Richard, ed. *In the Matter of J. Robert Oppenheimer: The Security Clearance Hearing.* Cornell University Press, Ithaca NY, 2002.

Royal Denise. *The Story of J. Robert Oppenheimer.* St. Martin's Press, New York, 1969.

Schweber Silvan S. *Einstein and Oppenheimer: The Meaning of Genius.* Harvard University Press, Cambridge MA, 2008.

_____. *In the Shadow of the Bomb: Bethe, Oppenheimer and the Moral Responsibility of the Scientist.* Princeton University Press, Princeton NJ, 2000.

Smith Alice Kimball, and Charles Weiner, eds. *Robert Oppenheimer: Letters and Recollections.* Stanford University Press, Stanford CA, 1980.

Stern Philip M. with Harold P. Green. *The Oppenheimer Case: Security on Trial.* Harper & Row, New York, 1969.

Thorpe Charles. *Oppenheimer: The Tragic Intellect.* University of Chicago Press, Chicago, 2006.

United States Atomic Energy Commission. *In the Matter of J. Robert Oppenheimer: Transcript of Hearing Before Personnel Security Board and Texts of Principal*

Documents and Letters. MIT Press, Cambridge MA, 1954.

Wolverton Mark. *A Life in Twilight: The Final Years of J. Robert Oppenheimer.* St. Martin's Press, New York, 2008.

Вернер фон Браун

Biddle Wayne. *Dark Side of the Moon: Wernher von Braun, the Third Reich, and the Space Race.* W. W. Norton, New York, 2009.

Bower Tom. *The Paperclip Conspiracy: The Battle For the Spoils and Secrets of Nazi Germany.* Michael Joseph, London, 1987.

Goudsmit Samuel A. *Alsos.* Henry Schuman, New York, 1947.

Huzel Dieter K. *From Peenemünde to Canaveral.* Englewood Prentice-Hall, Englewood Cliffs NJ, 1962.

Jacobsen Annie. *Operation Paperclip: The Secret Intelligence Program That Brought Nazi Scientists to America.* Little Brown, New York, 2014.

Longmate Norman. *Hitler's Rockets: The Story of the V-2s.* Skyhorse, New York, 2009.

Neufeld Michael J. *Von Braun: Dreamer of Space, Engineer of War.* Alfred A. Knopf, New York, 2007.

von Braun Wernher. *The Mars Project.* University of Illinois Press, Urbana IL, 1991.

_____. *Project Mars: A Technical Tale.* Apogee, Burlington ON, 2006 [von Braun's novel, at last seeing print in English].

Прочие исторические персоны

Bodanis David. *Einstein's Greatest Mistake: A Biography.* Houghton Mifflin Harcourt, Boston, 2016.

Clark Ronald W. *Einstein: The Life and Times.* World Publishing Company, New York, 1971.

Fermi Laura. *Atoms in the Family.* University of Chicago Press, Chicago, 1954 [Enrico Fermi].

Feynman Richard P. *The Pleasure of Finding Things Out: The Best Short Works of Richard P. Feynman.* Perseus Publishing, New York, 1999.

_____. *Surely You're Joking, Mr. Feynman!* W. W. Norton, New York, 1985.

_____. *What Do You Care What Other People Think?: Further Adventures of a Curious Character.* W. W. Norton, New York, 1988.

Gleick James. *Genius: The Life and Science of Richard Feynman.* Vintage, New York, 1992.

Goodchild Peter. *Edward Teller: The Real Dr Strangelove.* Weidenfeld & Nicolson, London, 2004.

Hargittai Istvan. *Judging Edward Teller: A Closer Look at One of the Most Influential Scientists of the Twentieth Century.* Prometheus, New York, 2010.

_____. *The Martians of Science: Five Physicists Who Changed the Twentieth Century.* Oxford University Press, London, 2006 [Leo Szilard, Edward Teller, Theodore Von Karman, John von Neumann, Eugene Wigner].

Herken Gregg. *Brotherhood of the Bomb: The Tangled Lives and Loyalties of Robert Oppenheimer, Ernest Lawrence, and Edward Teller.* Henry Holt, New York, 2002.

Isaacson Walter. *Einstein: His Life and Universe.* Simon & Schuster, New York, 2007.

Krauss Lawrence M. *Quantum Man: Richard Feynman's Life in Science.* W. W. Norton, New York, 2011.

Lanouette William with Bela Silard. *Genius in the Shadows: A Biography of Leo Szilard, the Man Behind the Bomb.* Charles Scribner's Sons, New York, 1992.

Marton Kati. *The Great Escape: Nine Jews Who Fled Hitler and Changed the World.* Simon & Schuster, New York, 2006 [Leo Szilard, Edward Teller, Eugene Wigner, John von Neumann].

Orear Jay *et. al. Enrico Fermi — The Master Scientist.* The Internet-First University Press, Ithaca NY, 2004.

Pfau Richard. *No Sacrifice Too Great: The Life of Lewis L. Strauss.* University Press of Virginia, Charlottesville VA, 1984.

Rigden John S. *Rabi: Scientist and Citizen.* Harvard University Press, Cambridge MA, 1987.

Rolls Jem. *The Inventor of All Things.* One-man play about Leo Szilard performed at fringe-theater festivals worldwide since 2015.

Schwartz David N. *The Last Man Who Knew Everything: The Life and Times of Enrico Fermi, Father of the Nuclear Age.* Basic Books, New York, 2017.

Segrè Gino and Bettina Hoerlin. *The Pope of Physics: Enrico Fermi and the Birth of the Atomic Age.* Henry Holt, New York, 2016.

Smith P. D. *Doomsday Men: The Real Dr Strangelove and the Dream of the Superweapon.* Penguin, London, 2007 [Edward Teller].

Strauss Lewis L. *Men and Decisions.* Doubleday, Garden City NY, 1962 [Strauss's autobiography].

Streshinsky Shirley and Patricia Klaus. *An Atomic Love Story: The Extraordinary Women in Robert Oppenheimer's Life.* Turner, Nashville TN, 2013 [Kitty Oppenheimer, Jean Tatlock].

Teller Edward with Judith Shoolery. *Memoirs: A Twentieth-Century Journey in Science and Politics.* Perseus Publishing, Cambridge MA, 2001.

VanDeMark Brian. *Pandora's Keepers: Nine Men and the Atomic Bomb.* Back Bay Books, New York, 2009 [Hans Bethe, Niels Bohr, Arthur Holly Compton, Enrico

Fermi, Ernest Lawrence, J. Robert Oppenheimer, I. I. Rabi, Leo Szilard, Edward Teller].

Weart Spencer R. and Gertrud Weiss Szilard, eds. *Leo Szilard: His Version of the Facts.* MIT Press, Cambridge MA, 1978.

York Herbert. *The Advisors: Oppenheimer, Teller, and the Superbomb.* Stanford University Press, Stanford CA, 1976.

Институт перспективных исследований

Arntzenius Linda G. *Institute for Advanced Study: Images of America.* Arcadia, Charleston SC, 2011.

Batterson Steve. *Pursuit of Genius: Flexner, Einstein, and the Early Faculty at the Institute for Advanced Study.* AK Peters, Wellesley MA, 2006.

Dyson George. *Turing's Cathedral: The Origins of the Digital Universe.* Pantheon, New York, 2012 [John von Neumann].

Feldman Burton. *Einstein's Genius Club: The True Story of a Group of Scientists Who Changed the World.* Arcade, New York, 2011.

Flexner Abraham, with Robbert Dijkgraaf. *The Usefulness of Useless Knowledge.* Princeton University Press, Princeton NJ, 2017.

Levy Serge J-F. *A Community of Scholars: Impressions of the Institute for Advanced Study.* Princeton

University Press, Princeton NJ, 2012.

Nasar Sylvia. *A Beautiful Mind: The Life of Mathematical Genius and Nobel Laureate John Nash.* Simon & Schuster, New York, 1998.

Regis Ed. *Who Got Einstein's Office? Eccentricity and Genius at the Institute for Advanced Study.* Addison-Wesley, Reading MA, 1987.

Природа времени и пространства

Davies Paul. *How to Build a Time Machine.* Penguin, New York, 2001.

Falk Dan. *In Search of Time: Journeys Along a Curious Dimension.* McClelland & Stewart, Toronto, 2008.

Gleick James. *Time Travel: A History.* Pantheon, New York, 2016.

Gott J. Richard. *Time Travel in Einstein's Universe: The Physical Possibilities of Travel Through Time.* Houghton Mifflin, New York, 2001.

Halpern Paul. *The Quantum Labyrinth: How Richard Feynman and John Wheeler Revolutionized Time and Reality.* Basic Books, New York, 2017.

Mallett, Ronald L. with Bruce Henderson. *Time Traveler: A Scientist's Personal Mission to Make Time Travel a Reality.* Basic Books, New York, 2007.

Muller Richard A. *Now: The Physics of Time.* W. W. Norton, New York, 2016.

Oppenheimer J. Robert, and Robert Serber. On the Stability of Stellar Neutron Cores, *Physical Review,* volume 54 (1938), page 608.

Oppenheimer J. Robert, and Hartland Snyder. On Continued Gravitational Contraction, *Physical Review,* volume 56 (1939), page 455.

Oppenheimer J. Robert, and George Volkoff. On Massive Neutron Cores, *Physical Review,* volume 54 (1939), page 540.

Rovelli Carlo. *The Order of Time.* Riverhead, New York, 2018.

Smolin Lee and Roberto Mangabeira Unger. *The Singular Universe and the Reality of Time: A Proposal in Natural Philosophy.* Cambridge University Press, Cambridge UK, 2015.

Thorne Kip S. *Black Holes and Time Warps: Einstein's Outrageous Legacy.* W.W Norton, New York, 1994.

Yourgrau Palle. *A World Without Time: The Forgotten Legacy of Gödel and Einstein.* Basic Books, Cambridge MA, 2006.

Марс и проект «Орион»

Brower Kenneth. *The Starship and the Canoe.* Henry Holt, New York, 1978.

David Leonard. *Mars: Our Future on the Red Planet.* National Geographic, Washington DC, 2016.

de Vaucouleurs Gérard. *Physics of the Planet Mars: An Introduction to Areophysics* (translated by Patrick Moore). Faber and Faber, London, 1954.

Dyson George. *Project* Orion: *The Atomic Spaceship 1957–1965.* Allen Lane, London, 2002.

Godwin, Robert, ed. *Mars: The NASA Mission Reports, Volume One.* Apogee, Burlington ON, 2000 [including *Mariner IV].*

Mallove Eugene and Gregory Matloff. *The Starflight Handbook: A Pioneer's Guide to Interstellar Travel.* John Wiley & Sons, New York, 1989.

Morton Oliver. *Mapping Mars: Science, Imagination and the Birth of a World.* Picador, New York, 2002.

Sheehan William. *The Planet Mars: A History of Observation and Discovery.* University of Arizona Press, Tucson, 1996.

Zubrin Robert. *The Case for Mars: The Plan to Settle the Red Planet and Why We Must.* Simon & Schuster, New York, 1996, 2011.

Об авторе

Роберт Дж. Сойер является кавалером Ордена Канады, высшей награды, присуждаемой канадским правительством, а также Ордена Онтарио — высшей награды его родной провинции. Он также одним из первых был причислен к канадскому залу славы научной фантастики и фэнтези, стал первым в истории лауреатом премии за жизненные достижения от Совета искусств Миссиссоги и первым в истории лауреатом канадской премии «Гуманизм в искусстве».

Роб — один из восьми писателей, получивших все три высшие мировые премии за лучший научно-фантастический роман года: «Хьюго» (которую он получил в 2003 году за «Гоминидов»), «Небьюла» (которую он получил в 1996 году за «Смертельный эксперимент») и Мемориальная премия Джона У. Кэмпбелла (которую он получил в 2006 году за «Мнемоскан»).

Он также обладатель премии Роберта А. Хайнлайна, Мемориальной премии Эдварда Э. Смита и Мемориальной премии Хэла Клемента, высших наград в области научной фантастики в Китае,

Японии, Франции и Испании, а также рекордсмен по числу канадских премий в области научной фантастики и фэнтези «Аврора» — их у него шестнадцать. Кроме того, он получил премию Артура Эллиса от канадской Ассоциации авторов детективов за лучший рассказ года.

Роман Роба «Вспомни, что будет» лег в основу одноименного телесериала ABC, для которого он сам писал сценарий. Он также написал сценарий финала из двух частей для популярного веб-сериала «Звездный путь продолжается».

Последние двадцать лет писатель живет в Миссиссоге (Онтарио). Его веб-сайт и блог находятся на домене **sfwriter.com**; на Patreon и в соцсетях он фигурирует как **RobertJSawyer**.